

ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ

ЛЮК СКАЙУОКЕР
И
ТЕНИ МИНДОРА
МЭТЮ СТОВЕР

АВТОР ПОПУЛЯРНОГО РОМАНА "ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ: МЕСТЬ СИТХОВ" ОТ NEW YORK TIMES

Seckley

STAR WARS
LUKE SKYWALKER
AND
THE SHADOWS OF MINDOR
by **Matthew Stover**

ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ
ЛЮК СКАЙУОКЕР
И
ТЕНИ МИНДОРА
Автор: **Мэтью Стовер**

Перевод на русский язык: Голограмма Ханта

Корректурa и вычитка: Sightsaber

Оформление обложки: ARC delta 08

Данная работа предназначена для бесплатного распространения и не является коммерческим продуктом. Переводчик благодарит коллег с русскоязычной Википедии за помощь, а также – всех других фэн-переводчиков, когда-либо работавших над художественными произведениями по «Звёздным войнам».

События данной книги происходят через год после фильма «Возвращение джедая».

Император Палпатин и Дарт Вейдер мертвы. Империя повергнута торжествующим Альянсом повстанцев, и Новая Республика на подъёме. Но борьба с Тёмной стороной и Орденом ситхов не окончена. Люк Скайуокер, принцесса Лея, Хан Соло, Лэндо Калриссиан и их верные товарищи недолго наслаждаются победой: долг призывает их на защиту только-только освобождённой галактики.

Могущественные остатки уничтоженной Империи, жаждущие отмщения, по-прежнему сильны и занимаются пиратством, терроризмом и тотальной резнёй на планетах крепнущей Республики. Самый смертоносный из них – безжалостный легион штурмовиков в чёрных доспехах – исполняет жестокие повеления новоявленного военачальника по прозвищу «Кукловод, рождённый тенями». Нанося удары с базы, стратегически выгодно расположенной на планете Миндор, они проводят разбойные и разрушительные кампании, подрывая порядок и безопасность по всей галактике – и внушая страх перед возрождением Империи. Но возвращение власти Тьмы и галактика под каблуком ситхского деспота – этой опасности генерал Люк Скайуокер не может допустить и не допустит.

Мобилизовав лётчиков-асов из Разбойной эскадрильи – а также надёжных Чубакку, Трипио и Ар-два-Де-два – Люк, Хан и Лея отправляются на бой, чтобы сразиться с врагом прямо в его твердыне и нейтрализовать угрозу, пока не стало слишком поздно. Но эта атака только на руку их новому коварному противнику. На самом деле Кукловод – не новоиспечённый владыка-ситх, а славившийся жестокостью бывший шеф Имперской разведки и Пророк Тёмной стороны. Смерть Императора открыла Кукловоду путь к возвращению из ссылки во Внешнем Кольце, а владение древними ситхскими знаниями и современными технологиями позволило ему начать игру, ставка в которой – власть над галактикой. В тёмном пророчестве было предсказано, что лишь одно препятствие стоит на его пути, и он готов к этой схватке – более того, ждёт её с нетерпением.

Классические герои, захватывающие битвы и приключения, не имеющий равных драйв «Звездных войн» оживают в этой книге, повествующей о продолжении приключений Люка Скайуокера.

БРИФИНГ

Лорз Джептан замер перед дверью командирской каюты, пытаясь сглотнуть комок, вставший поперёк горла. Это и правда было уже слишком: из всех возможных кандидатов именно его позвали на аудиенцию к Люку Скайуокеру. К джедаю. И не просто к джедаю, а к сыну самого Энакина Скайуокера. Вот с каким человеком Джептану предстояло встретиться. Лицом к лицу!

Он расправил воротник парадного костюма, попытался хотя бы немного ослабить удушающую хватку. Поморщился, обнаружив, насколько сложной оказалась столь простая задача. Само собой, портной вновь просчитался, ведь с момента получения костюма Джептан не мог так поправиться. Или мог за... сколько там прошло? Всего три стандартных месяца? Он солидный мужчина в преклонном возрасте – восьмой десяток разменял, между прочим, – ему, пожалуй, следовало бы поумерить аппетит и остановиться на достигнутом.

Так или иначе, Джептан был не в восторге от парадной формы. Предыдущую он оставил на родине пару десятилетий назад, во времена Войн клонов, облачившись тогда в гражданскую одежду. В те далёкие дни Республиканская разведка представляла собой по большей части секретную спецслужбу, и оттого её сотрудники не нуждались в каком-либо мундире. А затем, после того, как Республиканская разведка была реорганизована в Имперскую, Джептан покинул и новое место службы, поскольку его расследование так называемого «джедайского восстания» завело в тупик. Раскрылось слишком много кое-каких фактов, которые верхушка Империи, наоборот, предпочла скрыть. И с тех пор Джептан годами был вынужден подрабатывать торговцем информацией и одновременно из кожи вон лезть, лишь бы не привлекать к себе внимания имперских властей.

В конце концов, он предложил свои услуги Альянсу повстанцев. Хотя политика мало интересовала Джептана, чьи базовые убеждения были прочно связаны с его собственной безопасностью и комфортом, со временем ему открылась потенциальная польза от будущего правительства мятежников – едва вставших на ноги, нечистоплотных на руку дилетантов, – правительства, что позволило бы Джептану прорубить свой путь к свободе. Иными словами, путь бывшего разведчика лежал к удобной завесе тени, под покровом которой тот обстрипывал бы свои приносящие доход делишки, уже не боясь бдительного чиновничьего ока.

Что придавало текущей ситуации ещё большую нелепость.

Джептан вздохнул. Ведь ничего не получается так, как нам хочется, правда? Хотя это не значит, что нельзя использовать ситуацию в свою пользу. Переведя дыхание вновь, Джептан поднёс палец к дверному звонку, однако не успел осуществить задуманное, так как дверь раскрылась сама.

– Инспектор Джептан. Пожалуйста, входите. – Голос, раздавшийся изнутри каюты, оказался намного старше и более усталым, чем ожидал посетитель.

Джептан вновь поморщился. За прошедшие два десятка с хвостиком лет он привык к галактике, не обременённой джедаями. И он совсем не был уверен, что с нетерпением ожидает их возвращения.

Глубоко вдохнув, Джептан неловко переступил порог.

– Генерал Скайуокер, – приветствовал он, небрежно склонив голову и расплываясь в приятной улыбке. Честь Джептан при этом отдавать не собирался – судебно-правовая система существовала отдельно от военной субординации. – Чем могу быть полезен?

Молодой генерал сидел на краю стола, глядя в пол и сложив руки перед собой. На нём было облегающее гражданское одеяние холодно-чёрного оттенка – весьма похоже на стиль, которым так прославился Скайуокер-старший. Джептаном овладела досада: знай он, что генерал

не станет надевать мундир перед встречей, сам бы сменил этот проклятый костюм на что-нибудь попроще и поудобнее.

Голова Скайуокера поднялась, будто её владелец почувствовал перемену настроения собеседника. А ведь мог и почувствовать, напомнил себе Джептан. Ситх бы побрал этих всеведущих джедаев.

– Инспектор Лорз Джептан, – медленно произнёс Скайуокер. – Я немного знаю о вас, инспектор. Во время Войн клонов вы были военным губернатором и шефом планетарной разведки КНС.

И без того удушающий костюм Джептана будто бы стянулся сильнее.

– Недолго. А в начале...

– Затем вы стали шпионом Республики.

– Верно...

– А следующей вашей подработкой стало отслеживание целей для охотников за головами.

– Не то, что бы именно для...

– А теперь вы – следователь судебного департамента. Тут наблюдается определённая закономерность. У вас большие задатки.

– Правда? – осторожно спросил Джептан.

– Кажется, вы довольно хорошо отыскиваете истину.

Джептан расслабился.

– О, что ж, спасибо вам за...

– И зарабатываете на этом.

– Ну... – Джептан прочистил горло и обнаружил, что ему всё равно нечего сказать.

Скайуокер поднялся со стола. Лицо молодого генерала осунулось и покрылось такими глубокими морщинами, каких сложно было ожидать от парня двадцати четырёх лет. Он выглядел так, будто не спал уже несколько суток. Движения Скайуокера казались раскоординированными, а мешки под глазами приобретали пурпурный оттенок, хотя и выглядели непримечательно по сравнению с теньями, что пролегали внутри самих глаз.

– Вот то, что я знаю о вас. А что вам известно обо мне?

Джептан сморгнул.

– Генерал?

– Бросьте, инспектор. – Речь Скайуокера выдавала ещё большее утомление, нежели его внешний вид. – Каждый что-нибудь да знает обо мне. Что известно лично вам?

– О, ну знаете, дежурные байки: Татуин, Явин, Эндор, «Звезда Смерти» номер один и номер два...

Джептан оборвал себя, осознав, что бормочет.

– Дежурное. Байки. Информация для журналистов. Проблема в том, что все эти дежурные и журналистские байки на самом деле не обо мне. Они о парне, которого все хотят во мне видеть, понимаете?

Джептан настороженно поглядел на генерала, ощутив, что готовится ступить на скользкую дорожку.

– Боюсь, – отдельно произнёс он, – что не понимаю.

Скайуокер кивнул, издав протяжённый усталый вздох.

– Это потому, что вы не знаете, как менее месяца назад я убил около пятидесяти тысяч невинных существ.

Джептан вытаращился на собеседника, затем поморгал и снова откашлялся, когда понял, о чём именно говорил молодой джедай.

– Вы имеете в виду Миндор?

Глаза Скайуокера сомкнулись, сам джедай при этом вздрогнул, словно за закрытыми веками ему предстало нечто ужасное.

– Да. Миндор. Я упомянул пятьдесят тысяч лишь потому, что не знаю точного числа погибших. Никто не знает. Записи были уничтожены вместе с системой.

– Из того, что мне доводилось слышать, ваша победа в битве при Миндоре вряд ли может рассматриваться как убийство.

– Из того, что вы *слышали*. Очередные байки.

– Ну, я слышал... кхе. – Джептан деликатно кашлянул. – Что именно вы от меня хотите?

– Вы следователь. Хочу, чтобы вы провели расследование.

– А что расследовать?

– События на Миндоре. – Лицо Скайуокера скривилось. – Мои действия.

Выглядел джедай так, будто он серьёзно пострадал. Или, скорее, серьёзно пострадало вообще *всё*.

– Ну, я, ммм... – Джептан мог придумать несколько десятков способов заработать кругленькую сумму на таком проекте. – Если не возражаете, можно узнать, каким образом тут всплыла моя персона?

Скайуокер отвёл взгляд.

– Вас порекомендовал старый друг.

– Так уж и друг? – усомнился Джептан. – А как он-то додумался до...?

– Не мой старый друг, – перебил его Скайуокер, – а ваш. Его звали Ник.

– Ник? – Джептан нахмурился. – Не припоминаю никакого...

– Он просил передать вам это.

Скайуокер протянул предмет с металлическим отблеском, изогнутый в форме крюка.

– Осторожнее, – произнёс джедай. – Острый.

Джептану стоило только дотронуться до таинственной вещи, как его разум мгновенно заполонили образы темнокожего человека с коротко подстриженными волосами, дерзкой ухмылкой и удивительными голубыми глазами.

– Ник Росту? – Джептан даже выдохнул. – Я годами не вспоминал о Нике Росту... десятилетиями. Думал, он мёртв¹.

Скайуокер пожал плечами.

– Скорее всего, так оно и есть.

– Ничего не понимаю.

Кое-что он всё-таки понимал. Понимал, что вещь, покоившаяся в ладони, могла быть найдена только на родине, откуда происходили и Джептан, и Ник.

Это был шип медной лозы.

– В любом случае, он оказался прав. – Скайуокер кивнул на предмет. – Он сказал, что вы можете *прочитывать* такие объекты. Можете, лишь прикасаясь к вещам, узнать об их владельцах.

– Маленький талант, весьма полезный для аналитика разведки, – не стал отрицать Джептан.

– Или следователя.

Бывший разведчик совершил неопределённый кивок.

– Что ещё Росту говорил обо мне?

¹ И Джептан, и Ник Росту впервые были представлены в книге «Уязвимая точка», написанной Стовером в 2003 году. Действие «Уязвимой точки» происходит за 27 лет до «Теней Миндора». (Здесь и далее — примечания переводчиков)

– Что вы порочны, корыстны и продажны. Что в вас нет ни капли порядочности, а человеческих чувств – не больше, чем у ледяной ящерицы.

На сей раз кивок Джептана выражал растерянность.

– Звучит действительно как слова Росту.

– Ещё он говорил, что у вас избыток мужества, что вы – самый умный парень, которого он когда-либо встречал, и что стоит вам что-либо начать, и вы никогда не свернёте на полпути. Вам не нравятся джедаи, и вам всё равно, кто правит галактикой, пока вам не мешают набивать карманы деньгами. Всё это делает вас именно тем человеком, который подходит для этой работы.

– Если не возражаете, что всё-таки за работа?

– Я хочу, чтобы вы завели дело. Побеседуйте с другими. Всеми, кто выжил при Миндоре. Соберите факты, доберитесь до сути, набейте доказательную базу.

– В рамках какого дела?

– Военные преступления, – мрачно изрёк Скайуокер. – Преступления против цивилизации как таковой. Невыполнение долга, дезертирство. И всё тому подобное. Всё, до чего сможете добраться.

Джептан чуть склонил голову набок.

– И кто же это? Кто тот военный преступник, кого вы жаждете обвинить?

– Мне казалось, это очевидно. – Тени Скайуокера расплылись, словно угрожали поглотить его целиком. – Тот преступник – я.

– Я займусь вашим делом, – пообещал Лорз Джептан.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Кореллианская королева» обладала поистине легендарным статусом. Величайший роскошный лайнер, когда-либо бороздивший космические просторы. Межзвёздный дворец удовольствий, навечно закрытый для всех существ галактики, кроме сверхэлитной её касты – тех, чьё богатство даже не поддавалось оценке. Ходили слухи, будто один только коктейль наименее престижного ресторана здесь стоил примерно так же, как звездолёт, а вместо блюда, заказанного в этом ресторане, можно было купить не только корабль, а заодно и космопорт, где тот остановился, и верфь, на которой он построен. Более того, нельзя было просто заплатить, чтобы оказаться на борту лайнера: обыкновенное богатство здесь играло не единственную и не решающую роль. Чтобы совершить вожаденное паломничество в страну наслаждений, вначале пришлось бы продемонстрировать своё воспитание и утончённые манеры, во избежание, скажем, слишком явной демонстрации боли, которую мог бы вызвать здоровенный счёт в баре. Всё это превращало «Кореллианскую королеву» в идеальную мишень для террористов – кого же ещё держать в страхе, как не элиту элит, сильнейших мира сего, величайших из великих?

Вот почему когда какой-то очевидно недобросовестный экспедитор из корпорации «Предел туманности» объявил в узких кругах о возможности полетать на «Кореллианской королеве», это вызвало значительный интерес от Нар-Шаддаа до Киндлабетии, поскольку именно таким и планировался маршрут роскошного лайнера.

Однако победителю подпольного аукциона было невдомёк следующее. Первый существенный факт заключался в том, что экспедитор-пройдоха на самом деле не грешил

беспринципностью и корыстью, а совсем даже наоборот, поскольку являлся опытным и весьма находчивым агентом разведслужбы Новой Республики. Второй не менее важный факт звучал примерно так: «Кореллианская королева» вообще не совершала круизов в тот сезон. Её заменил одноразовый и легко разрушаемый муляж, построенный таким образом, чтобы скрыть внутри крыло звёздных истребителей, за штурвалами которых, как это было принято в подобных операциях, восседали первоклассные пилоты. Элита иного рода. Знаменитые Проныры. Разбойная эскадрилья.

* * *

Всё началось примерно тогда же, когда Р4-Г7 издал пронзительный сигнал о приближении противника, а дисплей запестрил обозначениями сразу шестерых повисших на хвосте СИД-«Защитников», и именно тогда у лейтенанта Дерека Кливиана (также известный как Хобби и служивший Новой Республике, не так давно бывшей Альянсом-за-возрождение-свободы-в-Галактике) пробудились подозрения, что засада его командира Антиллеса, казавшаяся на словах блестящей, и близко таковой не являлась. По этому поводу Кливиан выразил однозначное мнение. Если перевести эту полную ярости ненормативную лексику на обыкновенный общегалактический, можно было сохранить в истории вот что:

– Ведж? План был идиотский. Слышишь меня? Идиотский, идиотский, идио... ооу!

Последнее было реакцией на серию оружейных попаданий, которая превратила в хлам его собственную правую верхнюю пушку, а вместе с ней – большую часть плоскости, к которой эта пушка крепилась. Истребитель ушёл в кувырок, вынудив пилота бороться с неожиданным маневром обеими руками, вцепившимися в штурвал, и обеими ногами, что при помощи педалей пытались справиться с реактивными двигателями. И у Кливиана почти получалось, когда пара «Защитников», облюбовавших хвост его истребителя, не превратилась в расширяющиеся сферы пламени и обломков. Двойная ударная волна настигла Кливиана в самый неподходящий момент, заставила его перевернуться в сторону – прямо на другое звено «Защитников», устремившихся к нему в лоб. Затем в хвост, затем снова в лоб и так далее.

Истребитель Веджа проскользнул мимо, приблизившись так близко, что Кливиан разглядел ухмылку на лице командира. Корабельный комлинк разразился треском.

– Поправка, лейтенант: «план был идиотский, сэр».

– Полагаю, ты находишь это забавным.

– Даже если он не находит, – вмешался ведомый Хобби, – я вот нахожу.

– Знаешь, Дженсон, когда мне захочется узнать твоё мнение, я просто сотру в порошок твой корабль и просканирую то, что останется.

Вслед за извращённой пляской звёзд, круживших вокруг кабины истребителя, что-то шевельнулось и в желудке, угрожая пилоту расстаться с завтраком: копчёное филе террафина просилось наружу. Безжалостно борясь с управлением, он всё же смог повернуть машину всего на волосок, что позволило навести три уцелевшие пушки на оставшихся налётчиков. Орудия выплюнули красные разряды энергии внутрь строя из четырёх «Защитников», который мгновенно треснул подобно перезрелому снэк-фрукту.

Хобби распылил лишь одного, но протонным торпедам, предусмотрительно запущенным вместе с лазерами и начинённым осколками, перепали остальные вражеские корабли. Активированные дистанционно торпеды взорвались ошеломлявшими огненными цветками, низведя «Защитников» до уровня никому не нужных тухлых яиц.

– А вот теперь я удовлетворён, – прокомментировал Квилиан, всё ещё сражаясь с искалеченным «крестокрылом», – прямо какое-то суфле из «колёсников»!

– Лучше поостерегись, Хобби, ибо продолжишь в том же духе, и кто-нибудь подумает, будто ты взаправду умеешь летать на этой штуке.

– Ты вообще там собираешься воевать, Дженсон? Или будешь отлынивать и зубоскалить, пока я не сделаю всю тяжёлую работу?

– Ещё не решил. – «Крестокрыл» Уэса Дженсона появился из ниоткуда, пронёсся мимо и совершил разворот в пределах мнимой вертикальной плоскости Хобби. – Может, подам руку. Или, скажем, пару торпед.

Два голубых светила выскочили из торпедных отсеков Дженсона и, оставляя эффектные хвосты, устремились к приближающимся СИДам.

– Э-э-э, Уэс? – Кливиана бросило в дрожь. – То ведь не осколочные торпеды были, правда?

– Разумеется, осколочные, а какие ещё?

– А ты не заметил, что у меня сейчас небольшие проблемы с маневрированием?

– Ты о чём вообще? – искренне озадачился Дженсон.

И лишь секунду спустя, обнаружив, как истребитель Хобби кувыркается прямо к приближавшимся СИДам, на которых нацелились торпеды, Дженсон выдал из себя:

– О. Ну... прости?

Особые торпеды, загруженные внутрь истребителей «Проныр», были разработаны и изготовлены исключительно для этой операции, и их единственным назначением являлось лишь одно: обезвреживать СИД-«Защитников».

СИД-«Защитники» славились как лучшие истребители Империи, способные завоевать и закрепить превосходство в космосе. Будучи быстрее и маневреннее инкомовских Т-65 – в обиходе «крестокрылов» – «Защитники» могли дать фору даже значительно улучшенным 65Б Разбойной эскадрильи. В дополнение к лазерным орудиям этой линейки СИДов шли также по две ионные пушки и пусковые установки, извергавшие из себя протонные торпеды или ударные ракеты. Добавить к этому парные дефлекторные щиты производства «Новалдекс», и машина смерти уподоблялась чуть ли не крупному кораблю. Единственным уязвимым местом элитного истребителя являлось отсутствие противоударного щита, способного противостоять мелким частицам, и лишь усиленный титановый корпус справлялся с воздействием механических объектов¹.

Каждый снаряд эскадрильи Проныр вмещал в себя тысячи мельчайших заострённых дюрастальных кусочков, которые при взрыве ложились в определённом радиусе от эпицентра. Затем сфера из смертоносной шрапнели стремительно расширялась, так как подстёгнутая детонацией начинка двигалась с приличной скоростью. Такая торпеда, выпущенная в лоб «Защитникам», удваивала шансы на поражение за счёт боевой скорости самой мишени, и снаряд мог превратить имперский корабль в очень и очень дорогую тёрку для сыра.

Четвёрка истребителей из приближавшегося звена «Защитников» буквально врезалась в осколочное облако, после чего машины попросту... разлетелись в клочья сами. Двум боковым нападавшим удалось отклониться за мгновение до подрывов торпед, следовавших друг за другом, однако спасшихся настиг другой взрыв, вызванный разрушением энергетических ядер их товарищей и приведший к детонации их собственных. Поэтому несчастный Кливиан теперь совершал кульбиты прямо к этой маленькой плазменной туманности и готовился стать

¹ Некоторым поклонникам «Звёздных войн» СИД-«Защитники» известны по играм «TIE Fighter» и «X-Wing Alliance», выпущенным в далёких уже 1990-х годах, или по книгам пост-эндорского цикла от 2000-х. Согласно справочнику «The Essential Guide to Vehicles and Vessels», каждый такой корабль стоил в пять раз больше, чем стандартный СИД-истребитель.

прожаренным стейком из банты, так как преградившее путь излучение мало чем отличалось от раскалявших камни татуинских солнц.

– У тебя не получится, Хобби, – Дженсон повысил голос. – Катапультируйся.

– Тебе бы понравилось, да? – огрызнулся Хобби, не прекращая попыток обуздать «крестокрыл». Скорость кувыркания истребителя стала замедляться. – Я справился, Уэс!

– Нет, не справился. Катапультируйся, Хобби, катапультируйся!

– Уже почти, ещё немножко! Я...

Новое сальто «крестокрыла» не дало закончить фразу. Нос корабля вошёл в зону расширявшейся сферы обломков, двигавшихся с приличной долей от скорости света, и тогда Хобби Кливиан – чемпион по сквернословию как среди людей, так и среди нечеловеческих рас, не говоря уже о случайных пошлых фразочках, подцепленных у десятков видов в сотнях звёздных систем, – не нашёл ничего лучше, как выдать «ну обалдеть можно».

Его «крестокрыл» встал на корму, и хотя пилот выжимал из досветовых двигателей всё возможное, Хобби уже давно был научен горьким опытом, что из всех «Проныр» именно ему не следовало полагаться на удачу. Рука сама собой потянулась к запуску катапульты.

Стоило нащупать нужный механизм, как и без того многострадальный корабль затрясся, сопровождаемый жутким лязгом, как будто голова Кливиана выступала в роли вукийского обеденного гонга, что призывал на ужин. Воображаемый повар-вуки, наверное, тоже изнывал от голода, поскольку лязг всё нарастал и нарастал, побуждая пилота теряться в догадках, что же являлось источником этих странных звуков и почему не срабатывала катапульта. Вскоре тайна была раскрыта: в откидном колпаке кабины образовалась дыра размером с кулак, через которую со свистом стала улетучиваться искусственная атмосфера. Причиной образования неровного отверстия был обломок, пробивший брюхо истребителя (между прочим, состоявшее из титанового сплава), что замедлило миниатюрный снаряд. И всё же обломок на своём пути не только проделал брешь в кабине, но также раскурочил приборную панель заодно с механизмом катапульты. А заодно – и левую руку Хобби.

Кливиан скосил взгляд к осиротевшей конечности, испытывая скорее раздражение, нежели шок или панику. Вместо крови с прижжённой плотью Хобби увидел лишь искры и дым, вырывававшиеся из-за перегретых сервомоторов. С самого Явина у него не было настоящей левой руки¹.

Больше всего его беспокоил свист приказавшей долго жить атмосферы, так как выяснилось, что исходит звук от азотно-кислородного генератора, которым оснащался скафандр пилота.

«А вот это уже погано», – подумал он. После всего пережитого во время Галактической гражданской войны причиной его смерти станет мелкая неисправность оборудования. Мелькнувшая мысль получила поправку: «Это вконец погано».

Хобби не удосужился высказать её вслух, потому что воздуха в кабине уже не хватало на то, чтобы передавать звуки.

Не придумав более полезного назначения покалеченной левой руке, он воткнул конечность прямо внутрь пробоины колпака. Автоматическая герметизация скафандра заделала дыру, окончательно «воссоединив» пилота с его истребителем, но азотно-кислородный генератор, похоже, продолжал беситься, вследствие чего обитатель обречённой машины уже начал ощущать спиной что-то вроде неэкранированного термоядерного сердечника.

Вон оно что, подумалось ему. Ещё одна дыра.

¹ Дерек Квилиан потерял левую руку во время бунта на имперском корабле «Кромка эклиптики», когда служил там вторым помощником. Первым помощником, к слову, являлся Биггс Дарклайтер, о чём последний рассказывал в вырезанной сцене «Новой надежды». Сам бунт произошёл незадолго до битвы при Явине; подробности – в арке комиксов «Империя: Дарклайтер», переведённой на русский язык.

Сжав оставшейся ладонью ремень безопасности кабины, Хобби скрючился в три погибели, умудрился извернуться и вытянуть левую ногу так, чтобы носком ботинка прощупать пространство под собой. Другая брешь была найдена, и возраставшее давление выдавило весь ботинок сквозь брешь в брюхе истребителя, прежде чем автоматическая герметизация справилась и с этой проблемой. Хобби почувствовал удар-другой снаружи, но не мог точно сказать, оторвана его нога или нет.

С настоящей левой ногой он уже попрощался несколько лет назад.

Запечатанная кабина реанимировала азотно-кислородный блок, который, успокоившись, принялся заполнять пространство пригодной для дыхания атмосферой, хотя и немного вонявшей опалёнными волосами. С другой стороны, это пережить он мог. Единственная его проблема отныне заключалась в том, что пилот намертво застрял в чрезвычайно неудобной позе, – настолько неудобно, что не представлялось возможным даже повернуть голову и посмотреть, куда же его всё-таки сносит.

– Ар-четыре, – вполголоса произнёс он, – ты можешь, пожалуйста, вернуть нас на ПТВ?

На просьбу о навигации к первичной точке встречи последовала серия периодических хаотичных потоков искр и энергетических разрядов – всё, что осталось от астромеханика, насколько Хобби мог разглядеть со своего текущего положения. Как выяснилось, дроид-помощник уменьшился вдвое.

Он вздохнул и открыл канал связи.

– Ладно, у меня сбой катапультирования и астромех вышел из строя. Да и сам повреждён. Жду буксирной эвакуации.

– Мы немного заняты, Хобби. Займёмся тобой, когда распотрошим СИДы.

– Да не торопитесь. Куда я теперь денусь? Разве что куда-нибудь в сторону. Медленно. Не спеша.

Остаток битвы Кливиан провёл в надежде на небольшую помощь Силы, пока Ведж не соизволит отрядить помощь. Пожалуйста, – беззвучно молился Хобби, – пожалуйста, пусть придёт Тайко. Или Нрин, или Стендро¹. Кто угодно, только не Дженсон.

Продолжительная мольба переросла в медитацию, вроде той, о которой как-то поведал Люк: нужно просто закрыть глаза и представить себе, допустим, Веджа, который появляется из ниоткуда и буксирует подбитый «крестокрыл» обратно к точке прыжка. Некоторое время спустя Хобби осознал, что образ как-то не внушал доверия – раз уж ему настолько не везло – и принялся мысленно перебирать других «Проныр». Когда и они порядком поднадоели, Квилиан решил: пусть придёт сам Люк. Или Лея. Или, скажем, Винсса Старфлёр, которой всегда удавалось сиять словно *настоящая звезда*, с её-то образом сильной-независимой-барышни-в-беде, известной по тем довоенным имперским голофильмам². Если уж Квилиан мог вообразить себе что-то невообразимое, почему бы заодно и не поразвлечься, пусть и в своих фантазиях?

Занятие оказалось настолько интересным, что он окончательно покинул битву и с улыбкой на лице перешёл в состояние блаженного полусна.

Улыбка длилась вплоть до того момента, когда в веки ударила яркая вспышка, заставившая мгновенно очнуться. Хобби успел мрачно подумать, что рядом возник очередной взрыв, который теперь окончательно поглотит его истребитель. Но затем последовала ещё одна вспышка, и ещё одна, после чего, мучительно изловчившись, он увидел, как всего в нескольких метрах весело

¹ Тайко Селчу (Тикхо Сельчу в другом переводе) – альдераанец и заместитель Веджа, более известный по книгам Майкла Стэкпола «X-wing», действие которых происходит сразу после «Теней Миндора». Кворрен Нрин Вакил (в оригинале был ошибочный «Nin») и родианец Стендро Джсир появляются в одноимённых комиксах Стэкпола, сюжетно идущих перед «Тенями». И книги, и комиксы переведены на русский язык.

² О том, кому из Проныр голозвезда Винсса Старфлёр приходится тайной родственницей, рассказано во всё тех же комиксах «X-wing».

курсировал истребитель Уэса Дженсона. А ещё Хобби разглядел ручную голокамеру, которую Дженсон прижал объективом к колпаку кабины, продолжая нащёлкивать снимок за снимком.

Хобби вновь закрыл глаза. Лучше бы его настиг взрыв.

– Всего-то и нужно было сделать пару снимков. – Ухмылка Дженсона походила скорее на оскал. – Ты похож на странную помесь лётчика и батравианского хлюпальщика.

Хобби только и оставалось устало покачать головой. Он давно смирился с жалкими остротами, которыми так и сыпал напарник, но всякий раз это утомляло.

– Уэс, я даже не знаю, о чём ты.

– Конечно, знаешь, Хобби. Лётчик истребителя – тот, кто летает на «крестокрыле», ухитряясь не взорваться. Загляни в словарь общегалактического. Хотя, насколько я понимаю, ты там запутаешься.

– Нет, я имею в виду... – Хобби закусил губу так сильно, что ощутил вкус крови. – Знаешь что, Уэс?

– Да, приятель?

– Я сегодня уже говорил, как сильно тебя ненавижу?

– О, конечно, по губам читается именно так, но твои глаза говорят...

– «Что однажды я придушу тебя во сне?»

Дженсон усмехнулся.

– Ну вроде того.

– Всё уже закончилось, да?

– Почти. Большинство импов сбежали.

– А скольких потеряли мы?

– Всего-навсего Проныру-восемь и Одиннадцатого, но Эван с Фейлис¹ успели катапультироваться. Ничего серьёзного, пара недель в бакта-камере, и будут как новенькие. А, ну да, ещё ведь мой ведомый, ну тот, который батравианский хлюпальщик...

– Тупица, это ты – мой ведомый. Или, точнее, «моя гематома». – Хобби вновь вздохнул. – В любом случае, думаю, Ведж вне себя от счастья. Всё идёт в соответствии с планом.

– *Ненавижу*, когда ты так говоришь.

– Да? С чего вдруг?

– Не знаю. Просто... у меня мурашки по коже. Ну-ка давай подцепим тебя буксирным тросом, а ты пока поспи, круиз до ПТВ предстоит долгий.

– Вполне устраивает, – отозвался Хобби, в очередной раз сомкнув глаза. – Мне тут один сон хочется досмотреть...

* * *

– Неплохо сработано, Ведж. – Генерал Лэндо Калриссиан, курировавший отдел спецопераций Новой Республики, одобрительно кивнул голограмме Веджа Антиллеса, повисшей над консолью и мерцавшей голубоватым светом. – Потерь нет?

¹ Эван Берусс и Фейлис Ардель – очередные персонажи комиксов «X-wing». Взаимоотношения этих двоих там выделена побочная сюжетная линия.

– Ничего серьёзного, генерал. Хобби, то есть лейтенанту Кливиану, понадобится новая левая рука...

Лэндо улыбнулся.

– Это уже которая в общей сложности?

– Я со счёта сбился. Как продвигается дело с вашей стороны?

– Есть хорошая новость и есть похуже, – Лэндо вывел на экран доклад об отслеживании. – Похоже, наши налётчики пришли из системы Таспан.

Блестящий план Веджа полностью оправдал надежды. Стандартные методы обнаружения скрытой базы налётчиков – подвергнуть захваченного пилота-другого нейронному зондированию – оказались намного сложнее, чем кто-либо мог ожидать. Таинственный Кукловод-Рождённый-Тенями, также известный как Отродье теней или Владыка теней, похоже, приложил все усилия для сохранности своих тайн, в результате чего ни один из его налётчиков не был взят живым, хотя за два месяца те провели дюжины рейдов, многие из которых проводились в сердце республиканской территории и унесли сотни тысяч жизней гражданских.

Здесь крылось нечто большее, чем просто нежелание сдаваться, однако, налётчики в моменты непосредственной угрозы демонстрировали жутковатую склонность реветь что-то вроде «За Владыку теней и за Империю! Вперёд марш, к возрождению!», что завершалось самоликвидацией. Инженеры-криминалисты, ознакомившиеся с обломками уничтоженных СИД-«Защитников», выдвинули предположение о некоей неизвестной системе, прозванной «смертоносным выключателем», что подрывал корабль вместе с пилотом, даже если тот попросту терял сознание.

Наиважнейшая и наилучшая часть плана Веджа заключалась в изготовленных на заказ осколочных торпедах, где среди металлической шрапнели притаились сотни тысяч мельчайших долговременных маячков-ретрансляторов, которые при взрыве облепляли корпуса уцелевших налётчиков – тех, кому, само собой, позволяли покинуть битву. В отличие от других приборов слежения, эти передатчики не испускали собственных постоянных сигналов, поэтому не требовали питания и становились практически не обнаружимыми. Щедро усеивая бронепластины вражеских кораблей, устройства так и оставались полностью неактивными до тех пор, пока не приводились в действие специфическим подпространственным сигналом, на который отзывались таким же уникальным образом. И поскольку счастливыми обладателями этих единственных в своём роде ретрансляторов являлись пилоты Разбойной эскадрильи, странствовавшие вдоль Кореллианского гиперпути от одного места засады до другого и охотившиеся на конкретного противника, установить звёздную систему, куда сбежали накормленные маячками СИД-«Защитники», было совсем уж плёвым делом.

Голограмма Веджа приняла озадаченный вид.

– Таспан. Звучит знакомо, но не могу сообразить, где именно...

– Внутреннее Кольцо, неподалёку от Хайдианского пути.

– А, так вот что за «новость похуже».

– Верно. Напрямую не пробраться никак, да и большая часть обходов лежит через системы, всё ещё удерживаемые имперцами.

– Наводит на размышления об одной из старых планетоубийц Палпатина.

– Почти угадал. – Прозвучало совсем не как шутка, потому что улыбка исчезла с лица Лэндо. – Империя развернула на Таспане II оружейный комплекс и тестировала там различные версии гравитационных проекторов...

– Вспомнил! – голографическая фигура щёлкнула пальцами, хотя звук щелчка поглотил шумоподавитель. – Большой размол!

Лэндо кивнул.

– Большой размол.

– Поговаривают, что от Таспана не осталось ничего, кроме астероидного поля наподобие Кладбища Альдераана.

– Кроме астероидов, осталась ещё одна планета, Таспан I, курортный мирок, который нарекли Миндором. Не слишком известный, но очень красивый. Когда я был ребёнком, у моих родителей там был летний домик.

– А есть успехи в отношении этого Отродья теней?

– Пока удалось лишь установить, что ни один имперский чиновник не пользовался таким прозвищем. Очевидно, придумка изобретательной личности.

– Вдобавок, должно быть, полнейшего маразматика, – съязвил Проныра-лидер.

– Сомневаюсь. Базу он себе подыскал не случайно: то, что сохранилось после Большого размола, ещё не вышло на стабильные орбиты.

– Кладбище Альдераана¹, как оно есть.

– Хуже, Ведж. Намного хуже.

Шумоподаватель голопроектора скрыл тот короткий свист, который издал Ведж.

– Звучит прескверно. Как нам предстоит туда добраться?

– Тебе не предстоит. – Лэндо глубоко вздохнул, прежде чем продолжить. – Это именно та ситуация, для которой мы разработали Оперативную группу быстрого реагирования.

Образ Веджа медленно и понимающе кивнул.

– Значит, ответим им нашей Большой дубиной. Занесём и устроим им ад, хорошенько приложив.

– Лучшего шанса у нас не будет.

– Пожалуй, вы правы, как всегда. Обидно только, что меня самого там не будет.

– Не сомневаюсь. Но проблема приобрела иную форму, а оперативная группа – в очень надёжных руках.

– Вернее и не скажешь. – Проныра-лидер вдруг ухмыльнулся. – Кстати, об этих надёжных руках: передайте от меня привет генералу Скайуокеру, договорились?

– Передам, Ведж. Обязательно передам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Командный пункт «Правосудия» заполняло голоизображение системы Таспан, прозрачные частицы которой озаряли всё помещение призрачным синим светом, медленно кружась и вращаясь, сливаясь и разводясь в стороны, проходя друг сквозь друга. В центре рубки висел тёмный диск толщиной с большой палец человека, представлявший собой астероидное поле и остатки погибшего Таспана. Ярко подсвеченная планета Миндор парила чуть в стороне, располагаясь примерно в метре перед носом командующего крейсером. Генерал почти не замечал раскинувшейся картины. Практически всем его вниманием завладел тот мрачный факт, что каждый присутствовавший здесь был старше него самого как минимум на добрый десяток лет.

¹ Кладбище – астероидное поле, образовавшееся после гибели Альдераана. Выжившие альдераанцы совершали ритуальное паломничество к останкам родины и оставляли среди астероидов мемориальные капсулы с дарами для своих погибших родных.

Вышеуказанный командующий лишь на днях получил своё высокое звание, став заодно самым молодым генералом в Объединённых силах обороны Новой Республики, широко известных как СОНР. Вот только он не слишком походил ни на генерала, ни даже на солдата. В свои двадцать четыре стандартных года командующий выглядел ещё моложе благодаря гладким чертам лица. Волосы песочного оттенка изобиловали белокурыми прядями – подарок, оставленный излучением десятков различных солнц – и всё ещё были взлохмачены будто в знак протеста против строгой армейской стрижки. Вместо генеральской полевой униформы на нём плотно сидел простой лётный комбинезон, ярко свидетельствующий о недавней карьере лётчика-истребителя. Генеральское звание выдавала только пластина знаков различия, устроившаяся на груди, да едва заметная холодная решимость в глазах демонстрировала цену, которую их обладатель заплатил, чтобы заслужить такое звание.

Столь неординарный внешний вид дополнялся соответствующим оружием на поясе. Вместо офицерского бластера, напрашивавшегося самим собой, там покоилось нечто такое, чем не пользовался ни один генерал со времён Войн клонов.

Световой меч.

К слову о Войнах клонов. В ту ушедшую эпоху, когда командующий ещё даже не родился, трое из его двенадцати нынешних капитанов-подчинённых уже командовали кораблями, и ещё у пятерых имелись собственные подчинённые до знаменитой битвы при Явине. Среди них выделялся адмирал Кэлбак, далёкий родственник самого Акбара и комфлота, которому стукнул шестой десяток. И это не говоря уже о Т'Чттрк из инсектоидной расы т'ккрпков: она даже не знала своего возраста, поскольку её народ всего столетие назад стал учитывать общегалактический календарь¹, а ведь достигшая зрелости Т'Чттрк тогда выступала в качестве потомственного офицера, защищавшего родную планету.

Обычно новоиспечённого генерала совсем не смущала собственная молодость. Он даже не замечал разницы в возрасте. Сейчас его беспокоило поведение всех этих матёрых, заслуженных ветеранов – лучших тактических специалистов, которыми могла похвастаться Новая Республика и которые чуть ли не заглядывали ему в рот, испытывая такой благоговейный трепет перед мудростью командующего, что ни разу не подвергали сомнению его действия.

Только потому, что он назвался джедаем, все эти ветераны полагали, будто их странноватый командующий в конечном счёте знал, что делал.

Если бы это было так...

Ведь прямо сейчас что он точно знал, так это то, что не следовало позволять Хану вовлекать себя в самую пучину происходящего.

* * *

– Люк, Люк, – протянул тогда Хан, обхватывая Скайуокера за плечи и искренне полагая, будто тот не замечает его хитрой усмешки, – в этих генеральских делах нет ничего особого. Если уж я с ними справился, тебе и подавно удастся.

– Раз уж это так легко, почему ты ушёл в отставку?

– Есть дела поважнее, дружище. – Хан красноречиво скосил глаза в сторону Леи. – Принцесса страсть как важна Новой Республике, но почему-то не настолько, чтобы целый генерал везде охранял и возил её.

¹ Согласно этому ДДГ-календарю, стандартный год занимал 368 дней.

– «Охранял». – Лея фыркнула. – Если ты – мой телохранитель, почему именно мне приходится всё время тебя спасать?

– Очередное доказательство твоих чувств ко мне. – Хан подарил принцессе широкую улыбку и вновь повернулся к Люку. – Серьёзно, Люк, тебе это по плечу. Умом ты запросто сравнишься... эм... почти сравнишься со мной, а вот Лэндо до тебя ещё далеко. Нужно просто держать язык за зубами и прислушиваться к офицерам. Не позволяй им грызться между собой и прикидывайся мудрецом, который всегда найдёт выход. Ну просто же. Чуи, скажи ему.

Чубакка даже глаз не открыл, удобно расположившись на диване у игрового устройства и закинув локти под голову.

– Арувроур. Регаррр, – только и сказал он.

– О, подсобил так подсобил. Люк, не обращай внимания, он просто ненавидит вояк-командиров.

– Вот и мне не очень нравится сама мысль войти в их ряды.

Предложение стать генералом свалилось как снег на голову и до сих пор не вызывало радости. Спустя пару месяцев после разгрома сси-руук¹ Люк отправился к верховному главнокомандующему Акбару и попросил отстранения от должности командира эскадрильей. Своё решение, зревшее давно, Люк объяснил начальству так: Новая Республика выгадает гораздо больше пользы от Скайуокера-джедая, чем от Скайуокера, возглавлявшего крыло истребителей. Акбар, будучи опытным практичным воякой, выдвинул встречное предложение, согласно которому Люк взял бы на себя руководство Оперативной группой быстрого реагирования – боевым мобильным подразделением размером с флотилию, способным в кратчайший срок переместиться в любую точку галактики и навести порядок силовым путём.

– Если вы, юный Скайуокер, и правда хотите послужить Новой Республике, это работа вам подойдёт. Подозреваю, ваша джедайская проницательность станет хорошим подспорьем для тактического руководства, чем для медитации и размышлений о Великой Силе².

Такое заявление Люку нечем было крыть, и единственное, что он попросил взамен – немного времени на обдумывание. Очутившись перед лицом карьерного взлёта, способного изменить всю его жизнь, Люк укрылся в единственном месте, который мог бы назвать домом, среди единственных людей, в компании которых до сих пор мог бы побыть самим собой.

И вот теперь, внутри пассажирского отсека «Тысячелетнего сокола», он пытался излить душу Лее, Хану и Чубакке.

– Всё не так просто, – говорил Люк, – почти уверен, что просто уже никогда не будет. Знаете, какие голотриллеры обо мне там наснимали? Между прочим, даже близко не документальные хроники о штурме «Звезды Смерти», а сплошные выдумки!

– Ага, уже посмотрел. – Хан ухмыльнулся и, повозившись под стойкой для дежарика, вытащил на игровой стол голографический проигрыватель. – Купил пару месяцев назад. Помогает скрасить время, пока Лея возится с переговорами или делает причёску.

– Больше никаких шуточек о волосах, Соло, – предупредила Лея. – Я серьёзно.

Тем временем Люк взял проигрыватель и переключил изображение на заглавное. «Люк Скайуокер и драконы Татуина».

¹ Сси-руук – разумные рептилии, которые сразу после битвы при Эндоре осуществили вторжение из Незведанных Регионов. Можно сказать, Люк уже тогда засомневался в себе, как в полевом командире. Эти события представлены в романе «Перемирие на Бакуре», написанном Кэти Тайерс и переведённом на русский язык.

² Согласно комиксу «Star Wars 92», выпущенному «Marvel» ещё в 1980-х, после Эндора Люк всё-таки получил группу новобранцев, чтобы по заданию адмирала Акбара обучить их Силе и боевому её применению. Но в итоге Скайуокер отказался. Комикс, как и все классические выпуски «Marvel», переведён на русский язык. Однако их события плохо сочетаются с поздней РВ-продукцией, выходящей после 1980-х. Предполагается, что постэндорский цикл комиксов «Marvel» того времени сюжетно занимает место между романами «Перемирие на Бакуре» и «Тени Миндора».

– То есть ты правда смотришь эту дурь? – Люк покачал головой, после чего устройство было брошено в Хана полным отвращения жестом. Тот, однако, ловко поймал проигрыватель. – Вот об этом я и говорю. Бредятина.

– Так значит, на Татуине не водятся драконы?

– Водятся, конечно, – подтвердил Люк. – Только это крайт-драконы. Такие опасные чудища, а уж если наткнутся на тебя одного... нет, но вы посмотрите на картинку! Мало того, что я никогда не бился со световым мечом против крайтов – особенно верхом на банте! – могу ещё заверить, что крайт-драконы не плюются огнём!

– Да будет тебе, Люк, расслабься. – Тепло улыбавшийся Хан взвесил в руке проигрыватель. – Их же для детишек делают, понимаешь? И вообще должен тебе сказать, что некоторые удались на славу.

– Особенно фильмы о тебе, – проворчала Лея, нахмурившись.

Люк даже глаза вытаращил.

– Ты что, издеваешься?

Хан пожал плечами, слегка покраснев – только слегка, так как по природе своей не знал, что такое смущение.

– Вообще, знаешь, ты не единственный герой Республики.

– Хан...

– Лучше спроси, сколько ему платят, – посоветовала Лея.

– Тебе ещё и платят?

– Слушай, я ведь не джедай. – Хан поднял руки перед собой, как бы защищаясь от очередного снаряда. – Я... э-э... подписал контракт с парочкой продюсеров голошоу. Ещё тогда, после Явина. Ну, ты понимаешь.

– Правда?

– Если действительно понимаешь, – произнесла Лея, – может, объяснишь и мне?

– Это всё Лэндо со своими идеями. – Хан перешёл в оборону. – Ладно, слушайте, сначала я подписал контракт, и только потом до меня дошло, как это выглядит со стороны. Бредятина и есть, но, с другой стороны, всё не так уж и плохо. «Хан Соло и пираты Кесселя», «Хан Соло в логове космических слизней»...

– Вот именно, что не так уж и плохо, – стиснул зубы Люк. – А ты видел этот «шедевр» под названием «Люк Скайуокер и месть джедая»?

Хан ответил взглядом, полным сомнений.

– А я-то думал, что месть – это не про джедаев.

– Не про них... то есть, я хотел сказать, не про нас. Сам не знаю, что говорю. Они сняли так, будто я умертвил собственного отца, чтобы отомстить ему за убийство Палпатина! Какая же это... ересь.

– Не воспринимай всерьёз, Люк. Подумаешь, сценаристы добавили отсебятины. Ну что тут такого? Немного «пиу-пиу» – и ты уже крутой парень, понимаешь?

– Не таким бы я хотел выглядеть.

– Народ требует кумиров, и все эти истории демонстрируют, что быть героем означает быть кумиром для многих.

– А мне казалось, быть героем означает совершать что-нибудь героическое.

– Ну, ты меня понял.

– Угу, понял. В этом и заключается ещё одна проблема. Все за мной наблюдают. Как будто смотрят и пытаются решить, что для меня лучше. Кем мне быть, кем стать. Смотрят, и ещё пытаются заработать на этом.

Хан развёл руками.

– Добро пожаловать в галактику, приятель.

– Может, доля правды тут и есть, – задумался Люк, – но мне необязательно её принимать. Может, генеральские лычки неспроста кажутся мне чем-то неправильным. Я как будто иду напролом. Как будто сам подкинул идею Акбару, лишь бы действительно соответствовать придуманному образу легенды. Лишь бы прыгнуть выше головы.

– Ты и так легенда, которая прыгает выше многих голов, Люк. Вот что я пытаюсь втолковать.

– Быть генералом... посылать других туда, где им придётся отнимать чужую жизнь или лишиться своей собственной... – Скайуокер вновь покачал головой. – Когда ты отвечаешь за кого-то, от игры в героя пострададут многие.

– А кто играет-то?

– Люк, эта должность сулит большие возможности, – вмешалась Лея, – и не только для тебя. Великая Сила – не единственная сила в природе, и есть намного более эффективные способы помогать другим, чем делать выпады световым мечом. Например, как джедай, ты можешь время от времени спасать принцесс или что-нибудь в этом духе, но как генерал, ты можешь спасти тысячи жизней. Миллионы. Ты нужен Силам обороны, Люк.

– Переспорить тебя невозможно, Лея. Я ничего не смыслю в политике, в агрошколе Анкорхеда¹ не было таких занятий. Но теперь я джедай. Джедай. Стать ещё и генералом... нехорошо это.

– А вот когда я проходил свою школу, – заговорил Хан, явно погружаясь в прошлое, – ну, когда был мелким пацаном и всё такое, работал на Шрайка², занимался более насущными вопросами, чем за новостями следил, если понимаешь, о чём я... так вот, кажется, я всё-таки ещё с тех времён, известных как Войны клонов, припоминаю: твой друг Кеноби сам был генералом.

– Знаю. Но он почти не говорил об этом.

– Он всегда отличался скромностью, – поведала, в свою очередь, Лея. – Оби-Ван фигурировал во многих историях, которые рассказывал отец... то есть, приёмный отец. Вот кто и правда был великим героем Республики. И вот почему, когда меня раскрыли, я обратилась за помощью именно к нему.

Люк продолжал мотать головой.

– Просто не так я представлял себе остаток жизни.

– Тебя волнует только это? – удивился Хан. – Люк, брось, никто не заканчивает так, как представлял.

– Так уж и никто? – возразил Люк. – На ум приходит один парень, который заполучил корабль, ушёл в отставку, почти всегда делает всё, что пожелает, – в основном, просто рассекает по галактике бок о бок со вторым пилотом, «спасает принцесс или что-нибудь в этом духе», – а подчиняется одному человеку – самому себе...

– Одному? Шутишь, что ли? – Хан изумился до глубины души. – Люк, а ты вообще знаком со своей сестрой? Люк Скайуокер с Татуина, позволь представить тебе принцессу Лею Органу с А... а-а-а!

– С Планеты острых локтей, – закончила Лея, ткнув вышеозначенной частью тела прямо в рёбра шутнику.

¹ Анкорхед – одно из поселений на Татуине, где Люк проводил с друзьями почти всё свободное время. Впервые Анкорхед должен был появиться ещё в «Новой надежде», но впоследствии сцена была вырезана. Поселение более известно по ЗВ-видеоиграм, в частности, по двум MMORPG: «Galaxies» и «The Old Republic».

² О приключениях юного Хана и о его непростых отношениях со Шрайком рассказано в романе «Хан Соло и все ловушки рая», написанном Энн Криспин и локализованным на русский даже не одним, а тремя издательствами. В разное время, конечно.

– Ладно-ладно, мир, а? – теперь Хан, потирая бок, был сама оскорблённость. – Если серьёзно, Люк, задумайся хорошенько. Проживи мы свои жизни в точности так, как представляли в детстве, мы всё равно бы совершили тот рывок у Явина.

– Да не может быть.

– Может. Только летели бы на СИД-истребителях. Плечом к плечу с Вейдером.

Люк отвёл взгляд.

– Иногда, если что-то идёт не по плану, – продолжал Хан, – это надо принимать как подарок судьбы. А дальше – плыть по новому течению, понимаешь? В смысле, доверять течению Силы, верно? Дала бы она такой шанс, если им не нужно воспользоваться?

– Я не знаю, – признался Люк.

– Почему бы не спросить всё того же Кеноби, когда он в следующий раз обернётся привидением?

– Он не привидение...

– Без разницы. Лишь бы ты понимал.

Люк вздохнул, кивнув.

– Он... больше не приходит. Уже несколько недель как его не видел. Он как будто отдаляется. И уже далеко-далеко, никак не наладишь контакт.

– А, возможно, и это имеет значение, – сказала Лея. Люк внимательно посмотрел на сестру, и та продолжила мысль, расправив плечи. – Я ещё меньше смыслю в делах джедаев, чем ты – в политике... но никогда не задумывался над тем, что нерешительность сама по себе подталкивает тебя к неверному пути? Ведь обычно ты, вроде как, просто... видишь самую суть?

– Да, – тихо ответил Люк. – Обычно так и есть.

В памяти всплыло изречение Йоды, настолько яркое, что он почти физически ощутил наставника. *Если вдруг обнаружил себя вдали от Силы ты, уверен можешь быть, что это не Сила покинула тебя.*

– Полагаю, – неохотно протянул Люк, – сделать карьеру ещё не поздно...

Размашистая ухмылка расплылась по всему лицу Хана.

– Так ты в деле?

– Вроде бы да, – кивнул Люк.

Рука Хана опустилась на плечо джедая.

– Вот спасибо, дружище! Ты просто супер!

– За что спасибо?

Ответом ему была всё та же ухмылка.

– Акбар пригрозил, что если не получится тебя уломать, на замену придётся встать мне самому. А «Хан Соло и оперативная группа быстрого реагирования» совсем не звучит, понимаешь?

* * *

– Вот радиус действия притяжения Миндора.

Коммандер Тавиш, разведчик-аналитик оперативной группы, по возрасту находился на втором месте впереди Люка, да и то опережал Хана на целых пять лет.

– Если наложить сферу, – модель Миндора вспыхнула, увеличившись до шарообразного объекта размером с дециметр, – наши «двойные семёрки» встанут сюда.

Возникшие вокруг планеты три новые точки образовали равносторонний треугольник, почти параллельный плоскости эклиптики, то есть – диску звёздной системы Таспан. Выше и ниже появились ещё по одной точке. Каждый из доброго полдесятка «двойных семёрок» представлял собой крейсер-заградитель КК-7700/Е, и каждый обладал возможностью сгенерировать искусственный гравитационный колодец, превышавший планетарный размер в сотни раз. Согласно включённой Тавишем проекции, несколько раскинувшихся и оттого перекрывших друг друга сфер заняли пять световых минут космического пространства, что означало приблизительно девяносто миллионов километров – заградительная зона, где гипердвигатели попросту не заработают.

– Хотя «двойные семёрки» серии Е получили модифицированные средства защиты, для огневого прикрытия им потребуется ещё по полной эскадрилье, так как у нас просто ничтожные данные о силах противника. Этих СИД-«Защитников» там может быть как десятки, так и тысячи – даже десять тысяч незарегистрированных «Защитников», как утверждают записи, перехваченные во время Спиранской операции. И, конечно, нельзя сказать наверняка, что там, посреди имперской территории, нигде не развёрнуто каких-либо производственных объектов. Не говоря уже о том, что в нужной системе нас могут встретить перехватчики или другие истребители, не летающие на сверхсветовой.

Капитан Трент, командовавший «Регулятором», наклонился поближе.

– А крупные корабли?

– Войска Отродья теней никогда не задействовали крупных кораблей.

– Что не указывает на их однозначное отсутствие.

– Да, сэр. Но многое пока указывает в первую очередь на истребители. Вот только невозможно угадать точное количество.

Т'Чттрк что-то спросила на своём языке. Её протокольный дроид Д-П4М слегка мотнул сиявшей вольфрамовой головой.

– Со всем уважением, командер предлагает перейти к хорошим новостям.

– Командер, это они и были. – Тавиш покрутил джойстик управления проекцией. – А плохие новости выглядят так.

То и дело порхавшие призрачные облака утратили эфемерность, сгустившись настолько, что будто стали по-настоящему материальными объектами: только руку протяни, и сможешь дотронуться.

– Результаты осмотра сканерами дальнего действия, пока лучшие, что можем представить. Это поле обломков – то, чем когда-то являлся Таспан II. Так называемый Большой размол возник в результате аварии на имперском испытательном полигоне, где тестировали новый тип проекторов гравитационного колодца. Планету полностью стёрло в порошок, и образовавшиеся обломки варьируются от крошечных микрометеоров до астероидов диаметром в несколько километров. Трагедия произошла всего четыре года назад, поэтому обломки пока не перемещаются по постоянной орбите. Хуже того, на момент Большого размола планеты находились в состоянии схождения, выстроившись в конъюнктивную линию, и Миндор находился ближе к солнцу. Поэтому теперь, когда таспанские глыбы движутся по спирали внутрь, к звезде, наиболее крупные оказываются захвачены притяжением Миндора. Как результат, вокруг этой планеты – хаотичные поля из непредсказуемых астероидов.

Адмирал Кэлбак подался вперёд, жабы его заколыхались.

– И составить карту полей не представляется возможным? – спросил он.

– Даже если бы нам удалось просканировать все обломки до единого – а нам не удастся – ни один компьютер не сможет безошибочно определить курс каждого объекта. Боюсь, то, с чем мы столкнёмся, и полями назвать нельзя, для этого они слишком непостоянны, да ещё и взаимодействуют друг с другом всеми мыслимыми способами – начиная с гравитационного влияния и заканчивая прямым столкновением. Если присмотреться к этим показателям...

Каждая плававшая частица-облако возымела собственное украшение в виде светящихся цифр, которые стали дрейфовать вместе с объектами, меняясь в зависимости от их положения. По мере того, как голографические облака соприкасались и формировали зоны перекрытия, последние влекли за собой свои собственные, новые показатели, куда более высокие.

– Эти параметры основаны на самых точных наших расчётах относительно крупнейших полей, включая структуру космических обломков. Каждый показатель отражает количество тактически важных объектов на один кубический километр. Под тактически важными подразумеваются достаточно большие обломки, способные проигнорировать и защитный огонь, и противоударный щит корабля, нанеся ему существенный ущерб.

Седой капитан-кореллианец Патрелл, командовавший «Минуткой», выругался так грязно, что вздрогнуло, по меньшей мере, четыре других офицера.

– Некоторые показатели ещё и сотнями исчисляются? – поинтересовался он.

– Да, сэр.

Капитаны обменялись мрачными взглядами. Повести внутрь такого астероидного шторма крейсера, которые и так составляли приличную долю кубического километра, сулило безрадостные перспективы.

– Позвольте, подведу итог наглядно. – Вслед за очередной манипуляцией джойстика частицы-облака покрылись третьей группой цифр. – Новые параметры означают приблизительную вероятность катастрофического удара, который приведёт к значительному снижению боевых функций и экипажа.

Заговорил Люк, чьей реакцией на услышанное стали сомкнутые веки.

– Значительное снижение боевых функций, – повторил он, – иными словами, массовые смерти? Повреждённые или уничтоженные корабли?

– Да, сэр.

– Так и говорите.

– Сэр?

– Это приказ, Тавиш. Никаких эвфемизмов.

С грустью генерал поразмыслил об уже миновавшей эпохе: буквально пять лет назад он знать не знал, как должна выглядеть чья-то смерть, не говоря уже о том, чтобы узреть её воочию. Пять лет назад всё и изменилось, когда первым жестоким опытом стали обугленные тела дяди Оуэна и тёти Беру, что медленно сочились дымом до тех пор, пока Татуин не охватили сумерки...

Начиная с того тяжёлого момента, он многому научился. Но быть джедаем означало учиться постоянно.

– Да, сэр, – тем временем высказался разведчик. – Так принято у джедаев, сэр?

– Нет, – отрезал Люк. – Так принято у генерала Скайуокера. Когда вы рассматриваете укомплектованный корабль как ящик с инструментами, которые время от времени ломаются, вы вскоре и сам экипаж перестанете считать живыми существами.

– Да, сэр, – только и сказал Тавиш. Он вернулся к голоизображению. – Теперь рассмотрим заход наших «двойных семёрок», их средние размеры как раз подойдут для целевой группы. Скажем, корабль на этой стадии подвергнется катастрофическому удару при одной целой восемьдесят пять сотых процента вероятности...

– То есть, обречён будет максимум каждый пятидесятый, – фыркнул капитан Патрелл. – А ты заставил меня поволноваться. На минутку.

– Что со сроками? – спросил Люк, всё ещё не открывая глаз.

– Сэр?

– Как долго продержится одна целая восемьдесят пять сотых процента?

– Ну... Эти шансы будут действовать на момент захода. Буквально сразу же.

Капитан Патрелл посерьёзней.

– А что потом? – продолжал Люк, кивнув.

– Понимаете, статистическое моделирование основано на огромной совокупности переменных. Если вывести приблизительную подвижную шкалу, взять за основу тот факт, что никто не будет уничтожен прямо с порога, наши вычисления охватят...

– Допустим, час.

Новая переменная исказила показатели настолько пессимистичным образом, что равнодушным не остался никто. Спустя заданный гипотетический промежуток времени вероятность катастрофы превышала двадцать процентов.

– Одним словом, – пробормотал Люк, – согласно вашим вычислениям, уже через час после начала операции мы потеряем два корабля. И это без учёта сражения.

– Ну, тяжело в учении...

– Одним словом, – повторил генерал.

Тавиш виновато кивнул.

– Одним словом, да.

– Кладбище, – прокомментировал Патрелл, – братская могила крупных кораблей.

– Вот почему система Таспан – практически идеальная база для звёздных истребителей, – сказал Тавиш. – Внутри такого транспорта вы не только менее лакомая добыча, но и способны должным образом маневрировать среди астероидов. Но нам не обойтись без заградителей, если главная задача – удержать Куклово... этого Отродья теней. В противном случае все его войска могут затеряться в гиперпространстве. Вот только наши крейсеры-заградители слишком уязвимы, чтобы привлекать их.

– Кукловод, рождённый тенями, – медленно проговорил Люк, – явно не глуп. Он знал, откуда лучше дёргать за ниточки, когда выбирал Миндор.

Генерал возвёл свой взор к потолку, сделав глубокий вдох. Больше всего на свете Скайуокер жаждал выкроить часок-другой, помедитировать и призвать хотя бы часть той хваленной проницательности, которой он вроде бы должен обладать, будучи джедаем. Но времени не оставалось совершенно. Если только Бен, Йода или даже отец вмешались бы прямо сейчас с неизменно мудрыми изречениями... Однако они не вмешались. Видимо, те их частицы, что проявляли жизнедеятельность в Великой Силе, обрелись где-то далеко отсюда. Как и последние несколько месяцев, к слову.

Великая Сила не подарила никакого озарения. Здесь ему осталось рассчитывать лишь на себя.

Лучше бы этого хватило.

– Что ж, – вернулся к делам Скайуокер, – нам их не пересидеть, нам просто так не уменьшить их ряды. Затяжной бой тоже неосуществим. Остаётся только одно.

Адмирал Кэлбак кивнул.

– Подавление превосходящими силами в короткий срок. Породить шок и трепет.

Коммандер Тавиш задумчиво склонил голову.

– С учётом всего вышесказанного, такая стратегия и правда может сберечь жизни. Как минимум – наши. Как максимум – их собственные. Если дать понять противнику, что у них ни единого шанса пробиться, они могут попросту сдаться.

– Сберечь чьи-то жизни было бы замечательно, – произнёс Люк. – Намного важнее сама победа. Войска Кукловода пустятся в бега, если им позволить. Рассыплются на мелкие независимые отряды, которые продолжают ускользать. Мы лучше кого-либо в галактике знаем, какой урон может нанести децентрализованное партизанское движение, ведь именно в такой форме мы и сокрушили Империю. Другого шанса навязать Отродью теней открытую, полномасштабную схватку может не представиться.

Люк обвёл взором всех подчинённых, по очереди заглядывая им в глаза.

– Пусть каждый уяснит это. Мы ударим всеми силами, за исключением небольшого резерва, которому отведена роль прикрытия на случай, если всё пойдёт плохо. Полная самоотдача. Всё или ничего.

Ответом ему стало поочередное, но единодушно-мрачное подтверждение услышанного.

– Хорошо, – подвёл итог генерал. – В течение часа жду ваших докладов о тактической готовности. Выдвигаемся в три.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эона Кантор занимала позицию на испещрённой зубцами вершине холма и напрягала зрение, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь запотевший электробинокль. Из-за постоянного ветра передние линзы то и дело забивались мелкой абразивной пылью, которая, фактически, составляла атмосферу Миндора. Однако раскиданные вокруг наслоения застывшей лавы – другой продукт местной стихии – наоборот, играл на руку лазутчице, скрывая её силуэт. Даже тепловизоры не помогли бы обнаружить её, поскольку выбранный холм уже насытился полуденной жарой, а кусочки вулканической породы, облепившие костюм лазутчицы, обеспечивали идеальный камуфляж против датчиков видимого спектра. Маскировка была вынужденной, если учесть, что интересовавший Эону объект представлял собой громадный куполообразный вулкан, пыхтевший дымом всего в десяти километров от занятой позиции.

Ни размеры, ни сопутствующие условия её не беспокоили. Всё внимание лазутчица посвятила обороне объекта: двойному кольцу турболозерных башен, что опоясывали вулканокупол, и СИД-истребителям, которые то залетали внутрь склона через любой доступный туннель, то выныривали оттуда, сбиваясь в рои мошкары.

И всякий раз, когда Эона мельком оглядывала цель, безрадостная картина практически не менялась.

Девушка нахмурилась, смахнула прядь рыжих волос со лба, после чего изменила настройки электробинокля, увеличив изображение.

– Я не врубаюсь, – пробормотала она. – Трипп, он уверен насчёт «глушилок»?

Мужчина в такой же украшенной лавой экипировке, притаившийся несколькими метрами ниже и позади, пожал плечами.

– Могу только повторить то же, что и Боуки. Подпространство чистое. Сигнал даже до Тригаскианского пятна дойдёт, если захотим отправить.

– Зачем Отродью теней выключать подпространственные «глушилки»? Да ещё и сразу после рейда. Бессмыслица какая-то.

– Я-то откуда знаю? Лучше спроси его самого.

– Вот если доберусь до него, – Эона стиснула зубы, – расспрошу так, что мало не покажется.

– Есть кое-что! – раздалось снизу, где у входа в пещеру напарников ожидали остальные разведчики. – Эй, Эона, я кое-что нашёл!

Девушка прижалась к камням и прошипела:

– Трипп! Передай этому идиоту, чтобы сбавил громкость!

– А зачем? – послышалось в ответ. – Не похоже, что вокруг кто-то подслушивает.

– Ты ещё спорить со мной будешь?

– Ой, Эона, не начинай...

– «Черныши» могут сканировать наши холмы звуковыми зондами. Поблизости может гулять наземный патруль. Кстати, не знаешь, как плавильщики нас находят? Вот и я не знаю. И, пока не узнаем, следующий, кто заговорит не шёпотом, получит бластером по морде.

– Эона...

– А следующий, кто надумает со мной препираться, получит прямо по своим...

– Ладно-ладно. Расслабься, ага?

Напарник внял предупреждению и, местами скатываясь, местами сползая, отправился вниз.

Эона уткнулась в электробинокль. Она расслабится, лишь когда оставит за спиной этот надоевший вонючий шарик.

Позади зашуршало: это возвращался Трипп, штурмывая склон из застывшей лавы.

– Ничего стоящего, – доложил напарник.

– Совсем ничего?

– Совсем-совсем ничего. – Трипп раздражённо махнул рукой. – Разве что пара пеленгов.

Эона, напротив, нахмурилась сильнее.

– Пеленгов?

– Ну да, своего рода направленный сигнал и отражённое эхо, типа как приёмоответчик отозвался...

– Я знаю, как это работает, – выговорила Эона сквозь зубы. – Где источник сигнала?

Трипп пожал плечами.

– Кажется, вне системы. Ретранслятор Голонета или что-то вроде.

– А отзыв пришёл уже отсюда?

– Ну да. Хм... а как ты узнала?

Эона не ответила, покидая позицию. Достигнув склона, она окликнула свою группу:

– Подъём! Всем на ноги!

Из маленькой пещеры внизу высыпали тени, облачённые в лаву.

– Готовьтесь, народ. – Спустившаяся Эона прошла сквозь ряд разведчиков к своему спидер-байку. – Через пять минут все спидеры, свупы и скиммеры должны быть заведены. Никакой экипировки, кроме оружия, силовых батарей и аптек. Красная тревога.

– Тревога? – удивился Трипп, всё ещё сползавший по склону. – Да что происходит?

– Думаешь, это совпадение, что после стольких месяцев «глушилки» отключают сейчас? Как раз тогда, когда прошёл сигнал ретранслятора, который, скорее всего, связан с маячком?

– Ловушка? – Трипп наморщил лоб.

– Угадал, но готовят её не нам. И всё же надо убедиться, что мы не попадёмся. – Эона вытащила бластер, проверила заряд, затем ловко прокрутила его на пальце и сунула обратно в кобуру. На мгновение её лицо озарила улыбка. Но только мгновение. – Будем ждать и наблюдать, но также будем готовы улететь в любой момент.

* * *

Полковник Клик напряжённо замер на месте, вытянувшись по стойке «смирно» и придерживая левой рукой лётный шлем, поблескивавший чёрным. Хотя позади, из сортировочного центра, то и дело раздавались крики, мольбы, проклятия и рыдания, полковник не обращал на них внимания. Вместо оркестра в исполнении мучеников он сосредоточился на огромной дюралевой плите, которая запечатывала громадный, размером с истребитель, арочный свод, вырезанный прямо в вулканической породе. Очень скоро импровизированные ворота распахнутся, открыв вход в бункер, где единственного посетителя Клика встретит *кукла*, после чего полковник очутится перед ясными очами самого Владыки теней.

Того, кто заставит страдать от последствий недавнего провала.

Даже без шлема полковник Клик представлял собой внушительное зрелище, невзирая на редкие тронутые сединой волосы, глубоко посаженные морщины и совершенно нелепый шрам от ожога, будто нанесённый безумным художником, размазавшим чернила от подбородка до уха. Любой, кто разбирался в имперских штурмовиках, мгновенно подмечал неординарность увиденного. И неудивительно, поскольку внешние особенности Клика ярко свидетельствовали о его богатом прошлом: рождённый как один из первейших двойников Фетта, Клик сумел пережить и Войну клонов, и Восстание джедаев – факт, которым прожжённый солдат страшно гордился и который являлся единственным свидетельством тщеславия. Его никогда не раздражал глуповатый оттенок изначально шутивого позывного «Клик», прицепившегося с лёгкой руки джеда-падавана двадцать пять лет назад. Прозвище – жаргонное сокращение от слова «километр» – отсылало к клонскому идентификатору КП-1000, которое будущему имперскому полковнику присвоили ещё в колыбели.

Расплавленная масса местной породы, застыв, сформировала необъятную пещеру, чьи стены и арочный свод стали настоящими казематами. Чёрное стекло переливалось бледными зелёными огоньками репульсорных ламп, что безмятежно парили над обитателями пещеры. Последние, в большинстве своём раскиданные по гладкому, глянцеvitому дну подземелья, сбились в кучки, безуспешно пытаясь различными способами устроиться на голом холодном полу.

В пёстром сборище пленников кого только не было: бедняки, аристократы, воры, офицеры повстанцев... Несчастных узников всё прибавлялось стараниями «Защитников» Клика, который последние месяцы лично возглавлял рейды вдоль всего Среднего Кольца, где добычей становилось по нескольку живых трофеев за раз, то есть по трое, по четверо, по шестеро – всегда бессистемно и понемножку, чтобы не вызывать подозрений у повстанцев. Набеги и вызванные ими разрушения являлись не более чем прикрытием для истинной цели – сбора урожая, в то время как сами пленники среди друзей, семей и правительства считались пропавшими без вести или вовсе списывались как жертвы кровавой бойни.

Для всей галактики они исчезли навсегда.

На самом же деле пленённым только предстояло окончательно исчезнуть. Сгинуть здесь, на Миндоре, в сортировочном центре Владыки теней.

Между заключёнными то и дело дрейфовали *куклы*, четверо или пятеро фигур, облачённых в тяжёлые мантии, за каждой из которых волочился подол. Время от времени они прекращали движение, обращая взор на того или иного пленника, и всякий раз объект внимания погружался в пугающую красноватую тень, отбрасываемую похожими на корону широким серповидным головным убором тюремщика. *Куклы* не произносили ни слова, а выражение на их лицах практически не менялось, поскольку было одним на всех – голографической маской, что проецировали серпы-короны. Однако иногда мрачный широкий рукав переходил в движение, и на свет простиралась рука. Везучий пленник получал в спину очередь бластерных разрядов. Тем же, кому повезло меньше, на голову опускалась длинная бледная длань – символ избрания новой будущей *куклы*.

Неожиданный, донёсшийся сзади визг нейрошокера засвидетельствовал появление ещё одного узника, которому не посчастливилось стать избранным. Так и есть: поблизости выросли две *куклы*, волоча оглушённого парнишку лет пятнадцати-шестнадцати. Дюростальная плита отползла немного вперёд, а затем – в сторону, открывая вид на коридор из расплавленной массы. Всё то время, пока пленника тащили мимо, через порог и по коридору, Клик не моргнул и глазом.

Полковник ждал с тех самых пор, как его изрядно потрёпанный полк «Защитников» с трудом добрался до Миндора после катастрофического провала с фальшивой «Кореллианской королевой». Клик был полон решимости прождать хоть целый день. А при необходимости – и целую неделю.

Клик не двигался с места вовсе не из страха перед своим повелителем. В отличие от полубезумного убийцы Вейдера, который в состоянии припадка хлопал подчинённых как мух, Владыка теней не отличался подобным сумасбродством. Нет, полковника Клика не сковывал страх. Напротив, внутри пылало страстное фанатичное желание заслужить оказанное ранее, но утраченное теперь доверие повелителя. Клик не покинет своего места, пока голод не заставит его свалиться мёртвой грудой, лишь бы это помогло великому делу.

Он ещё носил лычки майора в тот чёрный день, когда вопиющая измена повелителя Вейдера и его позорное убийство Палпатина Великого позволили Альянсу повстанцев избежать ловушки возле Эндора. Крах второй «Звезды Смерти» стал ничем по сравнению с разгромом имперских войск – дезорганизованных и дезориентированных гибелью своего любимого Императора. Без руководства настолько искусного лидера лакомый пирог, олицетворяемый вооружёнными силами Империи, был поделен различными моффами и адмиралами, которые возглавили собственные фракции и принялись грызться между собой за клочки некогда единой территории. Сплошь и рядом вспыхивали конфликты, доходя даже до открытых боёв. Имперцы повернулись друг против друга.

А затем явился Кукловод-Рождённый-Тенями.

Настоящего его имени не знал никто. Откуда он явился, помимо метафизических теней – тоже. Однако всем, кому довелось услышать его голос, становилось ясно с первого же произнесённого слова: то был не просто мофф, генерал или адмирал, страдавший от знаменитой имперской мании величия. Если уж Кукловод-Рождённый-Тенями почтил тебя своим вниманием, это внушало такой же благоговейный ужас, как если бы ты предстал перед самим Императором.

Когда имперское пространство заполнилось слухами о новом загадочном, но харизматичном лидере – чуть ли не втором пришествии Палпатина – Клик получил звание подполковника. В ту пору он состоял на службе у самопровозглашённого адмирала Крэйвена,

прикарманившего звёздное скопление в Среднем Кольце и впоследствии приказавшего уничтожить таинственного выскочку силами нескольких эскадрилий¹. Но когда крыло истребителей под командованием Клика обнаружило вышеозначенного выскочку, тот не только не ответил сражением, но и... поприветствовал лётчиков целым спектром подлинных контрольных сигналов, включая особые секретные коды самого Палпатина, зашитые глубоко внутри каждого клона на Камино ещё в детской стадии развития. Согласно утверждениям Кукловода, Палпатин лично передал ему эти коды как доверенному управляющему и хранителю трона Империи, чтобы тот со временем усадил на место Императора достойного наследника. Сам факт наличия таких секретных кодов давал понять верным клонам-солдатам: императорского регента, которого одна часть галактики окрестила Владыкой теней, другая презрительно звала Отродьем теней, пока он сам явно в знак уважения Палпатину величал себя Кукловодом-Рождённым-Тенями, – вот такого новоявленного военачальника стоило воспринимать не иначе, как законного, хотя и временного правителя Галактики.

Именно Владыка теней поведал Клику историю о падении Вейдера. То была настоящая трагедия, главный злодей которой предстал абсолютным чудовищем, осмелившимся на подлое убийство благодетеля и давнего друга. Трагедия настолько печальная, настолько ужасная, что одна лишь мысль о ней заставляла содрогаться по сей день. Много лет назад человек несравненной доброты уберёг Дарта Вейдера от верной смерти, и как этот монстр отплатил великому покровителю? Уж кому, как не клонам, были хорошо известны детали этого спасения, проходившего внутри одной из корусантских цитаделей, в медицинском центре имени Императора Палпатина. Вейдер совершенно бесплатно обрёл вторую жизнь, а вместе с ней – механические руки и ноги, дарованные благодетелем, вылепившим из беспомощного калеки, возможно, самое страшное и могущественное существо, которого когда-либо знала галактика.

И это только верхушка айсберга, лишь один эпизод самого выдающегося голотриллера из всех, что просмотрел Клик за свою насыщенную жизнь. Голотриллера, поставленного самим Владыкой теней и теперь циркулировавшего по системам, где всё ещё грезил о былой имперской мощи. Голотриллера, известного как «Люк Скайуокер и месть джедая».

Монументальное произведение во всех красках демонстрировало, как безумие Вейдера подпитывалось порочными амбициями, как вероломный повелитель тьмы притворялся верным слугой Императора, как принимал участие в распутывании той злобной паутины лжи, которой повстанцы оплели последнее дитя Энакина Скайуокера. А уж когда на мостике «Звезды Смерти» Скайуокер-младший, наконец, предстал перед Императором, выразившим горячую признательность преждевременно погибшему отцу Люка – признательность, которую мог подтвердить каждый порядочный клон – разум Дарта Вейдера помутился окончательно.

«Люк Скайуокер и месть джедая» приоткрыл мучительную правду: Вейдер сам втайне мечтал заделаться преемником Палпатина, ревностно считая императорским фаворитом себя любимого. Одержимый всемогуществом повелитель тьмы даже пытался склонить юного Скайуокера на свою сторону – лишь затем, чтобы получить отказ от восходящего джедая, не пожелавшего быть частью этих коварных предательских махинаций. Последней каплей стало решение, принятое в том проклятом участке космоса возле Эндора, посреди лун которого Император избрал себе наследника, чей отец остался единственным верным Сенату рыцарем во времена джедайского восстания. Наследника в лице плоти и крови горячо любимого давнего соратника канцлера Палпатина. Вот почему, когда юного Скайуокера нарекли преемником

¹ Крэйвен кратко упоминается как командир имперского корвета в «X-Wing Alliance», видеоигре конца 1990-х, время действия которой занимает два года до «Теней Миндора».

Императора, отвергнутый всеми повелитель Вейдер больше не мог сдерживать переполнявшую его ярость. С диким рёвом этот обезумевший от крови ранкор перешёл в нападение.

Простодушному Скайуокеру ничего не оставалось, как наблюдать ужасающий акт измены: закованное в чёрные доспехи чудовище набросилось на хилого старика, своего благодетеля, друга. Лишь когда ни в чём не повинная жертва получила несовместимые с жизнью ранения, юный джедай вырвался из оцепенения. Праведный гнев заставил Скайуокера выхватить оружие и выступить против того, кто только что на его глазах умертвил главного отцовского сподвижника. Хотя предатель и был повержен, несчастный Скайуокер не успел спасти Палпатина. Отныне могла утешить разве что свершившаяся месть за нож, вонзённый в спину великому человеку.

Само собой, Клик не обманывался яркой картинкой, осознавая вероятность различий между реальными событиями и их мелодраматической реконструкцией. Но даже в этих образах крылось нечто могучее, нечто такое, что не поддавалось сомнению. Подполковник будто осязал истину, превосходящую любые непреложные факты.

Из объяснений Владыки теней выходило так, что только гибель Палпатина и неспособность Скайуокера предотвратить её вынудили джедая вновь добровольно сунуться в клещи повстанцев. Безутешный Скайуокер утратил надежду стать кем-то большим, нежели преступником, и продолжил влачить существование в шайке, именуемой Альянсом повстанцев, среди таких же бандитов, пиратов и палачей.

– Позвольте кое о чём спросить, подполковник, – произнёс Владыка теней тогда. – Что если вы присоединитесь ко мне и поможете воплотить предсмертное желание нашего с вами великого Императора? Что если нам с вами попытаться исцелить разбитое сердце, принадлежащее дитю истинного героя-джедая, который больше всех остальных заслуживает титула избранного наследника Палпатина? Что если Люк Скайуокер займёт своё законное место абсолютного правителя нашей с вами Галактической Империи?

Клик и по сей день не жалел, что привёл подчинённых под крыло единственного военачальника, готового объединить порванную в клочья галактику с присущей ему грандиозностью. Трудно было вообразить большую честь, чем предложение положить душу и тело на восхождение избранника Палпатина. Приятным дополнением стало собственное продвижение по службе, обеспеченное Владыкой теней, который удостоил нового слугу целым полком истребителей и соответствующим званием. Клик мог только надеяться, что каким-то чудом переживёт грядущее противостояние, и как знать, может, тогда ему вручат ещё более ощутимую награду: исключительное право склониться перед благословлённым на царствование Императором, чтобы Клик в тот же миг присягнул господину на веки вечные.

Преодолев свои грёзы, полковник заметил, как одна из *кукол*, шедшая далеко по открытому коридору из расплавленной массы, прекратила движение и повернулась к Клику, будто уловив его мысли. Бледная длань вынырнула из рукава и сделала призывный жест. Клик проследовал к камере избрания – не первый его визит сюда, так что он уже знал, чего ожидать. Однако даже это знание не помогало. Он пытался приучить себя не смотреть на избранных. Он пытался вымуштровать слух, чтобы отфильтровать услышанное. Он призывал весь свой опыт и самоконтроль, лишь бы заставить разум воспринимать избранных как наделённых привилегиями счастливыхчиков, как баловней фортуны, которые вот-вот вырвутся из отчаянного мрака безысходности и заполучат единственный в жизни шанс послужить великому благу.

Клик честно пытался, но всякий раз терпел неудачу.

Всякий раз узники не исчезали в пространстве подобно невидимкам, не переставали издавать звуков, и уж совершенно точно счастливыми не выглядели. Нет, то была перепуганная беспомощная добыча, пронзительно кричавшая, разрождавшаяся рыданиями или умолявшая о

пощаде. То были банты на заклятие, только дышащие и мыслящие, но по-прежнему необходимые для претворения в жизнь плана, связанного со скорым восхождением Скайуокера.

К пустовавшему каменному пьедесталу, вылепленному из расплавленной массы, приволокли оглушённого парнишку, который, рухнув, распластался у основания гладкой плитообразной конструкции. Не заботясь о самочувствии пленника, *куклы* обнажили нейрошокеры, но принялись вонзать их не в парализованную плоть, а в твёрдый камень пьедестала. Под воздействием периодических импульсов электростатическая твёрдая структура размягчалась, искажалась и приобретала состояние полужидкой кашицы. Когда эти манипуляции привели к образованию чего-то, похожего на гроб, *куклы* оторвали пленника от земли и водрузили его на жертвенный алтарь, окунув несчастного прямо внутрь расплавившейся массы, которая приняла очередную жертву в свои объятия, связала по рукам и ногам, поглощая всё тело до тех пор, пока снаружи не осталась одиноко торчавшая голова. *Куклы* осторожно поддерживали подбородок, поскольку каменная кашица вновь затвердевала, и структура, застывшая вдоль шеи и челюсти, теперь выполняла функцию медицинского держателя-стабилизатора.

Затем вспышка точно откалиброванного излучения сожгла все волосы узника, освобождая место для следующей процедуры. *Куклы* приготовили по лазерно-костной пиле, при помощи которых начали срезать верхнюю часть зафиксированного черепа, одновременно прижигая распадавшиеся ткани.

Хотя от такого растерзания жертва должна была орать, реветь или визжать, заливаясь слезами, она не издала ни звука, поскольку даже не находилась в сознании и вообще не ощущала все неприятные детали процесса. Нет, вскрики начинались после того, как череп лишался верхнего полушария, а в дело вступали нейронные зонды, которые принимались выборочно стимулировать нервные участки обнажившегося мозга. Однако и эти мучения продлевались недолго. Зонды достаточно быстро определяли нужные точки воздействия – например, область, отвечавшую за реакцию на обыкновенную щекотку, и тогда активация намеченной «кнопки» превращала визг в хихиканье. Стимуляция обонятельных же нейронов и внушение искусственных запахов вынуждали трясшегося от воображаемой щекотки пленника просить угостить его прожаренным стейком из банты и ещё – «кружкой того восхитительного горячего шоколада», который, как верил узник, варили где-то рядом.

И внутри каждой такой точки, будь то рецептор, отвечавший за синий цвет, или нерв, контролировавший изгиб пальцев ног, *куклы* внедряли микроскопический кристалл, выполненный из той же расплавленно-застывшей массы, что и обволокший избранника жертвенный алтарь, что и весь сортировочный центр, а заодно – и всё хранилище снаружи. И вот когда спиленную теменную кость вернули на место, имплантированные частички уникального материала начали прорастать внутри, готовясь сформировать кристаллическую решётку, которая, в свою очередь, распространялась по всему головному мозгу.

Вот что представлял собой череп *куклы*. Сундучок, полный огранённых алмазов.

Клик не знал, по каким критериям избирались кандидаты. Точно так же ему, старшему офицеру флота, определённо была чужда стремительная смена рангов среди *кукол*, согласно которой отдельно взятые обладатели тяжёлых плащей вроде бы в одно время командовали остальными себе подобными, а в другое время – сами выполняли приказы кого-то из недавних подчинённых. Единственным неизменным положением являлось главенство любой *куклы* над всеми солдатами, пилотами и офицерами Владыки теней. Начальником становился даже вчерашний избранный пленник, только что обзаведшийся короной в форме полумесяца – символом полноценной *куклы*, – и следовало повиноваться малейшему его жесту, как если бы этот жест исходил от самого владыки. Немногие слова слетали с губ *кукол*, но им совсем и не

требовались вербальные команды, ведь, как ни парадоксально, все движения увенчанных короной плащей просто-таки сочились выразительным красноречием, и оттого любой бессловесный приказ становился понятным даже для откровенно бестолковых солдат не-клонов.

В таком эффективном донесении намерений Клику чудилась рука Великой Силы. Полковник никогда не понимал Силы, хотя и не сомневался в её существовании, неоднократно становясь свидетелем действий джедаев во времена Войн клонов. Нет, Клик и не желал понимать Силу. Его вырастили вовсе не для интерпретации приказов, а ради их исполнения. Он даже был доволен Силой в качестве загадки – таинственной, но чрезвычайно удобной, когда требовалось объяснить нечто необъяснимое.

Нечто такое, как, например, влияние Владыки теней на вещество в виде минерала под названием плавлеит, принимавшего любую форму по одной только воле господина. Да, простой электромагнитный импульс мог придать вязкость кристаллической структуре камня, но законы физики не объясняли, почему расплавленная порода казалась почти живой биомассой в моменты, когда рядом возвышался владыка. Не раз и не два Клик наблюдал это зрелище: Владыка теней протягивал руку, сосредотачивая свои желания на камне, после чего плавлеит деформировался, растекался и трансформировался в настолько фантастические объекты, какие только рождались в воображении господина.

Между тем, ещё одна *кукла*, нёсшая вахту у вертикальной синевато-серой расплавленной массы, поманила полковника к себе. Когда Клик пересёк пространство до стены, безмолвный стражник взмахнул рукой, будто собираясь припечатать солдата к камню, однако вместо этого твёрдая стена вогнулась внутрь, развернув искусственный коридор нескольких метров в длину. Клик без колебаний вошёл туда и вышел, не остановившись даже тогда, когда скала сомкнулась за спиной, перекрывая единственный путь к отступлению и погружая окружавшее пространство во тьму. Сквозь эту крошечную темноту продолжал ровно шагать полковник имперского флота, веривший, что любая другая каменная преграда будет разверзаться перед ним и закрываться позади.

И если этого не произойдёт, если Владыка теней сочтёт подходящим наказанием погребение заживо в каменной могиле, Клик замрёт на месте и постоит, пока не кончится воздух, чтобы в итоге уснуть вечным сном. Ни одному клону, выведенному в каминоанских инкубаторах, никогда не постичь концепцию клаустрофобии, не говоря уже о том, чтобы страдать от неё.

Робкий ветерок зашевелил волосы, а пристукивавшие по камню каблуки стали издавать несколько более резонирующие звуки, усиленные множественным эхо. Хотя света в пещере не прибавилось, единственный посетитель понял, что стена перед ним всё же раскрылась, позволяя ступить в палаты абсолютной ночи.

– Вольно, полковник, – повелел непроглядный мрак голосом Владыки теней, донёсшимся сразу отовсюду и в то же время – из ниоткуда, как если бы слова действительно принадлежали самой тьме. – Подойдите и излагайте.

– Милорд, – клон подчинился и склонил голову, – с сожалением вынужден доложить, что...

– Не сожалейте, Клик, – посоветовала тьма. – Просто докладывайте.

– Корабль, который вы приказали... по которому нам было приказано нанести удар, владыка, на Кореллианском пути. Это было засадой повстанцев. Сама «Кореллианская королева» оказалась даже не кораблём, а муляжом, внутри которого нас ждали многочисленные вражеские истребители. Так или иначе... – Клик с трудом проглотил комок в горле. Следующие его слова подпишут кому-то смертный приговор. Скорее всего, ему самому. – Так или иначе, они знали о нашем появлении.

– Так ли это?

– Всё так и было, милорд. Мало того, что они приготовили ловушку, так ещё и применили новое оружие: торпеду незнакомого мне типа, которая разработана исключительно против наших более совершенных СИД-«Защитников». Мои истребители понесли потери в тридцать процентов и были вынуждены отступить. Милорд, – Клик вновь подавил комок в горле, – милорд, тут явно сработал шпион. И он здесь, на Миндоре.

– Явно ли? – усомнился владыка. – Иного объяснения у вас не найдётся?

– Я... я не могу представить себе ничего иного, милорд.

– А я могу. Но продолжайте. Если что-то ещё, не так ли?

– Да, милорд. Мы обнаружили сигнал. Своего рода подпространственная передача. Мы отследили сигнал вплоть до тех «Защитников», которые были повреждены тогда, на Кореллианском пути. А передачу обнаружили в тот самый момент, когда... – теперь комок в горле намертво встал камнем, – когда была деактивирована система постановки подпространственных помех.

– Вот оно как... – протянул собеседник.

– Это точно работа шпиона повстанцев, милорд. Другого просто быть не может.

– Ещё как может. Генераторы помех отключили по моему приказу.

– Милорд? – Клику, изумлению которого не было предела, только и оставалось хлопать глазами, переваривая одну и ту же мысль. Может ли Владыка теней предать своё собственное великое дело? – Милорд, боюсь, эти торпеды использовались ещё и для установки неких устройств слежения...

– Наконец-то!

– Милорд?

– Клик, вы успешно справились. В самом деле, поработали просто на славу.

– Но милорд, по-моему, повстанцы нашли нас! – Ничего не понимающий полковник рискнул повысить голос. – Согласно последним донесениям разведки, у врага наготове целая оперативная группа. Милорд, прямо сейчас сюда может направляться целая флотилия.

– «Может»? Нет. Уже направляется.

Клик заморгал с ещё большей частотой.

– Разрешите объявить боевую тревогу, милорд?

– Безусловно, не разрешаю. Мы ведь не хотим, чтобы наши нежданные гости вдруг обнаружили, что их на самом деле ждут, не так ли? Разве мы настолько жестоки?

– Я... да, как скажете. – Клик понадеялся, что заданный вопрос был чисто риторическим.

– Прикажете всему боевому охранению в космосе оставить патрулирование и вернуться на базу. Но им необходимо не покидать кораблей и держать двигатели разогретыми. Кроме того, объявите готовность расчётам гравитационных установок: они должны нанести удар по моему приказу.

– Но если удар будет произведён в момент, когда основные силы останутся на земле, то наши потери... милорд, это может стоить нам битвы!

– Тогда мы проиграем её, – раздалось из темноты. – Так нам суждено. Верное поражение подарит нашей Империи её законного правителя: Императора Скайуокера!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Лучи таспанского солнца заиграли на корпусе одинокого пассажирского шаттла, покидавшего атмосферу планеты и аккуратно скользящего между непоседливыми астероидами, что заполонили всю нижнюю орбиту Миндора. Миновав, наконец, эту полосу препятствий, корабль описал длинную, изящно изогнутую траекторию, не забывая постоянно маневрировать среди облаков радиоактивных останков – останков того внушительного войска СИД-«Защитников», который Отродье теней выставил против вражеских сил вторжения.

На командирском мостике «Правосудия» лейтенант Тубрими, пристально вглядывавшийся в экран консоли огромной левой глазницей с неестественно чёрным зрачком, оторвался от устройства.

– Безоружный шаттл, сэр! – оповестил он. – Вызывает нас и предлагает перемирие. – От волнения радужная оболочка засветилась красно-золотым. – Это сам Отродье теней, сэр!

Адмиральское кресло двинулось вперёд. Восседавший на нём Кэлбак позволил своим векам-мембранам сойтись вместе и разойтись обратно лишь наполовину: признак, у рыбоподобных мон-каламари являвшийся аналогом довольной улыбки.

– Прими вызов, – приказал Кэлбак.

Лейтенант провёл перепончатыми пальцами над консолью, изобразив сложную кривую, после чего голопроекторы мостика оживились.

Сформированный приборами образ оказался высоким человеком-мужчиной в длинных неподвижных одеяниях, обвившихся складками вокруг ног. Ладони были скрыты внутри объёмистых рукавов. Единственным свободным участком тела оставалось лицо с окаймлённым чёрным глазами – лицо, настолько бледное и ничего не выражавшее, что его обладателю не составляло труда сойти за мертвеца. Мужчина носил какой-то чудной головной убор в форме перевёрнутого полумесяца, такой же гигантский, как и массивные плечи призывавшего к перемирию. Если присмотреться, обрамлённая этим полумесяцем голова представлялась горной вершиной, которая вырисовывалась силуэтом на фоне живописного солнца, почерневшего от туч и наполовину скрытого за горизонтом.

– Неопознанный флагман мятежников, – изрекла голографическая фигура голосом, сочившимся мраком подземной пещеры. – Я – Кукловод, рождённый тенями. Вы разгромили нас. Преисполненный безмерного уважения, я прошу только разрешения подняться на борт, чтобы провести переговоры и позаботиться о судьбе моего личного состава.

– Это всё сообщение, – прокомментировал Тубрими, когда голоизображение погасло.

Адмирал редко выражал эмоции, однако, стоило ему развернуться к возвышавшемуся рядом молодому человеку, голос Кэлбака источал тихую радость.

– Кажется, вас можно поздравлять, генерал.

Тот, к кому обращались, не сменил позы, как и за всё время операции: застыв изваянием посреди мостика, он скрестил руки за спиной, а его лоб украшали слегка нахмуренные брови. У ног покоился астродроид серии Ар-два, прикованный к палубе магнитным якорем, но мирно ожидавший развязки со всем присущим малышу электронным терпением. Генерал, казалось, прислушивался к чему-то снаружи корабля – каким-то слабым и далёким отзвукам – и услышанное ему явно не нравилось.

Его беспокоил голос этого Кукловода, этого Отродья теней... голос, который никак не хотел улавливаться. Нечто противоестественное крылось там, нечто резонансное содержал в себе тембр обладателя полумесяца.

Слишком знакомое и одновременно попросту неправильное.

– Генерал? – повторно отозвался Кэлбак. – Мои поздравления...

– Пока рано, – Люк не переставал хмуриться.

Битва прошла как по нотам. Внезапное появление Двадцать третьего крыла звёздных истребителей, вынырнувшего из гиперпространства у самого края миндорского гравитационного колодца, застало врасплох войска Отродья теней. Ещё до того, как первые СИД-«Защитники» бросили патрулирование и вступили в бой с наступающими «крестокрылами» и «бритвами», бомбардировщики БТЛ Двадцать третьего, также именуемые «костылями», произвели два разрушительных торпедных захода на базу вражеского военачальника. Несколько дополнительных молниеносных рейдов удалось повернуть уже в ходе завязавшегося воздушного боя. Вскоре со всей звёздной системы на битву слетелись остальные имперские патрули, освободив тем самым пространство для двенадцати крупных кораблей Оперативной группы быстрого реагирования.

Пять заградителей типа «двойная семёрка», завершивших единовременный прыжок, выстроились сложной пирамидой, в геометрический центр которой угодил Миндор. Активированные генераторы искусственных гравитационных колодцев заключили планету в клещи массовой тени диаметром более семи световых минут. Однако прежде, чем заработали проекторы крейсеров-заградителей, в сражение вступили оставшиеся крупные корабли вторжения. По шестерым из них, представлявшим собой довольно разношёрстную коллекцию, можно было изучать историю устаревших не так давно звёздных судов. Среди них затесалась пара ударных крейсеров «Аккламатор II» и выдавший виды линкор «Оплот», построенные ещё до начала Войн клонов; единственными их конструктивными сходствами являлись гипердвигатели класса 0.6, быстро возобновляемые щиты, а также возможность транспортировать как минимум по три полных эскадрильи истребителей. И без того неуклюжий внешний вид этих собранных вместе пережитков ушедшей эпохи дополнялся огромным количеством десантных шаттлов «Джейдту», которые вошли в эксплуатацию даже раньше, а теперь, закреплённые магнитными зажимами, приютились на обшивке крупных кораблей¹. Такая связь была симбиотической, поскольку каждый бронированный сам по себе носитель возымел почти непробиваемый панцирь, а некоторые из них, не приспособленные к атмосфере, могли сбросить массивную ношу в чрезвычайно короткий срок.

Последним значилось «Правосудие», элегантный, грациозный крейсер Мон-каламари, флагман оперативной группы. Будучи кораблём-близнецом легендарной «Свободы»², «Правосудие» могло считаться таковым практически буквально, поскольку со стапелей оба произведения искусства – двенадцать сотен метров каждый – сошли одновременно, да и походил флагман на легендарного собрата куда как сильнее, нежели остальной продукт инженерной мысли мон-каламари, подкреплённый фантастическим воображением. Отличия всё же имелись: в то время как «Свобода» славилась по-настоящему разрушительной силой и скоростью, «Правосудие» дополнялось ещё и более мощной защитой, дополнительными стыковочными отсеками и неимоверно увеличенной вместимостью войск, потому как дизайнерам-каламарианцам помогали их столь же изобретательные стратеги, которые не понаслышке знали о фундаментальной основе войны.

¹ Фрегат КК-7700 и крейсер «Оплот III» своим появлением обязаны стратегии «Star Wars: Rebellion», выпущенной в 1998 году. В романе фигурируют заградитель 7700\Е – гибрид обычного 7700 и крейсера КК-2200, – а также линейный корабль «Оплот I», задуманный в справочниках как предыдущая версия «Оплота III». Шаттл «Джейдту» придуман самим Стовером ещё для предыдущих его ЗВ-книг.

² Крейсер «Свобода» впервые появился в «Возвращении джедая» – один из тех самых кораблей Альянса, что были уничтожены суперлазером у Эндора. Однако в дальнейшем этот крейсер мон-каламари находил место в сюжете доброй половины лётных ЗВ-симуляторов 1990-х. Если верить «X-Wing Alliance», где, в свою очередь, впервые мелькнуло «Правосудие», оба судна всё-таки отличались конструктивными типами. С другой стороны, тип «Свободы» менялся от раза к разу.

Устраивать разрушения можно и иногда нужно, однако любой вспыхнувший конфликт выигрывался солдатами. Морем солдат.

Из восемнадцати тысяч республиканских десантников, задействованных в составе оперативной группы, только восемь тысяч угнездились в чреве «Правосудия». Кроме того, дополнительные ангарные отсеки, придававшие «немного беременный», по мнению Люка, вид, вмещали до десяти полностью укомплектованных эскадрилий истребителей, а также ремонтно-восстановительные платформы, более объёмные, чем большинство космических доков Новой Республики.

Пирамида, каждый угол которой являл собой по «двойной семёрке», вскоре дополнился крейсерами, что заняли позиции на гранях образованной тетраэдрической фигуры и развернули по две эскадрильи. Заградители, в свою очередь, выпустили лишь по одной. Полный запрет на гиперпространственные полёты и огромная огневая мощь, доступная как крупным крейсерам, так и кораблям двадцати эскадрилий, сделали своё дело: противник был стремительно разбит, и ни один из имперцев не смог покинуть периметр. К тому моменту, когда «Правосудие» заняло геостационарную орбиту, величественно зависнув над единственным местом, которое могло сойти за базу налётчиков – наземные могучие турболазерные батареи и восемь ионных пушек планетарной защиты говорили сами за себя – уцелевшие имперские истребители отступили в подземные укрытия.

Всё было кончено.

Посреди океана ликования, разлившегося на мостике «Правосудия», выделялся единственный мрачный островок, принадлежавший насупленному Люку Скайуокеру.

– Ещё ничего не кончено.

Адмирал Кэлбак сморгнул.

– Это был блестящий план...

– Очевидный план.

– Тем не менее, всё прошло в точности так, как вы задумали.

– Вот тут-то и проблема.

– Генерал?

– Когда вам доводилось слышать о битве, прошедшей в полном соответствии с планом?

Правая глазница Кэлбака повернулась к генералу, и полный достоинства старый офицер чуть качнулся в сторону молодого человека.

– А когда джедай в последний раз разрабатывал план битвы? – парировал он.

– Не могу сказать, – пробормотал Люк. – Но держу пари, тогда тоже не всё прошло гладко. И с каких пор имперский лорд печётся о судьбе своих подданных?

Глазница адмирала дёрнулась: знак пожатия плечами у мон-каламари.

– Мы зачистили окружающее пространство, и теперь его силы ограничены одной планетой. В случае осложнений операция будет проведена разве что на поверхности. Только скажите слово, генерал, вам решать.

– Значит, примем лучшее из всех доступных плохих решений – пусть остаётся на месте и озвучит условия сдачи. Мы, в свою очередь, и отсюда сможем провести переговоры.

– Установить канал связи, – приказал Кэлбак.

Когда Тубрими доложил о готовности, адмирал принял стоячее положение.

– Кукловод, рождённый тенями, я – адмирал Кэлбак. – Силой голоса офицер Новой Республики ничуть не уступал Отродью. – Это не крейсер мятежников, и повстанцев больше не существует, сэр. Вас приветствует «Правосудие», флагман Оперативной группы быстрого реагирования Новой Республики. От лица объединённого командования мы уполномочены

рассмотреть ваше предложение о капитуляции. Не покидайте текущей позиции и сообщите, когда будете готовы.

Он подал знак Тубрими, чтобы тот прервал передачу.

– Дадим ему время хорошенько всё обмозговать.

– Мозг операции здесь я. – Люк принялся мерить шагами палубу, охватывая сумрачным взглядом показания приборов. – И сдаётся мне, что это ловушка.

Веки адмирала дрогнули.

– Ловушка? Для кого? Из чего сделана? Мы раздавили противника.

– Тем не менее, противник готовится захлопнуть капкан, – стоял на своём молодой генерал.

– Так вам подсказывает джедайская проницательность? Чувствуете что-то в Силе?

Вместо ответа Люк покачал головой.

– Ар-два, выведи тактический дисплей, – обратился он к астродроиду.

R2-D2 отозвался бодрым свистом и покатил в сторону ближайшего инфоразъёма, вытягивая на ходу механическую конечность. Услышав распоряжение, лейтенант Тубрими обернулся и взмахнул перепончатой рукой.

– Позвольте мне, сэр.

– Предоставьте это Ар-два, – сказал Люк. – Оставайтесь на месте.

– Но... при всём уважении, сэр, продвинутые астромехи – даже намного более продвинутые, чем этот музейный экспонат Ар-два, – не могут справиться с нашим потоком данн...

Лейтенант затих, разглядывая вспыхнувшее голоизображение системы Таспан.

Люк позволил себе слабую улыбку.

– Этот музейный экспонат Ар-два – далеко не простой астромеханик, лейтенант. Я доверяю ему больше, чем многим знакомым разумным существам.

Веки-мембраны связиста мон-каламари, уткнувшегося обратно в консоль, задрожали на секунду-другую, выражая эквивалент покрасневших от стыда ушей.

– Да... простите, сэр. Этого больше не повторится, сэр.

– Пусть повторяется почаще, лейтенант. – Скайуокер опустил протянутую ладонь на плечо мон-каламари. – Даже генералы допускают ошибки.

– Но сэр, генерал также является джедаем, сэр.

Люк вздохнул.

– И джедаи могут ошибаться, – с этими словами молодой генерал-джедай повернулся обратно, к Кэлбаку. – Если бы вам довелось базироваться в этой системе, как бы вы организовали оборону?

Адмирал тщательно осмотрел запруженную обломками звёздную систему, после чего медленно кивнул, выдав единственно верное решение.

– Не имея крупных кораблей, я бы разместил все истребители на астероидах.

– Вот и я поступил бы так же, – согласился Люк. – На месте Кукловода я бы даже не обустроивал никакой базы. Достаточно выдолбить пару десятков астероидов и превратить их в свои опорные пункты-носители. Не потребуется много времени сделать их практически не обнаруживаемыми. Идеальная маскировка.

– Значит, нам всем повезло, что вы не на месте Отродья теней.

– Бен Кеноби говаривал: везения не бывает. Подумайте сами. Я – новичок в этих генеральских делах и несколько недель назад был простым выскочкой из числа «летунов

шлемоголовых». Раз уж я затратил пару секунд на планирование защиты, почему Кукловод за месяцы не произвёл нужных манипуляций?

Люк миновал голодисплей и ткнул в скопление миниатюрных 7700/Е.

– Взгляните на эту россыпь астероидов вокруг. Сколько всего можно насчитать подходящих мест для развёртывания кораблей-заградителей?

Кэлбак только играл желваками, задумчиво соглашаясь.

– Итак, вы знаете, что враг обязательно приведёт крупные корабли, и вы почти наверняка знаете, где эти суда будут размещены. Что тогда предпримете?

– Усыплю выбранные участки минами, – ответил Кэлбак, – и сосредоточу истребители поблизости.

– А вот противник основал плацдарм на планете, сконцентрировав там и основные силы. – Люк кивнул астромеханику. – Ар-два, покажи-ка.

Крошечный светозарный диск Миндора раздулся настолько, что охватил всё пространство, вытеснив остальную часть системы. Всеобщему взгляду предстало отвратительное местечко.

Некогда цветущий, прекрасный курортный мирок теперь висел одиноким булыжником, истерзанным наследием Большого размола – бесконечными метеоритными дождями. Более-менее характерными географическими достопримечательностями были вездесущие вулканы, образованные разломами в планетарной коре. Даже океаны усохли до уровня разбросанных повсюду токсичных выгребных ям, исторгавших из себя содержимое дна, а атмосфера так насытилась металлическими и минеральными испарениями, что всем видам коммуникаций оказалось непросто пробиться сквозь этот барьер. В частности, первый запрос Отродья теней, связанный с перемирием, прошёл только в голосовом режиме, хотя и здесь не обошлось без статических помех.

Со всеми своими передовыми сенсорами «Правосудие» едва смогло просканировать тёмный мир. Единственным способом определить местонахождение базы Отродья было использование оптических датчиков видимого спектра, но даже с ними наилучшие сканеры оперативной группы выдавали картинку в низком разрешении, по которой не представлялось возможным установить численность войск, транспорта или огневых позиций. С орбиты оставались различимы лишь основные установки планетарной защиты.

Люк покачал головой, сохраняя неодобрительное выражение лица.

– Разместившись на этой планете, он связал себя по рукам и ногам, поскольку здесь нет ни питьевой воды, ни продовольствия, а едкая атмосфера может вызвать долговременное поражение лёгких. Помехи вряд ли позволяют ему обмениваться данными с флотом. База хороша исключительно для того, чтобы пострелять по ней.

Мон-каламари тоже нахмурился: его веки-мембраны расширились ещё больше.

– Генерал, мы ведь не обязаны соблюдать режим прекращения огня. В конце концов, Отродье теней проводил операции не как солдат, а как пират. – Правое око повернулось в сторону наземной базы. – Сдаётся мне, такая соблазнительная мишень просто не может оставаться нетронутой.

– Нет. Как только распусят слухи о том, что мы вот так реагируем на добровольную капитуляцию имперцев, больше никто не подумает сдаваться. Тогда наше дело обернётся ещё большей кровью.

– Как же тогда поступить?

– Не знаю, – мрачно изрёк Люк, – просто не знаю.

Звук журчания ледяной воды, огибавшей речные камни, отвлёк лейтенанта Тубрими от диалога. Связист вернулся к своим приборам.

– Входящее сообщение с шаттла, господи.

– Прими, – кивнул Кэлбак.

– Не спешите, – вмешался Люк, – с вашего позволения, адмирал?

Мон-каламари дал согласие, закатив левую глазницу.

– Лейтенант, задайте только аудио-воспроизведение, – приказал генерал Скайуокер. – Ар-два, продолжай тактические расчёты. Выведи «Правосудие», шаттл и вектор между ними.

– Генерал? – обвисший подбородок колыхнулся и посветлел на один тон по мере того, как Кэлбак озабоченно наклонился чуть ближе. – Есть проблема?

– Вполне уверен, что да, – ответил Люк кивком. – Лейтенант?

Пока тактический голодисплей продолжал демонстрацию взаимоположения обоих судов, Тубрими совершил плавное движение рукой, и мостик заполнился мягким, вкрадчивым баритоном Отродья теней. Была бы возможность преобразовать этот голос в цвет, подошёл бы всего один оттенок – «чернее чёрного».

– Как же мне сдаться в ваши милостивые руки, если наши взгляды так и не пересеклись? Как же я отдам жизни подчинённых на волю циклонов и течений, не заглянув в ваши ясные очи?

Собеседник звучал по-настоящему озадаченно, почти жалобно. Люк только сильнее нахмурился. Кукловод-Отродье не стеснялся играть на культурных особенностях Кэлбака, чей народ предпочитал судить о подлинной натуре разумного существа по его глазам.

– Молю вас, – продолжал тем временем ораторствовать имперский лорд, – удовлетворите смиренную просьбу побеждённого врага, коим является ваш покорный слуга. Не вынуждайте полагаться на пустые надежды, когда речь заходит о чужих судьбах.

Подбородок адмирала Кэлбака засверкал словно факел.

– Генерал?

Люк не ответил, почти не слыша старого вояку. Все его мысли поглотил голос, тот самый голос...

Теперь он распознал характерные особенности синтезированного вокодера, электроника которого позволяла продуцировать глубокое, таинственное звучание, с ненавязчивыми обертонами, что искусно затрагивали тончайшие душевные струны и воздействовали на примитивные стороны человеческого мозга. Обладатель этого голоса безотлагательно привлекал к себе внимание. Заслуживал уважения. Подавлял волю. Внушал страх.

Вот каковой приоткрылась истина: на слух Кукловод, рождённый тенями, напоминал Вейдера.

Лишь однажды Люку довелось испытать всю тьму, тревогу и ужас, исходившие именно от этого синтезированного голоса, который принадлежал голографической фигуре, будто сотканной из самих звёзд. Мог ли это быть?..

Челюсти генерала непроизвольно сжались.

– Чёрная дыра.

Огромное око восседавшего рядом мон-каламари переместилось к Скайуокеру.

– Прозвучало как проклятие.

– Так и есть, – Люк был мрачнее тучи. – Как-то раз уже имел с ним дело. Этот Чёрная дыра – Рука Императора. То есть, я хотел сказать, был Рукой Императора. Согласно некоторым донесениям, он ещё и возглавлял Имперскую разведку примерно во время явинского переломного момента в войне. Мне следовало бы сразу вспомнить странный головной убор, но одно могу сказать точно: все эти разбойные рейды не в его стиле.

– Не в его?

– Чёрная дыра слишком любит – как бы это сказать – покрасоваться. И его сценический образ выглядит соответствующе: целая голопроекция в виде вакуума, проще говоря, такая контурная фигура, покрытая звёздами... – глаза Люка расширились, – ...и он никогда собственноручно не выполнял грязной работы!¹

Повернувшись резким движением, генерал всмотрелся в двигавшуюся светлую точку, которая обозначалась тактическим дисплеем как шаттл противника.

И которая перемещалась слишком уж быстро.

– Расчёты верны?

Энсин, занимавший позицию у оперативного терминала, искоса поглядел на командира.

– Да, сэр. Фактически, корабль ускоряется.

– Спроектируйте курс.

Вектор движения шаттла очертился конусообразной вуалью.

– Если исходить из равномерного ускорения... нет, постойте, ускорение нарастает. Восемьдесят метров в секунду... сто десять...

Голографическая вуаль растянулась и достигла «Правосудия», поглотив корпус.

– Прикажите десантникам занять шаттлы. Всем надеть скафандры.

Кэлбак сморгнул.

– Генерал?

– Вас это тоже касается, адмирал.

С этими словами Люк очутился у контейнера, где хранилось аварийное снаряжение и принялся извлекать наружу лётные костюмы.

– Вперёд, – бросил Скайуокер ближайшему старшине, – раздай всем. И побыстрее.

– Вы по-прежнему ожидаете лобовой атаки? – Кэлбак всё ещё сомневался.

– Или чего-то в этом духе. – Генерал повернулся к командиру, ответственному за управление огнём. – Выполнить расчёт данных для стрельбы вдоль траектории шаттла с учётом диапазона от пятнадцати до двадцати пяти единиц ускорения. Когда батареи завершат наведение на цель, пусть приготовятся к торпедному залпу.

Первым отреагировал Тубрими, захлопавший глазами и выдавший из себя потрясённое «Генерал?» Вторым оказался решительный Кэлбак.

– Отставить! – гаркнул адмирал. – Этот... этот шаттл безоружен!

– Это приказ. – Люк не менее решительно повернулся к Кэлбаку. – Как ни крути, это приказ, адмирал. Простите, что командую вашими подчинёнными, находясь посреди вашего мостика. Распорядитесь, чтобы они выполняли мои приказы.

– Но... но мы обязаны хотя бы предупредить шаттл!

– Смысл послания и так будет передан, когда его сенсоры сообщат, что мы захватили цель и держим на мушке.

– Мы что, теперь стали Империей? Вы хотите уничтожить невооружённое судно? Избиение мальков какое-то!

– Адмирал? – слышалось со стороны энсина, чьи нервы были крепкими, как дюралевые канаты. – Рекомендую включить подавление вражеских сенсоров и начать маневр уклонения. Ускорение всё нарастает.

– Шаттл слишком непростой для таких мер, – возразил Люк. – Адмирал, прикажите стрелять.

– Но по безоружной цели...

¹ О непростом знакомстве Люка и Леи с шефом Имперской разведки по прозвищу «Чёрная дыра» повествует комикс «Gambler's World», изданный ещё в конце 1970-х, но на русский язык пока не переведённый. Его события происходят за четыре года до «Теней Миндора».

– Шаттл – и есть оружие. – Теперь Люк ощущал это как никогда. – На нас летит корабль-бомба.

– Но... сам Кукловод...

– ...отсутствует на борту, – терпеливо завершил Люк. – Присмотритесь к схеме: шаттлом управляет имперский пилот. Весьма опытный, надо полагать.

– Адмирал... – Теперь голос энсина-оператора осип до предела. – Вектор сменился. Курс перехвата – на скорости в двадцать пять единиц ускорения. Пять секунд.

– Адмирал. – В отличие от младшего офицера, генерал Скайуокер был спокоен, как скала. – Сейчас или никогда.

Кэлбак сомкнул веки-мембраны, и на этот раз не стал их открывать.

– Да простят меня стая и предки, – выдал он. – Огонь.

Открытый космос пронзили турболазерные взрывы. Всего лишь мгновение ушло на то, чтобы первые разряды настигли обречённый шаттл, который в ту же секунду исчез, охваченный вспышкой ослепительно-белого пламени.

Пламени, которое не «лопнуло» в виде сферической ударной волны, как случилось с уничтоженными кораблями, а растянулось в единую плоскость, сформированную наподобие планетарного астероидного кольца или скорее аккреционному диску чёрной дыры. Эта сплюснутая белая аномалия понеслась к «Правосудию» со скоростью света и, не встретив практически никакого сопротивления, пробила дефлекторные щиты. А вслед за ними – бронепластины, корпус и внутренности крейсера.

Уникальное в своём роде «Правосудие» распалось на части.

* * *

Едва пилот Часк Фреган расслабился после битвы и, отключив интерфейс «бритвы», откинулся на спинку кресла, одновременно позволяя своим жабрам пропустить характерный выдох-полусвист, как расположившийся позади бортовой стрелок¹ Корт Хабель разразился непечатной руганью.

– Что ещё стряслось? – Часк вернулся в исходное положение и попытался рассмотреть показания приборов напарника. Вот только глядел Корт не на приборы. Его вниманием полностью завладела живописно-белая звезда, которая неожиданно расцвела в пяти световых секундах, слишком близко к крейсеру «Правосудие».

– Да разразят меня гларды! Что это было?

– Без понятия, – ответил Корт сквозь стиснутые зубы. – На сканерах ничего... погоди-ка, и на комме ничего! Через подпространство не пробиться. – Бортовой стрелок помрачнел. – Нас глушат.

– Кто именно?

– Комм-призраки, хитиноголовые. Почём мне знать?

– Попробуй в реальном пространстве.

– По радио? Мы в пяти световых секундах.

¹ Примечание: стандартные «бритвы», они же «Б-крылы» (A/SF-01 B-wing), которые можно было наблюдать в «Возвращении джедая», вмещали в себя только одного пилота. В романе фигурирует модификация «Б-крыло/Е», рассчитанная на двоих.

– А это значит, что взрыв произошёл двенадцатью секундами ранее?

– В реальном пространстве тоже ничего. Сплошные помехи. Хотя, постой-ка, что-то началось.

Сквозь пелену помех задышавшаяся радиосвязь выдала шокирующую новость: по «Правосудию» был нанесён удар, и удар совершили из всей силы. Повреждения оказались настолько серьёзными, что огромный линкор попросту разваливался, усеивая кусками орбиту. Провести оценку потерь не представлялось возможным, однако эскорт истребителей сообщал об отстреле крейсером спасательных капсул, которые, шныряя между обломками, сопровождалась ещё целыми десантными судами. Ещё спустя несколько секунд истребители повстречали невесть откуда взявшиеся превосходящие силы противника, что первым делом принялись обстреливать капсулы.

– Хорошенько же они нас приложили!

– «Они» – это кто?

– Есть такое мнение, что... – Выпиравшей челюстью Корт мотнул вверх, указывая на висевший снаружи кабины шквал астероидов – астероидов, которые, если верить датчикам, обзавелись десятками, нет, сотнями плазменных сигнатур ионных двигателей, взведённых на полную тягу. – ...что это вот они.

Часк издал серию ещё более грязных ругательств, чем напарник, и ударил по приборной панели истребителя, оживив щиты и с ходу выжав всю мощность. Это стало последним деянием в жизни пилота. Какая-то невидимая сила прошла через защиту «бритвы», будто её даже не существовало, и разорвала корабль напополам.

* * *

– Мы потеряли входящий канал, сэр, – доложил младший лейтенант Хорст Девалоу, ответственный за эксплуатацию связи на «Копьеносце». Он нахмурился: происходившее на экране терминала не вызывало оптимизма. – «Правосудие» вырубилось.

Капитан Тиросск с любопытством изучил вверенные связисту приборы, заглянув через плечо подчинённого.

– Проблемы на их стороне или на нашей?

Вопрос был вполне обоснованным, поскольку модернизированный фрахтовик «Копьеносец» уже разменял вторую сотню лет и благодаря бесконечным неисправностям, сопровождавшимся бесконечной же руганью со стороны всего экипажа, приобрёл меткое прозвище «Старая чушка», произносимое, само собой, в уменьшительно-ласкательном ключе.

– Вызови «Старину» и «Невоспетого», а ну как у них та же неполадка?

Система Таспан приютилась во Внутреннем Кольце настолько глубоко, что само пространство считалось непроходимым. Ведущих сюда прямых безопасных путей просто не существовало. Последний этап маршрута представлял собой серию коротких гиперпрыжков, проходивших по извилистой траектории и всего по несколько световых лет каждый. Выходя из гиперпространства, следовало мгновенно изменять вектор и вновь отправиться в недолгое путешествие. Последняя точка входа перед непосредственным прибытием в нужную системы располагалась неподалёку, в двух световых годах, посреди холодного межзвёздного пространства.

Резервный отряд Новой Республики, к которому причислили «Копьеносца», обладал набором предварительно запрограммированных координат, позволявших прыгнуть внутрь системы Таспан – на окраину, а то и к самому Миндору – так быстро, насколько позволяли возможности кораблей. В зависимости от приказов выдвинутый на передовую резерв мог инициировать штурм или прикрыть отступление основных войск. Однако пока ни «Копьеносец», ни другие суда не получали подобных команд и оттого были вынуждены всю битву ждать и прослушивать подпространственную связь, вплоть до её разрыва.

– Проблема у нас, – сообщил Девалоу, – с другими связаться тоже не получается.

– Ох уж мне эта бесполезная шаланда, именуемая по ошибке фрегатом... – начало было капитан, но связист перебил его.

– Дело не в корабле, сэр. – В голосе младшего лейтенанта слышались напряжённые нотки. – Это подпространственные помехи. Нас глушат, сэр!

– Прямо здесь? – уточнил Тиросск. – Можешь отыскать источник?

– Погрешность датчиков всё растёт... сорок процентов... пятьдесят... Источник локальный, сэр, он глушит все сенсоры и диапазоны частот.

– Боевая тревога, – скомандовал капитан Тиросск тоном, скрежещущим словно ржавые шестерёнки. – Все двигатели на полную. Свяжитесь через реальное пространство со «Стариной» и «Невоспетым», прикажи им готовиться к прыжку.

– Сэр?

– Ты всё слышал. Есть лишь один способ узнать, что происходит.

– Гравитационная волна! – воскликнул третий офицер. – Множественные сигналы, и все в движении!

Тиросск слишком долго прослужил капитаном, чтобы срываться на грубость, но несколько всё же пришли на ум.

– Направление?

Согласно озвученному ряду цифр, гравитационная энергия расстелилась одним громадным полушарием, которое перекрыло точки выхода в гиперпространство, но на этом волна не остановилась и продолжала увеличиваться в размерах.

– Гравитационные мины, – издал новый скрежет капитан «Копьеносца». – Нас пытаются зажать здесь.

– На подходе имперские истребители! – отчеканил тот, кто отвечал за тактическую составляющую. – Четвёртая эскадрилья визуально подтверждает появление многочисленных неопознанных СИД-«Защитников»...

– Откуда пришло подтверждение?! – рявкнул Тиросск.

– По радиосвязи, сэр.

Вот теперь капитан выругался. Правда, так тихо, что и другие чуткие ботаны не услышали бы. Поскольку по реальному пространству сообщения ползли со скоростью света, с учётом расстояния это означало, что незваные гости вот-вот будут здесь.

Так и случилось. Передние иллюминаторы побелели, и атакованный «Копьеносец» встал на дыбы, будто разъярённый рососпинник. Несмотря на противоперегрузочное поле фрегата, корабль затрясло настолько ощутимо, что Тиросск вцепился в командирское кресло и едва не вывихнул плечо, стремясь удержаться в вертикальном положении. Когда стало возможным разглядеть что-либо сквозь иллюминаторы, экипажу мостика предстала картина, не сулившая ничего хорошего.

Посреди некогда спокойного участка космоса завелось огромное число паразитов в лице СИДов. Пространство заволокли убийственные лазерные разряды и торпеды, оставлявшие за собой длинные шлейфы.

– Доложить о повреждениях! – прорычал капитан. – И шевелитесь, выводите нас отсюда. Перегрейте движки, если придётся. Срочно нужно в гиперпространство!

– Но... куда прыгать, сэр?

– «Защитники» же откуда-то взялись, – подсказал Тиросск, – а обратный путь они не перекроют.

– Сэр?

– Миндор, – зловеще изрёк капитан. – Мы идём к Миндору.

* * *

Едкий, сгустившийся чёрный дым заполонил боевой мостик «Правосудия», отчего слёзы потекли в три ручья. Содрогавшийся от рвотных позывов, оглушённый разбушевавшимися и явно перегруженными корабельными сиренами, Люк Скайуокер потянулся к Великой Силе. Ответ пришёл в виде откинувшейся крышки плексилитового ящика, расположенного в десяти метрах, за которой последовал ручной механизм системы пожаротушения, переключившийся в положение «Активировать».

Палубные решётки разразились струями заледенелого газа, за клубившимися вихрями вокруг консолей, что всё ещё исторгали искры и дым. Люк двинулся к коммуникатору, но рухнул на колено, споткнувшись обо что-то мягкое.

Этим препятствием оказался адмирал Кэлбак. Люк наткнулся прямо на его остывавшее тело. Половина продолговатого лица мон-каламари была сплющена – кажется, Кэлбака приложило о терминал, когда ряд сотрясших крейсер толчков посбивал с ног весь экипаж и принялся болтать из стороны в сторону, будто шулер, встряхивавший кружку с игральными костями. Для адмирала Новой Республики эта качка стала смертельной. Люку, пережившему катаклизм и теперь скорбно опустившему голову, оставалось лишь положить ладонь на неповреждённую часть лица Кэлбака и вручить дух усопшего в заботливые объятия Великой Силы.

Одновременно Сила подарила абсолютную уверенность в том, что любое промедление будет подобно смерти, которая настигнет всех: и Скайуокера, и его подчинённых, чьи души вот-вот последуют за адмиралом. Понимание происходящего было таким же твёрдым и убедительным, как палуба под преклонённым коленом. Обречённое «Правосудие» с минуты на минуту готовилось встретить свой конец.

Люк добрался до устройства связи. Здесь он обнаружил другого офицера: живого Тубрими, сжимавшего окровавленное плечо, но так и не покинувшего боевой пост. Однако лейтенант явно получил контузию, судя по охватившей его мелкой дрожи и однообразному бормотанию.

– Что... что это было? – снова и снова выдавал Тубрими.

– Лейтенант, – обратился к нему генерал Скайуокер, – всему экипажу срочно за борт. Десантникам – на шаттлы. Остальным – к спасательным капсулам. Мы покидаем корабль.

– Адмирал... он не... мы не можем...

– Адмирала больше нет, Тубрими. Возьмите себя в руки.

– Но... нет даже докладов о повреждениях...

– Докладов? – Неожиданно мостик содрогнулся, и новые сирены заиграли безумным верещанием. – Чувствуешь? От корабля оторвалась ещё одна часть. Выведи всех наружу. Последним в капсулу сядешь сам. Это приказ.

– Сэр, я... принято, сэр. – Унылая маска отчаяния не сошла с лица Тубрими, и всё же он повернулся к терминалу связи. – Спасибо, сэр.

Люк уже двигался дальше. Следующим его пунктом назначения стал R2-D2, опрокинутый набок и перекатывавшийся из стороны в сторону, издавая судорожный свист. Люк протянул руку и, обратившись к Силе, поставил маленького дроида в вертикальное положение.

– Всё хорошо, Ар-два. – Джедай присел рядом, приободряя друга. – Я в порядке. Давай посмотрим, что тут у нас.

R2-D2 жалобно присвистнул и, смущаясь, совершил оборот вокруг своей оси. Один из искорёженных сервоприводов перегнулся, испуская искры, а катковая опора на повреждённой стороне вовсе не работала и волочилась за полукруглым корпусом.

– Ладно, вижу. Ничего страшного, дружок, ты и сам починишь, как только мы всё уладим. Пойдём.

Малыш-астромеханик отважно пропищал.

– Забудь, – ответил Люк. – Я тебя не брошу. Выберемся отсюда вместе.

– Э-э, сэр? – со стороны Тубрими послышался смех на грани истерики. – Возможно, мы вообще не выберемся.

Люк поднялся на ноги, и по воле генеральского жеста туман, осевший вокруг Тубрими, куда-то улетучился.

– Покажи-ка.

Расплывчатый, подёрнутый дымкой дисплей не содержал хороших новостей. Согласно увиденному, «Правосудие» попросту развалилось на куски. Три крупнейших обломка беспорядочно ползли по орбите Миндора, заполненной астероидами, и каждый такой обломок облепили тучи сражавшихся друг с другом «крестокрылов» и СИДов. Вокруг двух фрагментов некогда величественного «Правосудия» обнаружились сигнатуры двигателей десантных шаттлов и спасательных капсул, которые в лихорадочном темпе уносились как можно дальше. Третий фрагмент, наименьший, отличался разве что мгновенно замерзавшими потоками испускаемой наружу атмосферы.

– Этот мелкий – мы, сэр. Секция-мостик получила несколько торпедных попаданий по отсекам со спасательными капсулами. Иными словами, капсул больше нет. Никаких. Отсеков нет. Отсеков больше...

Бормотанье было прервано, когда Люк сжал плечо офицера.

– Сколько из экипажа заперты с нами?

Тубрими с трудом проглотил комок в горле.

– Не могу сказать, сэр. Может, несколько сотен. Но заперты ненадолго. – Перепончатые пальцы, повисшие над терминалом, свело беспомощной судорогой. – Не позднее, чем через пять минут мостик станет единственным местом, где останется хоть какое-то жизнеобеспечение. Разрушения свели на нет атмосферные процессоры и системы заделки пробоев по всему кораблю. То есть, по этой части корабля. – Его вновь охватила дрожь. – В смысле, что раньше было кораблём.

– Не расклеиваться, лейтенант. Я вытаскивал других из передраг потруднее. – С этими словами Люк поднялся на командный помост и громко, чётко заговорил. – Всему персоналу

мостика приказываю вернуться на свои места. Закрепите как следует раненых и мёртвых, после чего пристегнитесь сами. Кроме вас, – добавил он, глядя на пилота, – найдите себе другое место. А я займу ваше.

– Вы? – удивился пилот. – Но сэр, системы мон-каламари не предназначены для взаимодействия с людьми.

– Это уже мои проблемы, – заявил Люк, усаживаясь в пилотское кресло. – Вам же следует где-нибудь пристегнуться и обезопасить себя. Скоро начнёт трясти.

– Сэр?

– На борту экипаж, которому не хватит воздуха. Так что пойдём-ка и добудем немного. – Генеральская рука указала на широкую округлость ржавого оттенка, которой являлся Миндор. – Прямо по соседству – целая планета.

– Сэр! – У Тубрими отвисла челюсть. – Двигателей больше нет, даже репульсоров! Вы же понимаете, что нельзя просто так взять и повести корабль в атмосферу с одними маневровыми...

– Понимаю, – отозвался генерал. – Но я и не предлагаю. Я приказываю. И речь идёт не просто о заходе внутрь атмосферы.

Люк повёл ладонью над электростатическим полем пульта управления и позволил себе легонько улыбнуться.

Впервые за несколько недель он по-настоящему ощущал себя джедаем.

– Я собираюсь посадить эту штуку.

* * *

Никто из новореспубликанских войск не заметил, как обломок «Правосудия» нырнул в верхние слои воздушного слоя Миндора. Вниманием союзников не завладел даже километровый шлейф пламени и дыма, который тянулся вслед за останками крейсера по курсу его движения. Силы Республики целиком и полностью посвятили себя выполнению более насущной задачи – пережить эту битву.

По всей звёздной системе извергались гравитационные колодцы, отбрасывая искусственную гравитационную тень подобно тому, как встревоженная водная гладь покрывалась рябью, если швырнуть туда один за другим несколько булыжников. Приглушённая подпространственная связь и ослепшие датчики не давали возможности хотя бы предположить, сколько примерно грави-мин или проекторов могло быть сокрыто посреди триллионов астероидов. Вражеские заградительные поля, наслаивавшиеся друг на друга как пирог, не только перечеркнули надежду на побег в гиперпространство, но также катастрофически изменили и без того нестабильные орбиты каждого объекта размером меньше спутника. Звёздная система Таспан, взбудораженная хаосом вовсю бушевавших осколочных ураганов, погрузилась в ночной кошмар.

И астероидная бомбёжка, подстёгиваемая работой гравитационных станций, была не единственным порождением кошмара. За убийственными штормами последовал град в виде хлынувших отовсюду эскадрилий не менее смертоносных СИД-перехватчиков.

В отличие от своих прямых потомков, «Защитников», имперские перехватчики не обладали таким избытком достоинств. Они не могли похвастаться крепкой бронёй, не имели щитов или гипердвигателя, однако стяжали себе лавры невероятно быстрых и манёвренных

машин, которые, сбиваясь в многочисленную стаю, были способны загнать практически любую жертву. Пилоты республиканских «крестокрылов» и «бритв», заявившиеся к Миндору, к своему ужасу обнаружили здесь крайне опасного противника. Один из командиров звена – само собой, наиболее остроумный и языкастый – не сдерживая эмоций, описал лавину перехватчиков как «наплыв попрошаек, лезущих отовсюду и одновременно».

Посреди бедлама, что вызвали настроенные агрессивно и против всех астероиды, отсутствие щитов обернулось для СИД-перехватчиков преимуществом, поскольку дефлекторы так или иначе игнорировали материальные объекты. Имперские пилоты перекачивали энергию внутрь двигателей, выжимая из механизмов максимум скорости, а также в два счёта перезаряжали конденсаторы лазерных пушек, тем самым обеспечивая более продолжительный огонь. Самих перехватчиков высыпало так много, что схватка между истребителями вылилась в своего рода охоту первианских кровятников на чудо-ястребов, и при этом охотники ещё и периодически покусывали более крупную добычу: крейсера Новой Республики.

Вот почему никто не удосужился проследить по оптическим датчикам за останками «Правосудия», вот почему ни один военный Республики не стал проверять аварийный канал расчленённого флагмана. И никто из участников боя не услышал, как по этому самому каналу, воспроизводясь зависшим на орбите сигнальным бумом, звучал низкий, сверхъестественно спокойный голос.

– Вызывает крейсер Новой Республики «Правосудие» под командованием Люка Скайуокера. Адмирал Кэлбак мёртв. Корабль разбит, спасательных капсул не осталось. Я встал у штурвала и попытаюсь посадить судно над северным тропиком, возле зоны терминатора. Когда это произойдёт, вам надлежит начать поиск выживших, используя координаты на закодированной запасной частоте. Желаю удачи, и да пребудет с вами Сила. Скайуокер, конец связи.

Лишь одному кораблю, неожиданно выскочившему в световом луче от Миндора, посчастливилось перехватить сообщение. У «Копьеносца», который стараниями имперских гравимин оказался вырван прямо из гиперпространства, и не оставалось иного выбора, кроме как избегать гущи событий и оценивать обстановку издалека.

Младший лейтенант Девалоу побледнел, стоило ему, выполняя обязанности связиста, уловить передачу с сигнального бую. Когда о сообщении Скайуокера было доложено капитану Тиросску, тот немедленно приказал перенацелить самый мощный из доступных оптических датчиков в сторону планеты, чтобы экипаж смог рассмотреть происходившее у терминатора. Сенсорный набор «Старой чушки» оставлял желать лучшего, но начинка корабля всё же позволила, пусть и с великим трудом, сфокусироваться на изображении падавшего к Миндору искомого «Правосудия», за которым тянулся длинный след, источавший смог. Однако вскоре затаившему дыхание экипажу «Копьеносца» предстала другая картина, в виде распустившегося огромным шаром пламени, что скрыл останки флагмана.

– Ой-ой-ой, – онемел от увиденного Тиросск. Теперь на ум не приходило ни единого ругательства: то, что творилось в душе капитана, было не выразить словами.

– Это было... – Девалоу поперхнулся, и лишь затем продолжил. – Это было «Правосудие»?

– Боюсь, оно самое. – Тиросск рухнул в командирское кресло. – Увы...

– Корабль самого генерала Скайуокера?

– Никто бы не выжил, – безжалостно прокомментировал Тиросск. – Нас разделяет тридцать световых минут. То, что мы увидели в данный момент, произошло полчаса назад.

Девалоу не осмелился больше задавать вопросов. Этого и не требовалось.

– Он умер полчаса назад, – ошарашенно повторил капитан Тиросск, плечи которого вдруг поникли под тяжестью гнетущей ноши. – Люк Скайуокер погиб.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Хан Соло откинулся в кресле, сцепив руки за головой и опустив спинку сиденья так низко, что пришлось упереться коленом в крышку стола, чтобы избежать падения. Уставившись в потолок, Соло уже который раз за день – третий? четвёртый? триста четвёртый? – размышлял, поджидает ли его смерть от скуки.

Вновь и вновь мелькала одна и та же мысль. Хан самоустранился бы без колебаний уже двое суток назад, будь у него такой выбор. Если в галактике поискать что-нибудь более ненавистное ему, нежели «великое» сидение часами напролёт внутри четырёх стен, где приходилось слушать чужое нудное брюзжание, так это сидение посреди комнаты, проводимое под брюзжание мандалорцев.

Ситх побери, да он их просто не выносил!

Хан не считал себя ярым мэндофобом. Он не ненавидел их в целом, невзирая на тот давний злополучный опыт с неким одиночкой, известным мандалорским охотником за головами, который – если справедливость существует, а Великая Сила встала поутру с нужной ноги, – сейчас переваривается желудочным соком сарлакка. Просто из этой шайки «надмолорцев» (надменных самопровозглашённых царей на ратном поле) Хану ещё не встречался такой, кто, выдавая обыкновенное «Доброе утро», действительно желал бы доброго утра. Вместо общепринятого акта вежливости всегда получалось что-то вроде «Надеюсь, утро взаправду выдастся добрым, потому как если ты хоть что-нибудь выкинешь, незамедлительно пострадает твоя миролюбивая кореллианская задница, и ты даже не вспомнишь, в какой галактике её просиживаешь».

Нет, он не ненавидел мандалорцев в целом. Он не выносил лишь тех, с кем доводилось повстречаться лично. Каждого из них.

Хуже всего, что какие-то извращённые понятия о чести или недостаток национального самосознания не позволяли мандалорцам вести переговоры на общегалактическом. Что, конечно, не отменяло пресловутого брюзжания. Чуткий кореллианский слух Хана Соло с трудом воспринимал мандалорскую речь, вызывая неизбежные ассоциации со стаей песчаных пантер, которые то и дело отхаркивали застрявшие в глотках комки шерсти размером с голову взрослого человека. И, чтобы главный переговорщик Новой Республики не тронулся умом, вот такое отрывистое харканье получало скрупулёзный перевод на общегалактический со стороны протокольного дроида. Легковозбудимого, сверхчувствительного и до безумия нервного протокольного дроида, который, несмотря на свободное знание шести миллионов форм коммуникации, чудесным образом так и не избавился от раздражающего акцента, присущего полнейшим снобам из Центральных Миров. А так как последние несколько дней были безвылазно проведены в одной комнате с обладателем этого безостановочного акцента, тот настолько доконал Хана Соло, что он успел всласть помечтать, как в один прекрасный день со всей души наподдаст механическому переводчику, отправив его в обратное путешествие до Татуина.

Единственным сдерживающим фактором, благодаря которому перепланировка дроидов временно отменялась, было присутствие рядом главного переговорщика Новой Республики – настолько прекрасного создания, что от одного взгляда на неё перехватывало дыхание, а сердце начинало бешено колотиться.

Её отличала не только красота, но ещё и потрясающий ум в сочетании с бескомпромиссной отвагой. За всю свою насыщенную жизнь эта женщина совершила только одну всамделишную глупость: позволила себе пару лет назад втрескаться по уши в лихого капитана фрахтовика, пусть и доведённого до нищеты. Ладно, чего греха таить: в контрабандиста с сомнительной репутацией и висевшими на хвосте имперскими служаками, охотниками за головами и криминальными авторитетами, коих просто было не счесть. Вот почему Хана всегда останавливал потайной страх, что хотя в случае нанесения какого-либо вреда дроиду-переводчику Си-3ПО на душе самого Соло и станет легче, отрицательные последствия будут непоправимыми, потому что Лея, наконец, раскроет свои прекрасные очи и осознает всю ошибочность и ужас совершённой глупости.

Не то, чтобы Хан признавался в этом кому-либо. Даже Чубакке, да даже самому себе, пусть в девяноста девяти процентах из ста таких случаев самолюбие оставалось нетронутым. Вот только один процент, как стал подмечать Хан, означал неуверенность в себе, которая извивалась червяком глубоко внутри, постоянно нашёптывая слова сомнения, и тогда нервничавший Хан уже не мог думать ни о чём другом, кроме как об ответных чувствах своей ненаглядной избранницы, и клялся самому себе, что никогда-никогда не даст повода Лее разлюбить его.

Как результат всех этих редких душевных страданий, контрабандист и бывший генерал часами маялся посреди конференц-зала, сокрытого на безымянном астероиде в какой-то глуши Внутреннего Кольца, и старательно делал вид, будто ему не наплевать на происходящее, пока работавший здесь коммуникатор продолжал вещать мандалорский лепет, а Си-3ПО переводил их невнятную тираду реплика за репликой.

Вот и сейчас механический помощник Леи заговорил своим звонким голосом, комментируя свежую информацию.

— Коммандер повторяет, что капитуляция попросту невозможна и что есть лишь единственное мирное разрешение ситуации, сложившейся настолько печальным образом — печальной для «всех повстанцев», — то есть для Новой Республики, конечно: кажется, коммандер не видит разницы, в противном случае, он демонстративно совершает такие глупые ошибки. Вне зависимости от его интеллекта, единственным выходом ему видится следующее: повстанческие силы должны незамедлительно покинуть эту систему. Само собой, точная формулировка звучит по-другому. «Если повстанцы остаются — все умрут, а если мятежники уйдут, тогда все будут счастливы». Но и этот буквальный перевод опускает грубый оттенок изначальной фразы и оттого не передаёт и доли всего варварского словарного запаса переговорщика. В самом деле, принцесса, их безвкусный язык не подвергается обработке: ещё немного, и мои фильтры нецензурной лексики будут перегружены!

Вообще-то Хан не совсем понимал сути переговоров. Когда в этой системе разразилась битва, он и Лея скитались далеко отсюда по противоположному краю галактики, где целому, пусть и небольшому звёздному скоплению потребовалась помощь в том, чтобы перебраться в лоно Новой Республики. Хану надолго запомнилась их, казалось бы, заурядная дипломатическая миссия, поскольку повидавшего многое контрабандиста просто в дрожь бросало от одного вида аборигенов — маленьких волосатых созданий, похожих на пауков, которые, в отличие от большинства арахноидов, тем не менее, обзавелись вполне себе гуманоидными мордами и широкими пастями, что были усыпаны сверкающими, подозрительно острыми зубками.

Так или иначе, по первому требованию властей пришлось доставить Лею на новое место. Пока они пересекали просторы галактики, чтобы добраться сюда, в эту систему, битва уже подошла к концу: имперские войска были разбиты, а все выжившие с позором покинули место сражения. Все, кроме пятисот или шестисот мандалорских наёмников, что не пожелали сдаваться и, выбрав своей мишенью столичный мир системы, оккупировали несколько тринейтрониевых

энергостанций. Затем мандалорцы, которые, как известно, не бросали слов на ветер, пригрозили подорвать находившиеся в их распоряжении генераторы и тем самым освободить планету от трёх с половиной миллиардов жителей. И чтобы это произошло, хотя бы одному республиканскому кораблю достаточно было коснуться поверхности.

Проще говоря, мандалорцы захватили весь мир в заложники.

За все бесконечные часы напряжённых переговоров Хан уяснил лишь одно. Имперский военачальник, успевший сделать ноги из этой системы, напоследок обронил приказ: любыми доступными средствами воспрепятствовать союзу местных с Новой Республикой. Мандалорский же командер истолковал приказ по-своему, восприняв не иначе как «воспрепятствовать союзу любыми средствами, даже если придётся пожертвовать всеми, включая себя самих». Вот только Новая Республика совсем не намеревалась оставлять систему, богатую не только природными или производственными ресурсами, но и лояльно настроенными гражданами, которые во время межпланетного референдума подавляющим большинством проголосовали за членство в Новой Республике. Если точнее, девяносто семь процентов граждан не пожелали союза с имперцами. Хан про себя надеялся, что оставшиеся три процента откровенно твердолобых имперофилов живут где-нибудь по соседству с энергостанциями.

Итак, конфронтация вынудила обе стороны сесть за стол переговоров, отчего плавно зашла в самый что ни есть тупик. Рациональным словам и мягким убеждениям Леи мандалорский командер противопоставлял собственную непреклонность, подпитываемую тупым нерфым упрямством. Дошло до того, что Хан стал нетерпеливо считать минуты до обещанного прибытия Лэндо.

Уже это само по себе являлось удивительным, и вовсе не из-за самого Лэндо, который нравился Хану, несмотря на их историю знакомства – длинную, запутанную и частенько с несчастливыми эпизодами, отчего их положительные взаимоотношения всё же омрачались временами. Нет, Хан томился в ожидании не Лэндо, а, скорее, ценного багажа, который тот должен был доставить на блюдечке к столу переговоров. Ну, почти багажа. Спутника.

В отличие от старины Хана, генерал Лэндо Калриссиан не покинул военной службы. На сегодняшний день он занимал высокопоставленную должность шефа службы спецопераций, что, правда, на взгляд Хана звучало так, будто его приятель-генерал подрабатывает на полставки каким-нибудь таксистом. Пользуясь полномочиями, Лэндо посетил мандалорский сектор космоса, где выловил единственного во вселенной человека, способного, по словам генерала, вправить мозги наёмникам-террористам. И теперь Лэндо мчал на всех парах в охапку с великим командиром Мандалорских защитников, известным как самопровозглашённый лорд Мандалор. Фенном Шисой собственной персоной.

Или, как давно постановил для себя Хан, то был сладкоречивый болтун Фенн, рисковавший целостностью своего черепа за то, что не сводил глаз с Леи.

Шиса и его подчинённые отказались от наёмничих тягот, сформировав вместо этого коллектив гражданского ополчения и превратившись в эдаких добровольных хороших полицейских, творивших, понятное дело, исключительно благие деяния. То есть статус верховного «надмолорца» автоматически означал, что Фенн Шиса весь из себя такой благородный-преблагородный, самоотверженный пуще остальных, и, с какой стороны не посмотри, просто самый-самый лучший во всём. В общем, лучше тебя, ничтожество.

Если бы Хан трезво оценивал подобные ситуации (чего за ним не водилось), он признался бы, что проблема с вождём Защитников напрямую касалась больше Леи, нежели неприязни к мандалорцам. И если бы он оставался предельно честным с самим собой, то справился бы с червячком сомнений, который в таких случаях нашёптывал одно и то же. Красавчик Фенн Шиса и

внешне лучше тебя. Чуткий льстец Фенн Шиса лучше тебя проявляет внимание к Лее. И – самое страшное – его ухаживания Лее, по-видимому, нравятся больше твоих.

Вот и сейчас только скрипя зубами, преодолевая вражду, он был вынужден заочно позволить Шисе возыметь удовольствие провести немного времени в одном помещении с Леей. Правда, там же в качестве сопровождающих присутствовали и несколько десятков офицеров, не говоря уже о патовой ситуации, которая требовала скорейшего, немедленного разрешения. Да, вот эти обстоятельства и сыграли решающую роль. Хан же посчитал, что, соглашаясь с необходимостью присутствия Шисы, он продемонстрировал личностный рост. Самую малость. Наверное.

Только что проделанные достижения утратили актуальность, когда Лея повернулась к нему и взяла за руку. Почти сходявший с ума Хан ожидал, что любимая принцесса сейчас признается на ушко, как сильно она ждала новой встречи с Шисой¹.

Но этого не произошло. Вместо имени мандалорца прозвучало имя другого парня, дорогого её сердцу уже безо всяких сомнений.

– Хан, Люк в беде, – пробормотала она голосом на грани напряжения.

Повисший стул, на котором устроился Хан, мгновенно приземлился в исходное положение.

– Что?

Лея слегка помотала головой – жестом, слишком знакомым Хану и означавшим, что принцесса не понимает причины происходящего, но самое происходящее ей весьма не нравится.

– Эй, я тоже о нём беспокоюсь, но... – Хан успокаивающе сжал плечо возлюбленной. – Но он сам может о себе позаботиться, понимаешь? С такими-то всеумениями...

Он затих, почувствовав, как под ласкающими пальцами плечо только напряглось. Более того, её страхи теперь медленно, но верно передавались самому Хану.

– Дело не просто в миндорском рейде. – Лея прикусила нижнюю губку, отчего уголок рта украсился ямочкой. – Мне кажется... кажется, там творится что-то неладное. Что-то плохое.

– Что-то, с чем он может не справиться? Речь и правда о Люке Скайуокере, о нашем мистере «Я должен в одиночку пойти к Вейдеру с Палпатином»? – Прозвучавшая фраза поначалу показалась остроумной, но всё-таки по какой-то причине была неубедительна. Хан продолжил попытки. – Разве у него вообще бывают безвыходные положения?

– Я... я не знаю, Хан! – Резкая перемена настроения уже ни в чём не уверенной Леи заставило сердце Хана точно так же резко ухнуть куда-то в пустоту. – Если бы знала, я бы даже не стала говорить, а нас бы здесь и след простыл.

– Извините, пожалуйста, я ужасно извиняюсь, принцесса, – между ними появилась наклонённая голова Ц-3ПО. – Хотя моя база данных и подпрограмма анализа стрессовых изменений в голосе предполагают, что ваш разговор носит конфиденциальный характер, спешу сообщить, что командер теряет терпение и требует сеанса связи. Безо всякого уважения, кстати.

– Если ему так необходим сеанс, переведи ему следующее... – Хан приготовился было выпалить тираду, но его прервала неожиданно сильная хватка Леи.

– Хан, ты можешь всего лишь... разузнать обстановку? Попробуй через центр связи. Просто... убедись, что с *ним* всё в порядке. И передай, чтобы проявлял осторожность. –

¹ Первая история мандалорцев, впоследствии отретконенная, рассказана в комиксе «Star Wars 68», изданном Marvel в 1980-х. Оттуда же в позднюю Расширенную вселенную перебрались Фенн Шиса и далеко не пустынная планета Мандалор. Что касается первой встречи Шисы и Леи, прошла она там же, в 68-м выпуске, и не обошлось без романтических ноток, так что в последующих выпусках Фенн действительно флиртовал с принцессой, чем неимоверно раздражал Хана. Встреча же Мандалора Шисы и контрабандиста-генерала, состоявшаяся в выпуске 101, прошла неудачно. Комиксы переведены на русский язык.

Настойчивый шёпот стал совсем тихим, едва различимым. – Передай, что у меня плохое предчувствие.

* * *

Хан рысью пересёк огромный стыковочный отсек, застёгивая пояс с кобурой и принайтовывая бластер в удобном положении. Повсюду сновали члены ангарной команды, деловито расставлявшие истребители с шаттлами по стояночным докам при помощи буксиров, что находились на последнем издыхании и оттого заполняли ангар газохимической, вызывавшей приступы кашля дрянью. Когда, наконец, показался «Сокол», от увиденного Хан встал как вкопанный. Под передними клиновидными массивными жвалами корабля обнаружилась целая свалка агрегатов и деталей, характеризовавшихся всевозможным набором стадий запущенности и демонтажных работ. Намётанный глаз Хана с ходу определил назначение не в меру разбросанных компонентов, которые, к сожалению, принадлежали блоку управления дефлекторного щита, оберегавшего правый борт «Сокола». Субъект, ответственный за столь необоснованную порчу имущества, в настоящий момент расположился возле ближайшего смотрового люка, и единственной доступной взору частью тела оставалась пара огромных, покрытых рыжеватой шерстью ног. Сам же обладатель ног, соорудив подобие строительных лесов из инструментального ящика размером с гроб и чего-то напоминавшего закусочный столик, втиснул большую часть своей волосатой туши внутрь корабля Хана.

– Чуи! Эй, Чуи!

Никакой реакции не последовало. Неудивительно, поскольку Хан едва ли мог перекрыть издаваемый буксировочными машинами рёв вперемежку с приказами диспетчеров, усиленными электроникой. Тогда Хан подобрал магна-ключ и принялся колотить по корпусу «Сокола» с такой силой, что на обшивке образовался новый шрам. Ответом стал глухой удар, раздавшийся где-то в глубине люка и сопровождавшийся коротким, но искренним ругательством на языке вуки, способным подорвать самообладание любого человека в галактике. Почти любого.

– Застегни-ка нашего красавца на все молнии и пуговицы, – скомандовал Хан напарнику, чья косматая башка тоже могла оставлять вмятины на дюралести. – Я займусь предстартовым запуском. Десять минут на сборы.

Чуи протестующе взвыл.

– Ну, за двойной норматив ты можешь раскурочить корабль по винтикам...

Грубое возражение «гырарх бру оуууарх!» означало, что если бы Чубакка упускал всякий шанс разбирать корабль по винтикам, они вообще остались бы без корабля. Хан не мог оспорить настолько очевидную истину, поэтому он сменил тему.

– Лэндо и его почётный караул вот-вот сбросят якорь. Через двенадцать минут диспетчеры опустят щиты, и «Сокол» должен быть готов улизнуть втихую.

Косматые брови Чубакки сошлись на переносице, и вуки прорычал осторожный вопрос.

– Нет-нет-нет, ничего подобного. За нами никто не гонится.

– Гарруф?

– Всего лишь небольшая командировка. Нам предстоит, эм, проведать Люка. Заглянуть к нему на огонёк, так сказать. Назовём это дружеским визитом.

– Руррх виру сннх, – прокомментировал Чубакка.

– Что такое? Разве не хочешь увидеть Люка? Он тебе больше не по нраву?

– Лоуроу. Лоурроу, гроохнннн?

– Нет, она не придёт.

– Гаррифф?

– Потому что я так сказал. Кто тут капитан, в конце концов?

– Нируггр фнитролерруу! – Чубакка повысил голос, отчего застывшая на лице Хана «капитанская маска» дала трещину. – Ссироулл гариюуу...

– Ладно-ладно, потише, а? – Хан быстро огляделся по сторонам, стремясь не допустить любопытных ушей. – Я только что побывал в центре связи. Пропала связь со всей оперативной группой Люка сразу с того момента, как они достигли точки назначения. Минут десять назад и резервные силы как в воду канули. – Он нахмурился. – И, если верить ощущениям Леи, у Люка проблемы.

Чуи попытался было прорычать другой вопрос, но Хан перебил напарника-вуки.

– Не представляю, как мы можем помочь. Скорее всего, никак не можем. Но хотя бы выяснить, что происходит, мы в состоянии. А вот чего я точно не могу, это... Чуи ты меня знаешь. Знаешь, как никто. Я не могу просто бросить *его* там...

– Гнн лоуроух?

– Нет, она попросила только попытаться связаться с ним. Того, что мы собираемся улететь, она не знает. И не узнает. Я ни за что не возьму её туда.

– Хоуррг?

– Потому что... – Хан скривился, шагая к трапу... – потому что у меня тоже плохое предчувствие.

* * *

Лэндо Калриссиан величественно сходил с борта личного командирского шаттла и каждым сантиметром своего внешнего вида – начиная от ювелирно-тонкого, отливавшего серебром козырька фуражки и заканчивая сапогами, начищенными до зеркального отблеска – излучал облик генерала, которым он и являлся. Элегантный, ладно скроённый и плотно облегающий костюм также отличался подобным лоском: глянцеви́тая ткань цвета морской волны, являвшаяся чуть ли не произведением искусства, служила магнитом для всеобщего внимания при любой обстановке, ведь, по мнению её обладателя, любой офицер просто обязан быть образцовым джентльменом. Нечего и говорить, что костюм сидел на Лэндо как влитой. Фасон разрабатывал он сам.

С генеральских плеч до пояса свисала форменная шинель, изготовленная по особому заказу в виде накидки, само собой, чёрного оттенка. Когда достоверный источник шепнул Лэндо о том, что Акбар и командование совершенно точно наложат запрет на прежнюю роскошную мантию, он и заказал новый, более подходящий новому статусу плащ. Чёрный был выбран по одной простой причине: этот цвет подходил к любому предмету одежды.

Рядом спускался Фенн Шиса, чей лётный комбинезон пусть и считался самым обыкновенным, всё же был ему к лицу. Несколько ранее, стоило Лэндо заявиться в шаттл, блистая синевой своей шикарной парадной формы, как Шиса немедленно расхохотался.

– Не припомню ни одной голограммы Мадина в таком прикиде, – отвесил мандалорец тогда.

– Потому что Крикс не может себе позволить «такой прикид», – пожал плечами Лэндо, любуясь отражением в обширном зеркале, а в особенности – кокетливым разрезом пиджака. – Согласись, Мадин слишком многое держит в себе¹.

– И ты ещё удивляешься, с чего вдруг мандалорские наймиты не проявляют к тебе должного уважения.

На лице Лэндо расцвела ухмылка.

– Люблю, когда меня недооценивают.

– По-моему, ты тащишься больше от вычурных нарядов.

– Фенн, друг мой, если просто хорошо выглядеть когда-нибудь станет преступлением, я готов сразу начать отбывать пожизненное.

Прибыв на место, Шиса по-военному напролом двинулся через весь гудевший от кипучей деятельности ангар. Лэндо чуть поотстал, поочередно задерживаясь то у техника, то у сигнальщика-швартовщика, и каждый представитель ангарной команды, удостоенный внимания генерала Калриссиана, одаривался кивком, кратким знакомством, а то и приветствием по имени, если знакомство ранее уже состоялось. Феноменальная память Лэндо, хранившая истории о тысячах других любителей азартных игр, а также – о предпочитаемых ими тактиках, позволяла не только без труда запоминать имена всех когда-либо встреченных в жизни, но также имена их детей и название родины собеседников. Однако поведение в ангаре было не просто укрепившейся привычкой или методом работы. Лэндо искренне нравилось проводить время среди живых существ, и благодаря этим, казалось бы, незначительным или даже лишённым смысла моментам пользовался бешеным успехом среди рядового состава СОНР. Обратной стороной такой славы являлась неспешная скорость передвижения, и поскольку Лэндо преодолевал целую толпу рабочего персонала, к моменту её окончательного прохождения он слегка опоздал и пропустил адресованную Фенну реплику Леи. Кажется, речь шла о Си-ЗПО, который ожидал их в конференц-зале с докладом и подробным инструктажем.

Ещё на подходе Лэндо рефлекторно отметил, как щёки Леи налились милым румянцем: должно быть, Шиса отпустил какой-нибудь неуклюжий, но лестный комплимент. Не желая отставать от вояки, который при всех достоинствах не отличался изысканными манерами, Лэндо самолично подрулил к принцессе и, завладев нежной ручкой Леи, склонился над тыльной стороной её ладони.

– Прощу прощения, принцесса, – проговорил он, – за столь неуместные слова, но ваша красота, как и прежде, повергает меня в изумление.

– Притормози-ка, – осадила Лея, рывком выдернув свою руку. Тут только до Лэндо дошло, что милый румянец, по всей видимости, вызвала скорее ярость, нежели смущение. – Лучше ответь на вопрос.

Застигнутый врасплох Калриссиан сморгнул.

– Да, принцесса?

– Почему, – выдала Лея сквозь зубы, – единственный мужчина моложе шестидесяти, способный хотя бы притвориться взрослым – мой родной брат?

¹ Крикс Мадин – куратор спецназа Альянса повстанцев, продолжавший занимать высокий пост после реорганизации Альянса в Новую Республику. Какое-то время также занимал пост шефа разведки.

Прежде, чем Лэндо пролепетал какой-то достойный ответ, принцесса развернулась на каблуках и помчалась по коридору твёрдой решительной походкой, которая, вызывая ощущение дискомфорта, живо напомнила демонстрацию угрозы со стороны сокорранского гранитного ястреба.

Фенн склонил голову к генералу.

– Что это с ней?

– Кажется, она слегка на взводе.

– Если она дипломат, разве ей не требуется быть, не знаю, посдержаннее?

– Выдержка – её второе имя. Однажды Лею допрашивал сам Дарт Вейдер, а она даже глазом не моргнула. Введи в Голонете запрос «стойкость», и сразу высветится её профиль.

– Прямо сейчас её стойкость точно пошатнулась.

– Можно и так сказать.

– Так что способно заставить такую девушку взъяриться, рассвирепеть и всё такое?

– Правильнее будет – «кто», а не «что». – Лэндо улыбнулся своим непроизвольно всплывшим заветным воспоминаниям. – Он и мастера-джедая доведёт до глубокой истерики, так что ярость Леи полностью оправдана.

Фенн понимающе кивнул.

– Должно быть, речь идёт о Соло.

* * *

Ворвавшись в грот, обустроенный как ангар для космических кораблей, Лея перешла на бег, но неподвижно застыла, заметив отсутствие знакомого силуэта за рядами шаттлов и истребителей, который обычно уже несколько суток подряд как виднелся там, в ремонтном доке. Она протолкнулась сквозь толпу работников ангара прямо к доку с «Соколом». Здесь принцессу не ожидало ничего, кроме пятен смазки и охлаждающей жидкости, нескольких фрагментов обшивки корпуса и стихийно разбросанных электронных компонентов. Также обнаружился магна-ключ с помятой головкой, который Лея, стиснув зубы, подняла с пола. Несколькоими движениями девушка будто взвешивала инструмент в руке, но затем конечность безвольно опустилась, и Лея принялась с ненавистью всматриваться за пределы щита, туда, где простёрлась необъятная чернота космоса.

Причина такого поведения была простой: ей не следовало отправлять Хана с поручением. Пусть он продолжил бы мучительное ожидание в конференц-зале, слушая, как Си-ЗПО из шестерёнок вон лезет в своих попытках максимально вежливо перевести мандалорское глумление. Только спустя десять минут Лея осознала собственную ошибку. Заодно пришло и понимание корня этой проблемы.

Она ошиблась потому, что недостаточно серьёзно принимала свою сущность.

Даже по прошествии всех этих месяцев она не могла полностью заставить себя поверить, что в её жилах течёт самая настоящая кровь джедая – и не просто джедая, а, возможно, могущественнейшего джедая в истории. Лея никогда в полной мере не принимала истину о природе своих инстинктов, внутреннего чутья и предчувствий, за которыми крылось гораздо большее, нежели явления психологического толка, а самые что ни есть подсказки Великой Силы,

прошептанные на ушко. Отправляя Хана, девушка взаправду поверила, будто он просто разузнает обстановку в центре связи и проверит подпространственные отчёты оперативной группы Люка, а, собрав необходимую информацию, примчится обратно и скажет, что всё в порядке. Может, пошутит в довесок о причудах женской интуиции, которая временами даёт сбой.

Люк, должно быть, легко справлялся с наследием джедаев, поскольку разлучённый брат, росший во Внешнем Кольце, даже не знал, что они собой представляли. Лее, напротив, с пелёнок прививали глубокое уважение к джедаям и ко всему олицетворяемому ими. Глава семьи, которого она всё ещё называла отцом, также известный как принц-консорт Бэйл Органа, являлся кладезью неиссякаемых легенд, связанных с джедаями и относившихся не только к периоду Войн клонов, но и ко всей истории Республики. Отец считал недостаточным просто положительно относиться к джедаям, предпочитая рассматривать выбранную ими стезю мира и справедливости как пример для подражания, в то время как сами джедаи, пожертвовавшие всем в Войнах клонов, заслуживали хотя бы достойного почтения.

Надо ли удивляться тому, что Лея не желала признавать наследие иного рода? Правду, согласно которой её настоящим отцом был не кто иной, как герой из легенд Энакин Скайуокер. Правду о герое, который так или иначе перевоплотился в самого безжалостного, смертоносного и устрашающего головореза Империи. Правду о другом дитяти головореза, которым оказался нетерпеливый мальчишка – тот самый, что без малейших намёток плана, на одной только наивной вере во вселенскую справедливость ворвался в тюремную камеру на «Звезде Смерти» с целью спасти её, и тот самый, что теперь зазывал её пойти по стопам отца.

Совершенно нелепые превратности судьбы. Будь на её месте кто-то другой, она едва ли смогла бы поверить в такое.

Но когда подобные нелепости происходят с завидным постоянством, хочешь не хочешь, а поверишь. И, сидя посреди холодного конференц-зала на лишённом атмосферы астероиде, ты не станешь долго сомневаться, когда вдруг снизойдёт предчувствие. И, находясь за тысячи световых лет от родного брата, внезапно осознаешь, что он подвергся смертельной опасности, не обладая ни единым шансом выжить в одиночку.

Однако даже эти недолгие сомнения, отмечаемые за ненадобностью, окутали зарослями её сознание на продолжительные пятнадцать минут, проведённые в беспокойном ожидании Хана, который вроде бы должен был вернуться, но предчувствия уверяли, что теперь и он подвергался опасности. Когда тревога стала совсем невыносимой, Лея пробормотала жалкие извинения мандалорцам и покинула переговорную, чтобы, дойдя до центра связи, принять неутешительные известия о состоянии Оперативной группы СОНР – ту же самую информацию, которую ранее получил Хан. Тогда принцесса незамедлительно направилась к стыковочному отсеку, ведь кто, как не она, знала, что Хан выскочит отсюда в ту же секунду, стоит только двигателям «Сокола» прогреться.

И кто, как не она, знала причину подобной выходки. Хан скорее взлетит со скоростью света, махая руками как крыльями, чем бросит друга в беде. И, само собой, он не признается ей в принятом решении, поскольку, в свою очередь, знал: не его одного отличала горячая преданность друзьям. И, руководствуясь глупой, чисто мужской склонностью, предписывавшей защищать даму от опасности, он оставит её за бортом и бросит здесь, не сказав ни слова. И всё это впоследствии приведёт к тому, что она будет сверлить взглядом космическую пустоту, рассчитывая обязательно продемонстрировать всю ошибочность мужских амбиций, как только догонит Хана. Может, демонстрация даже пройдет наглядно. В виде трепанации черепа. Благо магна-ключ прямо под рукой. Вот только как же его теперь догнать?

Лея обвела глазами ангар в поисках кого-нибудь способного разрешить возникшую проблему, но ответом была лишь сумятица, подпитываемая непрерывной суетой, шумом буксиров, парами выхлопных газов и облаками космической пыли, которые, усеяв обшивку звездолётов, вздымались в воздух благодаря электростатическим инверторам. «Что бы сделал Люк?» – пришла на ум мысль, после чего Лея закрыла глаза и сделала глубокий вдох-другой, окончательно решившись теперь пойти другим путём.

Несколько минут прошли в бесцельном брожении посреди похожего на пещеру ангара. Лея, смущённо ожидавшая нового предчувствия, так сосредоточилась на внутренних ощущениях, что, открыв, наконец, глаза, она не сразу поняла, что показавшийся впереди высокий красавчик-пилот, который болтал с чистившими его «бритву» ребятами, был ни кем иным, как возлюбленным её собственной подруги¹.

– Тайко! – Она помахала и устремила к пилоту. – Тайко, я так рада тебя видеть!

В ответ Тайко Селчу недоумённо уставился на неё.

– Принцесса? Разве вы не должны вести переговоры?

– Забудь о переговорах, – сказала Лея. – Меня нужно подвезти кое-куда. По срочному дипломатическому делу.

– Хм... – нахмурился Тайко.

– Теперь я – штатный бортовой стрелок, – Лея кивнула на «бритву», – и мне бы хотелось, чтобы ты как можно скорее подготовил «птичку» к вылету.

Брови Селчу сдвинулись ещё сильнее.

– Принцесса, вы гражданское лицо...

– А моя мать была твоей королевой, – отрезала Лея, которую всегда коробило от такого использования семейного положения в личных целях, однако сейчас дело не терпело отлагательств. – Альдераанцем ты оставался намного дольше, чем офицером. Так ты выполнишь мою просьбу или попросить кого-то ещё?

– Попросить о чём? – К ним подошёл Ведж Антиллес. – Привет, принцесса. Как проходят переговоры?

– Привет, Ведж. – Лея поморщилась: ещё одному другу придётся лгать. – Э... тут кое-что случилось. Я одолжу Тайко и его «бритву»? Это займёт всего несколько часов.

– Если бы это зависело от меня, – виновато развёл руками Антиллес, – а Лэндо, то есть генерал Калриссиан, в самом деле классный мужик. Ну, ты знаешь, такой весь из себя добродушно-весёлый и расслабленный. Но это когда на нём гражданское. А когда он в форме, и ты собираешься впервые нарушить его приказ, то чувство юмора у него вдруг куда-то испаряется...

Лея переводила взгляд с одного пилота на другого. Великая Сила не направила бы её сюда, чтобы намеренно отнять все шансы... А как бы поступил Люк?

Принцесса вновь вздохнула полной грудью, сомкнула веки и для верности позволила себе очередной вздох.

Мысленно Тайко отводила роль разве что средства передвижения, а Веджу, напротив, – препятствия, с ходу перегородившего дорогу. Она раскрыла глаза, и оба мужчины предстали перед ней в другом свете, более отчётливом и явственном, чем когда-либо раньше. Теперь они, утратив неодушевлённость без остатка, виделись хорошими людьми, добрыми друзьями, искренне озабочившихся терзаниями Леи, у которой на лбу было написано, что её гнетёт какая-то проблема. В своём стремлении помочь они не заслуживали обмана.

¹ Подругу детства и приёмную сестру Леи зовут Винтер («Зима» в другом переводе). Эта альдераанка, обладавшая феноменальной памятью, как и принцесса, работала на Альянс повстанцев, добывая ресурсы с имперских миров. История знакомства Селчу и Винтер рассказана в комиксах «X-wing».

Медленно, чётко и без прикрас она произнесла всего три слова.

– Люк в опасности.

Ведж и Тайко переглянулись.

– Какого рода опасности? – уточнил Антиллес.

– В смертельной. – Лея не смогла сдержать дрожь в голосе.

Тайко выжидающе посмотрел на командира. Тот сжал губы, уставившись в палубу. Весь процесс занял лишь мгновение, после чего Ведж издал раздражительный звук и решительно кивнул. Тайко как ветром сдуло.

Наблюдая за сверкавшими пятками альдераанца, который не останавливаясь форсировал ангарный хаос, Лея только и могла задать вопрос.

– Куда это он?

– За остальными Пронырами, – бросил через плечо Ведж, уже пустившийся рысью к командирскому «крестокрылу». – Дай нам пятнадцать минут.

* * *

Лэндо занял место Хана, устроившись в опустевшем некоторое время назад переговорном кресле. Он уже полминуты как перестал вслушиваться в спор Фенна Шисы и главаря наёмников. Лэндо достаточно неплохо владел мандо'а, чтобы вести беседу с мандалорцами или обчищать карманы представителей этого народа, опрометчиво сунувшихся за стол сабакка, однако даже в настолько деликатных и эмоциональных переговорах Калриссиану хватило знаний понять, что противник ни в какую не желал покупаться на призывы Фенна типа «Подчиняйся слову Мандалора» попеременно с сентиментальными выпадами «Защищай нашу честь», апеллировавшими к гражданской ответственности. Лэндо, вероятно, следовало ещё перед переговорами просветить Шису: подобного рода аргументы воздействовали разве что на тех, кто уже верил в высокие идеалы, а наёмники, проливавшие кровь за имперские кредиты, к таковым точно не относились.

Как и большинство добропорядочных существ, Фенн, похоже, надеялся на ответное благородство, которое зиждилось у остальных где-то в глубине души и терпеливо ждало своего часа. Помня о собственных похождениях в качестве образцово-показательного наёмника, Шиса, судя по всему, равнял своих бывших коллег по себе и пытался разглядеть подлинное великодушие за доспехами, сотканными из цинизма и беспринципности. Вот только шкуру типичного наёмника Фенн никогда на себя не примерял.

А вот Лэндо, в свою очередь, был игроком. И игроком успешным. И, подобно всякому успешному игроку, с высоты накопленного опыта Лэндо виделась другая истина: «подлинное великодушие» в природе появляется ещё реже, чем первосортные самоцветы коруска. В долгосрочной перспективе проигрыш не настигнет, если постоянно напоминать себе о том, что всеми движет извечный триумвират жадности, страха и глупости.

Спустя полчаса Лэндо задавался вопросом, как же Хан перенёс целых два дня всей этой мути и умудрился не покончить с собой. Через час до него дошло, что в ближайшее время ни Хана, ни Лею посетители конференц-зала не дождутся. Ещё через час энсин, отправленный на

поиски Леи, вернулся с такой кислой миной, будто посланник где-то по дороге подхватил неизлечимую болезнь.

Пока настроенный враждебно собеседник-коммандер разрождался ещё одним непомерно длинным оскорблением, Лэндо наклонился к уху Шисы.

– Отойду на минутку-другую. Прикроешь, а?

Фенн, не колеблясь, кивнул. Должно быть, и он сознательно пропускал новую тираду мимо ушей.

– Понимаю, – произнёс Мандалор одним краешком рта. – У тебя эта язва тоже сидит в печёнках?

– Мне не бывает настолько плохо в общении, – улыбнулся Лэндо. – Я мигом.

Энсин, ожидавший в коридоре, явно мечтал оказаться где-нибудь в другом месте.

– Генерал, – стал докладывать он, – в последний раз её видели вместе с лейтенантом Селчу, когда она садилась к нему в истребитель.

– Да неужели? – Улыбка всё ещё не сходила с лица Лэндо. Он слишком долго увлекался азартными играми, чтобы позволить себе выдать что-то иное. – А когда в последний раз видели лейтенанта?

– Ну, скажем так, генерал, вы и сами уже в курсе... вы ведь в курсе?

Улыбка Лэндо стала шире.

– Притворимся, что это не так.

– Около часа назад Разбойная эскадрилья поднялась в воз... в космос, сэр. Диспетчерская сообщила, что Проныры направились выполнять одно из ваших особых заданий, сэр.

– Одно из моих особых заданий?

– Да, сэр. Коммандер Антиллес предоставил все необходимые коды.

– Что, прямо так и сделал?

– Да, сэр. – Энсин замялся. – Есть проблема, сэр?

– А почему ты думаешь, что возникла проблема?

– Скажем так, незадолго до отлёта принцесса побывала в центре связи и спрашивала там о генерале Соло.

– Ну разумеется, спрашивала.

– И за несколько минут до этого, – продолжал младший офицер, – там побывал сам генерал Соло. Запрашивал генерала Скайуокера.

– А кого, в свою очередь, запрашивал генерал Скайуокер?

– О, ну... никого, сэр. То есть я хотел сказать, это неизвестно. Связь с оперативной группой пропала.

– С целой группой? Так-так-так.

– Да, сэр. И вот ещё, сэр. – Энсин протянул считыватель данных. – Здесь расшифровка автоматической короткой передачи, которая с интервалом в пять минут передаётся в Голонет снова и снова. И первая такая появилась уже через минуту после того, как группа исчезла на радарх.

Лэндо покачал в руке устройство.

– Сформулируй кратко для меня, что там говорится, хорошо?

– Ну, если верить передаче, сэр, её автор – Отродье теней. Связисты ещё не установили подлинность, но...

– Но ты посчитал, что я, возможно, захочу узнать о случившемся. Потому что это может иметь какое-то отношение к пропавшей принцессе и двум её генералам-любимчикам.

– Сэр, согласно посланию этого «Кукловода, рождённого тенями», он захватил в плен всю оперативную группу и теперь угрожает, что в течение трёх последующих дней «изничтожит её под корень», если Республика немедленно не прекратит огонь... и не подтвердит его притязания на императорский трон.

– Серьёзный малый. Хм. Так-так-так.

– Но, как я уже сказал... – Энсин нервно облизнул верхнюю губу. – ...центр связи ещё не установил подлинность автора. Но даже если это действительно Отродье, у нас нет возможности выяснить, какая часть послания – правда.

– Само собой, всё – правда, до единого слова, – заявил генерал. – Ведь Люк уже там. Хан и Лея тоже двинулись в путь, что тут говорить про Разбойную эскадрилью.

– Сэр? Я не понимаю.

– Просто ты здесь новенький, сынок.

– Сэр?

– Отправь своё личное дело моему заместителю. Мне бы пригодился такой солдат.

У энсина отвисла челюсть.

– Сэр... Я не... я ведь подвёл вас.

– И не забудь сделать пометку о том, что я лично порекомендовал повысить тебя до младшего лейтенанта.

Глаза бедолаги округлились настолько же, насколько был разинут рот.

– Сэр?

– Ты только что спас целого генерала от смертельной скуки. Если бы мне всё сходило с рук, я бы тебе и медаль вручил.

Оставив энсина наедине с изумлением, Лэндо направился обратно.

Вернувшись в конференц-зал, Калриссиан отвесил насмешливый кивок Фенну и оттолкнул в сторону своё пустующее кресло.

– Позволь мне всё уладить.

Переключившись на другой край стола, Лэндо уселся прямо перед оторопевшим мандалорским командером, подарив тому широкую ухмылку.

– Хорошо. Переговоры окончены. Вы выиграли.

– Да ладно? – нахмурился Шиса.

– Да ладно? – вторил ему командер.

– Нет никаких сомнений. Лично составлю в письменной форме следующее: никто из сил Новой Республики не будет приземляться на поверхности этого мира, не появится на орбите и не станет каким-либо другим образом оккупировать планету или систему, пока ваши жизни принадлежат Империи. Удовлетворены?

– Что ж... я полагаю... в смысле, да.

– Грандиозно! – Улыбка Лэндо разрослась до ушей. – Ну, так что дальше?

– Дальше? – Командер, напрочь забывший о своём старательном игнорировании общегалактического, недоумённо захлопал глазами. – Ты о чём?

– Вы победили, вот я о чём. Победа безусловна и окончательна. Так что дальше?

– Что ж... полагаю... в смысле...

– Как вы рассчитываете получить гонорар?

– Гонорар? – тупо переспросил командер.

– Забыл сказать: наши сенсоры не улавливают никаких признаков того, что из гиперпространства горами вываливаются, скажем, мешки с имперской наличностью или с чем-то подобным.

Лицо объявленного победителя окаменело.

– Понимаю, к чему ты клонишь.

– Я просто ошарашен тем фактом, что... – Лэндо небрежно стал рассматривать свои безупречно отманикюренные ногти. – ...что наниматель не собирается расплачиваться – кстати, тем самым разорвав контракт, не так ли? Не говоря уже о том, что он задал стрекача и бросил всех вас помирать здесь. В голове не укладывается. Сдаётся мне, нечистый на руку наниматель счёл нецелесообразным выплачивать положенное мертвецам. Ну а раз вы ухитрились избежать гибели, получается, вы... как бы поточнее выразиться... заперты в ловушке глубоко в республиканском пространстве. Как собираетесь потребовать причитающееся?

Коммандер нахмурил брови.

– Ты пытаешься надуть меня.

– Нисколько. – Лэндо оторвался от созерцания пальцев и подмигнул собеседнику. – Я пытаюсь нанять тебя.

Выстрел попал в цель: коммандер крепко призадумался.

– Может, тебя и твоих подчинённых заинтересует новая вакансия? Скажем, работа под патронажем кого-то, кому не наплевать на обязательства – в отличие от тех, кто вас и в децикредит ставит? Кого-то, кто – веришь или нет – по достоинству вознаграждает столь преданные делу кадры?

Переваривая услышанное, предводитель наёмников всё мрачнел и мрачнел. Наконец, когда уже казалось, будто предложение выдвинуто давным-давно, мандалорец грозно посмотрел на Лэндо.

– Деньги вперёд? – уточнил коммандер.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

– В каком это смысле – «Люк Скайуокер погиб»?

Голографическая фигура Владыки теней занимала всего полметра в высоту, но что-то в его позе, в нечеловечески бледном лице, не говоря уже о шипящем, пропитанном ехидством голосе, заставляло подполковника Норриса Пранга, и без того нервничавшего, чувствовать себя карликом. Нет, скорее он был как детёныш кашиикского мышепauка, которого вот-вот припечатает к земле стопа вуки.

Поперёк горла встал комок. Пранг сглотнул его с трудом и плотнее прижал поблёскивавший чёрным лётный шлем к подмышке, так некстати запотевшей. Одно замечательно в этих чёрных доспехах: не разглядеть проявления паники владельца брони, даже если эти самые проявления влагой просачиваются сквозь впитывающий слой ткани и находят отверстия в местах сочленения, чтобы маленькими каплями стекать по нагруднику. Началось это, между прочим, сразу после того, как Владыка теней оскалил зубы в хищной улыбке.

Неужели его клыки всегда были такими большими? И такими белыми, и такими... заострёнными?

Подполковник не мог вспомнить, как ни старался. Зато он вдруг со всей ясностью осознал, что вообще никогда не видел, чтобы Владыка теней улыбался. До сих пор. И ничего хорошего для Норриса Пранга это не предвещало.

Наверняка именно поэтому командир Клик настоял, чтобы подполковник лично доложил ситуацию владыке.

– Я думал, милорд... думал, что милорд порадуетя хорошим новостям.

– Ах, вы думали?

– Так точно, – изо всех сил храбрился подполковник, – поскольку гибель Люка Скайуокера нанесёт существенный удар по повстанцам.

– Гораздо существеннее пострадаю лично я. Повторите ещё раз. И помедленнее.

– Гравирезка сработала настолько хорошо, насколько и задумывалось, принимая во внимание тот факт, что повстанцы выстрелили первыми.

– Известное дело, они стреляют первыми.

– Хотя флагман повстанцев не удалось полностью уничтожить, гравирезка рассекла судно на три части, две из которых сейчас зависли на орбите. Самой маленькой частью стал мостик, где сохранилось небольшое количество...

– Подполковник.

Пята вуки занеслась ещё выше, и Пранг вновь ощутил комок. Вопреки всем проделанным усилиям.

– Да, милорд?

– Поведайте мне, как вы намереваетесь пленить Люка Скайуокера?

– Намереваюсь?... Милорд, единственное доказательство его присутствия – одна только зашифрованная передача, которая, вполне вероятно, является какой-то уловкой.

– Уловкой? Люк Скайуокер не прибегает к уловкам. Единственное доказательство, указывающее на его присутствие, – это непреложный факт уменьшившегося на две трети корабля мон-каламари, который некто умудрился посадить исключительно маневровыми двигателями. Типичная работа Скайуокера.

– Милорд, при ударе внутри секции мостика произошёл взрыв.

Веки Кукловода, заполненные межзвёздной материей, превратились в две маленькие чёрные дыры.

– Если бы Люк Скайуокер погиб, я бы ощутил это во Ть... в Силе. Отыщите его, подполковник. Отыщите и приведите ко мне. Живым. Ему нельзя причинять никакого вреда, вы хорошо меня понимаете? Делайте всё так, словно от результата зависит ваша собственная жизнь.

Подполковник отдал честь полным энтузиазма движением.

– Будет исполнено, милорд.

* * *

Люк с трудом осилил наружный откос кратера – результат финального аккорда «Правосудия». Кораблекрушение оставило на теле планеты окружённое пятиметровой насыпью огромное кольцо полужидкой вулканической породы, из которой гора и была сложена. Вообще-то, с достигнутой высоты казалось, будто весь мир, сотрясаемый ежедневными метеоритными ударами попеременно с каменными бурями и переполненный обнажившимися месторождениями минералов, представлял собой проклятый бульжник, облепленный вязкой кашей из бледно-красного, чахловато-синего, гнилостно-зелёного и тошнотно-жёлтого.

Возле могилы «Правосудия» Люк неторопливо и осторожно поднял датчик радиации, вытянув руку прямо над расплавившимся кольцом. Конечность была искусственная. Скучной бакты, которую по каплям наскребли выжившие, не хватало для лечения многочисленных раненых, так что не было никакого смысла усугублять бедственное положение ещё и заботой о собственном лучевом ожоге.

Внизу, у основания склона, Ар-два принялся подпрыгивать из стороны в сторону, издавая предупреждающий свист.

– Знаю, – успокоил малыша Люк, сосредоточенно прищурившись. Теперь всем его вниманием завладел датчик радиации. – Но прежде, чем мы покинем текущую позицию, я должен подтвердить уничтожение объекта. Нельзя, чтобы эти парни прибрали к рукам мон-кальскую технику следующего поколения.

Ар-два прокомментировал услышанное репликой явно ругательного содержания. Люк позволил себе улыбнуться.

– Вот как починешь свою опору, тогда и займёшься непосредственными обязанностями. А пока...

Прозвучавшее «тирруиип-уиип-уиип» на этот раз носило защитный характер.

– Беспокойся ты о себе так же сильно, как обо мне, этого разговора бы не состоялось. Честно говоря, мне кажется, ты проводишь слишком много времени с Си-ЗПО.

Датчик радиации замигал синими огоньками, затем они сменились на красные и вновь стали синими: относительно низкий уровень излучения. Люк принял решение рискнуть и, высунувшись, заглянул внутрь кратера. Образовавшаяся полость составила в диаметре несколько сотен метров, хотя в глубину была всего пятнадцати метров, не больше. Похоже, пористая порода холма поглотила большую часть энергии взрыва. Изучая попадавшие на глаза мелкие кусочки «Правосудия» размером с его собственный кулак, Люк мысленно отдал должное инженерам мон-каламари, чьи подрывные заряды-самоликвидаторы оказались столь же эффективными, как и всё, к чему прикасались их умелые перепончатые руки. Он бы взглянул внимательнее, однако горячий душноватый ветер хлестал в лицо облаками пыли.

Люк нырнул обратно, к склону насыпи, борясь с желанием вытереть глаза и ожидая, пока те не заполнятся слезами и не смоют посторонние частицы сами. В противном случае без бакты роговица попросту будет нещадно разодрана. Ему потребовалась пара секунд, чтобы перевязать импровизированную маску, которую он смастерил из лоскута полевого обмундирования и пристроил на лицо. Дыхание пришлось задержать: местный песок в лёгких доставлял меньше радости, чем под веками.

И всё же обвитая вокруг головы тряпка была полумерой, а не решением проблемы. Сама атмосфера содержала в себе ядовитые примеси. Уже спустя час каждый вздох нещадно царапал горло, издавая какие-то скрежещающие звуки.

– Тирру-звуйт-уйт-уйт-уйт!

Назойливый свист Ар-два заставил Люка настороженно поднять голову.

– Что случилось?

Голопроектор астромеханика вывел кривую поверхности планеты, к которой стремительно приближались подсвеченные голубым языки пламени. Люк оскалился и обернулся к югу, туда, где небо уже озарилось ярко-оранжевыми красками, готовясь встретить надвигающийся метеоритный шторм.

– Здорово. – Он вытащил комлинк и настроил на командный канал «Правосудия». – Тубрими, приём. Тубрими, как слышно?

Ответом стала лишь порция статических помех. Сильно ионизированная, начинённая оксидами металлов атмосфера Миндора в лучшем случае осложняла переговоры. А для передачи сигнала на расстояние в километр-другой требовался коммуникатор целого звёздного корабля, не говоря уже про бурю, сотрясавшую всё на своём пути осколками метеоритов и горной породы. По закону подлости, с высоты занятой позиции Люку открывался вид на те пещеры, где укрылась его команда, однако пробиться сквозь местных два километра комлинк был не в состоянии.

– Ар-два! – окликнул астродроида Люк. – Пошли сообщение узким лучом для Тубрими и Стоннарта! Скажи, чтобы сворачивали внешний периметр и отступали в пещеры...

Люк осёкся, нахмурившись. В Силе раздался неожиданный всплеск эмоций. Паника. Ужас. Шок и безумие. И источником служило укрытие экипажа «Правосудия» – те самые пещеры, что уже озарялись багровыми вспышками и ослепительно-белыми проблесками. Бластерная канонада. Термальные детонаторы. Убедительнейшие свидетельства битвы.

– Тирру-у-уит?

– Подтверждения можешь не ждать. Просто ищи укрытие. – С этими словами Люк прыгнул с насыпи. – Я сам им скажу.

На бегу молодой генерал-джедай выхватил световой меч.

* * *

Лейтенант Тубрими смял неповреждённой рукой лист с расшифровкой высокоскоростного сигнала, после чего поднялся на ноги.

– Хорошо, вы слышали приказ. – Он выразительно посмотрел на двоих энсинов-связистов, уставившись прямо на них большими чёрными глазницами. – Соберите всю аппаратуру и бегом марш в пещеру! Переходим в режим молчания, пока не получим кодированный сигнал отмены.

С каждым шагом раздробленное плечо будто пронзало копьём, хотя хлопья пены, распылённой над раной корабельным санитаром, уже затвердели и сформировали подобие гипса. Тубрими мог только надеяться, что когда состояние тяжелораненых будет стабилизировано, ему достанется немного бакты.

– Майор, – позвал он старшего офицера, едва достиг выхода в пещеру, – генерал Скайуокер распорядился приступить к...

Он остановился, затихнув. Пещера была пуста.

Санитары исчезли. Даже раненые словно дружно провалились под землю, оставив после себя лишь спасательные одеяла, гидроконтейнеры и использованные бакта-пластыри. Тубрими вытаращился, не веря своим глазам.

– Майор Стоннарт? Эй, что происходит? Вы ещё здесь?

Ответ пришёл с другой стороны – сзади, откуда совершенно внезапно донеслось всё сразу и одновременно: заговорили бластеры, захлёбываясь огнём в автоматическом режиме, разорвались термальные гранаты, мучительно терзая уши, завопили солдаты, чьи громкие отрывистые приказания сменились криками от полученных ранений. Тубрими инстинктивно обернулся, ожидая увидеть подчинённых-связистов, которым он велел сложить оборудование. Но не стало и их обоих. Только опрокинутая коммуникационная тарелка раскачивалась наполненным песком ветром туда-сюда.

Тубрими перелез через складку поверхности и всё же узрел одного из энсинов... лежавшего на спине с широко распахнутыми глазами и заживо пожираемого почвой, будто та состояла вовсе не из каменной вулканической породы, а из густой разлитой нефти. Одним прыжком лейтенант пересёк расстояние до погружавшегося связиста, но, прежде чем он схватил за руку энсина, тот уже скрылся под толщей мгновенно затвердевшего камня. Когда Тубрими вскочил обратно, дико озираясь по сторонам в поисках хоть каких-нибудь следов, принадлежавших сотням боевых товарищей, что-то коснулось его лодыжки, и разум лейтенанта заполонила тьма.

* * *

Люк двигался так быстро, как только мог, и всё равно был вынужден наблюдать за тем, как битва окончилась, едва начавшись. Подгоняемый Великой Силой, сменяя валун за валуном, Скайуокер *летел* на всех парах и на какое-то время вовсе позабыл, что такое точка опоры. Две тысячи метров были преодолены всего за пару минут.

Битва явно не относилась к разряду обыденных. Она завершилась так же внезапно, как и началась. Никто не уводил пленных. Никто не уносил раненых.

Никого не осталось вообще.

Даже мёртвых тел не наблюдалось, ни перед пещерой, ни внутри неё. Выжившие члены команды пропали, как испарились. В неизвестность канули и десантники. Астродройды, медицинские дроиды – и тех будто ветром сдуло... Единственным признаком хоть какой-то активности служил разве что сам ветер, неторопливо поигрывавший песчинками на каменной почве. Изнутри пещеры доносился отчётливый запах озона, оставленный разрядами бластеров, а воронки на вулканической породе, образовавшиеся от разрывов термальных детонаторов, всё ещё дымились, накалённые докрасна. Люк вернул бластер в кобуру и пристегнул меч к поясу. Какая бы угроза не настигла выживших с «Правосудия», сейчас её не ощущалось.

Дно пещеры устилали спасательные одеяла, пакеты с бактой, пищевые пайки, флаги с водой... Обнаружилось даже несколько карабинов ДЧ-17, столь излюбленных десантниками¹. Люк медленно плыл среди камней с полужакрытыми глазами, осторожно касаясь породы кончиками пальцев и улавливая слабые отголоски эмоций, что накрыли его там, у основания кратера. Но картина не желала выстраиваться из одних только отдалённых, резонансных отзвуков Великой Силы. Каким-то образом он отправил прямо в мышеловку всю подотчётную ему оперативную группу и, как следствие, потерял несколько сотен солдат. Неужели их пленили? В таком случае это не дело рук имперцев. Неужели их распылили на атомы, не оставив даже микрочастиц? Это казалось невозможным. Это и было невозможным.

По правде говоря, Люк даже не особенно встревожился. Масштабы произошедшего оказались настолько громоздкими, настолько невообразимыми, что последовавшая эмоциональная реакция находилась далеко за пределами любой, отличавшей человека. Люк попросту оцепенел. Или, скорее, окаменел.

Повесив голову, он поплёлся к каменной стене и прислонился к ней спиной.

¹ Либо автор имел в виду бластерные автоматические винтовки DH-17, мелькавшие в классических играх серии «Star Wars Battlefront», либо всё же карабины DH-17 из MMO «Star Wars Galaxies». Оба вида оружия использовались солдатами Альянса повстанцев.

– Бен? – произнёс Скайуокер слабым, полным грусти и лишённым всякой надежды голосом. – Бен, ты меня слышишь? Что мне нужно было сделать? Учитель Йода? Как мне следовало поступить?

Он не услышал ответа сквозь дуновение лёгкого ветерка и шорох песчинок. Всё, что он знал на данный момент, так это то, что происходящее казалось каким-то нереальным. Каким-то... не таким.

Люк тяжело опустился, скользя по стене спиной. Зажмурившись, он позволил голове откинуться назад. И ещё *назад*. И вот тогда-то Люк Скайуокер в полной мере ощутил: не так *проходило* абсолютно всё.

Каждый день своей жизни он принимал неверные решения. Перед мысленным взором всплыли все, кто пострадал из-за него. Все, кто погиб из-за него. Все до единого, кто стал жертвой во время различных событий на различных мирах – от Миндора до Эндора, от Эндора до Явина – на мирах, вереницу которых замыкал Татуин, где у входа в полуразрушенную влагодобывающую ферму покоились дымящие мёртвые тела. *Может, я заблуждался. Может, я зря думал, что всё кончено и что конец вышел счастливым. Может, вообще всё было зря. Но, учитель Йода, вы же хотели покончить с владычеством ситхов. Ситхов больше нет.*

Бен, ты просил меня уничтожить Дарта Вейдера. У меня получилось и это. И ты, отец. Ты обещал, что мы вместе низвергнем Императора. И мы низвергли. Мы справились, достигли кульминации. Но это не развязка. Как оказалось, ничего не кончено. И этому не будет конца-краю уже никогда.

Когда на планету обрушился очередной метеоритный дождь, ветра вновь переросли в каменные смерчи. Пока пещера содрогалась и грохотала как от артиллерийской бомбардировки, Люк не шелохнулся, продолжая сидеть на месте с опущенной головой и не обращая внимания на песок и мелкую каменную крошку, стекавшие за воротник.

Может, я испытывал в некотором роде надежду, что хотя бы кто-то после случившегося сможет жить долго и счастливо. Только не я сам. Как раз я был готов пожертвовать собой, если придётся. Я всё ещё полон решимости сделать это. Предполагалось, что нормальной жизнью заживут все остальные. Но, похоже, всё, через что мы прошли, было напрасно. Сражения не прекратились. И им тоже не предвидится конца-краю. Будто на самом деле я никого и не спасал.

На ум сами собой пришли слова, изречённые когда-то мастером Йодой. «Прошлое – лишь в воспоминаниях, — говорил мудрый наставник. — Будущее – в воображении. Сейчас и всегда лишь вечность неизменна». Про себя Люк толковал это следующим образом: не заботься о сделанном, не беспокойся о том, что предстоит сделать. Просто возьми и сделай что-нибудь прямо сейчас.

Совет можно было счесть неплохим, имей Люк хоть малейшее представление о необходимых мерах реагирования. Обладай он большим генеральским опытом, он бы знал, как поступить: искать ли пропавших без вести, вернуться ли на место крушения и дожидаться там эвакуации или попытаться каким-нибудь способом отправить в космос сигнал оперативной группе. *Мне не следовало вваливать на себя такую работу. Мне не ведомо, как генералы разрешают подобные проблемы. Только то, как их разрешают джедаи...*

И вот повисшая голова поднялась вновь. *Я знаю, как бы поступил джедай. Прежде всего, он бы перестал жалеть себя и сидеть сложа руки.*

Да, именно так и следовало поступить в первую очередь. Потому что стоило Люку подумать об этом, как перестала дрожать земля, а сотрясавший пещеру шторм сменился

множественными хлопками. Люк поднялся и вышел наружу, где ему предстало интересное зрелище.

Небо заволокли СИД-истребители, которые, тщательно сформировав поисковую сеть, носились туда-сюда со скоростью звука.

Люк снял световой меч и вдавил кнопку активации. Изумрудно-зелёный клинок зашипел, решительно пронзая плазмой обильную воздушную пыль. Когда ближайший пилот истребителя заметил возникшее сияние, он сделал «бочку» и приблизился, чтобы рассмотреть получше. Люк адресовал имперцу улыбку и отсалютовал мечом будто регулировщик, готовый посадить корабль при помощи сигнального жезла.

Затем погасший световой меч был возвращён на место, а его обладатель опустился на тёплый камень и, скрестив ноги в медитативной позе, принялся ждать.

Он ждал, когда СИД-истребители соберутся над головой, окружая его позицию. Ждал, когда появятся атмосферные канонерки и приземлятся в нескольких сотнях метров в стороне. Ждал, когда из чрева боевых машин выйдут сотни штурмовиков в чёрных доспехах и, выстроившись ровными рядами, двинутся к нему с нацеленными бластерами. Он ждал, когда, наконец, солдат с эмблемой полковника на груди шагнёт вперёд и рявкнет:

– Генерал Скайуокер!

Тот, к кому обращались, невозмутимо встал на ноги.

– Генерал Скайуокер! – повторил имперский офицер. – Вы ведь Люк Скайуокер?

– Если это не слишком банально, отведите меня к своему командиру. – Люк равнодушным движением протянул открытую ладонь, в которой покоилась рукоять светового меча. Дждедай улыбнулся. – Если банально до невозможности, будьте любезны, отведите всё равно.

* * *

Р2-Д2 не обращал внимания на бурю, удобно расположившись посреди уютной пещеры из застывшей лавы, где маленький астромеханик устранял полученные повреждения. Когда метеориты стали бить достаточно сильно, из-за образовавшихся помех починка была отложена, а вскоре серия ударных волн и вовсе принялась безжалостно подбрасывать Ар-два, жонглируя бедным дроидом по всей пещере словно туранианской прыг-костью. Тогда Ар-два, как мог, «заякорил» себя на месте при помощи четырёх вспомогательных манипуляторов, и продолжил работу. С его опытом и внушительным арсеналом самых разных инструментов не составляло труда провести качественный ремонт, и всё же дроид оставил себе заметку в виртуальном журнале технического обслуживания, согласно которой следовало заменить повреждённую конечность при первом же визите в полноценный сервисный центр.

Вскоре буря затихла, и аудиодатчики Ар-два зарегистрировали новый источник шума: пронзительные свистящие завывания, которые не могли принадлежать ничему иному, кроме как СИД-истребителям, чьи солнечно-аккумуляторные панели на огромных скоростях всегда издавали столь характерный звук. Бортовой алгоритм оценки угроз подсказывал, что рёв раздаётся на высоте в несколько километров, отчего взглянуть украдкой наружу означало подвергнуть себя разве что предельно низкому уровню риска. И всё же астромеханик вначале выдвинул устройство в виде миниатюрной антенны и торопливо просканировал пространство.

Лишь когда выяснилось, что противник не задействует ответных мер, связанных с целенаправленным поиском дроидов, Р2-Д2 взвёл обе заработавших катковых опоры, снялся с якоря и с жужжанием проследовал к поверхности.

– Вот ты где, прелесть ненаглядная!

Аудиодатчики распознали волновые характеристики, соответствующие голосу мужчины-человека с отчётливым акцентом Внутреннего Кольца. Говоривший изъяснялся на общегалактическом. Ар-два мгновенно занёс копию записи в промежуточный лог памяти, решив поделиться ценной находкой с Си-3ПО, который, если верить длительному опыту общения с протокольным дроидом, испытывал электронное подобие безмерного наслаждения всякий раз, когда путём сложного анализа речи угадывал место происхождения собеседника. Причём на основе одного взаимодействия гласных и согласных звуков Си-3ПО мог определить не только регион космоса, но и конкретную планету, да ещё и вычислял, откуда приходились родители отдельно взятого индивидуума, его друзья детства, учителя или супруги. Сам Ар-два сделал вывод, что записанный акцент с вероятностью чуть более семидесяти трёх процентов окажется коренным для Миндора, но всё же астромеханик нуждался в твёрдом заключении искушённого эксперта. В конце концов, у каждого дроида имелось своё предназначение, а Си-3ПО так долго и весьма назойливо – совсем как человек – настаивал на собственном почти *врождённом* преимуществе в подобных вопросах, что Р2-Д2 раз и навсегда зарёкся бессмысленно препираться с напарником, предпочитая вместо этого демонстрировать полное невежество и экономя тем самым до тридцати семи минут.

Алгоритм оценки угроз также выявил направление, откуда исходил голос – примерно в восьмидесяти семи градусах от миндорского северного полюса. А вот расстояние до источника звука почему-то составляло около трёх метров. Поэтому когда неизвестный схватил маленького дроида за корпус и оторвал от каменистой поверхности, Ар-два уже приготовил заряженные устройства защиты от несанкционированного вмешательства.

– Эона! Я взял его! Я... яааа!

Статический разряд оборвал фразу и отбросил нахального мародёра на целый метр, заставив корчиться посреди глыб застывшей лавы.

– Боуки! – крикнул другой человек мужского пола, глядя, как по обуглившимся рукавицам упавшего всё ещё струились искры. – Этот мелкий грабарь убил Боуки! Ну-ка, дайте сюда ионный бластер...

– Ну-ка, положи обратно! – третий голос принадлежал также представителю человеческой расы, однако уже не мужчине, а женщине. Причём, судя по властным ноткам, эта женщина совершенно точно умела командовать и не терпела неповиновения. – Трипп, пушку убрал.

– Но... этот придурок грохнул Боуки...

– Он ещё дышит. И попутно учится на своих ошибках. Зато в следующий раз не будет распускать руки. Живо спрячь бластер, иначе заберу его себе и разряжу в тебя.

– Но... я же только...

– Трипп.

– Да ладно, ладно, Эона. Я к тому, ситх побери, что ты не можешь обвинять парня за...

– Ещё как могу. А теперь отойди в сторонку. Хочу перекинуться парой слов с этой штуковиной.

Застывшая лава пришла в движение. Ар-два, получавший видеоизображение при помощи оптических датчиков, сделал вывод, что магматические отложения каким-то образом расплавились вновь и теперь медленно приближались к нему, и даже для повидавшего многое

астродроида это было в диковинку. И не оставалось ничего другого, кроме как вести скрупулёзную запись происходящего.

Параллельно Р2-Д2 подверг запись многоспектральному анализу в реальном времени и, соотнеся данные по тепловому и биоэлектрическому полям, обнаружил следующее: кроме уложенного природным образом твёрдого камня имелись девятнадцать напластований, которые покрывали человеческих существ. Проще говоря, неизвестные раскроили себе защитные костюмы и на место оторванного материала пригвоздили обломки вулканической породы, сконструировав таким образом лавовое подобие брони штурмовиков. Столь наглядный пример неиссякаемой людской изобретательности и хитрости Ар-два не преминул вынести в отдельное примечание.

– Привет, малыш, – поздоровалась лава, приняв обличье властной женщины. Демонстрируя пустые руки, она медленно и на полусогнутых двинулась к Ар-два, словно тот был нервничавшим детёнышом-шиставаеном. – Почему ты тут один-одинешёнок, неужели заблудился? А может, ждёшь кого-то?

– Могу поспорить, ждёт старьёвщика, – вмешался тот, кого называли Триппом. – Вы хоть представляете, какой нам попался антиквариат? Серьёзно, давайте вскроем его и разберём на запчасти.

– Серьёзно здесь стоит относиться лишь к моим словам, – буркнула женщина и, повернувшись обратно Р2-Д2, вновь перешла на дружелюбный тон. – Не обращай на него внимания.

– Но... послушай, Эона, я тоже всерьёз. Последние наши три астромеха вот-вот посыплются, а ведь они все новее этого. Нам правда нужны запчасти!

Лицо женщины стянулось в маску – настолько экспрессивного и ярко выраженного характера, что ни алгоритм оценки угроз, ни визуально-поведенческий анализ не смогли подобрать точную причину таких метаморфоз. Единственным разумным решением, как посчитал Ар-два, оставалось предупреждение людей о возможных последствиях проявления их агрессии.

Беглый просмотр архива данных остановился на записи, которая запечатлела спасение Хана Соло из лап Джаббы Хатта, вылившееся в полномасштабное сражение возле татуинской ямы Каркун. После небольшой, но продуманной обработки записи гаморреанские телохранители и другие прислужники преступного авторитета были заменены на людей в импровизированной лавовой броне, а вместо палубы хаттской яхты появился опустошённый ландшафт Миндора. Когда процесс редактирования, занявший всего 0,78 секунды, подошёл к завершению, Ар-два инициировал голопроекторный массив, чтобы продемонстрировать свою работу.

Люди узрели со всех ракурсов, как миниатюрный Люк Скайуокер, вооружённый ярко-зелёным световым мечом, прыгал, вился и кувыркался среди таких же миниатюрных копий, принадлежавших похитителям Ар-два, и пугающе быстро сокращал их численность.

– Ну и что это значит? – прокомментировал Трипп. – Мелкий грабарь нам что, угрожает?

– Заткнись. – Женщина по имени Эона опустилась на одно колено и склонилась над голографическим действием, внимательно разглядывая каждую деталь. На мгновение выражение её лица смягчилось, в то время как глаза Эоны расширились, а голос задрожал от благоговения. – Это же джедай...

– Ты правда в это веришь? – Трипп покачал головой, не убирая руки с ЭМИ-бластера. – Империя прикончила всех джедаев ещё до моего рождения.

– А когда родилась я, они ещё жили и здравствовали. – Женщина уставилась на маленькую фигуру, изображавшую Люка. – Наш маленький приятель принадлежит джедаю. Так вот кого он тут ждёт. Полагаю, стоит подождать вместе с ним – я бы хотела повидать этого джедая, когда он, наконец, заявится. Нам не мешает его помощь.

– А что если тот, кто заявится, вдруг окажется вовсе не джедаем?

Эона выпрямилась и, когда она приняла вертикальное положение, к ней вновь вернулась та гримаса, не предвещавшая ничего хорошего.

– Значит, корабль заберём, а их самих – отдадим на растерзание плавильщикам. – Она пожала плечами. – И тогда не придётся убивать своими руками.

* * *

Канонерка приземлилась посреди широкой посадочной площадки, затенённой турболозерными башнями. Один из штурмовиков в чёрных доспехах взмахнул дулом бластера.

– Вылезай.

Изнутри открывался вид на башни, на сотни аккуратно выстроенных кораблей, на высокий склон вулкана, сквозь зияющие пещеры которого пролетали тучи СИД-истребителей.

Похоже, противника совсем не волновало, что Люк осматривал защитные сооружения. Ничего удивительного: вряд ли в их планы входило отпустить пленника.

Когда Люк сошёл с борта канонерки, его окружил целый взвод штурмовиков, облачённых в блестящие чёрные доспехи. Двое летевших с ним конвоиров нацелили в спину бластерные карабины, держа пальцы на спусковых крючках. Сержант штурмовиков двинулся вперёд, а замыкала процессию особа, которая, присматривая за всеми с удобного расстояния, смахивала на какого-то комиссара.

Вместо доспехов особа носила тёмные плащевидные одеяния, напоминавшие костюм Дарта Вейдера. Чёрный как смоль головной убор, в свою очередь, ничем, кроме цвета, не отличался от того, в котором ранее по голосвязи предстал Кукловод, рождённый тенью. Другим неопровержимым сходством являлась застывшая на лице бледная маска и точно такие же угольно-чёрные глаза. Сказать по правде, Люк легко бы принял сопровождавшего его человека за самого Кукловода, если бы под тёмными складками не угадывались очертания женской фигуры, не говоря уже о том, что эта особа была немного располневшей и не отличалась высоким ростом.

Однако именно она присвоила себе световой меч Люка, и именно от неё веяло Тёмной стороной.

И она тоже летела на десантном корабле, который доставил Люка к военной базе внутри вулкана. За время полёта женщина не произнесла ни слова, но одного только брошенного ею жеста было достаточно, чтобы любой солдат вытягивался по струнке и принимался исполнять свой долг со всем воодушевлением. Между прочим, база просто пестрила коллегами главного конвоира: среди сотен или даже тысяч солдат выделялись десятки обладателей таких же головных ubоров. И на всех было одно лицо – или, скорее, голографическая маска; а ещё штурмовики выказывали должное почтение каждому такому любителю или любительнице чёрного. Кроме того, никакой другой когорты представителей Империи Люк не выявил, как ни старался: здесь водились только штурмовики цвета сажи и Полумесячные шляпы, источавшие вонь Тёмной стороны.

И эта вонь ощущалась настолько явственно, несла в себе такую искажённую ауру, что Люку хотелось закрыть глаза и заставить источник разделить с ним получаемые ощущения.

Внешняя оборона базы не впечатляла: всего пять спаренных ионных пушек класса «земля-орбита» и двойное кольцо турболазерных батарей, которые, казалось, были откалиброваны для работы по наземным танкам. Без сомнения, осмотренные сооружения носили позиционный, стационарный характер размещения. Сосчитать хотя бы примерно, сколькими мобильными средствами обороны – вроде боевых кораблей – располагал мятежный военачальник, не представлялось возможным, потому что сама база занимала внутреннюю полость вулкана размером около пяти километров. Люк подумал, что ему удалось бы со скрипом разместить внутри большую часть своей Оперативной группы, и ещё как минимум грот остался бы про запас, ведь какие-то из этих клубившихся паром пещер могли оказаться просто огромными.

Одна установка ПВО, расположенная у самой вершины по центру зенитного кольца, привлекла внимание. Похоже, орудие было надёжно защищено армированным панцирем.

Люк повернулся к ближайшему штурмовику и указал на установку.

– Скажи мне, что это такое, – попросил он.

Раздавшийся рядом импульс Силы вынудил Люка обернуться через плечо лишь затем, чтобы увидеть, как Полумесячная шляпа прикладывает указательный палец к губам, а затем и вовсе зажимает рот ладонью. Вслед за выразительным жестом один из шедших позади штурмовиков больно ткнул дулом винтовки в спину Люка. Заныла почка.

– Ты слышал её.

– Я слышал?

– Никаких разговоров. Мы знаем, на что способны джедаи.

Люк расправил плечи и продолжил движение, несмотря на одеревеневшую спину.

– Пожалуйста, не трогай меня.

Штурмовик и не думал смягчаться. Напротив, он развернул карабин, и в затылок Люка с силой прилетел приклад, вынудив упасть на колени.

– Ты что, и меня не слышал? – поинтересовался солдат.

Дождавшись, когда улягутся искры, Люк вновь выпрямился.

– Тебя – слышал. Но не увидел ни одной причины подчиняться.

– Вот тебе причина.

Великая Сила прошептала предупреждение, и Люк стремительно повернулся к обидчику, вовремя поймав живой рукой приклад бластерного карабина.

– Я же сказал «пожалуйста», – произнёс он, крепко сжимая оружие.

Изумлённый штурмовик попытался выдернуть карабин, но вместо того, чтобы отпустить приклад, Люк позволил Силе придать пальцам твёрдости и одним движением запястья надломил винтовку. Другой штурмовик, наблюдавший за тем, как бластер напарника распался на части, выругался и открыл огонь из собственного оружия. Пока карабин выплёвывал разряды, в воздух поднялась вторая рука Люка Скайуокера – протез, заменявший утраченную благодаря отцу конечность – и искусственная ладонь, повторяя движения гулявшего дула, поймала все пять зарядов.

– Пожалуйста, вы тоже не стреляйте. – Он продемонстрировал ладонь ошарашенным солдатам, чей смягчённый Силой бластерный огонь нисколько не повредил синткожу, и лишь от бионических пальцев вился лёгкий дымок. – Давайте попробуем закончить день так, чтобы к закату больше никто не умер, хорошо?

Штурмовик, очнувшись, соорудил насмешливую мину.

– Скажешь это Владыке теней.

– Я так и планировал, – ответил Люк, – ведь именно поэтому пришёл сюда.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Хан Соло придерживался твёрдого убеждения, что космические битвы – и неважно, с каким упоением обезьянничали, например, сорвиголовы из Разбойной эскадрильи – в его личном списке наипаскуднейших ситуаций занимали место даже выше, чем пункт, связанный с поцелуем траптофорианского бритвослизняка, хотя и ниже, чем строчка, описывавшая гипотетическое падение прямо в бантовые экскременты. С начала текущего сражения не прошло и пяти минут, но последовательность списка пока оставалась неизменной.

Не то, чтобы он совсем не ждал неприятностей. Нет, как раз неприятности напрашивались сами собой, начиная с того самого момента, как Хан покинул переговоры. Нехорошее предчувствие относительно грядущих осложнений переросло в абсолютную уверенность, когда они с Чуи достигли конечной точки прыжка, располагавшейся за три световых года от Миндора, и, оказавшись вырванными из гиперпространства, попали в засаду пары десятков СИД-«Защитников». Правда, сколько-нибудь серьёзной неприятностью Хан это не счёл – всё-таки он не отличался идиотизмом, пусть Лея и настаивала на обратном. Дело в том, что капитан «Тысячелетнего сокола» предварительно поколдовал с навигационным компьютером корабля и заранее проложил все этапы маршрута, включая последний отрезок, так что «Сокол» нахально вываливался из гиперпространства и сразу же отправлялся в новое краткое путешествие прежде, чем охваченные изумлением имперцы успели бы закончить фразу «Чёрные кости Императора!» или любую другую, которую они любили выкрикивать всякий раз, когда их, образно говоря, застукивали со спущенными бронированными штанами.

Если бы не беспокойство за Люка, он мог бы задержаться и поучить имперцев парочке ругательств – настоящих ругательств из бесценного кореллианского лексикона, ругательств, в каждом из которых бок о бок сочетались и брань, и непристойность, и откровенное, не вписывавшееся ни в какие ворота богохульство. Проще говоря, кореллианцы одним крепким словом-торпедой разносили оппонента в субатомную пыль.

Предполагалось, что запрограммированный навикомпьютер выведет «Сокол» из гиперпространства приблизительно за двадцать световых минут до Миндора. В теории Хан и Чуи получили бы достаточно времени в своё распоряжение, чтобы оценить обстановку издалека, задействовав корабельные датчики среднего радиуса. Заодно капитан «Сокола» принял бы решение: ввязываться ли в возможную потасовку или возвращаться за подмогой, поскольку в него, невзирая на его весьма насыщенную военную службу, прочно въелись принципы, изложенные в «боевом табеле» Кодекса контрабандистов.

Никогда не сражайся, если можешь блефовать.

Никогда не блефуй, если можешь развернуться и сбежать.

Никогда не убегай, если можешь украдкой прошмыгнуть под носом.

Если никто не догадывается, что ты где-то рядом, можешь уже праздновать победу.

Да, в теории удача бы им благоволила. О том, насколько теория расходится с практикой, безрадостно напомнила сирена «Тысячелетнего сокола», которая с рёвом засвидетельствовала приближение множества объектов, а вторил сирене раздавшийся оглушительный взрыв, что подтвердил кем-то инициированную бесцеремонную выброску из гиперпространства раньше запланированного срока. «Сокол» вывалился прямо в гущу сражения между тремя

кореллианскими фрегатами, полудюжиной эскадрилий истребителей и чудовищно гигантским роем СИД-перехватчиков. И разыгралось это сражение посреди ещё более гигантского метеоритного шторма.

* * *

Дуэт «крестокрылов» вёл отчаянный заградительный огонь по приближавшейся шестёрке СИД-перехватчиков, когда древний потрёпанный фрахтовик ИТ-1300 неожиданно вынырнул строго посредине разразившейся космической баталии, беззаветно приняв на себя порцию разрядов.

Вначале ведомый потребовал объяснений у тех, кто управлял реликвией времён Старой Республики, но затем пилот «крестокрыла» пришёл в восторг, когда тарелкообразная посудина выполнила поразительно сложный манёвр, повернувшись кормовой стороной к перехватчикам. Превратив досветовые двигатели в оружие, фрахтовик умудрился сбить парочку СИДов, которым ничего не оставалось, как врезаться в ближайший астероид. Затем корабль-реликвия обрушил на оставшихся скованных астероидами оппонентов яростный лазерный шторм, одновременно разрождаясь залпом ударных ракет, каждая из которых безошибочно – но и не без толики удачи – настигла свою цель. Поскольку весь процесс занял не более пяти секунд, грузовое судно, расправившись со звеном перехватчиков, ринулось сквозь лабиринт астероидов.

В кабине «Тысячелетнего сокола» у Хана Соло не было возможности отпраздновать триумф. Капитан ударился об стойку и рассёк кожу на голове, будучи не пристёгнутым как следует к пилотскому креслу. И вообще, пока шёл скоротечный бой, он постоянно двигался вместе с кораблём, лихорадочно дёргая штурвал из стороны в сторону, наугад давя кнопки управления огнём, бросая себя вперёд, пытаясь за счёт своего веса хоть немного подбавить манёвренности, чтобы таким образом избежать постоянной метеоритной бомбардировки, которая нещадно оставляла вмятины на корпусе. Всё это время Хан не переставал кричать «Чуи, нам нужны те дефлекторы! Правда, нужны!» или «Дым! Почему пахнет дымом?!» В ответ со стороны лобового эксплуатационного отсека раздавались вопли отчаяния пополам с извинениями, из которых выходило следующее: в связи с незапланированным взлётом так и не удалось устранить неисправность в блоке управления дефлекторными щитами, отчего всё более отчётливо вырисовывалась угроза со стороны висевших на хвосте десятков истребителей.

И всё же Хан проигнорировал вой напарника, поскольку возникла и другая неприятность, как-то связанная с местным пространством. Навигационный компьютер «Сокола», угодившего в водоворот булыжников, не мог уловить траектории сразу всех объектов, и корабль сам пустился в пляс, принявшись выделять такие кульбиты, которых Хан не помнил со времён той легендарной гонки сквозь Кессельскую Дугу, где судно будто подхватывали приливные и отливные течения – гравитационные шалости местных чёрных дыр...

– Эй... – На мгновение Хан выпрямился, озарённый догадкой. Действительно, почти как у Кесселя, точь-в-точь как у Кесселя!¹ Он взглянул на датчик и понял, что астероиды

¹ У Кесселя Хан Соло и Чубакка, спасаясь от имперских преследователей, прошли по краю скопления чёрных дыр, носившего название Мау («Утроба» в другом переводе), тем самым срезав Кессельскую Дугу и установив новый рекорд среди контрабандистов. Подробности – в романе Энн Криппин «Хан Соло и мятежный рассвет», чей сюжет вплотную подступает к событиям «Новой надежды». Книга переведена на русский язык.

сгруппированы вокруг мощного гравитационного колодца, почти наверняка сформированного грави-миной, а то и целым проектором.

– Ну точно! – воскликнул Хан. – Чуи, забудь о дефлекторах! Выведи вперёд противоударную защиту! Сейчас же!

Чубакка ответил тирадой, в которой прослеживались одновременно и хохот, и неодобрение. Переводились они примерно как «только попробуй заикнуться о том, что я сейчас подумал!»

Хан ухмыльнулся, вспомнив похожую ситуацию, случившуюся несколько лет назад. Тогда он вполне ясно высказался по поводу происходящего, повторил ту же реплику и сейчас.

– Они же не сумасшедшие, чтобы последовать за нами, ведь так?

Не дожидаясь, пока Чубакка запустит щит, Хан направил «Сокола» по сложной дуге, взмыв на полной скорости прямо к наиболее массивному сегменту астероидного поля. Противоударный щит оживился, зрелищно вспыхнув огненным цветком. Излучение сжигало мелкие камни и космическую пыль, отчего «Тысячелетний сокол» стремительно мчался пиротехнической ракетой, разбрасывавшей на своём пути облака фейерверков.

И вот тогда Хан Соло на мгновение задумался, что эти полубезумные, обезьянничавшие Проныры не так уж и неправы. Время от времени.

Пилоты СИД-перехватчиков, преследовавшие «Сокол», обнаружили, что корабль попросту исчез. Плотное и непредсказуемое астероидное поле вынуждало использовать почти всё лётное искусство на то, чтобы избегать то одного, то другого камня, отчего для выполнения задачи пилотам пришлось полагаться на компьютерный захват далеко ушедшей цели. Однако вскоре корабль внезапно пропал со всех радаров. Пилоты верно предположили, что их цель, глубоко войдя в грозовой фронт из металлических астероидов, применила старый контрабандистский трюк, отключив досветовые двигатели и все оружейные системы.

Вот только и выбранное контрабандистом место могло преподнести пару сюрпризов, поскольку устроивший грозу проектор гравитационного колодца посылал астероиды во все стороны. Цель даже не подозревала, что своими действиями только подвергла себя опасности, облегчив работу преследователей. Жертва СИД-перехватчиков теперь являлась более крупной добычей для смертоносных астероидов, нежели сами имперцы, а ещё контрабандист не мог совершить манёвр, так как ему пришлось бы всё-таки раскрыть своё местоположение. Так что звено перехватчиков сформировало поисковую сеть и принялось методично обыскивать астероидное облако.

Однако Хан, ещё будучи курсантом, выяснил интересную вещь: даже во время пролёта через крупное поле, заполненное случайно двигавшимися глыбами астероидов, имелось несколько факторов, благодаря которым можно было сохранить корабль на плаву. Например, двигавшийся в определённом направлении камень продолжит двигаться строго по этой же траектории, если только не натолкнётся на непреодолимую силу извне. Сами столкновения также имели прогнозируемый результат. Траектории после удара повстречавшихся друг другу объектов без труда вычислялись любой стандартной навигационной программой, в основе чего лежал приблизительный анализ векторов и относительной кинетической энергии объектов. В данной ситуации СИД-пилотов волновала лишь единственная сила извне – гравипроектор – чьё влияние на близлежащие объекты также находилось в пределах возможностей компьютера.

Вот почему командир звена выразил почти осязаемое удивление, когда астероид размером со спидербайк внезапно совершил разворот на сорок пять градусов, как если бы в него прилетел невидимый паатчи-мяч, после чего глыба сотрясла левый двигатель перехватчика, пробила корпус и кабину, а затем, унося за собой голову пилота, принялась за другую сторону корабля.

Лишь после того, как второго члена звена настигла схожая участь, оставшиеся, наконец, установили визуальный контакт с «Тысячелетним соколом», который, мелькая всюду и сразу, энергично наматывал круги и, по всей видимости, вообще не задействовал реактивную тягу. А вот астероиды, в свою очередь, как будто стремились убраться подальше с пути фрахтовика, отклоняясь от прежних траекторий с невероятными интервалами движения, вследствие чего новые траектории становились катастрофическими для СИД-перехватчиков.

Последним, что выдал шестой по счёту пилот звена, являлась передача такого содержания:

– Это просто какой-то кровожадный джедай! Клянусь вам, он швыряется камнями! Уж не знаю, как именно, – силой мысли или...

Передача прервалась грохотом, словно астероид весом в тонну сокрушил титановую оболочку корабля. Фактически, так оно и случилось.

* * *

Пока передвигаемый объект обладал подходящей массой, репульсорная технология оставалась самой эффективной из всех когда-либо изобретённых средств транспортировки. Репульсор практически не потреблял энергии, не производил выбросов и почти не имел излучающей сигнатуры – даже тепловых выхлопов, поэтому обнаружить работу такого устройства можно было лишь с помощью гравитационного датчика. Репульсоры настолько прочно укрепились в быту жителей галактики, что те воспринимали выдающуюся технологию как данность и использовали повсеместно, начиная со свупов и заканчивая звёздными разрушителями. Однако СИД-перехватчики были разработаны так, чтобы переноситься более крупными кораблями, да и предназначались для космических сражений, далеко за пределами планетарной массы – то есть, за пределами той среды, которая питала репульсорные двигатели. Перехватчики попросту не нуждались в такой технологии, и имперские инженеры со свойственной им будничной экономностью не стали внедрять репульсоры в конструкцию судна. По этой же причине приборы на борту перехватчика были откалиброваны для обнаружения сигнатур досветовых двигателей и заряженных оружейных систем, а вовсе не гравитационных колебаний репульсоров... что в любом случае приносило мало пользы в бою между звёздными истребителями. В текущем сражении СИД-перехватчики всё же не могли за одно мгновение разогнаться до пика скорости.

Республиканские истребители, напротив, проектировались без учёта крупных кораблей-носителей и регулярно выходили в атмосферу, где эффективный расход топлива превалировал над высокими скоростями. А одна из двух малоизвестных особенностей репульсора состояла в том, что устройство функционировало не только в условиях планетарного гравитационного колодца, но и в условиях любого гравитационного колодца – даже посреди искусственной гравитационной тени, сформированной гравитационными минами или кораблями-заградителями.

Другой малоизвестной особенностью репульсора являлось его несомненное уважение к космическим законам движения и механики. В гравитационном поле планеты корабль перемещался за счёт репульсорных двигателей по той причине, что не двигалась сама планета. Однако если в схожих условиях направить репульсор на объект значительно меньшей массы, чем

оснащённый установкой корабль – скажем, на астероид весом в тонну, перемещаться будет уже выбранный объект. И полетит он с проворной, весьма проворной скоростью.

Некоторые пилоты стали называть этот манёвр «Соло-сдвигом». И вовсе не потому, что авторство трюка принадлежало Хану, поскольку был намного старше Соло, а потому что по всей галактике не сыскалось бы того, кто смог бы лучше Хана проверить этот манёвр.

Когда чемпион по «Соло-сдвигу» выиграл «Соколу» передышку в целых несколько секунд, он позвал Чуи в кабину. Вуки плавно скользнул в кресло второго пилота, пристегнулся и выдал лаконичное «бароу вонннгар рау-у-вар».

– Лучше и не скажешь. – Хан покрутил диск коммуникатора. – Подпространство всё ещё глушат, попробую в реальном пространстве. Республиканские фрегаты, вызывает «Тысячелетний сокол». Как поняли? Повторяю: как поняли?

Последняя фраза была произнесена как можно громче, будто это могло помочь. И всё же ответ пришёл, потрескивавший от статики.

– «Тысячелетний сокол», вызывает «Копьеносец» из СОНР. Мы вас слышим. Подтвердите получение следующего сообщения.

Хан хмуро взглянул на Чуи, пожал плечами и сказал:

– Принимай.

– Сообщение таково: «Где мои восемь тысяч кредитов, старый ты ворюга-пират?»

Хан расплылся в ухмылке.

– Сообщение получено. Ответ: «Передаю привет капитану Тиросску. Как насчёт выскоблить один гравипроектор и тем самым частично погасить долг?»

Чубакка многозначительно посмотрел на Хана.

– Хувергрфф?

– Кому я ещё должен столько денег? – вновь пожал плечами Хан.

– Фргр. Хуурум. Флигарр...

– Да-да, всё нормально, забудь.

Затрещал коммуникатор.

– Соло, это Тиросск. Если выберемся отсюда живыми оба, друг мой, мы будем квиты, верно?

Хан поморщился. Ни один ботан не стал бы соглашаться на подобное предложение, если бы имелся хоть один шанс на успех.

– Давай-ка ты лучше введёшь меня в курс дела.

Дальнейший рассказ проходил по принципу «есть хорошая новость и плохая». Хорошей являлось то, что у Отродья теней не нашлось столько перехватчиков, сколько хватило бы для защиты всех проекторов гравитационных колодцев. Плохая заключалась в том, что проекторам и не требовалась плотная защита, поскольку перехватчиками и так кишела вся система, и без того страдавшая от заплонивших её отбросов. Хорошая новость: проекторы не размещались на крупных судах и оттого не подпитывались мощными корабельными двигателями, а вместо этого были закреплены на астероидах, где зависели от генераторов и конденсаторных батарей, которые, насколько мог судить компьютер «Копьеносца», должны проработать всего четверо суток. Плохая новость: *тысячи* возникших гравитационных колодцев дестабилизировали всю систему, организовав спираль из туч астероидов, завертывшуюся вокруг местной звезды, причём, первые астероиды будут поглощены светилом лишь через два дня. Хорошая: большинство камней окажутся слишком мелкими и просто сгорят в короне звезды. Плохая: таковыми астероидами окажется большинство, в то время как некоторые крупные были способны при столкновении произвести вспышки, подобные солнечным, что испустят волну сильного излучения, готового

стерилизовать всю систему и каждый находившийся там корабль – будь то республиканский или имперский, а заодно и каждую форму жизни на Миндоре, в любом её проявлении. И вдогонку ещё одна плохая новость: уничтожение каждого гравитационного проектора, до которого оперативная группа ухитрилась добраться, только ускоряло астероидную спираль, поскольку периферийные зоны колодцев в какой-то мере уравнивали гравитацию звезды и оттого замедляли снижение астероидов по их орбитам. В итоге получалось так, что плохих новостей накопилось больше, и крыть последнюю из них было нечем. Совершенно нечем. Всех ожидала поголовная смерть.

Всех до единого.

– Не верю, – заявил Хан. – Не поверю и на десятую долю стандартной секунды. Ни один командир импов не разбрасывается всеми подчинёнными и всей техникой только для того, чтобы снять парочку республиканских кораблей. Они просто не могут себе этого позволить. Здесь что-то ещё. Должен быть какой-то выход. Проложим себе путь и, как только присоединимся к парням Люка, свяжемся с оперативной группой...

– Это не всё, – прервал Хана Тиросск. – «Правосудие» развалилось на орбите. Генерал Скайуокер попытался посадить то, что осталось. Но там произошёл... взрыв.

Того, что ботан говорил дальше, Хан уже не слышал. Перед взором сам собой всплыл явственный образ: он берёт свой ДЛ-44, приставляет ко лбу некоего военачальника с тараканами в голове и с вымышленным именем, указывавшим на принадлежность к Тёмной стороне...

Чубакка отреагировал по-своему, закрыв лицо ладонью, оперся локтем о командную консоль и заскулил. Хан попытался проглотить ком в горле, но тот не исчез и подбавил несколько новых, увесистых, осевших где-то в районе живота. Тогда он заставил себя улыбнуться.

– Посмотри с другой стороны, Чуи.

– Броувверг.

– Конечно, есть, – сказал Хан. – По крайней мере, нам удалось не потащить ко дну ещё и Лею. Она в безопасности. Это чего-то да стоит.

– А ты знаешь, что говоришь по открытому каналу, а, Ловкач?¹ – вновь затрещал коммуникатор «Сокола», гораздо более знакомым голосом.

Хан разинул рот в изумлении. Чубакка же заскулил сильнее.

– Пока генерал Соло переваривает информацию, – продолжала Лея, – может, кто-нибудь окажет любезность и прикроет Разбойную эскадрилью, чтобы мы могли снять этот гравипроектор?

– Лея... Лея... Люк, он... – У Хана перехватило дыхание, и пришлось зайтись в кашле, чтобы прочистить горло. – Люк...

– Глупости.

– Ты... ты сама сказала, что он в беде...

– И он оттуда всё ещё не выбрался. – Даже треск помех не смог поколебать абсолютную убежденность в её голосе. – Хан, ты слышишь? Он до сих пор в беде.

Хан поймал себя на том, что в очередной раз широко ухмыляется.

– Лучшая новость за сегодня.

* * *

¹ Это прозвище Хан получил от лётного инструктора во время учёбы в имперской Каридской академии. Как-то раз кадет Соло изловчился посадить неисправную орбитальную баржу и спас жизни не только сокурсников, но и вышеупомянутого инструктора с командиром. Легендарная история рассказана самим инструктором по имени Бадуре в романе Брайна Дейли «Хан Соло и потерянное наследство», на русский язык переведённом.

За последним изгибом туннеля, проходившего глубоко внутри вулканокупола, обнаружился арочный свод, который мерцал пульсировавшим красным светом. Штурмовики подтолкнули Люка вперёд, прямо к краю высокого обрыва, где с крошечного выступа открывался вид на озеро из расплавленной лавы.

Позади, у входа в туннель, Полумесячная шляпа опустилась на колени.

Тронный зал Кукловода, рождённого тенью, был высечен внутри скалы, чей огромный свод и стены исчезали в пелене сернистых газообразований. Лишь раскалённая добела магма освещала эти катакомбы, поскольку откуда-то сверху лился, пополняя лавовое озеро, самый настоящий *огнепад*, смертоносный жар которого сдерживался силовыми экранами. С выступа был продолжен узкий каменный мостик, ведущий к помосту из чёрного гранита, свободно висевшему над озером. Вершину этой конструкции обтесали и отполировали так, что получился монументальный – размером с имперский шаттл – трон, блестящий чернотой самой ночи, и расположен он был таким образом, чтобы не менее монументальный Владыка теней восседал там на фоне ниспадавшей лавы, не говоря уже о мареве алого мрака, который исходил от огненного водоёма.

Люк замер. Это место идеально подошло бы в качестве декорации для съёмок какого-нибудь «Хана Соло и пиратов Кесселя»: настолько всё здесь напоминало театральную сцену, настолько отдавало голотриллером, что Люк засмеялся бы... но Великая Сила отбивала всякое желание. В Силе тронный зал представлялся бомбой, завернутой в подарочную упаковку на день рождения.

Как если бы под личиной клоуна, выступавшего на детском утреннике, скрывался владыка-ситх.

Должно ли это впечатлить его? Или следует отмахнуться от увиденного, как от безумного розыгрыша? Люк недоверчиво взглянул через плечо на сопровождавших его штурмовиков.

Они оцепили пленника полукругом, нацелив на него карабины. А вот Полумесячная шляпа так и стояла на коленях, склонив голову и вытянув перед собой ладони, на которых балансировало своего рода подношение – световой меч пленника.

До Люка дошло: основной аудиторией являлся не он. Спектакль предназначался им.

И, похоже, задумка работала.

Вот только что именно задумал Чёрная дыра? И взаправду ли это был Чёрная дыра? Тогда, на Ворзиде V, он предстал в виде голопроекции, однако занявший трон Кукловод совершенно точно не был проекцией. Люк ощущал в Силе тёмную злобу всецело человеческого происхождения – и шипучий злобный яд, и мерзкое злорадное ликование – и источал её сидевший перед ним мужчина.

В Великой Силе запылала угроза. Люк почувствовал опасность, настолько серьёзную, что даже физическая смерть *меркла* перед ней.

– Люк Скайуокер, – пророкотал по всей пещере голос Кукловода, возможно, усиленный скрытыми динамиками. – Трепещи передо мной!

– Кажется, вы перепутали меня с каким-то другим Люком Скайуокером.

– На колени, Скайуокер! Присягни мне, и я сохраню твою жизнь — и твоей команды.

Люк промолчал. Фигура Кукловода зашевелилась и вытянулась, поднимаясь с трона. Его странный головной убор, казалось, излучал свет, который не падал на это ничем не

примечательное лицо. Его мантия замерцала багровым, словно была окроплена кровью, а талию подпоясывали ножны, внутри которых хранился массивный меч.

– Привести его ко мне!

– Не беспокойтесь, – сказал Люк. – Я могу и сам справиться.

Он ступил на длинный каменный мостик, призвав весь скудный опыт, чтобы поглубже окунуться в омут просвещения, именуемый Великой Силой. Вот теперь он ощутил западню.

Когда конец моста был достигнут, Кукловод возвёл кисть руки, будто намеревался метнуть порцию молний.

– Ты побеждён, Скайуокер.

– Только не говорите «даю голову на *отсечение*».

Ладонь повисла в воздухе, словно её обладатель забыл, зачем вообще поднимал конечность.

– Я добился того, чего никогда не смог бы ни тщеславный, высокомерный Император, ни его жалкий пёс Вейдер! Я одолел Люка Скайуокера!

– Ещё нет, – отозвался Люк. – Или, если вам полегчает, могу добавить «Не советую недооценивать мою мощь».

– Твой флот у меня в руках. Мои гравитационные орудия уничтожат всю эту систему. Ни один корабль не ускользнёт!

– Это проблема, – признал Люк, – но она также означает, что и ваши корабли не смогут сбежать. Вам не кажется, что нам вместе стоит поискать какой-то бескровный компромисс?

– Ты пришёл сюда обогреть руки моей кровью, – твёрдо отчеканил Кукловод, рождённый тенями.

– Я сказал вашим солдатам снаружи, что надеюсь закончить день без очередных смертей.

– А вот здесь... – Кукловод, наконец, опустил руку к мечу на поясе и положил ладонь на рукоять. – ...тебя ждёт лишь разочарование.

– Вы ведь не хотите этого.

– Твои джедайские трюки для меня – пустой звук!

– Нет-нет, мои слова вовсе не пустые. – Люк нахмурился. – Вы в самом деле этого не хотите. Я чувствую, что это так.

Он приблизился и понизил голос.

– Чёрная дыра, это ведь ты? Что происходит? Зачем устраивать представление? – Люк огляделся по сторонам, ощущая гораздо большее число уставившихся на него глаз, нежели рота штурмовиков позади. – Ты что, всё записываешь?

– Глупец! – громынул Кукловод, освобождая меч от ножен. – Вставай на колени или умри!

Клинок оказался огромным, в ладонь шириной и вдвое длиннее, чем световой меч Люка. Кажется, лезвие было вырезано из огранённого кристалла, как громадный алмаз, которому придали особую клинообразную форму. Стоило Кукловоду вытащить меч, как клинок вспыхнул алым ослепительным сиянием, будто впитав в себя жар, исходивший от лавового озера внизу. *Тот же цвет, что и у Вейдера. Не потому ли всё происходящее ощущается, мягко говоря, постановочным?*

Однако, инсценировка это или нет, у Люка и у его желания подыгрывать имелись свои пределы.

– А теперь послушай меня, – тихо промолвил Люк, – ты, Чёрная дыра, или Кукловод-Рождённый-Тенями, или Отродье теней, или кто бы ты там ни был. Я – джедай, но джедай, не прошедший должным образом полноценную подготовку, которой славились некоторые

классические джедаи. Насколько мне известно, они пытались положить конец конфликтам без насилия... но вот как раз этому я только ещё учусь, понимаешь? Нападёшь на меня, и я причиню тебе ранения. Если ранений окажется недостаточно, вот тогда и придётся обагрить руки твоей кровью.

– Вообразил, будто сможешь победить меня? Глупец! Этот клинок – плод ситхской алхимии, которая старше тебя на бесчисленные тысячелетия! Против такой мощи твоя джедайская игрушка – всего лишь тростинка!

– «Ситхской алхимии»? – Люк покосился на Кукловода. – Ты никак шутишь?

– Давай, Скайуокер! Призови свой меч и сражайся! Сокруши меня – и мои поданные перейдут под твоё крыло!

Люк моргнул.

– Что?

– Мои легионы теней! Внимайте словам своего повелителя! – Пещера задрожала от заложенной в голосе мощи, в то время как меч Владыки теней возвысился над его головой. – Если этому щенку-джедаю удастся сразить Кукловода, рождённого тенями, вы станете принадлежать ему! Повинуйтесь каждому его слову, как повиновались моему! Так вам приказывает ваш повелитель!

– Неужели? – усомнился Люк. – Так если удастся сразить тебя...

– Мои легионы возвращены так, что теперь в их жилах течёт беспрекословное повиновение. Они будут подчиняться до тех пор, пока не испустят последний вздох или пока его не испущу я... и тогда они станут служить Люку Скайуокеру, станут выполнять его приказы.

И Великая Сила подарила прозрение: Люк понял, что по какой-то непонятной причине Кукловод, рождённый тенями, совсем не лжёт.

Люк вытянул правую руку. Позади, в глубине пещеры, где обрыв заканчивался выступом, зажглось вырвавшееся на свободу зелёное пламя, когда световой меч выскользнул из рук Полумесячной шляпы и сам по себе воспарил в воздух. Меч вертелся, кружился и летел сквозь темноту, пока не лёг рукоятью точно в подставленную ладонь. Люк переступил с ноги на ногу и расправил плечи.

– Да будет так, – вздохнул он. – Покажи-ка, на что способен.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Хан скорчил гримасу, ощутив на языке горький и жгучий привкус, пропитавший местные ветра и проникавший даже сквозь фильтрующую маску.

– Разве Миндар не должен быть курортной планетой или чем-то похожим на неё? – Он отбросил ногой груды пепла, скопившегося у трапа «Сокола» и осмотрел пострадавший от взрыва ландшафт, который стал последним известным прибежищем для «Правосудия». – Это место и тускена бы повергло в уныние.

Сверху послышалось меткое «ирруоф».

– О, ну конечно, «Миндор», – поправился Хан. – Да и ситх с ним. Кого это волнует? Захочу – и буду называть его «Миндаром», кто меня станет переубеждать? Ты, что ли? А как насчёт тебя, принцесса?

Лея не ответила. Она двигалась медленно, будто прощупывала маршрут, ступая по извилистой тропе, тянувшейся вверх по лавовому склону к кратеру, всё ещё излучавшему неприемлемые дозы безжалостной радиации.

Хан вздохнул и полез по посадочной лестнице к надфюзеляжной обшивке, чтобы присоединиться там к Чубакке. Пришлось обойти «Сокол» спереди, иначе он попал бы под выхлопы досветовых двигателей, которые было решено оставить прогретыми на случай неожиданного отлёта. По левому борту, у переднего корабельного жвала, Чубакка то и дело жалобно ворчал, заделывая латопластом неисчислимые дыры, оставленные метеоритами.

– Ну и как скоро мы сможем вылететь в космос?

– Гарроарр гарроу!

– А я виноват, что им захотелось подраться среди астероидов?

– Мероуарр харрхарррг.

– Нет, ты не делаешь всё по кораблю в одну харю! Разве не я провентилировал трюмы, когда мы приземлились? Между прочим, почти вся севшая пыль тоже радиоактивна. – Прежде, чем Чуи ответил, Хан повернул к Лее и помахал ей. – Как успехи?

– Он был здесь! – ответила она приглушённым маской голосом. – В смысле, мне так кажется. Я почти уверена...

– А есть какие-то ощущения относительно пути, по которому он направился? – Хану было уже всё равно, что скажет Лея, лишь бы это касалось еды. И питья.

Планировалось пополнить скудные запасы «Сокола» ещё на той базе, основанной на астероиде, но, в спешке покидая ангар, они благополучно забыли сделать и это. А во время переговоров с мандалорцами Лея строго-настрого предупредила «не выходить на антракт», пока не будут решены важнейшие вопросы, так как это являлось существенным нарушением мандалорского этикета. То есть прошло больше суток с момента, когда Хан принимал достойную пищу – гораздо более достойную, нежели замороженные крохи, найденные в камбузе «Сокола», из которых удалось сварить немного паккха-бульона и приготовить тушёного липкого корня. Не самые любимые его блюда, мягко говоря, ведь не просто так продукты пролежали в морозильнике почти пять лет.

И всё же он с трудом заставил себя поесть, пока Разбойная эскадрилья не присоединилась к «Соколу». Когда это произошло, они все вместе инициировали отход к планете, ведя по пути постоянные сражения, то и дело пробиваясь через лабиринт гравипроекторов, не говоря уже о тучах СИД-перехватчиков. Проныры, в свою очередь, достигли Миндора с помощью серии микропрыжков, выполненных по неровному курсу. Всякий раз, когда очередная гравитационная установка выдёргивала «крестокрылы» из гиперпространства, посреди скопления астероидов разгоралась новая битва, однако Разбойная эскадрилья всю использовала эффект неожиданности, а заодно и другое преимущество – штатные репульсоры, при помощи которых «Проныры» могли не только незаметно маневрировать среди астероидов, но также и попрактиковаться в искусстве «Соло-сдвига».

Когда Хан обрисовал план действий, Ведж первым делом спросил:

– Ты хочешь, чтобы мы взялись за перехватчики, не пуская в ход ничего, кроме репульсоров?

– Само собой, – подтвердил Хан. – Как думаешь, каков у «жмуриков» уровень подготовки в репульсорном бою?

– Не угадаю даже приблизительно, – ответил Ведж, – но вот что касается нашей подготовки, здесь я точно скажу, чего не хватает...

– Ну, тогда будем надеяться, что им потребуется несоизмеримо больше времени на обучение, чем вам, ага?

И пилоты Разбойной эскадрильи освоили хитрую науку в настолько короткий срок, что Хан не раз ловил себя на том, что покачивает головой и тихонько присвистывает от увиденного. «Проныры» по полной программе оправдывали свои позывные. Может, они были так же хороши, как и Хан. Почти так же. Вслух он этого, конечно, никогда не признает.

Тем не менее, битва растянулась в череду отдельных сражений, которые, как казалось, шли уже год или два. Так они бы и воевали до полной потери сил, если бы Чуи вдруг не осенила блестящая идея использовать гравипроектор против него же самого, а именно: подвести «Сокол» по точно выверенному вектору как можно ближе к установке, вывести через мусоросброс парочку термальных детонаторов и дать гравитационному колодцу втянуть взрывчатку в свой эпицентр – то есть прямиком к обречённому проектору.

Минус: согласно вычислениям компьютера «Копьеносца», солнечные вспышки начнутся менее чем через двенадцать часов. Плюс, как решил Хан, являлось то, что смертоносное излучение настигнет его ещё до того, как он свалится от голода.

– Лея? – вновь позвал он. – Есть хоть что-нибудь?

– Я... я не уверена, – пробормотала девушка. – Быть может... нет... мне кажется...

– Ну, тебе лучше уже определиться, сестрёнка! Если импы решат выпустить патрули в атмосферу, здесь станет немного жарко. То есть, ещё жарче.

Хан полагался на свойства местной густой пыли, которая постоянно гонялась ветрами и скрывала «Сокол» от орбитального сканирования. Разбойная эскадрилья вернулась в систему, пытаясь расчистить проход сквозь ограду гравитационных проекторов, всё ещё удерживавших корабли. Мысленно Хан пожелал «Пронырам» всяческих успехов, поскольку полагал, что любой продолженный путь к отступлению пригодится им позже, когда Люк всё же будет найден, однако Хан также был бы совсем не против, если бы эскадрилья осталась бродить где-нибудь поблизости, чтобы прикрыть его так некстати обнажившийся зад.

– Кажется... – Лея выпрямилась, глядя куда-то мимо «Сокола». – Кажется, нам следует пойти вон туда.

– Почему именно туда?

– Потому что вон те типы с бластерами, выходящие из-за скал, – Лея подняла руки, – решили в нас не стрелять.

Хан очень медленно повернулся, стараясь держать руку как можно дальше от бластера. У кратера внезапно, как из-под земли, выросла пара десятков людей в облепленных заплатами доспехах, которые будто бы смастерили из местной лавы. И, помимо необычных нарядов, почти все эти типы были вооружены самыми разнообразными стволами – начиная от имперских ДС-17¹ и заканчивая дубовианским огнемётным орудием, причём, все они были нацелены их приближавшимися обладателями прямо на Хана.

Чуи что-то проворчал и принялся подниматься, но Хан осадил его, проговорив одними губами:

– Не двигайся. Как начнётся пальба, скатись с корпуса. Окажешься внутри – заводи брюшную пушку.

– Гарроурх.

¹ ДС-17 – модульное оружие, с насадками в виде автоматической винтовки, снайперской винтовки и гранатомёта. Использовалось республиканскими клонами-коммандос, которые после преобразования Республики стали имперскими коммандос. ДС-17 наиболее известно по видеоигре «Republic Commando».

– Забудь. Я ещё могу спрятаться за сенсорной антенной. А ты не влезешь.

– Херммагроурх нирроурх.

Хан скосил глаза на незваных гостей. Чуи был прав: военная выправка. Может, не действующие военные, а дезертиры или наёмники. Они двигались оцеплением, прикрывая друг друга с намеченными секторами стрельбы.

– Мы и раньше имели дело с профессионалами, – пробормотал Хан. – Приготовься.

Он шагнул к антенне и, наклонившись, положил на неё правую ладонь, всем своим видом демонстрируя, будто просто опёрся на механизм, однако на самом деле принял идеальную позу, чтобы быстро выхватить ДЛ-44 – настолько быстро, что никто и моргнуть бы не успел.

– Едой не поделитесь? – поинтересовался Хан у покрытых лавой ребят.

Вперёд вышла рыжеволосая женщина. Она оставалась единственной из группы, кто не носил оружия, хотя опытный взгляд Хана мгновенно выявил рукоять пистолета, торчавшую из поясной кобуры, и по всем внешним признакам этот пистолет частенько пускали в дело.

– Кто вы и что вам тут нужно? – потребовала объяснений женщина.

– Ой, простите, так эти булыжники – ваша территория? Мы временно заняли её, чтобы моему кораблю было где присесть. Обещаю: как только отправимся в путь, булыжники останутся на месте.

– Знаешь, а ведь это было забавно. Тебя многие считают забавным?

– Только те, кто может похвастаться чувством юмора.

Хан отметил и другое: предводительница двигалась равномерно, мягко перенося вес с одной стопы на другую. Большой палец левой руки был засунут за пояс, в то время как правая непринуждённо болталась рядом с этим постоянно используемым бластером. Стойка стрелка, как она есть. А ещё против воли мелькнула шальная мысль, что опасная незнакомка обладала привлекательной внешностью. «Так, никаких рыжих, – приказал он себе. – Я сыт по горло подобными неприятностями и уже потерял из-за них две или три жизни¹. К тому же, мой график встреч уже забит. До самой кончины, если повезёт».

– Отгадайте-ка загадку. – Хан так и светился дружелюбием. – Что капитан корабля, оснащённого парочкой счетверённых лазерных турелей, сказал глупцам, размахивавшими бластерами?

– Дай подумать, – отозвалась женщина. – Быть может «Пожалуйста, не стреляйте в мою подружку»?

Хан посмотрел через плечо. Пятеро отделились от группы, подступив вплотную к Лее.

– Похоже, у нас с добычей не заладилось с самого начала.

– Ой ли? – Улыбка незнакомки не выглядела весёлой. – Это и есть ответ на загадку?

– Ага, – просто сказал Хан, – думаю, так и есть. Послушай, я не знаю, что тебе от нас нужно, и даже не знаю, на чьей вы стороне.

– Сами по себе.

– Стало быть, вы местные?

– Можно и так сказать.

– Полагаю, вы не в восторге от Империи? – Резонное замечание, учитывая их снаряжение и разномастное оружие.

– Не слишком.

– Что ж, и мы не слишком. Слишком не в восторге. А, проехали. Мы просто ищем друга.

¹ Хан имеет в виду Брию Тарен, свою первую любовь. Их знакомство, переросшее в бурный, но драматичный роман, занимает значительную часть книжной трилогии Энн Криспин о Хане Соло.

– Да? Так и мы тоже. Вот это совпадение, подумать только! – Женщина чуть склонила голову набок. – А ваш друг случайно не приходится джедаем?

Хан мигнул.

– Что тебе известно о джедае?

Вместо ответа женщина округлила глаза.

– В укрытие! – крикнула она, одновременно со своими помощниками падая на землю, которая, очутившись под шквалом лазерного огня, принялась извергаться пламенем и расплавленной породой.

Хан посмотрел вверх. Десятки СИДов стремительно выныривали из облаков, заходя на атаку.

– Ой, да ладно! – воскликнул Хан. – Я бы вот-вот раздобыл обед!

* * *

Кукловод, рождённый тенями, обрушил сверкавший жаром хрустальный меч прямо на голову Люка, орудуя с исключительной ловкостью и изяществом, доступными разве что спайсовому шахтёру, размахивавшему звуковым молотком. Люк встретил удар легко, почти без усилий. Скрещённые клинки вспыхнули ослепительным зелёным и красным, в воздухе запахло озоном.

И от лезвия противника откололся кончик размером около дециметра, звякнув об камень у ног Люка.

– Ситхская алхимия, говоришь?

Отродье теней зарычал и сделал новый выпад. Люк отступил на полшага в сторону, и клинок, пройдя на волосок мимо цели, вонзился в вулканическую породу возле ботинок джедая. Кукловод выдернул меч и принялся рубить снова и снова, в то время как Люк попросту смещал вес с одной ноги на другую – ровно настолько, чтобы избегать ударов. Имперский военачальник подступил вплотную, и вновь нацеленный в голову хрустальный меч отправился по ниспадающей, издавая грохот и изрыгая пламя.

Люк всё кружил, не пытаясь нанести ответного удара. Он никак не мог понять, каким образом реагировать на фехтовальный стиль Кукловода. Вражеский предводитель сражался так, будто только слышал множество раз о противостоянии на мечах, но никогда не видел подобных дуэлей. Неуклюжесть Кукловода можно было счесть забавной, если бы не нараставшее напряжение в Великой Силе. Сгусток этой угрозы своей тенью омрачал картину будущего.

Однако странное ощущение не имело отношения к самому глуповатому бретёру, размахивавшему мечом. Нет, нечто странное крылось в имени оппонента...

«Минутку, – пронеслась мысль. – Это странное имя. Кукловод... Кукловод-Рождённый-Тенями...»

Он погрузился в Силу и высвободил своё мировосприятие. Разум тут же сотрясли волны тьмы, страха и злобы... однако чем дальше Люк углублялся, позволяя волнам нести себя, тем увереннее становилась догадка.

Он сражался с подставным лицом.

Кукловод-Рождённый-Тенями... Глаза Люка распахнулись. Теперь он осознал происходящее как ясный день, словно Великая Сила самолично прошептала объяснение в ушко. То был вовсе не Кукловод, рождённый тенями. Нисколько.

И этот титул вовсе не являлся именем. Здесь обыгрывался каламбур. Не Кукловод-Рождённый-Тенями. *Кукла* Отродья теней.

Хрустальный меч в очередной раз обрушился сверху, и теперь Люк не стал уклоняться.

Лезвие застыло в воздухе, на расстоянии пальца ото лба своей цели.

Люк улыбнулся и сделал движение в сторону, огибая клинок по выбранной дуге, чтобы нанести единственный точный удар. Он не пытался провести нокаут в челюсть или в висок. Кулак Люка попал в аккурат туда, куда указала Великая Сила – в темя противника, чуть выше правого века – и за долю секунды, прежде чем голова откинулась от удара, Люк стремительно сорвал с неё шляпу-полумесяц. Джедаю пришлось приложить немало усилий для этого действия, и освободить головной убор удалось лишь со смачным раздирающим звуком, будто рвалась не ткань, а плоть.

И великий Кукловод, рождённый тенями, рухнул наземь, словно голографическое чудище – на игровом поле дежарика.

Голомаска *куклы*, несущая в себе черты покойника, судя по всему, проецировалась изнутри самого головного убора. Прежде, чем изображение замерцало и пропало, Люку на мгновение показалось, будто сжимает в руках голову Отродья. Шляпа-полумесяц оказалась на удивление тяжёлой – более двух килограмм – и на первый взгляд имела структуру карбонита, замороженного прямо поверх сложной матрицы кристаллов естественного происхождения, из которых *выковали* и тот странный меч... кристаллов, которые простирались к нижней части конструкции, перерастая в шиповидные иглы, обagrённые кровью...

А человек, свалившийся у ног, больше не был похож на Кукловода. Бритый череп тоже сиял багровым, поскольку кровь сочилась из сотен крошечных открывшихся ран, оставленных кристаллическими шипами выдранного с корнем головного убора. Настоящее лицо этого мужчины отличалось тёмной, как стим-каф, кожей. Когда он приподнял голову, его глаза приобрели необычный пронзительно-голубой оттенок.

– Убей меня, – прохрипел мужчина. – Скайуокер, ты должен убить меня...

– Тебя не нужно убивать, – отозвался Люк, – тебя следует спасти.

– Слишком поздно... слишком поздно спасать... – У говорившего проскакивал акцент, которого Люк никогда раньше не слышал, а голос не имел ни малейшего сходства с могучим псевдо-вейдеровским рокотом, свойственным Кукловоду. – Прикончи меня и себя заодно... если не сделаешь этого, станешь как я...

– Ты не первый, кто ошибается относительно того, кем мне суждено стать. – Люк опустил рядом на одно колено. – А кто же ты?

– Зови меня... Ник. Я думал, ты... – Новый знакомый закашлялся, после чего выдал слабую улыбку. – Ты часом не родня Энакину Скайуокеру? Уж вот кто без раздумий порвал бы меня в клочья...

– Ну да, что ж, – ответная улыбка Люка была натянутой, – я не такой человек, каким был он.

– А жаль... прямо сейчас мне бы пригодился именно такой...

– Но мы можем рассчитывать лишь на себя. Сможешь встать на ноги?

– Конечно, малыш, конечно. В один прекрасный день.

Ник повернул голову в сторону и вниз, пытаясь кинуть взгляд вдоль каменного моста – туда, где у входа в туннель всё ещё теснились штурмовики с бластерами.

– Они не стреляют. Почему они не стреляют?

Люк посмотрел туда же, на мгновение задумался и затем пожал плечами.

– Скорее всего, это потому что я одержал верх.

– Что?

– Как много ты помнишь? В случае моей победы ты приказал им служить мне.

– Ага, помню... просто... – Ник покачал головой. – Я однозначно был *не в себе*.

– Я уже догадался, – сухим тоном произнёс Люк. – И да, если нам повезёт, они и не станут делать глупостей.

Он поднялся и указал зажжённым лезвием светового меча на двух ближайших солдат.

– Ты и ты, выходите сюда и помогите этому человеку. Это приказ.

Не колеблясь ни секунды и даже не обмениваясь нерешительными взглядами, выбранные штурмовики завели оружие за плечи и двинулись по каменному мосту.

– Не может быть всё настолько легко... – пробормотал Люк.

– И то верно, – согласился бывший Кукловод, рождённый тенями. – Слушай, этот наголовник. Постарайся понять. Это устройство... агрегат... ситхская алхимия...

– Такая штука, как ситхская алхимия, в самом деле существует? Разве она не была лишь частью сценария?

– Посмотри на мою голову, Скайуокер. Кровь идёт тоже по сценарию? – Ник закрыл глаза и, собравшись с духом, выдал: – В мой мозг имплантированы... кристаллы. Наголовник собирает и перенаправляет Великую Тьму – то, что вы зовёте Великой Силой – так что Кронал... Чёрная дыра... может использовать меня как марионетку. Может видеть моими глазами, слышать моими ушами... чем больше у тебя чувствительности к Силе, тем больше ниточек он сможет *дёргать*. Вот каким образом он сотворил из меня этого Владыку теней...

Люк закрыл глаза.

– Те другие офицеры – Полумесячные шляпы...

– Не совсем добровольцы, – ошарашил Ник. – Адепты Силы низшей лиги. Вот какую цель преследовали рейды. Он похищает их, кладёт на хирургический стол, вешает наголовники, и, в конце концов, они становятся не только марионетками, но также его глазами и ушами. И вторыми-третьими руками. И устами.

– Они все – невинные?

– Большинство. Некоторые похожи на меня. – Ник склонил голову. – Прошло то время, когда я был невиновен хоть в чём-нибудь.

– Не уверен, что понимаю.

– Ты всё ещё не уверен, после пяти-то лет войны? Может, ты не обращал внимания. – Ник махнул рукой. – Забудь. Чёрная дыра и я... мы сцепились во Внешнем Кольце, пока он... ну... набирал новобранцев. Так я и пытался угнаться за ним, пока он сам меня не сцапал.

– Ты гнался за ним?

– За ним и за другими. У меня свои причины ненавидеть приспешников тьмы. – Дрожащая рука сделала неопределённое движение. – Всем нужно хобби, малыш...

Улыбка Люка была немного грустной.

– Больше никто не называет меня малышом.

– Эй, прости...

– И ты прости, – кивнул Люк.

Неожиданно Ник прохрипел:

– Забирайся... на трон.

– Что?

– Давай! Прямо сейчас!

Люк сжал ладонью подлокотник трона. Тот был гладким и холодным, словно полированное стекло.

– Но зачем? – спросил Люк.

– Трон – из вулканического обсидиана. А остальное – другая порода, называется плавлеит. Как тот мостик.

– И что?

– И то.

Участок каменного моста перед шагавшими штурмовиками, куда указывал Ник, внезапно и необъяснимым образом сплюснулся, будто невидимый гигант смял в кулаке вязкую глину. Солдаты заколебались... и каменный мост разделился на две части, которые оттолкнулись друг от друга как два пучка блуждающих водорослей. Дальняя сторона перехода, где теперь в растерянности топтались штурмовики, буквально ушла у них из-под ног. Падая, солдаты в отчаянии пытались ухватиться за камень, но оба не избежали незавидной участи. Один беспомощно барахтался в свободном падении, рассекая заполненный дымом и залитый красным сумрак, пока не исчез во всплеске огненного озера. Другой всё же смог зацепиться и избежал гибельной, расплавленной бездны, но только на миг: по камню, за который держался штурмовик, пробежал синий искрящийся разряд, отчего ладонь несчастного скалолаза разжалась.

Этот, второй, не размахивал руками. Он попросту падал камнем, будучи без сознания или мёртвый.

Остальные солдаты и женщина из числа Полумесячных шляп, расположившиеся на выступе у обрыва, вдруг свалились, как если бы по ним выстрелили сразу из нескольких парализаторов. Выступ под ними прогнулся, осел и растёкся, будто горячее кадди-масло, вынудив бессознательные тела соскользнуть вниз, где через пятьдесят метров их ждала пышущая жаром гибель.

Камень, который только что служил выступом, *потёк* вперёд, к туннелю, затем – вверх, пока полностью не перекрыл выход.

– Ну вот, о свидетелях можно забыть, – выдал Ник.

Люка охватило неожиданное чувство опасности. В одно мгновение он завернул в кулак мантию «Кукловода» и позволил Великой Силе придать мощи ногам и рукам, чтобы вознести себя со спутником на обсидиановый трон. Спустя полсекунды камень, где они только что стояли, разразился треском электричества.

– Ладно, теперь мы наверху. Что дальше?

– Сможешь прибегнуть к услугам Силы и каким-нибудь чудом выметать нас отсюда?

– Вряд ли. – Люк помрачнел. – Но если он хочет, чтобы мы погибли, ему надо лишь отключить репульсоры, которые удерживают трон. Или опустить тепловые экраны.

– Не отключит и не опустит, – сказал Ник, – именно это я и пытался сказать. – Он не хочет тебя убивать. Он хочет тобой *быть*.

Прежде, чем Люк попросил объяснений, чёрный каменный помост, в который установили трон, размягчился и, сместившись, высвободил наружу огромную неживую руку, чья внутренняя сторона ладони окружила Люка с Ником. Колоссальные, сформированные скалой пальцы – каждый в три раза длиннее Люка – сомкнулись на обоих. Джедай инстинктивно пустил в ход световой меч и отрубил один палец в несколько приёмов, каждый из которых рассекал фалангу за фалангой. Однако упавшая к подножию трона конструкция тут же растаяла, и образовавшаяся вязкая субстанция обвилась вокруг ног Люка, затвердевая прямо на глазах и сковывая его на месте.

Пещера содрогнулась от издевательского хохота, раздавшегося из скрытых динамиков.

– Полагаю, – произнёс обладатель фальшивого вейдеровского голоса, – подходящей фразой будет ГАШУ СВЕТ!

И ноги Люка охватила вспышка голубоватых разрядов, лишив его сознания.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Мысленный перечень пожеланий Хана подстраивался под ситуацию столь же проворно, как и он сам. Две эскадрильи стремительно приближавшихся СИД-истребителей в мгновение ока поменяли текущие приоритеты, и вместо «По крайней мере, я поджарюсь раньше, чем помру с голоду» в верх списка вылезло «Не хочу умирать на пустой желудок!»

Он развернулся и помчался к корме.

– Чуи, давай, давай, давай! – крикнул он, не замечая, как вуки уже перевалились через край и соскочил с корпуса.

Хан рванул вперёд, когда вокруг обрушился лазерный ливень. Брызги расплавленного титана, служившего бронёй «Соколу», прожгли дыры в штанах и в рубашке, но ни это, ни ВОК-рукоять¹, об которую он споткнулся и упал навзничь, приложившись лбом об обшивку, не помешали рассмотреть нанесённый кораблю урон. Какая-то секция мозга хладнокровно заметила, что лазерные разряды выглядели раз в десять протяжённее, чем обычно, и хребет «Соколу» они переломить были почему-то не в состоянии. Словно нечто в заряженной металлами атмосфере ослабляло лазерную коллимацию, отрешённо пронеслась мысль. Пока подсознание анализировало ослабленный вражеский огонь, остальная часть разума лихорадочно искала способ удержать брошенное вперёд тело таким образом, чтобы траектория движения головой вперёд, ведущая к золе возле трапа, не привела к повреждению этой самой головы.

Хотя «прыжок ныряльщика» вышел не слишком изящным, и приземлился Хан на пятую точку, заданная цель всё же была достигнута, так что когда подбежала Лея, он ещё был в состоянии дотолкнуть себя до укрытия.

– Не стой на месте! – ловя воздух, с трудом выговорил он. – Я пойду следом!

– Ты легко отделяешься при любом приземлении, а, Ловкач? – заметила девушка, минуя Хана и исчезая в конце трапа.

– В самую точку. – Пошатываясь, Хан осилил подъём и первым делом хлопнул по кнопке, чтобы закрыть трап за собой. – Лея! Нижняя турель! Чуи, бери верхнюю! Я за штурвал!

Он метнулся вперёд. В коридоре, ведущем к башне, мелькнули ноги Чубакки и тут же исчезли: вуки могли лазать быстрее, чем большинство других рас бегали. Лея помедлила, прежде, чем спускаться к брюшной турели.

– Ты в порядке? Честно?

– По большей части, – отозвался Хан, – учитывая то, что творилось у меня в голове.

– Необратимых повреждений пока нет, – Лея просияла, улыбаясь, и быстро ощупала раны Хана, когда тот протискивался мимо. – Лучшая твоя черта, и она о многом говорит.

– Ты необычайно мила, – заметил он. – А теперь пошли постреляем в плохих ребят, ладно?

Корабль качнулся от новых попаданий, в ответ на которые последовал оглушительный боевой клич вуки, а вслед за ним башенная счетверённая турель выдала громогласное «тум-тум-

¹ ВОК – выход в открытый космос.

тум-тум!» К этому времени Хан уже добрался до кабины, где ринулся в пилотское кресло. Давя кнопки и щёлкая переключателями, он торопливо прошептал «Спасибо большое!», обращаясь к той стороне Великой Силы, которая определённо присматривала за всяческими дураками, негодяями и отставными контрабандистами, раз Империя так и не додумалась оснастить СИД-перехватчики ракетами и торпедами. Благодарность Хана просто не знала границ, особенно когда он попытался активировать защиту, но горевший жгуче-красным индикатор сообщил об отказе, и тогда промелькнула догадка о неопровержимом влиянии местной атмосферы на дефлекторы и противоударные щиты.

В итоге получалось так, что самое действенное оружие, необходимое для данного конкретного сражения, жидилось в переднем ракетном отсеке «Сокола» и теперь ждало своего часа.

– Пойдёт, – пробормотал Хан и дёрнул на себя рычаг управления, приводя в движение досветовые двигатели. «Сокол» резко подскочил, будто целая планета отвесила кораблю хорошего пинка.

Корабль взмыл ввысь сквозь затяжную грозу пушечных залпов. Зашуршал бортовой комлинк:

– Не получается навредить им, – голос Леи казался сдавленным, однако на самом деле был спокоен и сосредоточен. – Разряды только скользят по солнечным панелям. Неполадки в орудиях?

– Неполадки в атмосфере! – ответил криком Хан. – Не волнуйся, сейчас нам это на руку! Передние смотровые окна не бронированы, так что жди, когда станут заходить на атаку, целясь в кабину и лупи прямо по роже!

Он совершил сложную полупетлю, которая направила «Сокол» навстречу новому строю СИДов, решительно сыпавшихся сквозь облачную завесу и выстроившихся в формацию «делай-как-ведущий» – излюбленный их воздушный боевой порядок при атаке на наземные цели. Кстати, о кабинах «колесников», пробормотал себе под нос Хан и активировал запуск ракет, не беспокоясь о такой мелочи, как компьютер наведения. На этом расстоянии предварительный захват цели вовсе не требовался.

От «Сокола» до ведущего в один миг протянулись параллельные прямые, оставляя двойной инверсионный след. Всего за один издаваемый сердцем «тук-тук» СИД расцвёл огненно-металлической сферой, которая, расширившись, коснулась следующего истребителя, а затем – ещё одного, в то время как остальные нарушили строй и перешли в атаку с бреющего полёта.

– Эй, они переключились на миндорцев! – воскликнул Хан, выравнивая корабль на вектор отхода. – Пошлите-ка им наудачу по воздушному поцелую, детишки, а мы смываемся!

– Хан... – вмешалась было Лея сквозь стиснутые зубы. Этот тон был ему хорошо известен: Хан сразу понял, что последует дальше.

– Даже не начинай, – оборвал он. – Мы должны возвращаться.

– Их же забьют как скот! – не унималась Лея. – И да, Хан, они что-то знают о Люке!

– Ах да, само собой, – пробормотал он, с трудом заставив себя сдержаться. «Само собой, она приплела сюда Люка...» – Но не прибегай ко мне со слезами, когда твоя сердобольность приведёт и к нашей смерти.

«Сокол» отправился в петлеобразный манёвр уклонения, и на этот раз капитан корабля включил компьютер наведения, который незамедлительно и самым недвусмысленным образом сообщил об опустевшем ракетном отсеке.

– А раньше предупредить нельзя было?

Хан активировал коммуникатор.

– Проныра-лидер, Проныра-лидер. Ведж, ты ещё там? Если ты где-то неподалёку, нам бы не помешало прикрытие прямо сейчас!

Несмотря на шквал статики, динамики всё же разразились ответом:

– «Сокол», прикрытие невозможно. Как слышно? Прикрытие невозможно! Мы разрываемся на части – здесь СИДов больше, чем булыжников! Как слышно?

– Слишком хорошо и чётко, ситх раздери, – проворчал Хан. – Сможете хотя бы открыть нам окошко?

– Звёздный демарш не удался, «Сокол». Даже не пытайся здесь проскочить! Враг устроит вам тёмную. Отыщи какой-нибудь чёрный вход и прорывайся там. Мы догоним сразу, как только соберём наших.

– Ответ отрицательный. По плану Леи мы продолжаем поиски Люка и только потом прокладываем путь. Увидимся на той стороне.

– Принято. Чистого вам неба, «Сокол».

– До скорого, Ведж.

– Принято, Хан. И береги своё драгоценное сокровище.

– Всегда берегу, – отозвался Хан и лишь через секунду сообразил, что Ведж имел в виду Лею, а вовсе не «Сокол». – Ах да, сберегу и её тоже.

С этими словами он отключил внешний канал связи и активировал внутренний.

– Итак, детишки, придётся пойти трудным путём. Пристегнитесь, сейчас немножко потрясёт!

Компьютер выдал предупреждение о том, что «Сокол» берут на прицел, готовясь выпустить ракетный залп.

– Залп? У них даже нет... – Но прежде, чем аргумент был закончен, Хан занёс «Сокол» в боковое скольжение с большой перегрузкой, и в этот момент мимо пронеслась пара ударных ракет, пройдя так близко от кабины, что та возмущённо загремела. – Так, кто сейчас по нам саданул?

– Атака с воздуха! – запоздало сообщила Лея, перекрикивая неожиданный грохот счетверённых турелей.

– Уже заметил... ой-ой.

Сквозь иллюминаторы взору Хана предстал целый рой ракет, вылетающих им навстречу из гигантского облака вздымающейся пыли, образованного четырьмя или пятью десятками тяжёлых штурмовых канонерок, которые, выполняя охватывающий манёвр, выстроились единым фронтом в нескольких километрах вдаль и теперь неслись по-над миндорскими холмами.

– Да вы никак издеваетесь!

– Арруверррууу!

– Ага, очень смешно, – прорычал Хан в ответ, выдёргивая корабль обратно, на курс перехвата СИДов. Доверься вуки – и сочтёшь происходящее забавным. – Чуи, целься по истребителям! Нужно сломать строй. Принцесса... так, подожди...

Всякий раз, когда лазерный луч находил свою точку попадания вокруг кратера, над каждой такой вздымалась красновато-чёрная лавина: облачка дыма и пыли, которые обретали достаточную плотность, чтобы полностью затянуть участок поверхности искусственной завесой.

Хан ощутил расплывающуюся по лицу ухмылку.

– Принцесса! Целься в землю!

– Что?

– Просто сделай это! Наклони пушку вниз и не отпускай гашетку!

– Тебе решать, капитан.

Голос девушки так и сочился скептицизмом, однако Лея всё же открыла огонь из всех четырёх стволов и принялась поливать затвердевшую лаву непрерывным потоком лазерных разрядов.

Хан продолжал испытывать лёгкое изумление даже тогда, когда «Сокол» стрелой нырнул прямо внутрь устроенного Леей красноватого марева. Он размышлял о том, что Лея, возможно, впервые в своей жизни просто сделала в точности так, как ей сказали, не произнеся ни слова супротив. Стало быть, капитанская должность чего-то да стоит. Почему ему раньше не приходило это в голову? Губы изогнулись в лёгкой кривоватой усмешке.

Усмешка не сходила с лица, когда «Сокол» с рёвом вылетел из марева в открытое небо и одним махом снёс передними жвалами правую панель СИД-перехватчика, чей ошеломлённый пилот не успел и глазом моргнуть, как его истребитель превратился в шар обломков и рухнул на твёрдый лавовый покров.

Скользкий удар направил «Сокол» в штопор, и тот, разбрасываясь во все стороны кусочками расплавленного титана, завертелся, словно кредитный чип, брошенный на стол сабакка. Остроконечная кромка панели истребителя разминулась с иллюминатором «Сокола» примерно на волосок вуки. Хан был слишком занят, чтобы отреагировать репликой вроде «Ого!», и по большей части оставался в изумлении от того, что вообще пережил столкновение. Пытаясь восстановить управление «Соколом», он даже не стал хотя бы немного беспокоиться о других приближавшихся СИДах, не говоря уже об ударных ракетах, которые пусть и потеряли захват скрывшейся в металлическом облаке цели, всё ещё без разбора летели навстречу.

Однако вращение «Сокола» позволило разглядеть, что инверсионные следы неуправляемых ракет вот-вот пересекут хаотичную траекторию корабля, и вовремя обнаруживший это Хан вывернул штурвал, заставив «Сокола» взмыть «свечой» и повернув судно боком к ракетам. Позже он мог поклясться: смертоносные снаряды пролетели так близко, что до мостика донёсся их запах. Затем ракеты продолжили снижение во мрак, где датчики наведения зафиксировали наиболее мощную энергетическую сигнатуру – взорванный СИД-перехватчик. Следующие ракеты повторили манёвр, обнаружив ионные выхлопы других СИДов, так как перегруженная атмосфера, судя по всему, генерировала достаточно электромагнитных помех, не давая ракетам должным образом воспринимать сигналы «свой-чужой». Пока пилоты СИДов пытались совладать с неожиданно возникшей проблемой, Хан уже окончательно вернул контроль над «Соколом» и направил корабль к лавовым впадинам, которые миндорцы выбрали себе укрытием.

Очутившись над их позицией, Хан занёс «Сокол» набок и на высокой скорости облетел укрывшихся, одновременно давая возможность Чуи с Леей не жалея энергии усыпать периметр лазерным огнём счетверённых пушек, воздвигнув массивную, заполненную частицами камня и металла завесу цилиндрической формы, которая, как решил Хан, хотя бы на минутку спрячет их от наступающих канонеров. Затем он совершил приземление точно посередине облака и, откидывая трап, включил наружные репродукторы.

– Всё в порядке, пошли! Забирайтесь внутрь, мы на отметке Б минус тридцать, и под Б я подразумеваю «Багаж плохишей»!

Миндорцы вскарабкались по трапу – кто-то спешил своим ходом, а кого-то получившего ранения или вовсе лишившегося сознания тащили другие. Рыжеволосая помедлила ровно настолько, чтобы адресовать сардоническую ухмылку в сторону кабины и приправить её воздушным поцелуем, который каким-то образом был преисполнен одновременно и благодарности, и сарказма.

Хан отключил репродукторы и вывел связь с турельными отсеками.

– Чуи, Лея. – Он говорил тихо, почти шёпотом, хотя миндорцы и не могли услышать. – Закройте доступ к турелям, запечатайте переборки и не выходите, пока я не скажу.

Хан знал, о чём говорил, поскольку упомянутые переборки могли выдержать всё, кроме кумулятивных мин.

От Чуи последовал утвердительный рык, однако Лея попыталась возразить:

– Хан, это не враги. Я чувствую...

– Я верю, – поспешил успокоить девушку Хан, – и всё равно сделай это.

– Хан...

– Лея!

– Ну, хорошо. Я носа не высуну.

– И приготовься отстреливаться, ладно? – Не дожидаясь ответа, Хан активировал канал связи с грузовым отсеком. – Эй, там, внизу! Погрузились? Времени в обрез!

– Мы внутри! – отозвалась рыжая. – А мы тронемся сегодня когда-нибудь? У тебя корабль или мишень для артиллерии?

– Немного того и другого, – пробормотал Хан, подавая мощность на двигатели и выводя корабль в вертикальное положение.

«Сокол» вырвался из дымчато-пылевого облака.

– Вон они!

За то время, пока «Сокол» пополнялся новыми пассажирами, перехватчики никуда не исчезли. Фрахтовик немедленно сотрясли множественные лазерные разряды, отчего судно вздрогнуло и подпрыгнуло в движении. Но на перехватчиках беды не заканчивались. Взору Хана предстала стая тяжёлых штурмовых канонерок, круживших неподалёку и собиравшихся для следующей атаки.

– Надеюсь, у кого-нибудь здесь найдётся потрясающая идея!

– Хроуурур!

– Само собой, продолжай долбить по ним! – ответил Хан. – Но я имел в виду действительно потрясающую идею!

Интерком затрещал, передавая голос рыжеволосой пассажирки.

– Бери севернее на семьдесят семь и дави что есть мочи!

Хан добросовестно оглядел горизонт с востока на север: непримечательная пустыня, изредка перемежавшаяся с холмами.

– Там пусто!

– Раз тебе так хочется, мы можем спорить до потери пульса, пока импы не превратят твой корабль в металлолом.

– Или, может, нам следует посадить тебя на корпус и прикрыться твоей дерзостью как бронёй.

С этими словами Хан, тем не менее, ударил по педалям и подбавил газу. Мимо пронеслись шесть перехватчиков, и капитан инстинктивно хлопнул по кнопке управления ракетами – лишь для того, чтобы спустя секунду прорычать про себя «То-то же, тугодум, зря тратишь время с пустыми-то отсеками». Так или иначе, СИДы не являлись основной проблемой, в отличие от тяжёлых канонерок, которые двигались над самой землёй прямо к «Соколу»... смещаясь с востока на северо-восток.

– А ты в курсе, что бросаешь нас прямо на них?

– О, извини. Тебе тут комфортнее?

– Знаешь, мы с тобой никогда не поладим.

– Прекрати, а то у меня слёзы наворачиваются. Сделай так, чтобы СИДы повисли на хвосте, и тогда...

– ...они попадут в прицелы канонерок, а канонерки – в их прицелы.

Хан уже всю разворачивал корабль, пытаясь поместить «Сокол» между врагами впереди и позади. Пушки СИДов повредят далёким канонеркам даже меньше, чем фрахтовику, однако канонеркам придётся сдерживать ракетный огонь, чтобы не зацепить своих, и Хан позволил себе ненадолго поверить, что «Соколу» удастся отделаться лёгким испугом.

– Знаешь, это вообще-то не первая моя передерга.

– Как будто ты мог меня одурачить. Как там обстоят дела?

– Неплохо, – признал Хан и тут же передумал, когда от СИДов прилетел очередной «привет». Весьма жёсткий «привет». – Но они нагоняют и скоро подойдут вплотную, так что пушки нанесут реальный урон. А когда примерно через пять секунд мы проскочим канонерки, они развернутся и присоединятся к погоне, после чего нас как следует вы...

– Задери нос!

– Чего?

– Штурвал на себя и поднимай корабль, ситх тебя раздери! На полной мощности!

– Тебе оттуда даже не видно!

– Зато я знаю эту планету как свои пять пальцев. Или как твои, летун, штаны, хорошо знают, что такое задница. Взлетай уже или умри.

– Не хочешь подойти сюда и сама порулить? Хотя нет, забудь, что я сказал.

Стиснув зубы, Хан оттянул на себя рычаг управления. «Сокол» разом накренился, встал на дыбы и устремился в небо с быстротой молнии – настолько быстро, что инерционные компенсаторы жалобно завывали, а ускорение вдавило Хана в пилотское кресло. Он поймал себя на том, что злобно предаётся фантазии, где одна конкретная миндорка не успевает за что-нибудь схватиться и стукнется какой-нибудь частью головы.

И пусть это будет её языкастый ротик.

Истребители, неотступно преследовавшие «Сокол», повторили его неожиданную «свечку», однако при этом сформировали окно для канонерок, которые, наконец, сделали одолжение и выпустили несколько ударных ракет. Прозвучал сигнал тревоги: «Сокол» зафиксировали в качестве цели. Хан вернул штурвал в исходное положение и, выругавшись под нос, бросил корабль в штопор. Внезапно всё небо озарила алая вспышка, в то время как корабль подхватили магнитно-резонансные волны, и опытный слух Хана мгновенно распознал не прямое попадание, произведённое весьма и весьма мощным турболазером.

– Какого ситха это было?

– Повернись на девять часов и увидишь, – подсказала Лея из отсека брюшной турели.

Хан рывком направил корабль влево, заметил то, о чём говорила Лея, и принялся ругаться. Ругательства продолжали сыпаться довольно долго, даже тогда, когда «Сокол» принялся дёргаться во все стороны, выполняя дикие, просто изощрённо-абсурдные манёвры уклонения. Небеса вокруг не переставали пылать, а корабль сотрясало ощутимое «дзынь-дзынь-зынь!», будто в обеденный гонг со всей силы забил не вуки, а целый четырнадцатирукий руурианец.

Поспешный набор высоты, который Хан совершил по совету рыжей, позволил «Соколу» очутиться в поле зрения невидимой ему гигантской округлой горы. Теперь, стоило всё-таки разглядеть гору, можно было различить вулканокупол в юной стадии развития – настолько юной, что извержения кратера ещё не состоялось, но достаточно старой, чтобы кто-то успел усеять весь купол кольцами не менее смертоносных и огромных турболазерных башен, которые обладали той необходимой мощностью, что развязывала стрелкам руки даже в местных условиях. Единственным

признаком влияния миндорской атмосферы оставалась площадь поражения, но для «Сокола» это означало испариться на месте вместо получения брешы в корпусе.

– О, блестяще, просто великолепно! – крикнул Хан в интерком. – Теперь ты бросила нас прямо на их главную базу!

– Хватит ныть. Эти турбобатарей подстрахуют наши дюзы от всяких там СИДов, и как знать, может, и ракеты поджарят.

Осознание правдивости её слов заставило Хана возненавидеть её ещё больше. Ни одна настолько раздражающая девица просто не имела права быть хоть в чём-нибудь... правой.

– В пяти кликах по левому борту должны показаться три параллельных прямоугольных каньона. Видишь их?

– Ага. – Три длинных трещины в миндорской коре протянулись на восток, заканчиваясь неожиданными тупиками, словно несколько лет назад в один и тот же район одновременно прилетело три здоровенных метеорита. – Дальше-то что?

– Нырять прямо в правый каньон. Как только окажемся ниже уровня земли, появятся боковые ущелья, пещеры и всяческие места, где можно спрятаться. Рвани парочку утёсов, подними в воздух пыль, и ребята позади сами отстанут. Там слишком много мест, чтобы прощупывать их все, да и проблем у импов будет *навалом* – всяко больше, чем у нас.

Хан медленно кивнул, роняя «Сокол» в выворачивавшем душу падении, которое проходило в шторме перекрёстного турбозерного огня.

– Недурственно, – скрепя сердце признал он, – кажется, кое в чём ты разбираешься.

– А что, ты думаешь, помогло нам тут выжить? Моя симпатичная мордашка?

– Да нет, – ответил Хан, – я бы поставил скорее на внутреннее обаяние.

* * *

На расстоянии от Миндора, превышавшем планетарный диаметр примерно в сотню раз, туда-сюда сновали «двойные семёрки».

По мере приближения к кораблям 7700/Е скопления астероидов только ускорялись, поскольку гравитационные колодцы заградителей и тысяч разбросанных среди астероидов установок взаимодействовали определённым образом. Эффект такого взаимодействия был чётко виден патрульным истребителям «Копьеносца», и вскоре капитана Тиросска, к которому стекалась полученная с голодисплеев информация и который вдруг стал командовать всей оперативной группой как старший по званию офицер, осенила идея.

Пользуясь зашифрованными посланиями, он изложил свою задумку Веджу и Тайко. Дело в том, что накладывавшиеся друг на друга гравитационные колодцы в сочетании с прибывавшими астероидами постепенно привели бы к формированию своего рода планетоидов с полусвязной структурой. Подкрепляя показания приборов известной в узких кругах пилотской интуицией, Ведж и Тайко предположили, что дюжины таких планетоидов, двигавшихся по нужным орбитам, будет достаточно для создания небольшого гиперпространственного «окна», которое могло бы позволить части оперативной группы покинуть битву. Согласно компьютеру «Копьеносца», отсчёт минимального времени занимал восемнадцать часов... и ещё хотя бы два часа на то, чтобы работавшее скачкообразно и непредсказуемым образом «окно», наконец, стабилизировалось.

Однако не всё пошло так, как ожидалось. Далеко не всё.

Ввиду продолжавшегося хаоса среди астероидов некоторые из последних уже начали сталкиваться с таспанским светилом, отчего только нарастала радиация. К тому же имперские офицеры, координировавшие передвижения истребителей, распознали цель «двойных семёрок», которые перестали удерживать планету в заградительном режиме и принялись выписывать подозрительные манёвры. А поскольку у импов имелся безграничный запас СИД-перехватчиков, пилотируемых столь же неиссякаемыми психопатами-самоубийцами, КК-7700/Е приложили максимум усилий, чтобы пробиться сквозь тучи вражеских истребителей, кружившихся рядом и извергавших плазменный ливень, как если бы гаморреанские грозовые осы вдруг научились стрелять из лазерных пушек.

Для первоначальной модели КК-7700 подобная миссия приравнивалась бы к самоубийственной, причём, – до смешного короткой. Однако корабли линейки 7700/Е покрывались новейшей обшивкой из углеродных наножгутов, в то время как их щиты подпитывались шестью генераторами, не говоря уже о восьми счетверённых турелях, огневая мощь которых была усилена практически до уровня турболазера эпохи Войн клонов. Другие улучшения включали в себя торпедные турели с круговым охватом целей и поражающим воображение количеством кассетных противоистребительных бомб, чья кумулятивная начинка взрывалась мельчайшими субснарядами всякий раз во время приближения бомбы вплотную к противнику. Всё вышеозначенное ограничивало доступные СИД-истребителям тактики до единственной эффективной: наваливаться всей массой на крупные корабли-заградители, перегружая их защиту так, чтобы некоторые могли проскользнуть на полной скорости. Вот только при прямом ударе этим «счастливчикам» не хватило бы кинетической энергии для пробития армированного корпуса фрегатов, разве что они понеслись бы с максимально возможной скоростью.

Пилоты «крестокрылов», прикрывавшие КК-7700/Е, не оставляли смертникам ни единого шанса.

Хотя численность СИДов превосходила истребители оперативной группы в сотни раз, у новореспубликанцев имелось несколько преимуществ, немного компенсирующих неравенство сил. Во-первых, имперские войска не могли как следует провести полномасштабную атаку, поскольку в этом случае понадобилось бы стянуть истребители со всей системы и обречь гравитационные установки на незамедлительные удары со стороны крупных кораблей оперативной группы. Во-вторых, перехватчики по-прежнему мало подходили для боёв в условиях гравитации и оттого сосредоточили всё своё внимание с огневыми средствами на «двойных семёрках», питая надежду хоть когда-нибудь покончить с ними. В-третьих, невзирая на существенную разницу в скорости и манёвренности по сравнению с СИДами, «крестокрыл» – истребитель завоевания превосходства в космосе Т-65 «Инком» – располагал одной ключевой особенностью, которой не мог похвастаться ни один СИД-истребитель. Он был сверхпрочным.

Такая особенность выходила за рамки штатной боевой защиты, заложенной при разработке этой модели. Нет, незаменимой конструктивной чертой «крестокрылов», помимо самой разработки, являлась высококачественная подгонка деталей, позволявшая Т-65 выдерживать определённые физические нагрузки, которые могли обернуться для СИД-перехватчика потерей солнечных панелей. Такие нагрузки, как, например, экстремальное волнообразное притяжение, возникавшее при слишком поспешном прохождении через крутой-прекрутой гравитационный колодец.

Вот почему всякий раз, когда накатывала новая волна перехватчиков, «крестокрылы» обращали гравитационное воздействие себе на пользу и перемещались к противнику намного

быстрее, чем предписывали характеристики истребителя. Разбойная эскадрилья была просто на высоте, и прокладываемый между планетоидами маршрут сформировался в некую петлеобразующую цепь, каждое звено которой «Проныры» могли пройти одним движением штурвала и, запуская себя из гравитационной «рогатки», – в мгновение ока оказаться возле любого из пяти кораблей-заградителей, выбранного имперцами в качестве мишени.

И всё же подавляющий перевес противника брал своё. Некоторые «крестокрылы» были потеряны, очутившись под дружественным огнём, потому как летели слишком быстро, и ни канониры «двойных семёрок», ни собственные преотменные рефлексy пилотов не могли спасти их от не прекращавшегося турельного обстрела. Некоторые, в свою очередь, достигая околосветовой скорости, попросту сталкивались с кем-нибудь в этом весьма и весьма перенасыщенном космическом пространстве. Почти половину Зелёной эскадрильи Двадцать третьего крыла буквально раздавили астероиды, которые никак не хотели становиться планетоидами, вопреки предсказаниям навигационных компьютеров.

Само собой, никто из оперативной группы даже не вёл подсчёт уничтоженных вражеских истребителей. СИДы всё прибывали и прибывали.

– Эти ребята и передышки не хотят сделать! – страдальчески пробормотал Уэс Дженсон, получивший уже два или три десятка ушибов от слишком тугой гравитационной «рогатки». – Как будто попрошайки все разом решили умереть!

– Они и так живые мертвецы, – возразил Хобби, летевший в двух сотнях метров от правого крыла Дженсона. – Сам подумай, Дженсон: никаких щитов. Никакого гипердвижка. Спрятаться никак, сбежать – тоже. Всё, что им остаётся, – почётная возможность прихватить всех нас с собой.

Дженсон умолк. На мгновение у него вообще пропал дар речи. Затем он сжал губы и повернул машину вправо.

– Я всё понял! – вновь заговорил он, направляя «крестокрыл» навстречу СИДам и вдавливая гашетку до упора. – Я точно знаю, что нам пригодится.

– Да ладно? – усомнился Хобби. – Ну и что же?

– Чудо.

– А ну прекратили трёп! – как всегда некстати вмешался Ведж. – И проверьте среднечастотные датчики.

Стоило Дженсону выполнить приказ, и он обнаружил новейший республиканский крейсер, спроектированный мон-каламари, который только что вылез из приоткрытого посреди гравитационной тени гиперокна и в настоящий момент извергал из себя нечто такое, что выглядело как полностью укомплектованное крыло истребителей.

– Да разразят меня... – И уже второй раз Дженсон с удивлением обнаружил, как не может найти нужных слов. – Во имя всех восьми преисподних Старбриджилона, откуда это взялось?

Коммуникатор зашуршал голосом генерала и шефа спецопераций Лэндо Калриссиана.

– Чудо заказывали?

* * *

Пещера, в которую Хана направила рыжеволосая пассажирка, в свете внешних прожекторов «Сокола» выглядела достаточно сухо, отличалась просторностью и углублялась

достаточно далеко внутрь скалы, чтобы можно было не беспокоиться об имперцах. Однако тревога всё равно не желала улетучиваться.

Во-первых, он не жаловал запущенных в трюм вооружённых незнакомцев, как бы сильно они не ненавидели Империю. Во-вторых, гора, чьи недра они облюбовали, слишком походила на спящий вулкан. И в-третьих... Хан попросту не очень-то любил бросать якорь посреди пещеры. Может, он был слишком суеверным. А, может, всякий раз, когда он кидал судно в огромную каменную щель и где-то там устраивал посадку, это никогда не заканчивалось хорошо.

С другой стороны, миндорцы могли захватить с собой какой-нибудь еды.

Он активировал интерком.

– Ладно, народ. Похоже, оторвались. Вы ещё в трюме? Без обид, но сложите бластеры и другое оружие в контейнер номер шесть, хорошо? Нет, дело совсем не в том, что я вам не доверяю, просто я не доверяю вам ни капли.

Коммуникатор отозвался знакомыми нотками рыжеволосой.

– А что насчёт того джедая? Где он?

– Именно это я сам собирался спросить у вас.

– Да неужели? Что ж, тогда вот что я скажу: мы вместе сложим оружие, после чего поболтаем о нашем джедае, если сделаешь одолжение и подкинешь бинтов с бактой. У меня тут много раненых.

– Резонно. Буду через наносекунду.

Когда Хан добрался до переднего грузового отсека, то почувствовал себя так, будто попал в полевой лазарет, расположенный прямо у линии фронта. И принадлежал этот мнимый лазарет явно проигравшей стороне.

Раненые, заняв почти всё пространство трюма, находились в сидячем или лежащем положении. Одни сами обматывали себя бинтами, другие, свернувшись калачиком, тихонько стонали, третьи лежали не двигаясь и тупо уставившись в переборки, словно не осознавали, что на самом деле им удалось выжить. Лея и Чуи уже всю обрабатывали раны подстреленных.

Хан поспешил к Лее.

– Эй-эй, полегче с бактой, ладно?

– Хан, его сильно задело.

– Ну да, я вижу. Но он ведь не помирает, верно? Ты хоть знаешь, сколько стоит это снадобье?

Слева раздался женский голос.

– Можешь выставить мне счёт.

Хан неспешно повернулся к рыжеволосой и скорчил гримасу.

– А, это ты.

– Ага, я. – Рыжая адресовала ему кривоватую усмешку, отчего только чуточку похорошела. Женщина протянула ладонь. – Эона Кантор. Ты – пилот этой баржи?

– Я – капитан этой баржи, – поправил её Хан, но затем всё-таки расплылся в ухмылке и ответил на рукопожатие. Ладонь Эоны была теплее и твёрже, чем казалось. Хан про себя подумал, что он просто не может сейчас вступать в какие-либо препирательства. В противном случае Лея ещё чего доброго решит, будто он флиртует. – Хан Соло.

Глаза Эоны расширились.

– Без шуток? Хан Соло собственной персоной, во плоти?

Хан почувствовал, что краснеет.

– Один-единственный, кого я знаю.

– Вот это номер, – впечатлилась Эона. – То есть, ты – тот самый Хан Соло, который в честной дуэли с самим Галландро будто бы вытащил пушку раньше него?

– Ну, вообще-то... – Лицо Хана вдруг ни с того ни с сего сделалось горячим. – Это была не совсем честная дуэль, и не могу сказать, что «вытащил пушку раньше». Не верь всему, что пишут в Голонете.

– А я и не верила, – призналась Эона, – я всегда считала, что ты выстрелил Галландро в спину.

– Эй, а вот здесь...¹

– А это и есть твоя пушка? «Бластек», да? Не слишком ли старомодно?

Хан опустил руку на рукоять бластерного пистолета и принялся поглаживать её, будто сомневался.

– Ну, скажем так...

– Я-то предпочитаю двадцать первую модель. – Она кивнула в сторону контейнера, где на вершине кучи сложенного оружия покоился выдавший виды, но всё ещё крайне опрятный пояс. Из кобуры торчала специфическая рукоять карманного бластера КИД-21, которая имела ровно ту же степень износа, но демонстрировала гораздо большую степень бережного отношения владельца.

Эона осторожно протянула руку к контейнеру и аккуратно, двумя пальцами вытащила бластер из кобуры – достаточно медленно, чтобы Хан опрометчиво не пальнул по ней. Извлечённое оружие провернулось на пальце, обратившись рукоятью к Хану.

– Прочувствуй как следует. Спортивный вариант, пригодный для боя. Спусковой крючок мягкий, как масло банты, и с семидесяти пяти метров ты сможешь попасть по главному стебельку террамота.

Хан взял преподнесённый ему пистолет и взвесил в руке. Он признал, что это действительно был славный ствол. Весьма грамотно и точно сбалансированный – так он и сказал вслух.

Женщина ухмыльнулась.

– Знала, что ты оценишь по достоинству. – Она кивнула в сторону кобуры Хана. – Не возражаешь?

Хан пожал плечами и, в свою очередь, передал личный бластер.

Эона прищурилась, всматриваясь в оптический прицел ДЛ-44, после чего присвистнула.

– Мило. Модифицирован так, чтобы быстро вынимать? – Она поиграла оружием, повертев вокруг пальца. – Хотя дуло и с утолщением, не правда ли? Подожди-ка, а здесь что сварганили?

Она внимательно осмотрела газовую обойму и коллиматор.

– Ага, врубилась – повышенная выходная мощность. Ну и что это даёт, удвоенную убойную силу? – Эона вновь криво усмехнулась, взглянув на Хана. – А разве ты не в курсе, что это незаконно?

Лицо Хана в очередной раз залила краска.

– Ладно, а теперь верни его.

– Нетушки. Твой мне нравится больше.

Хан даже поморгал.

– Что-что?

– Можешь взять мой. Взаимовыгодный обмен. Даже если принимать во внимание модификации, мой бластер стоит вдвое больше этой твоей старинной рухляди. Мы в расчёте, да?

¹ Галландро – прославленный стрелок и охотник за головами, убитый Ханом незадолго до событий «Новой надежды». Их последнее противостояние описано в книге «Хан Соло и потерянное наследство».

– С этими словами Эона отвернулась и направилась к своей группе. – Эй, Трипп, полюбуйся, я только что выменяла бластер Хана Соло! Представляешь?

Упомянутый Хан Соло был единственным, кто не мог бы представить происходящее и в дурном сне.

– Так, а теперь остановись-ка на минутку...

– Хан... – Неожиданно за руку схватила Лея. – Посмотри туда, это не Ар-два?

И в самом деле, у дальнего изгиба стены парочка миндорцев пыталась установить ограничительный болт на куполе астромеханика, окрашенном в синий и подозрительно знакомом. Лея двинулась к ним.

– Вы, эй, вы, где вы достали того дроида?

– Мы нашли его заброшенным, – резко ответил один. – Трофейный металлолом.

– Металлолом? Вы сказали «металлолом»? – Лея выпрямилась в такую позу, какую слишком хорошо знал Хан, и потому настала очередь ему хватать её за руку.

– Играй ровно, принцесса, – мягко произнёс он одним краешком губ, выдавая остальной частью рта успокаивающую, но глуповатую улыбку. – Сбавь-ка температуру в духовке. Я не доверяю этим хохмачам.

– Хан, я же сказала, что они не враги.

– Но и не старые друзья, попрошу заметить.

Он поймал взгляд Чуи, который распылял жидкий гипс над травмированной лодыжкой миндорца. Вуки закатил глаза, слегка мотнув косматой башкой в сторону контейнера номер шесть, после чего подмигнул и вернулся к своему занятию.

– Слушай, а как сильно пострадали эти ребята? – поинтересовался Хан у Леи. – Когда сможем выбросить их на ближайшей остановке и продолжить путь?

– Ну... – Лея задумчиво склонила голову. – У них всё не так уж плохо, как ожидалось. Ожоги, в основном, поверхностные – похоже, что их примитивная броня, сделанная из лавы, не такая уж примитивная.

Хан мрачно кивнул.

– Усёк: значит, стреляем в голову.

– Хан...

– Глянь, что они там затевают сделать с Ар-два, – посоветовал Хан. Он с отвращением посмотрел на КИД-21, зажатый в ладони, и запихнул пистолет в опустевшую кобуру.

Лея кивком выразила согласие.

– Может, я помогу вам с вашим металлоломом. – Светясь дружелюбием, девушка подошла к двоим миндорцам, всё ещё возившимся с ограничительным болтом. Не дожидаясь ответа, она протянула руку и мягко накрыла ладонью устройство, а заодно и руку мужчины, который сжимал этот болт и которого Лея одарила тёплой улыбкой – возможно, слишком уж тёплой. Миндорец покраснелся и заулыбался в ответ.

– Э, будьте поосторожнее, миледи, – предупредил он, – этот мелкий грабяр может показаться безобидным, но он больно бьётся током...

– Ах, пустяки, – бодро отозвалась Лея и на глазах у сборщиков «металлолома» одним решительным движением деактивировала ограничительный болт. – Этот дроид довольно долго был с моей семьёй. Ар-два, питание. Что стряслось с Люком?

Р2-Д2 утвердительно свистнул и провернул купол, чтобы направить встроенный голопроектор линзой к полу. На возникшем изображении неожиданно проявилась Эона Кантор.

– Нет, – сказала Лея, – мы знаем о нем. Где Люк?

Маленький астродроид вновь издал свист, уже более настойчиво, и упрямо продемонстрировал Эону.

– Стой, позволь ему показать, – вмешался Хан, инстинктивно опуская руку к бластеру. Он поморщился от незнакомого охвата рукояти КИДа. – Хочу это увидеть.

Динамик P2-D2 разразился записью диалога:

«А что если тот, кто заявится, вдруг окажется вовсе не джедаем?»

Изображение Эоны ответило:

«Значит, корабль заберём, а их самих – отдадим на растерзание плавильщикам. И тогда не придётся убивать своими руками».

Хан прорычал нечто такое, что в словесном эквиваленте означало ругательство, и одним движением повернулся к Эоне, выхватил КИД и спустил курок в тот самый момент, когда дуло уставилось прямо в лоб рыжеволосой женщины.

Пистолет издал сухой щелчок.

– Что тут скажешь, а ты и правда быстр. – Эона ухмыльнулась, глядя поверх оружия. – Извини за бластер – должно быть, кто-то вытащил оттуда батарею. Выходит, обмен не совсем взаимовыгодный, а?

Она извлекла столь любимое Ханом творение «Бластек» и, в свою очередь, направила Хану в лицо.

– Следующий обмен тоже будет не совсем взаимовыгодным, – веско произнесла Эона. – Потому что и твой корабль мне очень и очень понравился.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Глубоко во тьме, угнездившись в тени, что отбрасывал экран голоредактора – единственный источник света в чертогах – одинокий старик практиковался в подражании Люку Скайуокеру.

– «А теперь послушай меня, ты, Чёрная дыра или Кукловод, рождённый тенями или Отродье теней, или кто бы ты там не был», – прошамкал старик, с трудом заставляя свои мясистые губы складываться в нужную форму и издавать «округлые», лабиализованные звуки, характерные для скайуокеровского варварского акцента с Внешнего Кольца. – «Я – джедай, но джедай, не прошедший должным образом полноценную подготовку, которой славилась некоторые классические джедаи». Нет-нет-нет. Не «сла-ви-ли-сь». Почти «сла-ве-лись», почти без второй гласной. «Сла-в-ли-сь».

Старик вздохнул. Провести остаток и без того недолговечной человеческой жизни, притворяясь деревенщиной-недоучкой... само собой, в конечном итоге все принесённые жертвы окупятся сторицей, и никто так и не узнает о его личном унижительном положении... но всё же.

Быть может, после десятилетия-другого правления возрождённой Империей он позволит себе «подхватить» несколько более цивилизованный говор, но до тех пор придётся продолжать в том же духе. Как знать, вдруг его единственной проблемой, способной подорвать окончательную победу, станут эти наблюдательные отбросы-повстанцы, вдруг они заметят, что их любимый джедай ни с того, ни с сего заговорил как выходец с Дромунд-Кааса, получивший образование на Корусанте?

Иссохший палец протянулся к голоредактору и отмотал запись на две минуты назад, чтобы можно было вновь проанализировать и зафиксировать каждую малейшую деталь походки Скайуокера, его осанку, его жесты, движения головы, каждое едва заметное подёргивание бровей. Всё это представляло крайнюю необходимость для планов дряхлого старика, и поэтому он изучал настоящего Скайуокера, пользуясь всеми стекавшими внутрь чертогов записями – как полученными с голокамер, встроенных в стигиевую броню штурмовиков, так и голограммами, заснятыми скрытыми рекордерами в тронной пещере.

Да, имелось и множество голотриллеров, анализ которых стал своего рода полезной тренировкой, а главная польза вылилась в формирование собственного театрального образа – Кукловода-Рождённого-Тенями, не говоря уже о разработке сценических декораций трона. Однако голотриллеры, изображавшие виртуального героя-фермера, никого не убедили, кроме разве что чрезмерно доверчивых фанатов, готовых поглощать любую скормленную им надуманную чушь.

Когда Люк Скайуокер восстанет из пепла битвы при Миндоре, никто не должен даже предположить, что от легендарного героя-джедая останется лишь фасад, поскольку разум дряхлого старика обретёт биологическую, дышащую, самую что ни на есть *живую* систему жизнеобеспечения.

И никто не должен догадаться, что дряхлый старик когда-то был известен в узком элитном кругу как лорд Кронал, директор Имперской разведки... и что многим, очень многим врагам Империи «посчастливилось» узнать его ещё и как Чёрную дыру, Руку Императора... и что именно этот человек после сегодняшнего дня прославится на всю галактику как Люк, первый Император из рода Скайуокеров.

* * *

Восхождение Кронала к вершинам власти началось с видения: видения Тьмы.

В сущности, оно представляло собой гораздо большее, чем обыкновенное пророчество или предсказание. У датомирских Сестёр ночи¹ оно было известно как *сумрачное сердце*. Имелись свои вариации и у других адептов Силы.

Кронал же называл это не иначе, как *тёмным провидением*.

Глубоко в области космоса, которую Старая Республика, а затем и Галактическая Империя столь невежественно охарактеризовали как Неизведанные Регионы, вращалось огромное скопление пыли, твёрдой породы и межзвёздного газа, пульсировавшее кровавым и внушавшим страх багровым жаром – энергией, что излучали двенадцать звёздных кластеров. То была туманность Перанн, схоронившая в себе так называемое Сокрытое Убежище. И абсолютными правителями Убежища – тех самых двенадцати кластеров – являлись ужасающие мастера тёмной магии, находившейся за пределами понимания даже для ситхов. Колдуны Ранда.

Колдуны Ранда были единственной семьёй, которую когда-либо знал Кронал. Рандиты вырвали его из слабых рук породившей его матери¹, чтобы выковать из младенца оружие,

¹ Сёстры ночи с планеты Датомир практиковали тёмную магию, включая колдовские чары и спиритизм. Впервые представлены в романе «Выбор принцессы Леи» 1994 года, изданном Дейвом Волвертоном и переведённом на русский язык, но текущему поколению фанатов датомирские ведьмы более известны по мультсериалу «Войны клонов» Дейва Филони.

пробудить в нём способность заглядывать в самую суть вещей, довести его волю до совершенства и открыть его разум Единственной Истине.

Лишь сила не подлежит сомнению, и единственной несомненной силой является сила разрушения. Существование мимолётно. Разрушение вечно.

Каждый ребёнок появлялся на свет в ожидании смерти. Цивилизации зарождались и гибли лишь затем, чтобы время поглощало их пепел. Со временем сгорали даже звезды. А вот разрушение...

Разрушение, напротив, было продиктовано самой вселенной.

Некоторые называли такую концепцию энтропией и пытались измерить её, а то и ограничить законами термодинамики. Некоторые сводили её до одной возвышенной, но простейшей фразы: всё тлен. Некоторые пытались отмахнуться в шутовском тоне, мол, если что-нибудь может пойти не так, оно обязательно пойдёт не так. Но разрушение не выражалось в форме шутки или науки, оно не подчинялось никаким законам и выходило далеко за рамки простейшей концепции.

То был путь Великой Тьмы.

Разрушение означало свободу и необратимость. Когда умирало живое существо, вместе с ним умирало и всё им достигнутое, всё, что оно когда-либо видело и чувствовало. И каждая смерть навсегда освобождала мироздание от долговечной жизни, оставляя после себя вселенную, полную лишь пустоты.

Пустоты, лёгшей в основу незыблемой Истины.

Вот почему джедаи и ситхи обречены на свою извечную вражду: вся их философия света и тьмы, всё их существование в качестве слуг или владык – всё это имело не больше смысла, чем свист ветра среди скал пустыни. И служение, и владычество было одинаково бесполезно, даже иллюзорно перед лицом Единственной Истины. Бесконечный трезвон джедаев и ситхов о «Тёмной стороне Силы» оглушил и ослепил их всех, не давая постигнуть действительность: нет ничего, кроме Великой Тьмы.

Великая Тьма не являлась той самой стороной Великой Силы, равно как и не являлась аспектом реальности как таковой. Великая Тьма и была единственной реальностью. Колдуны Ранда никогда не говорили о Силе, и Кронал до сих пор так и не понял, имели ли они представление о мировоззрении адептов Силы за пределами Сокрытого Убежища. Для рандитов существовала только Великая Тьма, и одна чётко выраженная её особенность заключалась в следующем. Пока намерения любого обученного должным образом существа соответствовали пути Тьмы, последняя отвечала взаимностью.

Это Великая Тьма настраивала планету против планеты, стравливала нации, заставляла братьев пойти друг на друга, а ребёнка – поднять руку на родителей. Именно Тьма разносила эпидемии и голод, разжигала ненависть и войну. Тьма исходила от бескрайней черноты самого космоса, которая разделяла галактики и сквозь которую проистекал звёздный свет – проистекал до тех пор, пока каждое из солнц не канет в собственную маленькую чёрную дыру, угасая слишком быстро, чтобы свет соседних звёзд успел догнать.

Поэтому Кронал и выбрал себе прозвище «Чёрная дыра», пожелав самолично определять горизонт событий Тьмы. Из всей дарованных Тьмой способностей величайшим являлось *тёмное провидение*. Именно этот дар позволил Кроналу покинуть Сокрытое Убежище, выбраться далеко за пределы туманности Перанн и вообще из Незведанных Регионов, чтобы он, ведомый видениями, смог отыскать истинный путь. Именно *тёмное провидение* привело его на Дромунд-

¹ Примечательно, что сам Кронал, если верить официальной статье «The Imperial Warlords» 2013 года, какое-то время полагал, что его матерью является датомирская ведьма.

Каас¹, где он с лёгкостью пробрался в ряды местного общества и с той же лёгкостью возглавил эту стаю жалких, предававшихся самообману дураков, называвших себя Пророками Тёмной стороны².

Подумать только: потратить впустую одну непродолжительную попытку под названием жизнь, посвятить единственное мимолётное яркое мгновение между объятьями бесконечной тьмы и опустившимся покровом вечной тьмы лишь тому, чтобы просто попробовать использовать Тёмную сторону для предсказания будущего.

С *тёмным провидением* Кронал мог воссоздавать картину будущего. В принципе, он был знаком с бледной тенью своего дара, с этой имитацией, которая, судя по всему, имелась в ходу среди выдающихся джедаев и ситхов – жалкая уловка фокусника, что они называли боевой медитацией. Посредством достижения предельной концентрации и огромного расхода энергии они якобы могли на тончайшем уровне влиять на исход любого поединка, а самые могущественные – ещё и на противостояние целых войск вроде окопных схваток между армиями или космических сражений между флотами.

Они утверждали, будто Великая Сила помогала упростить визуализацию нужного результата, будто с помощью Силы представлялось возможным изменить кривую вероятностей в пользу своей стороны и призвать удачу, которая вдохновляла союзников и деморализовывала врагов. Само собой, подобные утверждения не могли быть ни доказаны, ни опровергнуты, и любой шарлатан был способен попросту присвоить себе любую случайную победу, а вину в поражении свалить на «волю Силы» или на более могущественного адепта Силы, также практикующего боевую медитацию, но – вот незадача! – служившего противоположной стороне...³

Боевая медитация. Идиоты.

Любой обучавшийся у рандитов мог поведать этим глупцам: самые разнообразные виды конфликта – все сражения без исключения, каждая разгоревшаяся война, да и само понятие войны – служили лишь одной цели. Их единственной функцией являлось разрушение. Только посвятив себя без остатка чистейшему, первозданному разрушению, можно было добиться победы.

Когда личные устремления твёрдо направлены по пути Великой Тьмы, сама Тьма становилась неизменным спутником во всех деяниях.

И Кронал представлял собой живое тому доказательство. *Тёмное провидение* Кронала привлекло внимание Палпатина⁴ и спровоцировало появление Вейдера на Дромунд-Каасе. А тупица Каданн, наречённый Верховным пророком Тёмной стороны, так никогда и не заподозрил, что его новое положение отвечало вовсе не могуществу ситхов – само собой, иллюзорному – а могуществу самой Великой Тьмы... потому что катализатором событий стал не кто иной, как Кронал⁵. Среди остальных Пророков, перешедших на службу Императору Палпатину, владыка отобрал именно Кронала как наилучшего, а после отделил его даже от других Рук Императора,

¹ Дромунд-Каас – насыщенная Тёмной стороной планета во Внешнем Кольце Галактики, представленная в игре «Jedi Knight: Mysteries of the Sith» 1998 года. Более известна как столица Империи ситхов в ММО «Star Wars: The Old Republic», чьё действие разворачивается приблизительно за 3600 лет до событий романа.

² Пророки Тёмной стороны – культ провидцев и адептов так называемой Тёмной Силы, основанный ситхом-отступником Дартом Миллениалом, не пожелавшим следовать Правилу двух Дарта Бэйна. Благодаря привлекательным идеям секта просуществовала почти тысячелетие, включая временную линию фильмов. Пророки Тёмной стороны впервые упомянуты в серии детских романов «Принц-джедай» 1990-х годов.

³ Хотя Кронал и твёрдо уверен в обратном, такая техника Силы, как боевая медитация, несколько не преувеличена и фигурирует во множестве известных книг, игр, комиксов и справочников, начиная со знаменитой классической Трилогии Трауна, написанной Тимоти Заном и представленной общественности в 1990 годах (само собой, неоднократно переведённой на русский язык). Известно, что мастер Йода практиковал боевую медитацию, как и император Палпатин.

⁴ Согласно справочнику «Jedi vs. Sith: The Essential Guide to the Force» (2007 год, на русский не переведён), Палпатин обнаружил Пророков ещё до становления Императором, незадолго до Войн клонов. Мастер Йода предполагал, что падший джедай Дуку, ставший учеником Палпатина, удалил из архивов Храма координаты не только планеты Камино, но и полузабытого к тому времени Дромунд-Кааса.

⁵ Каданн – падший джедай и Пророк Тёмной стороны, впервые упомянутый в детском романе «Перчатка Дарта Вейдера» 1992 года, переведённом на русский язык и ставший началом серии «Принц-джедай». Ввиду ряда ретконов представленный в этой серии Каданн – самозванец, в то время как настоящий был убит собственным учеником. Согласно ряду справочнику и официальных статей, Каданн, как и Кронал, втайне сомневался в роли Палпатина как первейшего повелителя тьмы, однако при этом верил в то, что в Силе должны существовать и Тьма, и Свет.

поскольку Палпатин довольно быстро сообразил, насколько дар Кронала превосходил обыденные предсказания. Любой глупец с подходящими способностями был в состоянии уловить отголоски будущего, да и сам Палпатин мог дать фору неплохим провидцам, но Кронал, в свою очередь, мог заткнуть за пояс и самого владыку подобно тому, как гипердвигатель был несопоставим с крылышками призрачного мотылька.

Палпатин оставался под впечатлением от способностей Кронала... вот только даже великий Дарт Сидиус не допускал и мысли о том, что предсказания лучшего его пророка не просто являлись частью будущего, а воплощались в реальность самим пророком.

Пророком, который выбрал совершенное во всех отношениях будущее.

Пророком, чей выбор подчинил всю будущую историю его воле.

В том и заключалась сила *тёмного провидения*: отыскивать среди всевозможных потоков будущего наиболее соответствовавшее своим желаниям – то есть то, которое как ничто другое соответствует пути Великой Тьмы... а затем тщательно выверять каждый шаг, необходимый для претворения в жизнь выбранного варианта, и изменять течение потока таким образом, чтобы *привести* себе нужное будущее.

Но чтобы это будущее стало настоящим, собственные желания и чаяния должны были укладываться в канву Великой Тьмы, а все сокровенные мечты и грёзы – так или иначе крутиться исключительно вокруг разрушений.

Палпатин был не меньшим глупцом. Он посчитал, будто сможет заставить Тьму покориться, вместо того, чтобы жаждать обратного. Во времена Старой Республики, ещё до того, как Палпатин раскрыл свою ситхскую сущность, он в буквальном смысле слова не мог потерпеть неудачу. Каждое когда-либо совершённое джедаями бессмысленное телодвижение, каждый их сделанный вслепую жест и даже абсолютно случайные превратности судьбы играли на руку Палпатину, поскольку он поставил перед собой цель уничтожить Орден джедаев до основания и положить конец Республике. Сам того не зная, он служил Великой Тьме и всё это время предполагал, что Тьма являлась средством для достижения цели, орудием, нацеленным против врагов, инструментом, который поможет расчистить дорогу к абсолютной власти.

Чего Палпатин никогда не понимал, так это того, что само разрушение и было определяющей властью силой. Как только ситх пожелал господствовать и созидать, а не уничтожать, он оставил путь Тьмы, и начиная с этого момента всё для Палпатина пошло не по намеченному плану. Отныне на том поприще, где раньше его всегда ждал заслуженный триумф, он исчерпал шансы на успех, потому что стоило только повернуться спиной к Великой Тьме, как Тьма отвергала бывшего служителя в отместку.

Всего через несколько дней после битвы при Явине Кронал погрузил свой разум глубоко в бездну, пытаясь отыскать будущее юного пилота-повстанца, который уничтожил «Звезду Смерти» и который, *став старше, облачился в тёмные одеяния... а заодно и обзавёлся световым мечом...*

Чтобы преклонить колени перед Императором и поклясться в верности Тёмной стороне.

«Моя судьба... пойти по стопам отца».

Именно тогда Кронал, наконец, осознал, что собой представлял Дарт Вейдер, и разглядел ужасный изъян, что приведёт Орден ситхов к окончательному краху. Краху, который Кронал не только намеревался пережить, но который приложенными им усилиями сможет обернуться неизменным торжеством Великой Тьмы.

И – как бы между прочим – вечной жизнью для самого Кронала.

Впрочем, жизнью вечной, но не бесконечной. Пока хотя бы одно существо не прекратит бороться, страдать и кормить Тьму смертоубийствами и собственной кончиной, Кронал

останется. В качестве самой дорогой жертвы он преподнесёт Тьме сохранность своего сознания, что продлится до тепловой смерти вселенной – тогда и только тогда он навсегда станет забвением, присоединившись ко всему тому, что когда-либо звалось бытием. Ко всему, что станет небытием.

Он будет *последним*.

Шаг за шагом, оставаясь в тени, преодолевая месяцы от Явина до Эндора, Кронал готовил почву своему видению. Ему пришлось скрупулёзно поддерживать хрупкое равновесие и разбираться в мельчайших тонкостях взаимоотношений между Палпатином и Вейдером... и играть на струнах соперничества этого полумеханического монстра, получившего из рук Палпатина титул владыки-ситха. Несмотря на всю свою не поддающуюся сомнению физическую мощь, Вейдер так и не смог преодолеть свою ограниченность, оставаясь не более чем тупым инструментом, лишённым понимания фундаментальной истины Тьмы, не говоря уже об использовании истинного могущества. В конечном счёте, Вейдер был всего лишь громилой со световым мечом... и, как выяснилось в итоге, громилой слабовольным, эмоционально искалеченным и склонным к предательству под влиянием момента.

Хотя Вейдер никогда бы не сравнялся с Кроналом в искусстве следования по запутанным тропам, ведущим к тёмному могуществу, полномочия Вейдера были не раз и не два подвергнуты сомнению – совершенно открыто и даже на грани собственного возможного краха. Таким образом, Палпатин возымел все основания считать, будто Кронал намеревается в дальнейшем подорвать репутацию любимого императорского монстра. Вот поэтому он уверовал – ах, как тонко, как деликатно его удалось убедить, раз он посчитал идею своей собственной! – что Кроналу лучше послужить Империи где-нибудь далеко-далеко от Корусанта, в значительной степени подальше от бдительных оптических рецепторов, которые выделялись на нелепом шлеме Вейдера. А заодно и где-нибудь подальше от зоркого ока – как в физическом смысле, так и в мистическом ключе – самого Палпатина¹.

На полузабытых задворках галактики Кронал, казалось, занял выжидательную позицию, проводя мелкие операции через личную сеть посредников, в то время как на самом деле посвятил всё своё время поиску затерянных знаний, связанных с древними ситхами и другими предполагаемыми мастерами Великой Тьмы. Раз уж со своим ограниченным пониманием Тьмы они умудрились причинить столько ущерба, на какие разрушения окажется способен тот, кто присвоит все их секреты, но поставит их во служение не себе, а Единственной Истине?

Ведомый *тёмным провидением*, Кронал втайне углублялся внутрь Неизведанных Регионов, путешествуя по мирам столь древним, что даже легенды не помнили их. Среди дрейфующих лунных деревьев, что расцветали в межзвёздном пространстве Пропasti Ганнинга, удалось отыскать и соединить воедино обрывки Кодекса Тауранник, который считался уничтоженным около тысячи веков назад, когда происходило Мууршантрийское вымирание. Туманные намёки, скрытые в этом запретном фолианте, привели к Разлому Вальтеуллу и к поясу полуразрушенных астероидов, некогда являвшихся планетой-храмом Кормана Лао, Повелителя опустошения из рептилоидной расы демонопоклонников, известных как изгнанники-кензары. Сведения, которые удалось извлечь из руин храма, в свою очередь, задали новую цель: погребальная долина Голг на Коррибане², ставшая местом упокоения для некоего Датки Грауша.

¹ Согласно статье «The Emperor's Pawns» журнала «Star Wars Gamer», выпущенной в 2001 году, принудительная отставка Чёрной дыры произошла по причине его бесконтрольной паранойи и страха за свою жизнь, развившейся из-за пагубного влияния Тёмной стороны. Судя по всему, роман несколько ретконит обстоятельства ссылки в пользу хитрости и амбиций Кронала.

² Коррибан («Морабанд» в «Войнах Клонов» от 2013-го года) – насыщенная Тёмной стороной планета во Внешнем Кольце, родина расы ситхов. Впоследствии стала священным местом для ситхов, где хоронили умерших повелителей тьмы. Коррибан появляется в ряде книг, комиксов и видеоигр, начиная с комиксной серии «Сказания о джедаях». На момент событий романа планета является заброшенной, хотя незадолго до битвы при Эндоре Император Палпатин посетил Коррибан, где позволил охотившимся на него повстанцам организовать ловушку и выкрасть секретные данные относительно второй «Звезды Смерти».

Именно его порочный дух Кроналу удалось поработить и заставить поделиться всеми сокровенными тайнами ситхской алхимии, которые древний тиран унёс с собой в могилу¹.

И вот, наконец, древняя ситхская алхимия снабдила страждущего всеми необходимыми знаниями для сотворения особого устройства, способного управлять органическими кристаллами, что формировали структуру миндорского плавленита.

Однажды Император, раскрывая во всей красе первейшую цель ситхов – обмануть смерть, поведал об исключительном ритуале, во время которого становилось возможным переместить своё сознание из одной физической оболочки в другую. Сам Палпатин, несомненно, подумывал использовать для такой процедуры собственных клонов, однако планы Кронала отличались куда большими амбициями. Раз уж настолько искусный трюк взаправду был осуществим, Кронал принял решение исполнить его как угодно – но не для переселения в клона. В конце концов, его собственное тело в физическом отношении оставляло желать лучшего, а служение Великой Тьме подточило и отняло те немногие ресурсы, которые позволяли ему находиться в стоячем положении, кормить себя собственноручно и дышать своими лёгкими – то есть всё то, что теперь ему заменяла встроенная в гравикресло система жизнеобеспечения. Зачем же тогда довольствоваться заменой дефектной и плохо функционировавшей оболочки на другую, точно такую же, что обязательно станет подводить и столь же плохо функционировать?

Ну уж нет. Ревностное поклонение Великой Тьме продемонстрировало иной путь к могуществу, во сто крат грандиознее любых мечтаний Палпатина: переселить разум внутрь молодого, пышущего здоровьем и привлекательного тела, какового сам Кронал был лишён и в лучшие свои годы. Тела, более могущественного в Силе, нежели Вейдер, и потенциально более могущественного, чем даже Палпатин. Тело настоящего героя, признанного всеми здравомыслящими гражданами галактики, всеобщего любимца, воплощавшего собой несокрушимый символ справедливости и непогрешимости...

Он не стал бы просто обращать Люка Скайуокера на службу Великой Тьме. Зачем ему это? Люк Скайуокер уже находился под патронажем Тьмы, даже не догадываясь об этом, хотя он владел несоизмеримо могучей силой разрушения, что посрамила и знаменитую «Звезду Смерти».

Нет. Вместо того чтобы обращать Люка Скайуокера куда бы то ни было, Кронал сам обернётся Люком Скайуокером и продолжит исполнять священный долг перед Великой Тьмой.

* * *

Продолжая возлегать в своей капсуле жизнеобеспечения, Кронал выключил голоредактор. У него и без того хватало материала, из которого получатся убедительные объяснения для Республики, зачем штурмовикам понадобилось освобождать *пленённого* Люка Скайуокера, а затем – присягать ему на верность. Поэтому Кронал и назначил старшими офицерами исключительно солдат-клонов, рассчитывая на их обусловленную рефлексамися исполнительность и подчинение любым, даже самым вопиющим приказам. Тогда его собственная маленькая

¹ Согласно онлайн-статье «Korriban: Planet of Lost Souls» (2003 год, на русский язык не переведена), Датка Грауш – король ситхов в бытность их расой, живший ещё до возникновения исконного ситхского учения. Прославился как чрезмерно жестокий диктатор, оставлявший за собой горы трупов. Поскольку недостатка в «ресурсах» не было, с помощью тёмной алхимии и колдовства Грауш поднял из мёртвых целую армию, которыми управлял через своё искусственное сердце-кристалл. Несмотря на всё могущество, Датка Грауш пал от рук убийц и был похоронен в коррибанской долине Голг, где также осталась бродить многочисленная нежить. Незадолго до того, как Кронал посетил долину, гробницу Грауша вскрыли пираты, которым не посчастливилось потерпеть крушение на Коррибане.

голодрама, запущенная в галактический эфир, и вовсе возвысит его – то есть Люка – репутацию до небес, а иначе как должны чествовать героя, который в одиночку бросил вызов безумному диктатору Отродью теней и, одолев мерзавца, положил конец его террору?..

Он даже почувствовал, как невольно закружилась голова. Кронал тихонько загоготал, предаваясь мимолётной фантазии о том, как незадолго до окончания он позволит Скайуокеру пробудиться посреди сортировочного центра, и тогда Кронал проведёт последние минуты в этом разлагавшемся теле, чтобы позлорадствовать, похвастаться и изложить обречённому Скайуокеру каждую деталь своего злодейского плана.

Это бы соответствовало выбранному образу, не так ли?

Во всяком случае, так бы и поступил персонаж, окрещённым Отродьем теней... но, к сожалению, этому не суждено было случиться. Сколько бы удовольствия не получил Кронал, риск возрастал до недопустимого предела. Несмотря на бесспорное могущество *тёмного провидения*, свои изъяны имелись и у него.

Как ни крути, возникла определённая проблема с марионеткой-Кукловодом, умудрившимся пережить кульминацию маленькой голодрамы Кронала. Предполагалось, что финальный удар Скайуокер нанесёт световым мечом. В сценарии Кронала было прописано именно так. Равно как и в его видениях.

Он усвоил урок: что-нибудь ещё может пойти не так. Хватит с него репетиций, отнимавших драгоценное время. Он должен просто взять и закончить представление. Прямо сейчас.

Кронал закрыл глаза и погрузил сознание в Великую Тьму.

Вначале он направил свою волю внутрь замысловатой матрицы из плавлеита, произраставшей в его теле – ультратонкой паутины, наложенной им самим поверх нервной системы и дублировавшей каждую клеточку, каждый нерв подобно тому, как кристалльные образования отбрасывали идентичную тень. Затем во мраке жизнеобеспечивающей капсулы поднялась рука и передвинула рычаг управления Закатной короной. За подголовником распахнулся отсек, откуда выдвинулось заветное устройство и плотно прилегло к макушке, избавив Кронала от необходимости пользоваться любыми другими органами и системами управления. Отныне ему не требовались ни руки, ни рот, ни глаза.

Закатная корона, разработанная на основе достижений ситхской алхимии, по праву могла называться венцом творений Кронала, поскольку это изобретение представляло собой своего рода передатчик и трансформатор в одном устройстве, только приводимый в действие не электромагнетизмом, а Силой. Начинка Закатной короны позволяла носителю с твёрдой волей формировать импульсы, которые напрямую взаимодействовали с уникальной электрохимической структурой плавлеита... а заодно и с инородными существами, использовавшими эту расплавленную кристаллическую массу в качестве привязки для своей полуэнергетической сущности, вроде того, как нейронные сети одновременно и порождали сознание человека, и служили для него якорем.

Кронал воспользовался устройством, чтобы сотворить себе *кукол* – технозомби с *перекроенным* разумом, превратив подопытных в самых настоящих марионеток, исполнителей личной воли Кронала, средства передачи приказов своего чревовещателя. Их предназначение не ограничивалось только лишь функциями обыкновенных пешек, нет, с их помощью задуманный гамбит провернётся за минимум необходимых ходов. Каждая *кукла* избиралась и изготавливалась с учётом одного и того же фактора: они могли прикоснуться к Великой Тьме (то, что у невежд-джедаев и у еретиков-ситхов звалось «чувствительностью к Силе»), и оттого Кронал, посеявший кристаллические семена плавлеита внутри *кукольных* голов, при помощи Закатной короны

получал полный доступ к своим марионеткам. Его волеизъявление сминало их волю, его устремления становились их собственными. Попутно укреплялась связь Кронала с Великой Тьмой, которая, в свою очередь, обеспечивала непрерывный контакт и была необходима для окончательной и бесповоротной трансплантации сознания.

Стоило пробудить мощь Закатной короны, как разум удалось выпустить *на волю*, постепенно расширяя сферу влияния носителя. Всякий раз, когда сознание касалось плавленитных кристаллов – выставших каждый туннель, пронизавших каждое углубление, забившихся в каждую укромную щель всей громадной военной базы, уникальный минерал с той же частотой отзывался эхом, словно настроенный резонансный щит. Кронал *вобрал* в себя базу, и база стала им. Всё в пределах сооружения стекалось внутрь его мозга, фиксируясь в той его части, которая когда-то отвечала только за мышечно-суставное чувство положения его физического тела.

Тридцать девять наиболее могущественных в Силе *кукол*, рассредоточенных по базе, мгновенно побросали все свои текущие дела и поспешили в камеру избрания сортировочного центра, где Люк Скайуокер уже был погружён внутрь затвердевшей массы главного жертвенного пьедестала, а рядом с ним покоился и его световой меч.

Сороковая и самая могучая *кукла* – та самая марионетка-Кукловод – уже была доставлена в катакомбы. Когда всё закончится, Кронал выяснит, почему не сработал «смертоносный выключатель», встроенный в наголовник-корону *куклы*, а пока у него не было причин отбраковывать и выбрасывать эту фигуру, пусть и не отслужившую своё во всех смыслах. Выбранный подставным Кукловодом мужчина обладал настолько выдающимся потенциалом в Силе, что стоил сразу десятерых, поэтому Кронал попросту приказал заменить повреждённый штатный механизм, имевший форму перевёрнутого полумесяца. Когда обновлённая *кукла* вернётся на сцену к другим, сосредоточение энергии значительно ускорит как нейрокристаллическое взаимопроникновение, так и передачу сознания.

В отличие от стандартной процедуры формирования *куклы*, столь кропотливо разработанной Кроналом, Скайуокеру не выжигали волосы, не вскрывали череп и не имплантировали миниатюрные кристаллы прямо в мозг. Не проводилось никакой хирургии и вообще ничего такого, что могло бы оставить на теле Скайуокера весьма подозрительные шрамы.

Скайуокера полностью похоронили заживо прямо внутрь плавленитного саркофага, не снабдив подопытного дыхательным аппаратом. Хотя нет, всё-таки не совсем похоронили: благодаря инъекции танатизина-2, вызвавшей временное прекращение жизнедеятельности, у Скайуокера оставался минимум час до того, как он начнёт дышать. Но прежде, чем заработают его лёгкие, кожу Скайуокера пронзят тончайшие, практически невидимые иглы из живого кристалла, которые, поддаваясь приумноженной силе и обострённому восприятию Кронала, прорастут из сковавшего тело плавленита... внедрятся через каждую пору, через нос, уши и язык... и затем с помощью мистических секретов, выуженных из знаний призрака древнего ситхского короля, Кронал сформирует нанокристаллическую сеть точно так же, как он сформировал свою, в результате чего нервная система юного джедая получит зеркальную копию, столь же сложную и хитросплетённую.

И тогда Кронал просто закроет глаза и волеёт в получившийся сосуд собственное сознание, как воду – в пустой кувшин. Завершив трансплантацию сознания, он без труда направит волю на саркофаг-тюрьму, поскольку танатизин-2 воздействовал только на органическое тело, не затрагивая инородный материал, то есть кристаллическую паутину. Разжижение структуры пьедестала расплавит саркофаг, и оттуда восстанет обновлённый, перерождённый человек. Когда Кронал откроет глаза, они будут голубого цвета.

Он протянет ладонь, и Сила ответит на призыв, извлекая из плавлеита световой меч Скайуокера – нет, световой меч Кронала – и вкладывая в новую руку всё того же Кронала, а иначе что это будет за джедай без джедайского оружия?

А если что-то пойдёт не так, что ж...

В этом случае последний джедай и последнее существо в галактике, которого по-настоящему опасался Кронал, хотя бы останется похороненным заживо, и всё, что, возможно, тогда потребуется Кроналу – внести коррективы в сценарий, связанные со словом «заживо».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Лэндо замер перед лобовыми иллюминаторами «Памяти Альдераана», наблюдая с мостика, как развёрнутые с крейсера эскадрильи «ашек» добивали остатки СИД-перехватчиков, которые хищнически набросились на «двойные семёрки». Он кивнул своим мыслям: мандалорцы держали марку, целиком и полностью оправдывая сложившуюся репутацию.

– Хорошая работа, капитан, – похвалил Лэндо командира крейсером. – Отзовите истребители и приступайте к поисково-спасательной операции. И проследите за тем, чтобы лорду Мандалору по приземлении передали мою личную благодарность и поклон, равно как и первые выплаты – всей его честной компании.

Командир кивнул.

– Как прикажете, генерал.

Лэндо повернулся к офицеру связи.

– Установите защищённый канал с командером Антиллесом из Разбойной эскадрильи.

– Ммм, подпространство забито под завязку, генерал...

– Ясно. – Лэндо нацепил обаятельную улыбку, в которой парадоксальным образом не было ни капли дружелюбия. – А теперь, когда это нам стало ясно, установите защищённый канал с *капитаном* Антиллесом.

Офицер-связист проглотил комок в горле и вернулся к своей консоли.

– Да, сэр.

– И как только установите канал, – твёрдо продолжал Лэндо, принимая неожиданное решение, – скажите, что я жду его в отсеке истребителей на седьмой палубе.

– Сэр.

– Скажите, что я уже там. Напомните, что долгое ожидание – не в моём стиле. И заодно проследите, чтобы лорд Мандалор тоже узнал, где мы встречаемся.

С этими словами он развернулся на каблуках и прошествовал к турболифту. По пути Лэндо постучал пальцем по корпусу Си-ЗПО, который украдкой поглядывал на инженерный пульт.

– Ты. За мной.

– Я? – уточнил дроид. – Правда? Но... но... генерал Калриссиан...

– Живо, – бросил Лэндо мимоходом.

– Получилось грубовато, вам не кажется? – Тем не менее, Си-ЗПО засеменил следом к турболифту. – Позвольте отметить, генерал, но вы выглядите чуточку обеспокоенным...

– Даже представить не могу, с чего бы.

Внутри турболифта Лэндо ударил по панели управления, и дверь кабины захлопнулась.

Едва турболифт с гудением устремился к заданному пункту, как произошёл ощутимый толчок, и вся кабина будто отклонилась на метр-другой в сторону. Произошедшие метаморфозы оказались настолько сильными, что Лэндо пришлось инстинктивно схватиться за Си-3ПО, чьи оснащённые магнитами механические ноги (дроид предпочитал не отставать, когда двигался по корабельным палубам) твёрдо удерживали его на месте.

– Что это было? – осведомился Лэндо. – Похоже на удар, но такой, что должен был превратить в пыль целый корабль вместо того, чтобы просто его сдвинуть.

– Уверен, что не смогу точно ответить, генерал, но...

– Это был риторический вопрос, Трипио. – Лэндо отряхнулся и, заметив крошечное масляное пятно на манжете, поморщился. – От тебя не ждут ответа.

– О, да, всецело понимаю. В меня заложен ряд разговорных оборотов, которые не имеют особого значения, но подчёркивают...

– Хорошо, хорошо. – Лэндо извлёк комлинк и поднёс к губам. – Калриссиан на связи. Что только что произошло?

– Неизвестно, генерал. Ещё разбираемся.

Си-3ПО продолжал болтать.

– Я неверно истолковал ваш риторический подтекст, генерал, поскольку всё же могу ответить на ваш вопрос и получить нужную информацию.

Лэндо опустил комлинк.

– Можешь?

– О, конечно. Сам корабль всё выяснит.

– Так уж и выяснит?

– Конечно, генерал. Творения мон-каламари весьма смышлѐны – и способны на гораздо большее, чем органический разум. – Си-3ПО издал короткий статический разряд, который удивительным образом смахивал на извиняющийся кашель. – Не в обиду будет сказано, разумеется.

– Разумеется. – Лэндо кивнул на комм-панель турболифта. – Прошу.

Протокольный дроид проследовал к устройству связи, издавая через вокабулятор высокочастотный свист, приправленный белым шумом. Коммуникационная панель отозвалась звуком, который для ушей Лэндо казался практически неотличимым от первого.

– Что? – Си-3ПО поднёс механическую ладонь к вокабулятору. – Ох, это ужасно! О, боже мой!

– Что сказала эта штука? – спросил Лэндо. – Что это был за толчок?

– Толчок? Я не знаю.

– Тогда в чём проблема?

– Она сделала крайне непристойное предложение, – важно пояснил Ц-3ПО, имея в виду умную машину, разработанную мон-каламари.

Лэндо поморгал, переваривая услышанное.

– Ты шутишь, да?

– Если бы, – вздохнул дроид. Трипио наклонился поближе, к самому уху Лэндо, и понизил голос. – Она оказалась ужасной любительницей пофлиртовать. Ну, знаете, флотские любят ловить кого-нибудь на крючок...

– Уверен, что знаю. – В конце концов, Лэндо оставался самим собой. – Вот и пофлиртуй в ответ.

– Генерал, вы же не всерьёз!

– Хочешь, чтобы девчонка разоткровенничалась – придётся хотя бы поцеловать её в ушко.

– Да я... ни за что на свете!

– Я знаю. Но всё равно придётся.

Когда турболифт раскрылся на седьмой палубе, Си-ЗПО продолжал трещать – взволнованно и без умолку. Лэндо не оглядываясь зашагал к отсеку истребителей.

Как и все остальные элементы конструкции, доки мон-каламари отличались тем же причудливым сочетанием изящества и функциональности. Ангар наводнили истребители, которые то и дело поступали непрерывным, но плавным потоком, чему значительно способствовала организованная регулировочная сеть. Энергетические «клещи» подхватывали каждый истребитель и доставляли его либо к обозначенному месту стоянки, либо к огромному силовому полю, которое, в свою очередь, могло унести повреждённое судно в ремонтный отсек, располагавшийся прямо на борту линейного крейсера. Здесь практически не наблюдалось едва контролируемого хаоса, характерного для палубных ангаров заурядных военных кораблей, даже рёв двигателей малых судов поглощался фазированными шумоподавителями.

Неожиданно среди выстроенных перехватчиков типа «А-крыл» показались фюзеляжи истребителя-«крестокрыла» и бомбардировщика-«бритвы», перед которыми по стойке «смирно», отдавая честь, стояли командер Ведж Антиллес и лейтенант Тайко Селчу, соответственно.

– Быстро же вы добрались, – заметил Лэндо, салютуя в ответ.

– Так точно, сэр.

Всё ещё вытянувшийся в струнку Ведж ни капли не походил на самовольного нарушителя порядка, которого отделял лишь атомарный шаг от понижения по службе — и суровой гауптвахты.

– Вспомнил тут случайно, что генерал ненавидит, когда его заставляют ждать. Генерал, сэр.

– Не думай, что ты теперь так легко отделаешься, Ведж. – Очередной удар едва не перевернул корабль вверх дном, вновь выбив Лэндо из равновесия, и «генералу-сэру» на сей раз пришлось опереться на плечо Веджа, которое, впрочем, не уступало по крепости металлическому корпусу Си-ЗПО. – Ситх раздери! Да что же это?

– Корабль сообщает, – раздался невозмутимый голос Трипио, подошедшего сзади, – что произошло гравитационное смещение неизвестного происхождения, которое повлияло на работу двигателей, генераторов искусственной гравитации и инерционных компенсаторов, не говоря уже о возникновении изрядной физической нагрузки... Боже! О, боже! Это жутко опасно, не так ли?

– По мне, так и есть, – ответил Ведж. – Но я сегодня не в настроении быть уничтоженным!

Потеряв интерес к дроиду, Проныра-лидер переключил внимание на генерала.

– Мы зовём их гравитационными бомбами, сэр. Точечные гравипроекторы, развивающие скорость большую, чем направленные в чёрную дыру «ашки». По сути, баллистические ракеты, только их двигатели не оставляют сигнатур, так что их невозможно обнаружить, пока не попадёшь в радиус действия, а тогда они сами дадут о себе знать. Чрезвычайно опасны: нечто подобное зарядили в тот недо-шаттл, который назначил роковое свидание «Правосудию», но хуже всего – их адские хороводы с гравитационными станциями Отродья, щедро усыпавшими астероиды. Во всём флоте не найдётся навикомпьютера, способного отследить траектории всех объектов по всей системе. Поэтому наши «двойные семёрки» и прочёсывают поля, чтобы мы смогли попытаться закончить окно для прыжка до того, как состояние звезды достигнет сверхкритической отметки.

– Суть я уловил. – Лэндо решил для себя, что тактическая составляющая имеет больший приоритет, нежели наказание для ушедшей в самоволку Разбойной эскадрильи. Вдвойне больший приоритет, если учесть пользу, которую ему принесут Проныры. – А как у нас дела в целом?

– Могло быть и лучше, – без обиняков заявил Ведж. – Мы перенацелили планетоиды таким образом, чтобы обеспечить им автономность, но всё ещё не знаем, сколько там в закромах осталось СИДов, которые атакуют нас с каждым новым ходом. По самым оптимистичным прогнозам, стабильные гиперокна откроются примерно через восемнадцать-двадцать часов.

– Не так уж и плохо.

– Неплохо было бы, если бы звезда не начала полную свистопляску меньше чем через три часа – а ведь у нас нет ни точного обратного отсчёта до этой свистопляски, ни надёжного астропрогноза, да и эти гравитационные бомбы могут окончательно всех доконать.

– Насчёт этих гравитационных бомб, – медленно проговорил Лэндо. – Должны же их откуда-то метать. Иначе они давно бы вышли из строя или во что-то бы врезались на пути, так?

Тайко кивнул.

– Генерал Соло упоминал крупный комплекс, обнаруженный им на планете. Сдаётся мне, что огневая точка – в жерле вулкана. Это было чуть ли не последнее сообщение, которое мы получили от него и принцессы Леи перед тем, как потеряли с ними связь.

– Хан и Лея на планете, но с ними нет связи? – Лэндо недоверчиво покачал головой. – Чем они там занимаются?

– Как бы это сказать... они отправились на выручку к генералу Скайуокеру, сэр.

– А чем же занимается Лю... а, неважно. Я не хочу знать.

– Хозяин Люк в опасности? – Голос Си-3ПО звучал испуганно. – Ох, генерал Калриссиан, вы же не можете просто бросить его в беде! А как же Ар-два?

– Никто никого не бросит, – пообещал Лэндо. – Мы еле-еле получаем показания от сканирования атмосферы: тяжёлые металлы и сильное магнитное поле. Что можете добавить?

Ведж пожал плечами.

– Воздух пригоден для дыхания, если вас не затруднит небольшой кашель. Но атмосфера там настолько «заряжена», что и все датчики вместе взятые не смогут толком её просканировать. Хотите получить самые точные показания – единственным способом будет просто спуститься самому и взглянуть.

– Раз наши датчики не справляются, значит, туда не пройдёт и любая радиация, верно?

– Ну, верно, но... – Ведж помрачнел ещё больше. – Генерал Калриссиан, должен признаться, мне не очень нравится направление, к которому клонится этот разговор. Мы действительно ничего не знаем об их обороне, генерал, мы даже не знаем численности войск!

– Хорошо.

– Хорошо?

– Как иногда молвит один мой старый друг, – Лэндо хищно оскалился, – «никогда не говори мне о шансах».

* * *

Хан Соло никогда не смог бы привести ни одного довода в пользу того, чтобы получать удовольствие от созерцания направленного на него пистолета. Взгляд в дуло своего собственного бластера совершенно точно не добавлял оптимизма. А уж когда в тебя целятся посреди грузового отсека твоего же корабля...

Он решил об этом не думать. Если Хан Соло начнёт сходить с ума, это делу не поможет.

– Хорошо, – проговорил он, позволив КИДу повиснуть на пальце. Он бросил через плечо короткий взгляд, адресованный Лее, в котором читалось красноречивое «Делай как я!», поскольку банда занявших трюм миндорцев разом запустила пальцы куда-то под лавовые доспехи и неожиданно извлекла массу разношёрстных карманных бластеров. Чубакка всё ещё стоял на одном колене между двумя ранеными, раны которых обрабатывал своими заботливыми массивными руками – руками, что уже сжимались в массивные, но совсем не заботливые кулаки, не говоря уже о демонстрации не менее массивных клыков и о рычании, не предвещавшем ничего хорошего.

– Полегче, полегче, Чуи, – осадил его Хан. – Разойдёмся с ними по-хорошему, слышишь?

Чубакка медленно расслабился и опустил голову – сразу после того, как Хан уловил проблеск понимания в голубых глазах напарника.

– На пол. – Эона Кантор двумя пальцами аккуратно взяла свой пистолет из руки Хана, не сводя ДЛ-44 с носа Хана. – Живо.

Хан вздохнул.

– Миледи, вы выбрали паршивое время для пиратства на моём корабле.

– А разве для пиратства существует подходящее время? – Эона пожала плечами.

– Ну и что ты станешь делать дальше? – Хан с жалостью посмотрел на неё. – Куда намерена деться? Отродье так набил всю систему своими гравитационными установками, что для прыжка тебе придётся подождать денёк-другой.

– Кажется, я велела тебе лечь на пол?

– Послушай. – Хан совершил очередной шаг к похитительнице. – Те астероиды вот-вот примутся бомбардировать звезду. Выдернешь корабль из атмосферы – и мы все поджаримся.

– Не твоя проблема, – отрезала Эона, направив изделие «БласТек» прямо в правый глаз Хана. – Но если не ляжешь на пол, я устрою тебе проблемы: высажу твои мозги и размажу по этому прелестному личику принцессы, разукрашу её губки бантиком...

– Что-что? – мгновенно выпалила Лея, чей голос приобрёл те самые угрожающие и чересчур знакомые нотки. Хан осторожно вытянул одну руку, чтобы попридержать разгневанную возлюбленную, но та поднырнула под препятствие, не сбавив ходу. – Не хочешь положить бластер и повторить ещё раз?

– Да что с вами, народ? – не понимала Эона. – А ну на пол! Сейчас же!

– У меня идея получше. – Хан непринуждённо взялся за пояс большими пальцами. – Как насчёт того, чтобы ты вернула мне бластер прежде, чем мой напарник продемонстрирует истинный смысл нашего «разойдёмся по-хорошему»?

Демонстрация Чубакки была до ужаса простой. Вуки вскинул свои исполинские волосатые конечности, схватил за горло сразу обоих ополченцев, стоявших перед ним, и резким движением столкнул их головами с выворачивающим душу звуком, будто Чуи взял громадный булыжник и разбил им полый ток-орех. Оба мужчины обмякли. Свалиться бесформенными грудами им не дал всё тот же Чубакка. Вуки не двинулся с места, удерживая свою добычу перед собой словно чревоуещатель – куклы, и те повисли в ладонях Чубакки, служа ему довольно неплохим живым щитом.

– В данный момент они ещё дышат, пока что, – как ни в чём не бывало прокомментировал Хан. Он наставительно продолжил, обращаясь к Эоне: – Вот так в переводе с шириивука и означает «по-хорошему». И прежде, чем в твоей головке завертится хоть одна мысль о какой-нибудь уловке, я обязан уведомить: мой напарник немного волнуется, когда-то рядом начинает стрельбу, и без предупреждений сворачивает шеи возмутителям спокойствия. Просто ад крошечный. А теперь, быть может, ты всё-таки передашь мне бластер, или мы начинаем матч по борглболлу с бошками твоих друзей вместо мяча?

Зажатый в руке бластер не дрогнул.

– Или, быть может, я взамен пристрелю тебя.

Хан пожал плечами.

– Валяй.

Её палец нажал на спуск, но вместо выстрела последовал щелчок, и Эона прорычала нечто невразумительное. Наверняка какую-то нецензурщину, подумалось Хану. Он повернул левую ладонь так, чтобы Эоне стала видна зажатая между пальцев бластерная батарея производства «БласТек».

– Думала, я отдам заряженное оружие? Тебе?

Следующее её изречение – вопль «Взять их!» – было достаточно вразумительным, равно как в объяснениях не нуждался и стремительный бросок бесполезного пистолета, направленный в лицо Хану, после чего Эона сама бросилась в атаку с растопыренными пальцами, словно женщина решила расцарапать лицо негодяю.

«Негодяй» сноровисто перехватил свой ДЛ-44 в воздухе и, отщёлкнув большим пальцем зарядную камеру, одним движением вернул батарею на законное место. Всё действие по времени равнялось менее чем трём проделанным Эоной шагам, правда, секрет крылся не только и не столько в безупречных рефлексах Хана, сколько в реакции Леи, которая, не дав Эоне закончить третий шаг, метнулась вперёд словно распрямлённая пружина и сделала подсечку противнице. Последняя грохнулась лицом в пол и наверняка расшибла себе лоб в лепёшку, но так или иначе Лея запрыгнула противнице на спину и припечатала её головой об палубу – чтобы уж наверняка.

В этот же момент грузовой отсек «Тысячелетнего сокола» объял самый настоящий плазменный хаос, поскольку все вооружённые карманными бластерами ополченцы (или наёмники, или кто бы они там не были) одновременно открыли огонь, исторгая смертоносные густо-красные пучки энергии.

Основная причина, по которой разряды били куда угодно, но только не по Хану, Лее и Чубакке, заключалась в том, что вуки со свойственной ему прямолинейностью швырнул обеих своих жертв прямо в эпицентр, после чего припустил сразу за летящими телами, руководствуясь приобретённым за долгие годы работы с Ханом Солом личным убеждением, что если ты вдруг окажешься посреди перестрелки безоружным, самым безопасным местом можно смело считать именно эпицентр – меж двух, трёх или больше плохишей.

Такая тактика работала лишь частично, но плохиши по крайней мере опасались задеть своих друзей. В данной ситуации, однако, миндорцы к своему неимоверному ужасу, обнаружили ещё и следующее: если безоружный вуки подступает на расстояние вытянутой руки, он автоматически перестаёт считаться безоружным.

Хан взвёл бластер и ответил порцией разрядов, выбрав целью парочку миндорцев, у которых возникла блестящая идея метить достаточно высоко над головами друзей, чтобы всё-таки попытаться подстрелить Чуи. Один успел увернуться от разряда и стремглав помчался прочь, а вот второй всё же получил в грудь, опрокинувшись на спину. Вот только Хан, разглядевший на

месте попадания облако красновато-чёрного дыма, не слишком вовремя вспомнил, что Лея говорила насчёт отражающих свойств лавовых доспехов.

И теперь, когда мозг проанализировал эту информацию, трюм заполнился ещё и густым туманом, а образовавшийся дым полез Хану в горло и стал щипать глаза. На ум пришла другая мысль: если закованные в прочную лавовую броню миндорцы могли не беспокоиться насчёт как прямых разрядов, так и рикошетов, отскакивавших от переборок, палубы или потолка, то находившиеся в грузовом отсеке трое участников перестрелки с противоположной стороны таким преимуществом похвастаться не могли. Приблизительная оценка того, как долго протянет их с Леей и Чубаккой удача, и того, как скоро хотя бы один из них благодаря шальным выстрелам понесёт невосполнимую утрату в плане внутренних органов, длилась считанные секунды и позволила принять единственно верное решение.

Он повернулся и разрядил бластер в приборную панель грузового трапа. Устройство ответило яростной вспышкой, искрами и клубами дыма, после чего трап принялся опускаться.

– Эй! – вскочивший Хан потеревил за плечо Лею, которая всё ещё придавливала коленом Эону, накрутив её рыжие волосы на кулак. Из-за бластерной канонады и оглушительного боевого рёва Чубакки Хану пришлось перейти на крик. – Игры окончены! Пора уходить!

Лея ответила свирепой ухмылкой, её глаза засверкали оживлённым блеском, а щёки налились румянцем, и тогда Хан в очередной – десятый, сотый или, быть может, тысячный – раз подумал, что принцесса Альдераана воистину никогда не бывала более прекрасной, чем когда выбивала из кого-то ситхову дурь.

Девушка вскочила на ноги.

– Где Ар-два? Мы не можем его оставить!

– Я достану дроида! Просто уходи!

– Секунду...

Быстро опустившись на колено, Лея схватила выроненный Ханом КИД-21. Пока она в поисках силовой батареи обшаривала карманы потерявшей сознание Эоны, сам Хан, прикрывая возлюбленную, принялся палить во все стороны, поджигая с предельной точностью доспехи каждого ополченца, которого он замечал в сгущавшейся дымчатой пелене.

– Моя очередь! – воскликнула Лея, когда зарядила бластер своей находкой.

Так и оставаясь в полусидячем положении, девушка вскинула оружие и обрушила серию разрядов на фланги рукопашной схватки, посреди которой ликовавший берсерк-вуки схватил одного миндорца за лодыжку и стал махать несчастным как огромной дубиной, разбрасывая остальных направо-налево.

Хан метнул на Лею полный благодарности взгляд, после чего ворвался в самую гущу сражения. Принцесса, не прекращая стрелять, начала пятиться по открытому трапу. Хан присутствовал и с боем пробился сквозь ряды миндорцев будто скачущий рососпинник, отпихивая, отпихивая и орудуя рукоятью бластера до тех пор, пока не очутился достаточно близко возле Чубакки, где Хану пришлось пригнуться, чтобы вошедший в раж напарник ненароком не расплющил его своим импровизированным живым орудием в виде полностью отключившегося миндорца. Он вцепился в руку Чуи, но обезумевший вуки только взревел ещё больше и попытался ударить наотмашь. К счастью, Хан не стал принимать это слишком близко к сердцу, а просто крепче сжал хватку, чуть ли не оседлав волосатую конечность, и заорал что есть мочи:

– Чуи, это я! Чёрный код, слышишь? Чёрный код!

Чубакка сморгнул, и в его голубых глазах Хан, наконец, различил осмысленный взгляд. Вуки бегло осмотрел картину боя и тут же сориентировался в ситуации, которую сам только что

изменил в худшую сторону, причём, самым радикальным образом: хотя Чуи и сшибал противника за противником, с каждым упавшим миндорцем оставалось всё меньше препятствий для тех, кто ещё удерживался на ногах, и в итоге парочка наиболее смекалистых молодцев вспомнила про оружейный ворох в контейнере номер шесть, откуда уже извлекала на свет бластерные карабины, угрожая накалить обстановку до такой степени, что и пьяная обезьянощица с гранатой покажется не самым страшным – уж точно не страшнее условного психованного гаморреанца.

– Харраруф! – отозвался Чуи, и Хан отпустил его руку. Вуки поднял над головой всё ещё бессознательную «дубину» и швырнул как снаряд в миндорцев возле контейнера, а затем проревел Хану полное согласие с Чёрным кодом, предписывавшим «драпать отсюда как можно скорее». Вуки схватил Хана за талию своей волосатой конечностью, оторвал от палубы и со всех ног припустил к трапу, как если бы в матче по борглболлу пытался забить победный гол, а Хан – выступал в роли мяча.

– Ар-два! – позвал Хан, стреляя через плечо напарника. – Где этот ситхов дроид?

Мгновение спустя Хан заметил астромеханика, как ни в чём не бывало стоявшего возле взорванной приборной панели; манипулятор дроида был протянут внутрь повреждённого инфоразъёма, из которого сочился дым.

– Эй, Коротышка! – крикнул ему Хан. – Сейчас не время для полевого ремонта!

Ответные гудки Р2-Д2 прозвучали с отчётливым сарказмом, но когда Чуи и Хан преодолели трап, маленький дроид убрал устройства, втянув в себя, и зажужжал позади со всей доступной катковым опорам прытью. Лея, угнездившаяся возле подножия трапа, устроила неприцельный заградительный огонь, надеясь, что ни один миндорец не станет подставлять голову под рикошет.

– Брось меня и иди за Ар-два! – велел Хан напарнику, и Чубакка повиновался с такой неожиданной быстротой, что Хан резко приземлился на свою и без того пострадавшую часть тела. Он пополз к укрытию Леи, присоединившись по пути к её стрельбе, пока Чубакка широкими прыжками летел по трапу. Когда вуки схватил дроида, тот разразился пронзительным визжанием, однако Чубакка, не обращая внимания, развернулся на месте и помчался обратно в пещеру сквозь разбушевавшуюся грозу бластерных разрядов, среди которых теперь без труда узнавались размытые лучи, выпущенные из винтовок.

– Отходим! – скомандовал Хан Лее. – Давай за Чуи, а я задержу их тут!

«Надолго задержать не получится, – подумал он про себя, – но, возможно, я куплю ей немного времени, чтобы дать ей сбежать».

– Я тебя не оставлю! – возразила Лея, продолжая выпускать разряд за разрядом. – Отходим вместе или не отходим вообще!

– Ох, ради всего св... стоп, а куда делось «тебе решать, капитан»?

– Всё меняется, – огрызнулась Лея и секунду спустя почувствовала на себе новое изменение: случайный разряд, опаливший девушке плечо и отбросивший её на пещерный пол. Это разрешило возникшие разногласия, так как Хан незамедлительно пересёк расстояние до Леи, подхватил её на руки и, несмотря на раздражённые возгласы «Я в порядке, Хан! Это всего лишь царапина!», с бешеной скоростью понёсся к выходу из туннеля, где их уже ждали Чубакка с Р2-Д2.

– Что с вами такое, идиоты? – заорал на них Хан. – Не останавливайтесь!

Чубакка ответил грубым «Хррорр», и только потом Хан заметил параболическую антенну, вытянутую дроидом из люка на куполе, и услышал чириканье, напоминавшее уже не типичные для Ар-два попытки симитировать человеческое общение, а скорее коммуникационные сигналы высокоскоростного протокола шифрования. Хан резко остановился и оглянулся через плечо.

Вместо ожидаемой волны вооружённых до зубов ополченцев, развернувшихся по трапу с убийственными винтовками наперевес, ему предстало несколько иное зрелище: сужавшийся проход, изнутри которого вовсю валил дым, струился искусственный свет и били время от времени производимые бластерами беспорядочные разряды, после чего грузовой трап закрылся окончательно и защёлкнулся на все стыковочные замки.

Хан сместил взгляд на Ар-два.

– Это ты устроил?

Малыш покачался на опорах.

— Би-вуп!

– Неплохо, Коротышка, а можешь теперь вырубить двигатели? Заблокировать управление? Что-нибудь?

– Би-иии-п ту туии вип! – воспроизведённый ответ дроида Хан понял не иначе как «Может, и удалось бы всё уладить, если бы ты дал возможность немного поработать...»

– Хан? – вмешалась Лея. – Хан, всё будет хорошо. Мы вернём «Сокол».

Он не слушал её. Он не мог слышать её. Он мог только стоять с ней на руках и смотреть.

Смотреть, как кто-то активировал репульсоры «Сокола». Смотреть, как его корабль медленно поднимался к своду пещеры и разворачивался к выходу. Смотреть, как оживали досветовые двигатели, которые уносили его корабль прочь.

Смотреть, как исчезающий корабль распарывал ему грудь, разрывал сердце в клочья и увозил вместе с собой его душу.

Хан бережно опустил Лею на ноги. Девушка прижалась к нему и обняла за шею.

– Хан?

Он не отреагировал. Он только стоял столбом, уставившись куда-то за пределы пещеры.

Подошёл Чубакка и положил ладонь на плечо Леи.

– Роувор, – мягко произнёс он.

Девушка кивнула и, отпустив Хана, направилась в туннель вслед за вуки и Р2-Д2.

Хан ещё долго стоял на месте, ощущая увесистую ледяную глыбу там, где должно было биться его сердце.

Наконец, он сделал глубокий вдох и освободил наполненные лёгкие длинным выдохом.

– Что ж, могло быть и лучше, – подвёл он итог и, повернувшись, поспешил за своими друзьями.

* * *

Звёздные истребители заполнили пространство вокруг «Памяти Альдераана», испещряя выхлопами двигателей и нарежая петли с такой скоростью, что в видимом спектре походили на кружившиеся, едва уловимые солнечные блики. Даже сенсорный массив крейсера с трудом успевал отличить союзный корабль от вражеского, да и то – с большой долей вероятности, ввиду недостатка точных показаний. Интенсивность битвы, казалось, усиливалась в разы с каждой световой секундой, приближавшей крейсер в планете.

Лэндо стоял на мостике, вглядываясь в мониторы и скрестив руки за спиной; лицо генерала не выражало совершенно никаких эмоций и было скорее пустым. Лишь сновавший туда-

сюда взгляд, выхватывая то истребители, то крейсера, указывал на предельную степень его концентрации. Фенн Шиса, находившийся позади и меривший палубу шагами, напротив, нервничал всё сильнее и сильнее, и было отчего, поскольку истребители и не думали прекращать взрываться, разбрызгивая во все стороны раскалённые добела обломки. Подбитых судов было так много, что обломки уже перегрузили противоударный щит «Памяти Альдераана» и теперь сотрясали обшивку, заодно оставляя трещины в лобовых иллюминаторах из транспаристали.

В конце концов Шиса не выдержал.

– Лэндо, то есть генерал Калриссиан, мы больше не можем здесь ошиваться!

– Я кручусь как могу, – поправил его Лэндо, – а вот ты ошиваешься на одном месте.

– Я должен забросить своих ребят в космос. Мы должны быть там!

– Если считаешь нужным, можешь самолично присоединиться к битве. Всё-таки я – последний человек в галактике, который осмелится приказывать лорду Мандалору. Но командос — не «твои ребята». По крайней мере, в данный момент. Они работают на меня.

– Но... но... – Не в силах подобрать нужные слова, Шиса только с горячностью махнул рукой в сторону битвы снаружи. – Мы уже отрезаны, и они жмут нас к планете.

Лэндо обернулся, сияя удивительно широкой улыбкой.

– Да ладно?

– Генерал! – прервал их офицер связи, глядевший на свой экран. – Есть визуальное подтверждение того, что к звезде приближается скопление астероидов. Схождение с её короной через... три минуты, сэр!

Лэндо кивнул.

– А солнечные вспышки?

– Уже начали полыхать, сэр... согласно анализу датчиков, через двенадцать минут нас настигнет резкий радиационный скачок, достаточно мощный, чтобы вынести из строя все дефлекторные щиты в системе. И тогда останется лишь час, чтобы мы поджарились окончательно...

– Хорошо, вы его слышали, – подытожил генерал. – Выводите все суда и отправляйтесь к ночной стороне Миндора, затем выпускайте спасательные капсулы. Скажите Пронырам, чтобы взяли с собой ещё две эскадрильи и прикрыли капсулы.

– Лэндо, ты должен задействовать моих солдат! – запротестовал Шиса. – Нас ждёт резня.

– Нет, вовсе не ждёт.

– Три эскадрильи в жизни не прикроют такую кучу капсул, а эти разбойники не берут пленных!

– Неважно, – решительно обрубил Лэндо. – Пусть разнесут капсулы на куски. Чем охотиться на нас, пусть займутся чем-то ещё.

– Что?

– Мы выпускаем только капсулы, смекаешь? Пустые капсулы. – Лэндо покачал головой. – Ты правда подумал, что я собираюсь распылить свои силы на том полушарии, где они будут как на ладони у врага? Только не с таким генералом, мой друг.

– Значит... – Фенн внезапно задумался, вглядываясь в лобовые иллюминаторы. – Да, теперь смекаю: если зайти с ночной стороны, планета прикроет от солнечных вспышек... тогда двигаемся на малой высоте через атмосферу... но если ты планируешь подвести крупные корабли к этой вулканической базе, вначале придётся разгромить наземные огневые средства – турболазеры, ионные пушки... и в первую очередь эту гравитационную пушку. Ну и как ты намереваешься осуществить штурм?

– Сложная задача. – Тем не менее, Лэндо всё ещё улыбался. – Ты случайно не в курсе, где бы поблизости достать, скажем, пять или шесть сотен мандалорских суперкоммандос?

Фенн поморгал, затем ещё и ещё, и, наконец, почувствовал, как и по его лицу расплзается улыбка.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Хотя в данный момент он не находился в сознании, Люк чувствовал, что что-то происходит не так.

Он чувствовал... холод.

Невыносимый холод. Его и раньше настигало нечто подобное – пару лет назад, на Хоте, когда его отделяли считанные сантиметры от замерзания насмерть, но на выручку пришёл Хан – однако теперь всё было иначе. Холод ощущался как ползучее, прогрессирующее окоченение, как накатывающая слабость, которая постепенно растекалась по всему телу и связывала по рукам и ногам, не давая двинуться ни одной застылой мышце. Однако этот холод парализовал Люка таким образом, чтобы он вовсе не пребывал в блаженно-бесчувственном состоянии. Каждую пору его кожи пронизывали крошечные иглообразные кристаллики – холоднее полярной стужи, настолько холодные, что обжигали, холодные, как жидкий воздух – и украдкой скользили по нервам тончайшими льдинками.

И с холодом наступила тишина.

Почти *осязаемая* тишина, на грани забвения, более глубокая тишина, чем может испытывать живое существо: не просто отсутствие каких-либо звуков извне, но и отсутствие самого понятия «звук». Ни шёпота дыхания, ни журчания струившейся по артериям крови, ни малейшего стука сердца. Ни даже самого туманного, рассеянного отзвука стягивания или трения об его кожу.

Но холод и тишина имели более глубокую природу, чем просто физические ощущения. Они пребывали в его снах.

Эти сны протекали невероятно медленно, словно ледники, отличаясь безликими часами абсолютно безучастного созерцания пустоты; часы сменялись годами, годы растягивались в бесконечные тысячелетия, в которые одна за другой гасли звёзды. Он ничего не мог предпринять, потому что ничего и не оставалось. Только смотреть, как умирают звёзды.

И на месте каждого погасшего светила тоже ничего не оставалось. Даже ощущения какой-то нехватки, потери. Оставался только он сам. Где-то витающий. Свободный от всего. От мыслей, от чувств. Навсегда. Почти навсегда.

Первая за миллион лет мысль формировалась целое следующее десятилетие, просачиваясь каплями в час по чайной ложке. *Спи. Это конец всему сущему. Не осталось ничего, кроме сладкого забвения.*

Вторая мысль, напротив, промелькнула в сознании моментально, всего за секунду. *Подожди-ка... кто-то другой держит в голове те же мысли, что приходят и мне.*

Выходит, на краю вселенной он был не одинок.

Даже в застынувших снах о вечности он остро ощущал Великую Силу. Направляемый и поддерживаемый неизменной спутницей, он открылся *сонной мысли* и втянул её в центр своего

естества, чтобы как следует изучить эту мысль, повертеть в воображаемых ладонях так и эдак, словно необычный камешек.

У обретшей консистенцию *мысли* имелся и определённый вес, и текстура: кусок вулканического базальта с урановой сердцевиной. Камешек обладал иррациональной плотностью, а его поверхность была усыпана чем-то рифлёным, зернистым, как будто кусок породы вначале отличался вязкой и липкой структурой, но кто-то спрессовал её, катая по гравийному полю. По мере исследования Великая Сила позволяла концентрировать всё более пристальное внимание на объекте и получать всё больше деталей, и тогда исследователю открылось понимание того, что каждое из гравийных зёрнышек воплощало собой живое существо – человека или гуманоида – и все они были связаны друг с другом волокнистыми жилами, которые в совокупности и составляли структуру хладного камня.

По мере углубления он осознал и другое: камешек, удерживаемый в воображаемых ладонях, точно так же *удерживал* и его самого. Даже проверенный так и эдак, камешек обхватывал обладателя ладоней и сковывал его... тот камешек выступал в роли тюрьмы для всех этих зёрнышек-сущест*в*, и все эти заключённые души заточили теперь и его.

Он обнаружил, что сам *окаменел*, являясь как раз той жильной породой тёмного оттенка, которая прочно сцепила их всех в один комок. Как он поймал их в ловушку, так и они заарканили его, и никто не имел возможности отпустить кого-либо другого. Сама структура вселенной связала их.

Сама Великая Тьма охватила их невыносимым холодом.

И вот ведь ещё какая странность: с каких это пор он размышляет о структуре вселенной как о тьме с заглавной буквы? Имейся в таком мрачном мироощущении хотя бы крупица истины, когда это он стал тем человеком, который предавался бы подобным мыслям? Если Великая Тьма жаждет затащить его в бесконечную пустоту, ей придётся побороться за каждый миллиметр его сущности.

И он начал искать выход. Что, с учётом любопытного восприятия через призму Силы, означало искать проход *внутри*.

Он всецело осознал, что воображаемый камешек в воображаемой ладони был не более, чем метафорой (даже хладной камень, в который он превратился), однако всё это существовало на самом деле, если отталкиваться от пласта реальности на глубочайшем уровне, недоступном совсем не воображаемым глазам. Он *врос* в камень... и поэтому не требовалось протянуть руку, чтобы коснуться души, олицетворяемой гравийным зёрнышком. Он уже касался их.

Нужно было только сконцентрироваться.

Но каждое мнимое зёрнышко-душа, которое он заботливо окружал направленным лучом света будто сигнальный маяк, не отвечало и намёком на отблеск. Никакой ответной реакции, характерной для человека, только совершенно ровная, ничего не отражающая поверхность, как у гладкого и округлого комочка из порошкового графита. Каждое ментальное прикосновение не возвращало в них ни надежды, ни цели, ни мечты о побеге, но вместо этого *вытягивало их из заледенелой сердцевины и проглатывало целиком, скармливая Великой Тьме*.

И Тьма не предоставляла и следа доказательств того, что они когда-либо существовали.

Всё, чего удалось добиться от мнимых зёрнышек – ласковые бессловесные уговоры просто взять и позволить себе уснуть. *Борьба тщетна. В конце концов, Великая Тьма заглатывает всех. И всевозможные твои надежды, страхи, героические мечты и суровые реалии. Поглотит и всякого далёкого потомка, когда-либо слышавшего о тебе. Исчезнет всё и вся, не оставив малейшего эха, указывавшего на твоё присутствие. Единственное решение – лишь сон. Вечный сон, вечное забвение.*

Забвение.

Никогда, решил Люк.

Интуиция подсказывала ему – наполовину через воспоминание, наполовину через предположение (а может, то была целиком подсказка от Силы) – что стоит вновь покрутить воображаемый камешек в воображаемой ладони, и на одном из мнимых порошково-графитных зёрнышек можно разглядеть едва заметную трещинку, которая вовсе не являлась игрой воображения.

И сквозь эту трещинку – крошечную, совсем ничтожную, такую миниатюрную, что, ведись поиск вне воображаемой реальности, трещинку не помогли бы обнаружить и самые передовые приборы в галактике – проявлялось ещё менее уловимое мерцание... чистейшего света.

Ведомый Великой Силой, он собрал всё восприятие и сжал до уровня нанометровой нити. И, продев её внутрь крошечной осветлённой трещинки на воображаемом камешке, Люк Скайуокер достиг вселенной.

* * *

Сосредоточив всё своё «я» при помощи Силы и самоотдачи, которую в него вбивали Бен и мастер Йода, Люк смог пройти по ниточке к источнику света, и вернувшееся к нему зрение позволило разглядеть сквозь причудливую искажающую пелену смутные очертания рукавов.

Объёмистых, соединённых вместе рукавов, которые будто скрывали сложенные руки... а за ними скрывался пол, освещаемый холодным мерцающим сиянием, похожим на тот, что источали экраны голопроигрывателей. Люк попытался поднять голову и осмотреться по сторонам, но ракурс не изменился, и тогда он понял, что глаза, которыми он глядел в данный момент, ему не принадлежали.

Вдогонку этой необычной догадке в сознании принялись проступать и другие соображения. На ум пришло следующее: пол, куда падал взгляд чужих глаз, каким-то образом связан с самим Люком... поскольку состоял вовсе не из обычного камня, а из любопытного полукolloидного кристаллического вещества... необъяснимым образом живого.

Живого, поскольку стоило Люку сосредоточиться на веществе, как он почувствовал саму жизнь, отзывавшуюся покалыванием кожи, которую вызвал низкочастотный гул. Но и покалывание кожи было иллюзорным, он воспроизвёл такую реакцию в своей голове... он чувствовал её, поскольку внутри его мозга прорастали точно такие же полукolloидные кристаллы. Нет... в чужом мозгу.

Кристаллы росли среди чужих извилин, внутри кого-то, чьи глаза позаимствовал Люк из открытых просторов вселенной. Подобно воображаемому камешку, новая находка также стала предметом изучения, так как в этом случае он тоже одновременно находился и в пределах чужого разума, и мог, проскользнув *наружу*, рассмотреть как бы со стороны. И когда он коснулся кристаллов сигнальным лучом маяка, он услышал – нет, ощутил шестым чувством – шепоток безысходности, звучавший на краю вселенной.

Усни. Борьба тщетна. Всему на свете приходит конец. Бытие – иллюзия. Лишь небытие Великой Тьмы реально.

Теперь Люк чувствовал, что шепоток исходит извне чужого разума, как бы со стороны, подобно его собственному восприятию, и что кристаллы каким-то образом концентрируют и усиливают эти звуки безысходности, перехватывая чужой канал Великой Силы и отводя в свою собственную реку – равно как и каналы, принадлежавшие сотням других разумов, которые, как теперь ощущал Люк, сформировали аномально-вычурную систему.

И где-то там река впадала в ещё один чужой разум.

Чёрная дыра, подумал Люк.

И с этой мыслью пришёл образ злокачественной опухоли, подпитывавшей поле Тьмы: древний, тяжело хрипевший калека, погребённый внутри капсулы жизнеобеспечения, который излучал злобу посредством своей собственной сплетённой внутри всего тела кристаллической паутины...

Точно такой же, какая сейчас прорастала внутри Люка.

И с пониманием этого он воспрянул духом, направив волю на кристаллическую матрицу внутри своего тела и позволив Великой Силе подпитать устремление. Теперь он отчётливо видел образовавшуюся связь между кристаллами, проросшими в своём мозгу, и кристаллами чужого разума. Затем он пожелал поднять голову, и на сей раз это удалось осуществить, и когда Люк чужими глазами осмотрел помещение, он разглядел каменную пещеру, тускло совещённую волнообразными разрядами энергии, которые медленно ползли по стенам словно живые. Такие же сверкающие потрескивающие разряды настигли Люка в тронном зале, хотя прямо сейчас энергия не причиняла вреда собравшимся вокруг.

Пещера была заполнена фигурами в полумесячных шляпах.

Каждая замерла в неподвижной позе, опустив голову и спрятав сложенные руки в рукавах. Они окружили массивный каменный пьедестал, возвышавшийся в центре помещения. Постамент соединялся с полом, однако он не был высечен из того же камня, а вырос подобно опухоли. Конструкция не превышала полутора метров в высоту, а плоская площадка была примерно тех же размеров и формы, что и удобная односпальная кровать. Время от времени, с некой прогрессирующей частотой, электрические разряды гасли, подрагивая, и тут же сходились пучком на каменном пьедестале, провоцируя болезненно яркую вспышку, и растворялись на поверхности конструкции.

Вот где я. Заточённый заживо внутри скального монолита.

Озарившая разум догадка не слишком встревожила Люка. После того, как он целую вечность переживал гибель вселенной, собственная обиденная смерть не значила ровным счётом ничего. Даже она была лучше, чем судьба, уготовленная Чёрной дырой для него, лучше, нежели то, что намеревались сотворить с ним.

Нежели то, что намеревались сотворить *под видом* него.

Он не знал, сможет ли спастись, но, возможно, он сможет помочь этим людям. Этого должно быть достаточно.

Люк призвал Силу и потянулся сквозь кристаллы, но, кроме одинокого разума, не нашёл ничего, за что мог бы ухватиться. Хотя он ощущал их, и до него сквозь другие кристаллы доносился шёпот, у него никак не получалось отыскать ту поверхность, которую можно было бы мысленно сжать своей волей. В точности как в том сне: скользкий полуграфитный гравий. В них не содержалось ничего, кроме Тьмы. Лишь к единственному разуму удалось протянуть ниточку через ту едва заметную, сочившуюся светом щель... Из отдалённых закоулков памяти всплыл урок Йоды, преподанный глубоко в экваториальных джунглях Дагоба в ночь перед местным солнцестоянием. *«Когда себя отдаёшь Силе без остатка, через все деяния твои откроется истинная суть твоя, —* сказал тогда Йода, наклоняясь вперёд, и языки пламени разгоревшегося

от наттик-корня костра окрасили в синеву глубокие морщины древнего лица. — *Тогда Сила потечёт сквозь тебя и будет до тех пор направлять руку, пока малейшим жестом её не свершится великое благо*».

Люк никогда не понимал этого урока. Лишь пытался всегда жить по этому принципу... но теперь в сознании медленно проступил нужный образ. Образ руки, сокрушавшей цель одним ударом.

Бившей чуть правее центральной точки, нарисованной на лбу «Кукловода-Рождённого-Тенями». Именно такой удар потребовался, чтобы расколоть кристаллическую структуру внутри его мозга.

Простейший акт милосердия, вытекший из одного желания – положить конец конфликту, не отобрав жизнь – и теперь ставший спасательным кругом, с помощью которого Люк вырвется с самой пучины небытия.

С этого момента он как никогда ощущал сформировавшиеся ментальные узы и чувствовал возможность обратной связи. Неожиданный поворот судьбы в сочетании с твёрдым устремлением позволит временно взять под контроль чужую физическую оболочку и управлять ей, даже воспользоваться могуществом Силы по желанию. Люк мог подёргать за свитые ниточки и превратить нового знакомого в свою марионетку, чтобы устроить спасение себе самому.

Или...

Он мог отринуть страх и поведать истину о себе, какой она бы ни была.

Для Люка Скайуокера здесь даже нечего было взвешивать. Вместо того, чтобы дёргать за ниточки, он отправил дружелюбное послание.

Эй, Ник. Почему бы тебе не проснуться?

* * *

Первое подозрение в том, что происходит нечто ужасно неправильное, пробудил сигнал тревоги, заревевший прямо в капсуле жизнеобеспечения. Оглушительная сирена нарушила концентрацию Кронала и вынудила *вернуться* в своё тело – процесс, который растянулся в долгое, вечное мгновение, пока иссушённая плоть вздрагивала и дёргалась: он изо всех сил пытался отдышаться. Наконец у Кронала получилось шевельнуть рукой, чтобы выключить эту проклятую сирену, отодвинуть в сторону Закатную корону и ответить на срочный вызов полковника Клика.

Его охватило настолько сильное волнение, что он едва не забыл наложить фильтр с синтезирующим вокодером поверх исходящих сигналов. Лишь в последний момент пальцы набрали верный код, но ему пришлось сделать ещё несколько вдохов-выдохов, чтобы окончательно успокоиться. Позволить любимому питомцу-клону вместо могучего и властного Владыки теней узреть старикашку со впалой скелетообразной физиономией, чьи бескровные обвисшие губы обнажили ряд совершенно жёлтых зубов, по чьей морщинистой коже рассыпались остатки спутанных волос... позволить подчинённому услышать настоящий голос Кронала, слабый и хрипевший – это могло вызвать существенные неприятности, если не сказать полную катастрофу.

– Полковник, – тяжело, с натуужностью просипел он. – Мой приказ был неясным? Никаких вмешательств!

– Милорд, – полковнику, конечно, заиграл синтезированный компьютером замогильный бас Владыки теней, – повстанцы атакуют!

– И каким же образом кучка эскадрилий истребителей может нести настолько серьёзную угрозу, что вы посмели ослушаться прямого приказа? Расправьтесь с ними и больше не беспокойте меня.

– Не только истребителей, милорд. Линейный крейсер мон-каламари начал орбитальную бомбардировку наших наземных укреплений, и в первую очередь – ионно-турболазерных пушек. Мы полагаем, что противник вот-вот развернёт штурмовой десант.

– Линейный крейсер мон-каламари? Невозможно. Их единственный мон-каламарский крейсер был уничтожен нашей гравирезкой.

– Так точно, милорд, но подоспел ещё один!

– Невозможно, – повторил Кронал. – Никакой другой крейсер не мог так скоро войти в систему – гравитационные станции должны удерживать их хотя бы в световом часе от нас!

– Милорд, повстанцы открыли временное окно для гиперпрыжка.

– Невозм... – Кронал прикусил язык, поскольку возможность происходящего была совершенно очевидна и наглядна. Треклятые мятежники – да поглотит Великая Тьма каждого из этих ничтожеств!

Полковник стал довольно подробно описывать произошедшее, докладывая о битве возле повстанческих кораблей-заградителей. Кронал слушал с растущим раздражением.

– Почему же мне не сообщили раньше?

– Милорд, ваш приказ...

– Призовите все эскадрильи до единой... выпускайте все резервные отряды! Поднимайте в атаку все имеющиеся боевые суда прямо сейчас, даже если придётся мобилизовать наёмные экипажи! Я хочу, чтобы эти повстанцы были заняты по горло – так, чтобы у них не было времени следить за звёздными вспышками, которые убьют их, вам ясно?

– Да, милорд.

– И разместите роту лучших своих командос у камеры избрания сортировочного центра. Они должны удерживать вход любой ценой. Независимо от того, что творится снаружи, ни одному повстанцу нельзя позволить вмешиваться в происходящее внутри, вам ясно? Возьмите под личный контроль.

– Есть, милорд. Возьму руководство на себя. Пока жив хоть один солдат, ни один враг не проникнет в камеру избрания, милорд!

– Да будет так, – яростно подытожил Кронал, – теперь вы полностью владеете ситуацией, полковник. Больше меня не беспокойте!

– Будет исполнено, милорд.

Кронал прервал передачу. Его суставы захрустели, когда он принялся устраиваться поудобнее в своём капсульном ложе. Так близко... он был так близко... ещё несколько минут – и он получит молодость и силу, завладеет могуществом джедая, присвоит себе громкое имя и лицо героя...

Он передвинул Закатную корону обратно к голове и закрыл глаза.

Кронал вдохнул так глубоко, насколько позволяли изнурённые лёгкие, а затем выдохнул так медленно, насколько позволило гулко бьющееся сердце. Он повторял процедуру вновь и вновь, пока ритм не начал замедляться, а голова не прояснилась, и только потом Кронал погрузился в Великую Тьму.

Там, во Тьме, его встретили маленькие частицы его самого, мерцавшие будто светлячки в безлунную ночь, обещавшие сладкую негу и указывавшие ему путь. Он сконцентрировался до предела и вонзил свой разум в более глубокий пласт, где ему предоставлялась возможность поймать каждого такого светлячка и сдавливать до тех пор, пока он сам не станет полноценной их частью. Когда и это удалось осуществить, он вернулся к дыхательным упражнениям... чтобы каждая *кукла* вдыхала и выдыхала одновременно с ним... чтобы их грудь вздымалась одновременно с его грудью... и с этого момента он завладел сердцами и душами всех *кукол*...

Всех, кроме одной.

* * *

В голове Ника словно зажглась лампочка.

Он резко пробудился, часто моргая распахнувшимися глазами. Взгляд никак не удавалось сфокусировать.

«Ну и ну... что за ахинея мне приснилась?»

Он попытался протереть глаза, но руки одеревенели и заплелись... это что, рукава? С каких это пор он носил пижаму? Не говоря уже о пижаме из толстенной парчовой ткани, из которой можно было бы смастерить палатку для выживания на катрексиянском леднике? Голова тоже налилась свинцом, и шея не сгибалась, поскольку серое вещество в черепе потяжелело килограмм так на двадцать... должно быть, нешуточная выдалась вечеринка, раз его мучило настолько ужасное похмелье. Когда он, наконец, высвободил ладонь из рукавов, продрал глаза и вернул зрению утраченную работоспособность, он огляделся вокруг... и захлопал глазами ещё сильнее.

Он стоял посреди каменного зала вместе с другими одетыми точно в такие же плащи и шляпы, примерно четырьмя десятками – и все они безмолвной, неподвижной толпой, опустив головы и спрятав руки в рукавах, окружили большой каменный алтарь.

– О, ладно, – вслух протянул Ник. – Это всё объясняет.

Та «ахинея» вовсе не была сном.

Так, хорошо, может, ему привиделся кошмар... но если он продолжался и после пробуждения, значит, всё происходящее было таким же реальным, как и жуткая боль в ногах и в других частях тела, включая голову с шеей. В любом случае, не мог же он сам тупо стоять на месте так долго? К тому же, скулу под правым глазом украшал синяк размером с кулачище...

«О, – подумал он. – О да, я вспомнил».

Долгое, затянувшееся мгновение он просто не шевелился.

Ник не мог в точности предположить, сколько пройдет времени с момента его первых шагов до того, как Чёрная дыра обратит на него внимание, однако он уже имел довольно неплохое представление о *молниеносной* реакции старого руссакка: всё-таки казематы целиком состояли из плавлеита.

«Вечно от этих джедаев одни проблемы, – решил Ник. – Всякий раз, когда рядом ошибаются джедаи, ты попадаешь в такую передрыгу, которую никто в галактике не в состоянии пережить. Даже сам джедай».

Речь шла о том, что у него есть все шансы застрять здесь, танцуя под дудочку Чёрной дыры до конца дней своих. Как же ему поступить?

С другой стороны... если осознанно ничего не делать, то лучше точно не станет. Он чувствовал Чёрную дыру в своей голове – засевшего там словно холодная противная жижа, чей след оставила за собой зертианская слизнегончая, плетущаяся в сырой осенний денёк... а ещё Ник чувствовал, как Чёрная дыра может в любое время вернуть контроль над своей марионеткой, чтобы снова задвигать его руками и ногами, начать думать за него, вместо него, стоило только истинному Кукловоду захотеть... и тут Ник осознал, что прямо сейчас всё своё внимание, все желания и мысли Чёрная дыра сосредоточил на парне внутри каменной плиты.

Как ни крути, они оба оторваны от мира сего.

«Но, видишь ли, – напомнил он себе, – этот малыш, этот парень внутри вроде бы Скайуокер».

Ник никогда не отличался суеверием, однако в этой фамилии что-то крылось. Она будто бы несла обещание или, по крайней мере, даровала возможность спастись каким-то чудом. Даже если бы ситуация не походила на бред сумасшедшего, только этот самый сумасшедший и попытался бы воспользоваться призрачной возможностью.

И поэтому он просто взял и сорвал с себя наголовник.

Его пронзила боль. Невыносимая боль. Раздался смачный, душераздирающий звук: наверное, именно так и должно происходить на слух, когда половина скальпа отрывается будто дешёвое сукно.

– Ну ладно. – Он швырнул устройство на землю. Чувствуя, как по лбу к глазам стекает кровь, он заявил: – Вот и всё. Больше никто не наденет на меня эту штуку, потому что я в последний раз снимаю её.

* * *

– Нет, – раздался стон в темноте. – Это невозможно... только не сейчас, когда я так близко. Кронал разгневанно ударил по коммуникатору.

– Клик, вы на позиции?

– Владыка теней! – воскликнул полковник. – Мы уже в пути!

Кронал с трудом выдавил нужные слова сквозь пожелтевшие зубные культи.

– Когда доберетесь туда, запечатайте дверь и охраняйте вход. Если кто-то попытается выйти – убейте их.

Он поправил рукой Закатную корону на морщинистом черепе. То, что касалось внутреннего пространства камеры избрания, Кронал мог уладить сам.

* * *

Ник проворно обшарил свою мантию в надежде найти разжижитель, привязанный к талии или к чему-нибудь ещё (у кого-то должно при себе иметься такое устройство, которым размягчили структуру плавленита и погрузили туда Скайуокера), но обыск не принёс результата. Ну ещё бы, иначе и быть не может, ведь Нику ничего в жизни не давалось легко. Он был абсолютно уверен, что в день его рождения Великая Сила посмотрела на него свысока, насмешливо улыбнулась и сделала задорный, но неприличный жест. Или что-то в этом роде. Ник ещё раз осмотрел зал. Более тридцати одинаковых *кукол*. Ну и у кого из них разжижитель-нейрошокер? Ему что, придётся обыскивать каждого? Впрочем, неожиданно мелькнула мысль, испускаемый нейрошокером разряд очень похож на импульс бластера в парализующем режиме.

Он задумчиво посмотрел на валявшийся у ног наголовник и решил, что эта штука, которую старый рускакк именовал «Закатной короной», может ещё сослужить службу. Ник вновь схватил наголовник и зашагал к выходу из пещеры.

– Стража! – рявкнул он своим звучным голосом, имитируя Кукловода и одновременно поднимая Корону над головой. Когда один из стоявших снаружи солдат растворил ворота, Ник нанёс по нему удар.

Из всей силы.

От удара у штурмовика подкосились колени, и Ник, помня о древней пословице со своей родины («Если хорошенько кого-то приложить – стоит во второй раз это повторить»), обрушил ещё один удар, в результате чего дёргавшийся штурмовик перевернулся лицом вниз и замер.

Другой стражник в этот момент выругался и отреагировал с впечатляющей скоростью: развернул карабин, чтобы открыть огонь по наглецу. Вот только он не учёл возможностей Закатной короны, которая в данном случае содержит в себе два килограмма карбонита, в роли импровизированного щита выступала даже лучше, чем как импровизированная булава. Ник попросту насадил устройство внутренней частью на дуло карабина и поддел противника плечом как заправский борец, чем выбил солдата из равновесия. Прежде, чем тот вернулся в строй, Ник уже завладел винтовкой первого стражника... и спустя миг выяснил, что броня штурмовиков явно проигрывала карбониту в поглощении бластерных разрядов.

За воротами обнаружился длинный, ведущий куда-то вниз коридор, будто выплавленный из мерцающего чёрного камня. Ник едва успел пробормотать «И с вершины чего-то там я даже не вижу, где именно нахожусь» – как дверь в дальнем конце коридора открылась, и в проход хлынул отряд штурмовиков, по всей видимости, недоумевавших, кто это посмел устроить стрельбу.

– Час от часу не легче.

Ник затащил оглушённого штурмовика внутрь и разрядил бластер в панель управления воротами, которая взорвалась снопом искр. Вход в зал закрылся, и Ник мог только надеяться, что она замедлит подступающих солдат хотя бы на несколько секунд. Этого времени хватит.

Но когда он вновь метнул взгляд на *кукол*, те уже смотрели в ответ. На него.

«Ой-ой, это нехорошо», – подумал он.

Часть *кукол* сбилась в кучку, не давая выстрелить по алтарю, где сейчас лежал полумёртвый Скайуокер, в то время как остальные разом бросились в стороны и принялись по дуге сокращать расстояние до своего бывшего собрата – совершенно беззвучно и вытянув руки. Хотя Ник знал, что никто из них не способен сам произнести ни слова, ему всё равно стало весьма жутко. Он оскалился и передвинул рычажок карабина на полную мощность. И застыл в нерешительности.

Перед глазами промелькнуло мимолётное, но вместе с тем необычно яркое видение, где Ник пытался объяснить Скайуокеру – на лице которого проступало печальное, страдальческое выражение, – так вот, именно ему Ник со смесью каламбура и заверениями в собственной

невиновности приводил причины, вынудившие его просто взять и вынести три десятка ровно таких же невинных мужчин и женщин, и всё это чтобы спасти самого Скайуокера. Однако внутреннему чутью Ника, основанному на размытой картине мира, Скайуокер мог противопоставить свою собственную, в основе которой лежала железная логика: если у него имелся хотя бы один шанс спасти тридцать невинных душ, пожертвовав собственной жизнью, он бы не колебался ни секунды. Даже если речь бы шла о десяти невинных. Или об одном.

– Или, ситх меня раздери, если речь бы шла о душе не столь невинной, – пробормотал вслух Ник. – Например, как у меня.

Он переключил карабин в оглушающий режим.

– Ненавижу джедаев. Ненавижу. Вот всей-всей-всей душой и ненавижу.

Не могло идти никакой речи о том, чтобы выцеливать и поражать каждую куклу точно в покрытую Закатной короной голову, и если даже он бы попытался претворять в жизнь именно такую тактику, то – Ник был уверен в этом – добром бы она не закончилась. Единственное, что могло быть хуже, чем разубеждать Скайуокера в собственной кровожадности, – это объяснения того, как он умудрился убить их всех по причине собственной глупости, благодаря которой завалил, казалось бы, элементарное, плёвое дело. К счастью, ему не понадобилось оглушать каждого противника, чтобы остановить их. Ему надлежало всего лишь «оглушить» пол.

Ник опустил винтовку и открыл огонь по камню прямо перед ногами приближавшихся кукол, и вокруг каждого уложенного в плавлеит разряда вспучивался метр-другой вязкой жидкости, как подогретое масло из ток-ореха. Куклы в самом прямом смысле этого слова вляпались в кучу неприятностей. Затем Ник сместил траекторию на пространство между собой и второй фалангой кукол, загородивших погребальный пьедестал, и вскоре они также смешались в кучу, беспомощно барахтаясь внутри размягчившейся зыби.

«Не так уж и плохо», – отметил Ник. Правда, он сам едва не поскользнулся на ровном месте, но устоял и теперь был готов принимать аплодисменты. Собственно говоря, для полного счастья ему не хватало только настоящего разжижителя-нейрошокера, с которым можно было заставить полужидкий плавлеит затвердеть снова, значительно облегчив себе задачу. Да и вообще устроить навалом всяких забавных сценок... Поскольку пленники пещеры всё ещё пытались, мешая друг другу, выбраться к твёрдой поверхности, некоторые из них могли в этом преуспеть, и тогда станет совершенно не до смеха.

– А теперь для моего следующего трюка потребуется следующее...

Он вытряхнул содержимое медпакета, принадлежавшего оглушённому солдату, и, обнаружив то, что искал, загрузил ампулу виватерина в контейнер с хромонитью¹. Перехватив карабин поудобнее одной рукой и сжав инструмент в другой, Ник в три прыжка очутился на выступавшей груди одной из кукол. Он оступился, когда свободная ладонь схватила его за лодыжку, но Ник мгновенно отреагировал второй ногой, принявшись «работать» по чужим конечностям и корпусам – даже всё-таки попал по одной или двум головам – до тех пор, пока не соорудил себе живую дорожку до пьедестала, на который он тут же забрался. Куклы попытались вытащить себя вслед за ним, но Ник уже направил бластерный карабин прямо на плавлеитный гроб и выжал спусковой крючок.

Пьедестал моментально растёкся в стороны лужей слизи, после чего Ник обнаружил, что восседает на Люке Скайуокере. Не задумываясь о том, насколько нелепой выглядит ситуация, Ник активировал контейнер с хромонитью, прижатый к шее Люка. Если учесть возможности препарата, помогавшего организму гораздо быстрее усваивать введённые лекарства, виватерин

¹ Хромонить — жидкий препарат, запатентованный «BioTech Industries» и позволявший вводимому лекарству глубоко проникнуть в организм, не повреждая нервов.

должен был вернуть Скайуокера к жизни в любую секунду, лишь бы секунд было поменьше, так как обрушение алтаря вынудило обоих спуститься вниз, к полу, где их уже поджидали покрытые слизистой массой *куклы*, которые теперь перелезали друг через друга, хватали Ника за ноги, стягивали в расплавленную массу и срывали с него мантию заодно с частичками кожи, словно бритвокрысы, грызущие турк-корень. *Куклы* толкали его всё глубже и глубже в чёрную жижу, тут же заполонившую глаза и уши, и чем больше он сопротивлялся, тем сильнее наваливались марионетки Кронала и давили, давили, давили... пока Ник не обнаружил, что для человека в его положении, которого вот-вот разорвёт на части стая зомби Тёмной стороны, самым приятным звуком, когда-либо им услышанным (и самым сладостным в истории галактики) будет вот такой:

«Чшшшш!»

Гул стал громче и приобрёл странные нотки – «вуп-вуп-вуп!» – будто механическая игрушка вроде детского гиротоптера. По мере того, как шум всё нарастал, *куклы* переставали удерживать Ника и принялись один за другим безвольно обмякать, и тогда вконец изумлённый Ник задался вопросом, а так уж ли сам Скайуокер не кровожаден? Он всё ещё размышлял над этим, пока не смог принять сидячее положение и оценить масштабы проделанного Скайуокером.

Вернее: проделанного световым мечом Скайуокера.

Зажжённое лезвие кружилось в воздухе само по себе, не направляемое никакой рукой, и картина действительно походила на полёт светящегося игрушечного гидротоптера, рассекавшего всё вокруг своими лопастями. Минувя одну *куклу*, меч вынуждал её заваливаться безвольным студнем, после чего не проходило и секунды, как падала другая. Однако при этом никто всё же не пострадал.

Потому что клинок бил исключительно в Закатную корону каждой *куклы*.

Хлесткий удар – одиночный или крест-накрест – и наголовник рассыпался на дымящиеся куски, одновременно «сбрасывая» обладателя под собой как проигрышную комбинацию в сабакке. Ник повернулся, чтобы посмотреть на Скайуокера.

– Тссс, – выдал Скайуокер, садясь прямо перед Ником. Он закрыл глаза и, сосредоточенно нахмурившись, вознёс правую руку, не обращая внимания на чёрную маслянистую субстанцию, покрывавшую его с головы до ног. – Не так-то это просто, как кажется.

Сиявший изумрудом клинок совершил несколько последних оборотов. Последние две Короны распались на части – и последняя пара *кукол* рухнула навзничь, но прежде, чем погасло ярко-зелёное лезвие, световой меч вернулся в руку Скайуокера.

Люк открыл глаза.

– Итак, – произнёс он, – что нам ещё требуется сделать?

– Ну... не похоже, что у нас ещё остались какие-то проблемы, кроме разве что парочки...

– Имеешь в виду штурмовиков за дверьми? – Люк продемонстрировал рукоять меча. – Уверен, мы сможем что-нибудь придумать.

– Да нет, вообще-то я имел в виду, что мы торчим внутри действующего вулкана, незнамо где...

– Вовсе не «незнамо где».

– Нет?

– Нет.

– Ну и хорошо. – Исходя из прошлого опыта, касавшегося знакомства с джедаями, Ник усвоил, что если они заявляли нечто прямолинейное и простое, им можно верить на слово. – Но есть и другая проблема: это место сложено из плавлеита... помнишь, что случилось в тронном зале? В любой момент Чёрная дыра даст нам по мозгам и вытрясет всю душу...

– Не будет этого.

– Да с чего ты...

– Ник, – сказал Люк, – ты слишком встревожен.

Он вновь сомкнул веки, после чего облипшая его чёрная слизь начала медленно стекать по его телу... но не вниз, а к грудной клетке Скайуокера, где образовавшие сгустки утолщались и полностью отделялись от Люка, чтобы сформировать парящую в воздухе сферу, словно ртутный шар в условиях невесомости. Из штанов и рукавов Люка, с кончиков волос и из пола вокруг ног к сфере протягивались тонкие чёрные щупальца, и уже через мгновение джедай стоял на сухом голом полу; его одежда с лицом и волосами были совершенно чистыми, а парившая перед ним сфера из жидкого плавлеита достигла размеров сжатого кулака.

– Сеансы «интенсивной терапии» Чёрной дыры, – заговорил Люк, – возымели побочные эффекты, которые он, вероятно, не планировал.

– Полагаю, так и есть. А сможешь превратить эту штуку в твёрдое вещество и с её помощью бить током других – ну, как делал он?

Люк покачал головой.

– Не думаю, что он делает это с помощью этого вещества. Похоже, что он скорее воздействует на нечто такое, что на самом деле «бьётся током», если ты понимаешь, о чём я.

– Очень похоже на его методы. Делать что-либо не через вторые-третьи руки – это ведь пришлось бы запачкать свои собственные? – Ник кивнул на *кукол*, рассыпавшихся по пещере. – Что насчёт этих типов?

Люк нахмурился, оглядывая тела. Никто не двигался и не издавал ни звука. Он поднял руку, словно хотел зачерпнуть пригоршню воздуха, сделал глубокий вдох и закрыл глаза. Вся его поза говорила о том, что Люку Скайуокеру вдруг стало плохо. Может, сильно заболела голова. А может – сердце.

– Ник, – почти прошептал Люк, – Ник, они мертвы. Они все мертвы.

Ник почувствовал, как его словно пронзили ножом.

– Они мертвы, – оцепенело повторил Люк. – И убил их я.

* * *

Кронал позволил своему сознанию ускользнуть прочь от угасавших угольков *кукол* – всё равно они отжили своё. Его разум вернулся к гармоничной кристаллической паутине, выращенной поверх нервной системы, чтобы Кронал вновь прикоснулся к плавлеитной структуре, выставшей всю внутреннюю часть вулканокупола, и внёс сумятицу в инородные пленённые разумы, контролировавшие горную породу. Кронал ощущал их сбитые с толку мысли, их разочарование и боль, когда они пытались расширить своё присутствие внутри сжиженного плавлеита в камере Скайуокера, а ещё он ощутил, как Скайуокер уравнивает шансы, проводя при помощи Силы обратное воздействие.

Джедай каким-то образом научился управлять плавлеитом, используя одну только Силу!

Однако обнаруженное не вызвало страха. Напротив, Кронала охватил чистый восторг, смывая и отчаяние, и сомнения. Какой прекрасный талант! Он означал, что как только Кронал овладеет Люком Скайуокером, ему больше не потребуется Закатная корона. Физическая оболочка

дждая и его выдающаяся связь с Силой дополнится исключительными знаниями о ситхской алхимии и об уникальных свойствах плавлеита, обеспечив Кроналу правление галактикой.

Если бы он только пожелал, он мог бы *стать* целой галактикой.

Каждое живое существо будет откликаться на его волю...

Оставалось только навсегда навязать волю Скайуокеру, хотя приходилось признавать, что мальчишка продемонстрировал умопомрачительную способность бросать вызов любым планам в отношении него самого — даже планам, которые приводились в действие всемогуществом *тёмного провидения*. Ох уж это раздражающее джедайское обучение!

Кронал потянулся сквозь время и пространство, ведомый *тёмным провидением*; его гнев всё нарастал, не находя выхода... и тогда Кронал обнаружил то, что никак не ожидал увидеть: присутствие кого-то ещё неподалёку. Очень мощное присутствие и совсем рядом. Да ещё, насколько он мог судить, присутствие кого-то относительно необученного.

Он нахмурился, кляня себя за этот просчёт. Как ему не пришло в голову, что у Скайуокера-старшего мог быть ещё один ребёнок?

* * *

Люк застыл, не в силах пошевелиться, не в силах думать, превратившись в памятник самому себе, окружённый множеством безжизненных кукол — мёртвых мужчин и женщин, павших от его руки. Его мысли кружились от одного воспоминания к другому, и все как один представляли собой тот разговор с Ником, проведённый в тронном зале.

«Они все — невинные?»

«Большинство. Некоторые похожи на меня. Прошло то время, когда я был невиновен хоть в чём-нибудь».

Ник опустил на колени рядом с одной из несчастных, женщиной средних лет, и кончиками пальцев попытался нащупать пульс на шее. Вздохнув, он потупил голову.

— Я помню... как в нас что-то росло... вернее, вросло. В наши черепа. В *кукольные* головы. Приспособление против «вскрытия» Короны и против вмешательства извне.

— «Смертоносный выключатель», — прошептал Люк.

Ник поднял глаза, задумчиво жуя губы. Он дотронулся до распухшего синяка, который украшал лоб над правой бровью.

— Этот твой удар...

Люк отстранённо кивнул.

— Должно быть, повредил «выключатель», иначе ты бы погиб прямо там, на троне.

Глаза Ника расширились.

— И останься я там остывать в виде трупа, как бы ты смог...

— Никак, — просто ответил Люк, — этот удар спас жизнь нам обоим.

— Выходит, нам обоим повезло, что ты такой славный малый.

— Нам — может быть, — пробормотал Люк. Он вновь посмотрел на мертвецов. — Но им это не помогло.

– Скайуокер... Люк... в случившемся нет твоей вины. Это не ты притащил их сюда. Не ты вскрывал им черепа, не ты засорял им мозги этим мусором... ты, напротив, выворачивался наизнанку, чтобы помочь им.

– Как скажешь. – Голос Люка был слабым, но сухим, как лунная пыль. – Обязательно вспомню об этом, когда буду объяснять произошедшее их семьям.

– Их прикончил Чёрная дыра. Их жизням пришёл конец уже тогда, когда он засунул в них кристаллы.

– И именно моё вмешательство завершило начатое.

– Это война, Люк. На войне гибнут невинные.

– Может, и так, – согласился Люк. – Но они не должны гибнуть из-за джедаев.

Ник встал.

– Давай, малыш, возьми себя в руки. Как говаривал один мой старый друг, вся разница между войной и разгребанием траводавского дерьма заключается в том, что на войне даже большие начальники пачкают руки.

Люк уставился на него, и Ник издал вздох.

– А, извини. Другой старый друг как-то сказал, что у меня язык тархтит как гипердвигатель. Кстати, он тоже был джедаем.

– Ты знал джедаев Старой Республики?

– Встречал нескольких. По-настоящему знал только одного¹. Теперь-то его, само собой, уже нет в живых.

– Само собой.

– Насколько я слышал, Вейдер лично расправился с ним.

Люк позволил отяжелевшим векам закрыться.

– Вейдер? Ты уверен?

– На то есть причины. Ни у кого, кроме Вейдера, не было бы и шанса.

Люку оставалось только кивнуть. Скорее всего, он попросту привык к подобным откровениям. Или, быть может, ему казалось, будто он так и не вылез из той каменной гробницы, а всё ещё продолжал погружаться в пучины небытия. Он не смог вырваться оттуда. Он вывернул всё наизнанку.

Этот мрак... эта Великая Тьма теперь засела глубоко в пучинах него самого, в центре его естества.

Пусть он пробился обратно к миру светлых грёз, отныне он был вынужден созерцать то, что натворил. Все эти смерти. Все жизни потрачены впустую. Не имело значения, кто виноват. Нисколько. Винить было некого. Всё живое рождалось, чтобы бороться и страдать в течение короткого промежутка времени, цепляясь за эту самую жизнь из страха потерять её и из-за боли, хотя падение обратно, в Великую Тьму, неизбежно настигало всякого.

И все эти страдания, эта борьба... всё было напрасным.

Лежавшие неподвижно *куклы* – не единственные, кто потратил жизни впустую. Всякая жизнь была пустой тратой времени.

Какое значение имело то, что ты преуспел в достижении своих целей, в осуществлении своих самых смелых надежд, или то, что твои мечтания не оправдались, не сбылись, пошли прахом? Независимо от победы или поражения твой триумф и ликование, твои сожаления, страх и разочарование – всему этому наступит конец, когда от тебя останется лишь эхо и мёртвый кусок остывающего мяса.

¹ Ник имеет в виду мастера-джедая Мэйса Винду, с которым познакомился на планете Харуун-Кэл во времена Войн клонов. Подробности – в романе «Уязвимая точка».

И во всём этом виновата Великая Сила.

Зачем вообще нужна была жизнь как таковая? Почему жизни нужно придавать большее значение, чем тонкому слою пены, покачивавшейся на волнах бескрайнего, но бездушного моря? Лучше уж тогда не жить, чем провести свой краткий миг борьбы и страданий в слепом поклонении иллюзорному свету.

Лучше не жить вообще никогда...

– Эй, Скайуокер! Ты ещё здесь? Есть кто-нибудь дома?

– Да-да, – отозвался Люк. Он легонько встрепенулся и поднял ладонь, чтобы протереть глаза. – Да, извини. Я просто вроде как... размышлял.

– Размышлял? Ты вроде как потерялся, малыш. Словно в окнах зажгли свет, но комнаты были пусты. Страшновато как-то.

– Да, – согласился Люк. – Мне тоже.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Царство теней погрузилось во мрак.

В центре системы поток астероидов спиралями приближался к фотосфере Таспана. Взаимодействие гравитационных установок и собственная гравитация солнца сформировало некий порядок из хаоса: когда каменные глыбы погружались внутрь, где сгорали в термоядерной печи, поток как бы удлинялся и изгибался, бессистемно перемешивая кучки астероидов как глянцевые узоры на мятных леденцах.

Более мелкие астероиды испарялись в короне и в хромосфере Таспана, в то время как крупные охватывало звёздное пламя, отчего те оставляли за собой огненные полосы, и каждое пробитие такими снарядами солнечной фотосферы вызывало кольцеобразные всплески шириной с планетоид и длиной в сотни километров, а также целые выбросы, которые выплёвывали наружу звёздное вещество в критические моменты, когда его не могли сдерживать гравитация и магнитное поле, и выпускали чудовищные вспышки весьма жёсткого излучения – одно только это было само по себе внушительным зрелищем, поскольку в результате по всей системе разом выгорели дефлекторные щиты.

Единственными щитами, уцелевшими, невзирая на солнечные вспышки, являлись дефлекторы истребителей, которые приступили к воздушной атаке на базу Отродья теней. Эти щиты не могли быть перегруженными хотя бы потому, что сама атмосфера оберегала их, равно как и дефлекторы «двойных семёрок» и других республиканских крейсеров, спрятавшихся в радиационной тени Миндора.

И вот опустилась ночь.

Когда Миндор повернулся к Таспану другим полушарием, с подёрнутого кровавой дымкой запада накатили волны новореспубликанских истребителей. Они обрушились на оборонительные сооружения купола со всей неистовостью, пробивая наполовину эффективными лазерными пушками тяжёлую армированную защиту турболозерных башен, размещённых на каркасах толщиной с космический корабль. В ответ громадные орудия принялись огрызаться с такой скоростью, что выбросы плазмы перегрели воздушные массы в окрестностях, сформировав

гигантское грибовидное облако из едкого песка, пыли и дыма, которое заполнило пространство от вулкана до стратосферы.

Сквозь это облако вулканокупол извергал СИД-истребители, лавину за лавиной.

Их было так много, что пагубное влияние атмосферы на их пушки не имело никакого значения. СИДы могли уничтожать целые звенья вражеских истребителей, просто выступая в роли воздушных препятствий, поскольку их массовое появление вынуждало пилотов Новой Республики нарушать строй и снижать скорость, чтобы избежать столкновений... но именно любая скорость ниже предельной могла стать фатальной. За годы, минувшие после уничтожения первой «Звезды Смерти», турболазерная технология значительно продвинулась вперёд: современные орудийные башни намного быстрее вращались, а их начинка включала программное обеспечение для автоматического ведения огня, которое подсчитывало нужное время и позволяло перехватить любой истребитель, достаточно неосторожный, чтобы лететь по прямой линии более секунды за один заход.

А уж при стрельбе по «крестокрылу», не защищённому дефлекторами, даже скользящее попадание из турболазера не оставляло ничего кроме шарообразного пучка плазмы.

Тем не менее, «крестокрылы» всё наступали и наступали, и славные пилоты отдавали жизни, чтобы защитить своих товарищей, управлявших «бритвами», которые бросали бомбардировщики в торпедное пике. Целью их массированного огня являлась не турболазерная батарея, а шесть бронированных полукруглых конструкций, оцепивших верхушку вулкана.

Конструкции были надёжно защищены керамопанцирем, способным поглощать разрушительные взрывы и протонных торпед, и ракет с детонитовыми боеголовками, и именно с этой задачей броня верхних установок справлялась на все сто.

— Мы и вмятин почти не оставляем! — не выдержав, крикнул в эфир один из пилотов «бритв».

— Заткнись и продолжай долбить, — приказал звеньевой.

— Но мы не сможем раздолбить их, пока панцирь опущен!

— Дело в том, что пока мы вынуждаем их держать панцирь закрытым, они не могут раздолбить нас!

Внутри бронированных полукруглых конструкций скрывались орудия планетарной обороны. Пять меньших систем, которые выстроились кольцом вокруг громадной шестой, вмещали в себя двойные ионно-турболазерные пушки класса «земля-орбита». Сдвоенные орудийные камеры могли выпускать заряды строго друг за другом, в точно заданный интервал времени, чтобы ионный выстрел гарантированно выводил из строя дефлекторы крупного корабля, в то время как идущий следом турболазерный разряд добивал цель. Эти смертоносные установки сами по себе могли действительно не на шутку «раздолбить» кого угодно, но внутри центральной армированной конструкции своего часа ждало оружие, которое и вовсе не оставляло шансов ни одному линейному кораблю: гравитационная пушка.

А с наступлением ночи каждый крупный корабль Новой Республики в буквальном смысле готовился шагнуть из огня в полымя, поскольку, прячась на планете от звёздных вспышек, они обрекли себя на скорую гибель от взрывов искусственного происхождения. Правда, и от «огня» полностью укрыться не удалось.

Какие бы проблемы не несли в себе выбросы звёздных вспышек, они оставались лишь результатом массового падения скоплений обыкновенных астероидов, пытавшихся проникнуть внутрь светила через его корону, хромосферу и фотосферу. Когда же среди астероидов в скоплении затёсывались одна или сразу несколько гравитационных установок, тысячами разбросанных по системе, эффект производил гораздо более сильное впечатление.

Неестественно резкий градиент силы тяжести падавших проекторов вызывал волнообразные скачки звёздного вещества с приливным эффектом – гигантские выпуклости, которые вздувались на поверхности Таспана как волдыри, а искажение его магнитного поля приводило к ещё более внушительным солнечным вспышкам, что превышали в диаметре целые планеты и расцветали гигантскими фонтанами термоядерного пламени, вырываясь наружу на сотни тысяч километров и направляясь всё ещё работавшими установками словно невообразимо огромные космические пули, сделанные из чистейшего огня.

Прежде, чем Таспан поглощал такие вспышки, вынуждая фонтаны непоседливой энергии медленно втягиваться обратно, они успевали разбрызгивать струи гамма-радиации будто прожекторы, которые испускали лучи не света, а подлинного разрушения, пережигая крупные астероиды до уровня шлака и полностью расплавляя мелкие. Одна из таких струй, пересекая плоскость эклиптики, задела по касательной кромку миндорской атмосферы.

Этого скользящего удара хватило, чтобы поджечь пару кубических километров атмосферы.

Эффект был сродни медленному термоядерному взрыву: мощный тепловой восходящий поток сформировал огненную бурю, принявшей всасывать в себя пыль, которая, в свою очередь, воспламенилась и отправилась поджигать всё на своём пути, расширяясь кольцом по ландшафту Миндора во все стороны – в том числе и в сторону бушевавшего вокруг вулкана сражения.

Датчики базы и крупных республиканских кораблей независимо друг от друга легко могли предсказать точное направление и возможное развитие огненного шторма. Прежде, чем пожар охватит целую планету, разрушительный грозовой фронт настигнет базу Отродья теней, правда, вместо туч прилетят облака токсичного дыма, а гроза обрушит на всех ливень пламени, а не влаги.

Для войск, оказавшихся на открытом месте, это станет погибелью, но остальные истребители с обеих сторон будут вынуждены приземлиться или вовсе отступить. Если кому-то вздумается продолжать бой в воздухе, из-за атмосферы, что мешала нормальной работе датчиков, и густых клубов горячего дыма он полетит совершенно вслепую.

А ещё, как подметил Фенн Шиса, в этот момент защитные конструкции останутся закрытыми, чтобы орудия «земля-орбита» не понесли непоправимого ущерба, и кроме того будут перегружены теплообменные установки, отвечавшие за охлаждение обычных турболазерных башен.

– И, если вы не против поднять эту тему, генерал, – продолжал Шиса в диалоге с Лэндо, – возможно, единственная тактическая ошибка этого типа, Отродья теней, заключается в том, что он сосредоточил все свои средства планетарной защиты в одной точке, прямо на вершине того холма.

– Так легче обороняться, – отмахнулся Лэндо.

– Так и есть, – согласился Шиса, – хотя легче обороняться будет не только им, понимаешь?

Лэндо задумался. Этот процесс занял всего мгновение – всё-таки он сам никогда не упускал возможности немедленно воспользоваться слабостью противника.

– Фенн, друг мой, – медленно произнёс он, – я уже говорил сегодня, как сильно восхищаюсь твоим мышлением?

Когда грозовой фронт достиг вулканокупола, ливень пламени оказался не единственной стихией. Прикрытые надвигавшейся огненной стеной три республиканских крупных корабля медленно снижались, прорываясь сквозь атмосферу. Они не стреляли по установкам ПВО, поскольку пыль, дым и жар в огненном ураганном циклоне вносили свои коррективы, и даже

одновременные скоростные залпы из всех орудий на полной мощности не смогли бы сразу пробить панцирные сооружения – а времени у прибывших оставалось в обрез.

Два крупных корабля обрушили на базу противника проливной дождь из переполненных солдатами новореспубликанских десантных шаттлов, которые тут же ринулись к зенитно-ионному кольцу. Третьим кораблём оказался флагман «Память Альдераана». Его десантные шаттлы выбрали своей целью посадочные площадки вокруг гравитационной пушки.

На какой-то миг битву обуздал ещё более свирепый огненный шторм. Истребители не могли лететь, перегревшиеся турболазерные башни не могли стрелять, бронированные конструкции не могли открыться, и никакие наземные войска не могли и носа высунуть – как атакующие республиканцы, что переносились шаттлами, так и имперские защитники, укрывшиеся в бункерах.

Но огненный шторм продлился недолго. Через несколько минут исчислявшаяся тоннами масса пыли, песка и камней достигла критической отметки, после которой их груз больше не усиливал пожары, а принялся сводить их на нет. По мере того, как шторм утихал, три линейных крейсера Новой Республики отступили, используя грозовой фронт как огромную дымовую завесу.

Спустя секунды, пока сиявшие алым камнями и песком ещё не остыли, турболазерная батарея оживилась вновь, выплёвывая сгустки плазмы по приближавшимся истребителям. На вершине вулкана распахнулись скрытые бункерные люки, откуда хлынули потоки штурмовиков в усиленных доспехах и грохочущие хOVER-танки. Новореспубликанские шаттлы ошестинились бортовыми противопехотными турелями, которые открыли огонь по врагам, прикрывая бросившихся в атаку десантников, и битва при Миндоре развернулась на земле. Лицом к лицу. Бластер против бластера. Нож на нож.

* * *

Когда полковник Клик и его рота отборных командос открыли широкие арочные ворота, ведущие в сортировочный центр, там царил настоящий хаос. Бомбардировка поверхности сотрясала внутренности вулкана ударными волнами, отчего все помещения содрогались, ходя ходуном как при землетрясении с низкой магнитудой, и заполнились грохотом, похожим на непрерывные раскаты грома. Пленники, испугавшись падавших сверху кусков камня, толпой ринулись к открытому дверному проёму. Подчинённые Клика отбросили их назад, сразив первые же ряды заключённых заградительным огнём оглушающих разрядов, в то время как боевые очереди, выпущенные поверх голов, заставили остальных съёжиться у дальних стен. Клик продолжил себе путь сквозь подёргивавшиеся тела и, подняв свой Е-11, лично выстрелил над пленниками.

– Вниз! Лицом вниз! На землю! Сейчас же! – Когда пленники выполнили требование, Клик обернулся к одному из подчинённых. – Сержант, останьтесь здесь со вторым взводом и стреляйте по любому пленному, который стоит на ногах дольше пяти секунд. Остальные – за мной.

Он пустился рысью и повёл солдат сквозь расплавленную, глянцеви́то-чёрную пещеру к камере избрания.

– Четвёртый взвод, выйти вперёд. – Он отступил в сторону. – Запечатать дверь. Не впускать, не выпускать. Первый взвод: обеспечить огневое прикрытие четвёртому. Всем остальным готовиться отбивать атаку.

Двое командос из четвёртого взвода приготовили разбрызгиватели с пенопластиком. Этот материал предназначался для того, чтобы на скорую руку заделывать дыры в скафандрах или небольших пробоин в корпусе: пена свободно заполняла собой брешь, пространство вокруг неё, после чего мгновенно затвердевала. Тонкие испещрённые буграми полосы, нанесённые по краям ворот, герметично заблокировали вход на месте, и всего через несколько секунд после этого до Клика донёсся вой сервоприводов, будто кто-то пытался открыть дверь с той стороны.

– Назад! – рявкнул он. – Рота: построиться, оружие наизготовку! Приготовиться стрелять по моему приказу!

Долгий-предолгий миг единственными звуками в пещере оставались щёлканье бластерных механизмов и лязг доспехов ближайших к воротам солдат, которые дружно упали на одно колено, пока задняя шеренга товарищей, уперев приклады в плечи, сохранила стоячее положение. Сам Клик отошёл от ворот, помня, что единственный способ открыть запечатанную пенопластиком дверь – это пробивной заряд.

Секунды всё тикали, однако подрыва так и не состоялось. Когда Клик начал задаваться вопросом, не почудился ли ему вой сервоприводов, на правой стороне ворот неожиданно появилась красная точка, которая почти сразу раскалилась добела и, вспыхнув, высвободила наружу луч зелёной плазмы.

«Ладно, есть два способа открыть запечатанную пенопластиком дверь, – поправил себя Клик, – это пробивной заряд и световой меч».

Зелёный световой меч!

Полковника охватило дурное предчувствие, на грани с ужасом.

– Огонь не открывать, – приказал он, – кто выстрелит без моего приказа, сам получит разряд.

Луч зелёной плазмы прорезал в воротах неровный овал. Когда клинок вернулся к начальной точке и на пол из расплавленного камня рухнул большой кусок дюрастальной плиты, Клик всё ещё не отдавал приказа стрелять. Он вообще не отдавал никаких распоряжений. Он попросту стоял и смотрел, испытывая неопишуемый благоговейный трепет.

В образовавшемся проходе возникло двое мужчин. Один – темнокожий, одетый в мантию *куклы* и державший на плече Е-11 – был высок и жилист, по его бритому черепу стекала кровь. Другой, поменьше, был одет в промокший до нитки и запачканный лётный комбинезон Альянса повстанцев, и его мокрые, растрёпанные, высветленные излучением волосы космами украшали загорелое лицо, черты которого, как медленно доходило до Клика, были в точности как у живого воплощения его самой заветной мечты...

Во рту Клика пересохло, ноги онемели, но он всё же с трудом смог пролепетать своими расслабленными губами:

– Император Скайуокер... – Он упал на колени, снял шлем и почтительно склонил голову, после чего воскликнул, обращаясь к подчинённым. – Опустить оружие! Опустить оружие! Снимите свои ведра долой и преклоните колени перед Императором! Прошу прощения, милорд, я вас не узнал!

Десантники Новой Республики отчаянно пытались закрепить периметр вокруг ионно-турбозерных сооружений, поливая огнём наступавших штурмовиков. Бронированные шаттлы чередовали противопехотный турельный огонь с гранатомётными залпами кассетных осколочных снарядов производства «СороСууб». Тысячи крошечных взрывов усыпали целую верхушку вулканической базы дождём из летящей с огромной скоростью шрапнели, хотя большая часть осколков лишь отскакивала от скал, производя грохот, характерный разве что для чадианского сезона муссонов.

Штурмовики бегом продвигались к противнику, прикрываясь тяжелозащищёнными ховертанками. Передние пушки боевых машин били по шаттлам, разрывая десантников на кровавые куски, а их водители упорно продвигались вплотную к вражеским транспортникам, чтобы там штурмовики могли перейти в рукопашную. Однако стоило им достигнуть цели, как имперские солдаты к своему немалому изумлению обнаружили, что республиканские десантники, в отличие от многих других неприятелей, не только не испугались виброкастетов, которыми вооружились штурмовики, но и противопоставили им 18-сантиметровые виброкинжалы «АКраБ», способные прорезать доспехи Марк-3 будто вытопленное горганское сало.

Вокруг панцирной конструкции, защищавшей гравитационную пушку, двенадцать шаттлов с крейсера «Память Альдераана» сформировали двойное кольцо: восемь окружили центральное орудие, а четыре спустились напрямик в гущу сражения. Эта четвёрка судов оказалась слишком близко к люкам, чтобы артиллерия или танки могли вести по ним эффективный огонь, но и шаттловые турели из-за выбранного угла наклона не могли поразить вражеских пехотинцев. Всё, что им оставалось – это счищать краску с бункеров и конструкций зенитной батареи. Штурмовики в чёрных доспехах высыпали из бункеров словно жуки-падальщики, продвигаясь по мёртвым зонам и используя четвёрку шаттлов в качестве прикрытия от расположившихся неподалёку восьми. Если кому-то показался странным тот факт, что эти двенадцать челноков не извергали рои десантников и вообще были плотно закрыты, в отличие от других, оцепивших зенитно-ионное кольцо вулкана, то никто из штурмовиков, слишком занятых ближайшими шаттлами и пытавшихся пробить их корпуса фузионными горелками и кумулятивными зарядами, не высказывался по этому поводу.

Объяснение столь необычной тактики нашлось у одного офицера-штурмовика, чья ударная группа первой вскрыла корпус одного из шаттлов и, ворвавшись внутрь, не обнаружила ни одного солдата Новой Республики – только лишь подключённый к кабине пилота дистанционный компьютер, и ещё один – управлявший системой оборонительного огня. Однако шаттл, как оказалось, вовсе не был пуст. Под самую завязку – от переборки до переборки, от пола до потолка – судно было набито детонитом, подключённым к датчикам движения.

Это было последним, что увидел офицер: одновременный подрыв всех четырёх десантных шаттлов испарил не только его самого вместе с ударной группой, но и все несколько сотен штурмовиков поблизости, заодно выбив, казалось бы, взрывоустойчивые двери пехотных бункеров.

Хотя больше всего досталось бункерам и гравитационному орудию, взрывная волна также настигла и восемь десантных шаттлов, отбросив их в разные стороны на несколько метров. Ещё до того, как пилоты выровняли машины, они опустили трапы, чтобы выпустить наружу, наконец, десантников несколько иного рода.

Эти солдаты не ревели и не надрывали глотки боевым кличем, они не шли в атаку с захлёбывавшимися бластерами наперевес. Вместо ожидаемого яростного наступления они развернулись гораздо эффективнее, без единого шума, сменяя укрытие за укрытием и двигаясь к бункерам.

Другой офицер в чёрном, засевший в одном из бункеров, мельком заметил налётчиков через повреждённые двери, и когда сумел их разглядеть, пробормотал проклятие, которое наступавшие мгновенно распознали бы (предварительно поглумившись над акцентом офицера) как совсем не изящный оборот прямым из их родного языка.

– Отступаем! – крикнул офицер. – Забаррикадировать коридоры! Удерживать углы и перекрёстки!

Последнее, чего хотел бы командир штурмовиков – это растрачивать своих людей в ближнем бою с мандалорцами.

* * *

Пещеры, по которым шли Хан, Лея и Чубакка (а Р2-Д2 катился следом), превратились в лабиринт туннелей. В свете выдвижного фонаря Ар-два камень имел тёмный оттенок, но также был полупрозрачным, демонстрируя в отблесках внутреннюю кристаллическую структуру, как у хартерранского лунного камня.

Хан молча плёлся между Чуи и Ар-два, повесив голову. Он не мог перестать думать о миндорцах, что сейчас буйствовали на «Соколе». И кто сейчас на нём летел? Чьи грязные руки схватили управление?

– Гроур, – мягко согласился Чубакка, видя гнев Хана. Однако затем вуки поднял волосатую руку и указал куда-то перед собой. – Хирруварр хунну.

Хан нахмурился и продолжил идти. С тех пор, как они принялись мерить шагами эти туннели, Лея двигалась быстро и без остановки. Когда Хан спустя пару минут попытался поговорить с ней, она не ответила и ускорила, отчего теперь была так далеко впереди, что единственным признаком её присутствия оставался огонёк светостержня.

Он кивнул.

– Думаю, она просто вне себя от злости. Как думаешь сам, она злится на меня?

– Меру гаррри.

– Это не моя вина. – Хан нахмурился, поймав себя на том, что стал слишком часто произносить такую фразу. – Виноват не я... я же предупреждал её, так? Разве не я говорил, что мы ещё пожалеем о спасении этих скользких типов?

– Тиируурр уип? – Свист Ар-два вышел сухим и несколько ироничным, и Хан почти сразу понял содержание.

– О том, что нашли тебя, мы не пожалели, – заверил дроида Хан. – Я не это имел в виду. Ну и ну... она и правда очень огорчена, а?

– Рувруу, – задумчиво проурчал Чубакка.

– Точно? – Хан слегка просиял. – Ты уверен?

Чуи пробормотал ещё одну фразу, повторяя свой указательный жест. Хан прикусил губу, глядя на пятнышко света впереди и собираясь с силами, и в итоге принял решение.

– Может, ты и прав. Останься здесь, с дроидом.

– Уип-уип-тиир, – вставил Ар-два.

– И ты туда же? Слушай, это всё-таки моя проблема, вот и будь добр, позволь мне самому разобраться. – Хан припустил трусцой. Вскоре он уже двигался с приличной скоростью. – Принцесса! Эй, принцесса, подожди-ка, ладно?

Девушка даже не обернулась. Хан помчался быстрее и лишь когда догнал Лею перешёл на шаг.

– Лея, стой. Нужно проверить твоё плечо.

– Нет времени.

Хан нахмурился.

– Говоришь так, будто знаешь, куда мы идём.

– Знаю. Вроде бы. – Светостержень в руке Леи осветил темноту перед ними. – Вот сюда.

Хан добросовестно прищурился. Однако он по-прежнему не видел ничего, кроме мрака.

– Ну и что это значит?

– Люк.

– Люк? А ты не издев... в смысле, ты уверена? Как ты вообще можешь быть уверена на все сто?

Она и не посмотрела в его сторону.

– Я – уверена.

– О. О да, думаю, так и есть. – Хан остановился, чтобы сделать глубокий вдох, затем вновь пошёл ускоренным шагом, чтобы догнать Лею. – Послушай, Лея, эти заморочки с Силой... понимаешь, одно дело – смотреть, как с ними справляется Люк, но...

– Но что? – Теперь она резко остановилась и глядела на него в упор, и огонь светостержня, отражавшийся в её глазах, придавал её взгляду такой блеск, что Хан успел пожалеть, что пятнадцать секунд назад ему не хватило ума просто прикусить язык.

– Просто понимаешь... ты и я...

– Сожалею, что доставляю вам сплошные неудобства, генерал Соло. – Её слова так и сочились ехидством. – Полагаю, вам будет комфортнее с кем-нибудь вроде...

– Вот тебе раз, разварись мои шины! – воскликнул Хан. – Чуи был прав: ты просто ревнуешь.

– Что? Что эта чесоточная куча наговорила обо мне? Обязательно припомню ему это и побрею его...

– Полегче, полегче, успокойся Лея...

– Я не ревную, а злюсь. *Она* застала тебя врасплох.

Хан отвёл взгляд.

– Не то, чтобы врасплох...

– Думаешь, ей удалось бы усыпить твою бдительность, не будь она такой хорошенькой?

– Может, и нет, – допустил Хан, не удержавшись от улыбки. – Но я почти уверен, что не будь она «такой хорошенькой», ты бы не приложила её изо всей силы.

– Надеюсь, что сломала ей нос, – мрачно пробормотала Лея, затем неожиданно улыбнулась в ответ и фыркнула. – «Разварись мои шины»? Серьёзно?

Хан пожал плечами, чувствуя, как лицо заливают краска. Второй раз за сегодня.

– Просто новая фигура речи. Я обязан колоритно выражаться, когда повзрослею и перестану быть удалым малым, вот и тренируюсь.

– Ты и без этого весь из себя такой колоритный, – успокоила его девушка. – И ты навсегда останешься удалым малым.

– Да ладно, тебе лишь бы веселиться.

Треск статики, раздавшийся из комлинка, заставил обоих подпрыгнуть.

– Хан! Какого ситха ты творишь?

Хан выудил устройство связи.

– Лэндо? Я стою посреди пещеры, болван. А вот какого ситха *ты* тут делаешь? Почему ты вообще в этой системе?

– Хан, ты только что подбил Хобби! Он падает... снова! Прекращай стрелять и убирайся прочь из моей битвы!

– Что я только что сделал с Хобби?

– Хан, если не отступишь, нам придётся тебя снять!

Хан принялся бегать по пещере, но только потому, что не мог, выкрикивая в комлинк, тупо стоять на месте.

– О, нет... нет-нет-нет, ты не понимаешь! Это не мы на борту...

– Отлично! Проныра-лидер, дай-ка им прикурить!

– Не делай этого! – заорал Хан. – Ведж, не надо! Не смей сбивать мой корабль!

– Ты имеешь в виду, *мой* корабль? – поправил собеседника Лэндо. – Следовало догадаться, что за штурвалом не ты – судно барахтается как банта в смоляной яме... а ты-то летаешь словно страдающий запором нерф со сломанной ногой...

– Лэндо, я не шучу – оставишь хоть одну царапину на «Соколе», и тогда я...

– ...никогда не найдёшь её среди всех остальных, – закончил за него Лэндо. – Ведж, глянь на месте, получится ли вывести из строя только двигатели.

– Лэндо... Ведж... – Хан скривился в негодовании и обернулся к Лее, которая остановилась в нескольких метрах позади и теперь неподвижно замерла, сосредоточенно хмурясь. – Да брось, принцесса!

Она покачала головой.

– По-моему, здесь что-то не так...

– О, по-твоему? «Не так» – заблудиться внутри вулкана? «Не так» – упустить «Сокол», который вот-вот собьют? Или «не так» всё было с самого начала, когда мы привели всех наших друзей вместе с половиной Альянса в гигантскую смертельную ловушку?

– Чуть-чуть не угадал, – сказала Лея. – «Не так» – это скорее про нас, которые бегают по пещере, но ещё не свалились ни в одну яму.

– Что?

– Ар-два, – позвала девушка дроида, – проведи сканирование и анализ окружающей среды. Мне кажется, что пещеры имеют не природное происхождение. Что-то их проделало...

Хан огляделся по сторонам и застыл, озарённый догадкой.

– Ты имеешь в виду, – медленно начал он, – каких-то камнеподобных особей, которые могут, скажем, выплавлять себя из стен, полов и всего прочего?

– Не знаю, может быть...

Она не договорила, остановившись, и вновь посмотрела на Хана, вокруг которого словно из-под земли возникли существа, действительно похожие на ожившие скалы.

– Умница, верно подмечено, – сказал сам себе Хан, а затем земля под ним разверзлась, и он скрылся из виду.

– Хан! – Лея бросилась к нему, но камень под ногами вдруг стал мягким и липким, и мгновение спустя расступился под ногами девушки, чтобы она начала падение во тьму.

Офицер штурмовиков, опустившийся на колено прямо посреди глянцевого чёрного пола, так и оставаясь в этой позе, рассказывал свою невероятную историю, запинаясь. Люк не утруждал себя слушанием. Он вообще перестал слушать после того, как полковник принялся молотить чепуху насчёт «великого шедевра» под названием «Люк Скайуокер и месть джедая». Очередной проклятый фанат проклятого фильма...

Кто бы мог подумать, что одно глупое шоу может принести столько вреда?

– Такова цель всего великого дела! – воскликнул офицер. – Чтобы вытащить вас из когтистых лап Восстания и вернуть вам утраченный трон!

– Не совсем мне, – пробормотал Люк.

– Милорд Император?

– Забудь. – Люк оглядел десятки разбросанных по пещере пленников. – Кто они?

– Ничего существенного, милорд, всего лишь заключённые-повстанцы, которым самое место в рабских ямах. Не беспокойтесь.

– В рабских ямах? – Только этого ему не хватало: ещё одна тьма-тьмущая невинных, которых он не в состоянии спасти. – Сколько здесь рабов?

– Слишком много, милорд. Возможно, несколько тысяч. Даже держа их на голодном пайке, мы едва сможем прокормить всех. А что касается воды...

Люк поднял руку.

– Я всё понял. – Он мрачно взглянул на Ника, но тот лишь пожал плечами.

– Не смотри на меня, – сказал Ник. – Император здесь не я.

Тьма сомкнулась как кулак вокруг сердца Люка.

Он замер в дверном проёме, уставившись в пещеру. Огромный сверкавший чёрным зал, который, казалось, был переполнен штурмовиками, чьи доспехи приходились под стать местной породе, и все они, сняв шлемы, преклонили колено. Сотни и сотни других обитателей пещеры – самых обычных людей и инородцев – тряслись на земле, где лежали лицом вниз, положив руки за головы, боясь даже поднять лицо, чтобы взглянуть на Люка, хотя единственным их преступлением было оказаться не в то время и не в том месте – в таком, куда пал хищный взор Чёрной дыры.

– Я – Император, – отрешённо произнёс он.

Так ли уж это было неправильно? Разве не такую стезю ему готовил отец?

Вейдер.

Может быть, Вейдер полностью осознал ту истину, которую Энакин Скайуокер только видел краешком глаза: все устремления, в конце концов, ни к чему не приводят. Единственным решением было лишь брать то, что хочешь. Править непринуждённой рукой. Довольствоваться урывками наслаждений, изредка предлагавшимися короткой жизнью.

Да и какая разница, даже если так? Герой, злодеи, правители и слуги – все находили свой конец в Великой Тьме. Зачем бороться?

У него не было ответа. В памяти всплывали изречения Бена, Йоды, даже тёти Беру и дяди Оуэна – все эти пустые разговоры о долге и традициях, о чести и любви – но никто из них так и не понял главной истины. Совсем никто.

Или, вероятно, всё-таки понимали.

В противном случае чем могли быть все эти изречения о долге, чести и любви? Не обыкновенным способом ли контроля над ним?

– Милорд Император? Вам нездоровится?

Люк встрепнулся. Он глубоко вдохнул и посмотрел на Ника.

– *Это* опять случилось?

Ник кивнул.

– Ты просто... как *испарился*.

Люк вновь поднял руку, чтобы протереть глаза. Теперь его ладонь дрожала.

– Он... что-то сделал со мной, Ник. Я не... я не могу с этим бороться...

– Кто вам что-то сделал? – Офицер штурмовиков вскочил на ноги, его лицо покраснело до кончиков седеющих волос. – Назовите этого предателя, и мои люди уничтожат его!

Ник повернулся к Люку, приподняв брови, и глаза его внезапно заблестели. Джедай понял его без слов, в то время как его собственный красноречивый жест, адресованный Нику, означал «не вздумай взболтнуть лишнего, даже пальцем не шевели».

– Нет, – заявил Люк полковнику Клику. – Никого не уничтожать. Хватит с нас уничтожений на сегодня.

Ещё одна серия далёких взрывов сотрясла пещеру ударной волной. Ник поднял взгляд к потолку чертогов.

– Ага, дело нешуточное. Эти парни помогут нам остановить всё это.

– Нет.

– Скайуокер, просто подумай... – начал было Ник.

– Не могу, – прервал его Люк. – Не могу я просто думать об этом. Ты не понимаешь. Одна мысль об этом снова *испарит* меня. Назад, к...

Его голос сел. Он не мог заставить себя даже заговорить о Великой Тьме. Одно слово о ней – и сгорела бы тонкая плёнка света, отделявшая его от невыносимой истины, после чего разрушился бы тот маленький иллюзорный мирок, который был единственной вещью, что сейчас поддерживала его.

– Я должен... я должен притворяться, что доверяю всему, что когда-либо знал. Мне придётся вести себя так, будто это всё ещё правда. Так, будто они все не лгали мне, понимаешь?

– Э-э-э, нет. Не совсем. – Пронзительно-голубые глаза Ника потемнели от растущей озабоченности. – Ничего не понимаю.

– Значит, просто поверь мне на слово.

Люк вновь посмотрел на полковника. *Всё, что нужно сделать, – это притвориться, –* приказал он себе. *— Продолжать вести себя так, как если бы ты всё ещё продолжал верить в ценность жизни. Будешь притворяться достаточно долго – и сможешь вновь погрузиться в тот светлый сон с головой.*

– Хорошо, – сказал он, – хорошо. У вас новые приказы. У вас и ваших подчинённых. – Он неопределённо махнул в сторону пленников. – Я хочу, чтобы вы позаботились о них.

– Да, милорд. – Полковник повернулся к солдатам, охранявшим заключённых, и поднял согнутую в локте руку. – Второй взвод! Вы слышали Императора. Приготовиться стрелять по моему приказу!

– Нет! – поспешно воскликнул Люк. – Нет, то был не эвфемизм. То был непосредственный приказ. Я хочу, чтобы вы позаботились о них. Обработайте их раны. Дайте еды и питья. Обеспечьте им сохранность, понимаете?

На лице полковника Клика ясно читалось полное непонимание ситуации, но, тем не менее, он отдал честь.

– Да, милорд!

– И ещё... отзовите своих людей – не только присутствующих здесь, но и вообще всех – отзовите всех, чтобы они сделали для рабов то же самое. Для всех рабов.

– Желаете, чтобы мои пилоты покинули битву?

– Это не битва, это ошибка, – сказал Люк. – Одно сплошное недоразумение.

– Милорд?

– Не забивайте голову. Соберите всех рабов. Защитите их. Как только сконцентрируете их в одном месте и обезопасите, передайте их и заодно – себя в руки Новой Республики... той, которую вы зовёте «силами мятежников». Затем вы будете всячески содействовать республиканским войскам вплоть до оказания им поддержки в бою.

– Милорд Император? – Полковник был потрясён до глубины души. – Вы желаете, чтобы мы оказали помощь и содействие своему врагу?

– Нет, – отрезал Люк. – Они вам не враги. Больше не враги. Понимаете? С этого момента можете считать себя частью новореспубликанских вооружённых сил. Не подведите меня, полковник.

– Милорд Император! – Энтузиазм в глазах офицера потускнел, но дисциплина оставалась непоколебимой. – Милорд, мы не подведём!

– Очень хорошо, – подытожил Люк. – Выполнять.

Полковник вновь отдал честь и повернулся кругом, надевая шлем. Он двинулся к своим подчинённым, которым стал выкрикивать приказы, перемежаемые короткими отрывистыми жестами, и солдаты без колебаний вытягивались в струнку.

Люк просто стоял и наблюдал. Он не мог заставить себя сдвинуться с места, не придумав подходящей причины.

– Так, ладно, Скайуокер, я понял, – сказал Ник. – Но что теперь?

– Я не знаю.

– В каком смысле «ты не знаешь»? Что с тобой такое творится?

Люк оцепенело покачал головой.

– Это словно... словно я всё ещё внутри камня, Ник. Если не сказать, что камень внутри меня.

– О, это не лишено смысла.

– Дело не в том, имеется тут смысл или нет. Оно просто так и есть.

– Это и есть то, о чём ты толковал, верно? Что этот рускакк с тобой сотворил?

– Он *заразил* меня, – безучастно произнёс Люк.

– Заразил? Какой-то болезнью или ещё чем? Паразитами? Чем?

– Чем-то похуже, – ответил Люк. – Он заразил меня правдой.

– А?

– Всё это – какая-то шутка. Даже не смешная. Бессмысленная, пустая трата времени. Проблеск сплошных страданий сменяется вечным небытием.

Он видел, что Ник не понимал. Тот действительно не мог осознать этого. Да и как он мог? И как Люку именно нужно объяснить? Какие слова подобрать, чтобы поделиться Великой Тьмой? Какими фразами продемонстрировать те ужасные иллюзии, что навязали им любящие родители, которые верили в идеалы Старой Республики, которые, казалось, искренне считали джедаев настоящими героями, а вовсе не ограниченными, безжалостными исполнителями воли республиканских лидеров? Как объяснить бессмысленную жестокую несправедливость вселенной, из-за которой приходится просто стоять в наручниках и смотреть, как «Звезда Смерти» уничтожает твою родину безо всякой веской причины?..

«Подожди-ка», – подумал Люк. Его дыхание вдруг стало прерывистым.

– О нет, – выдал он вслух. – О, нет-нет-нет, этого не может быть!

Мелькнувшая мысль вовсе не была воспоминанием.

То было видение. Видение будущего.

– Что? – встревожился Ник. – Скайуокер, поговори со мной!

Люк встряхнулся, словно сбрасывая с себя остатки сна.

– Это не мы заточены в камне, – сказал он. – Это не я погружусь во Тьму, чтобы смотреть, как умирает вселенная. Это она. Это будет она.

– Она – это кто?

– Лея, – пояснил Люк. – Моя сестра.

– У тебя что, есть сестра?

Люк кивнул.

– Есть. И Чёрная дыра обнаружил её.

* * *

Р2-Д2 провалился в темноту.

«Провалился» – не совсем подходящее слово для произошедшего, поскольку это камень внезапно растаял сам по себе и погрузил дроида с Чубаккой куда-то ниже уровня пола. Снижение походило на какой-то причудливый аттракцион с неожиданными остановками, уходами в боковые повороты и всеми изгибами и препятствиями, которые только могли встретиться на этом пути вниз и для которых Ар-два просто не находил нужных слов в своём словаре.

По правде говоря, и «темнота» не совсем соответствовала действительности. Если человеческий глаз не мог увидеть ничего, кроме крошечного мрака, то для внутренних датчиков Ар-два всё обстояло несколько иначе. Маленький астромеханик располагал возможностью регистрировать значительный диапазон электромагнитного спектра – в несколько сотен раз шире того, что люди называли «видимым светом». В ходе всего процесса падения (скольжения, резкого наклона, ударов, поворотов и тряски) Ар-два фиксировал самые разные частоты электромагнитных волн, и особый интерес у дроида вызывали прерывистые сигнатуры магнитного поля, которые по диапазону практически совпадали с теми, что были характерны для нервной системы многих дышащих кислородом организмов. Словно камень обладал мышлением.

Более того, мышление было своего рода коллективным: несколько отдельных разумов были объединены друг с другом и взаимодействовали путём самоусиливающегося фазового соотношения, как у общественных насекомых, которые путём обсуждения приходят к какому-либо консенсусу.

Новое открытие требовало тщательного изучения, однако Ар-два был слишком занят постоянной калибровкой внутреннего гиромагнитного стабилизатора, чтобы предотвратить приземление на повреждённую катковую опору. Ввиду ошеломляющей непредсказуемости смещаемых магнитных полей эта непрерывная рекалибровка заняла значительную долю вычислительной мощности Ар-два.

Очередное скольжение, два отскока и финишная прямая в свободном падении привели Ар-два прямо к рёбрам Чубакки, которые вынудили его остановиться. Ар-два воткнулся в бок вуки с

такой силой, что тот словно поперхнулся, прохрипев что-то нечленораздельное, ловя ртом воздух, после чего камень раскрылся под ними в последний раз и бесцеремонно скинул обоих ещё на три целых шесть десятых метра, на гладкий (и тоже каменный) пол ещё одной пещеры.

Ар-два выдвинул пару манипуляторов, чтобы оттолкнуться от Чубакки – вызвав тем самым стон у почти оглушённого вуки – и поставил себя в стоячее положение посреди пещеры. Здесь присутствовал видимый человеку свет, хотя его источник резко перемещался из стороны в сторону, отчего тени кружились в безумной пляске, смешивались друг с другом и снова расходились так стремительно, что линзы фоторецепторов Ар-два не могли провести детальный анализ. Тогда астромеханик переключился на предыдущий диапазон своих электромагнитных датчиков и попытался найти объяснение происходящей вакханалии.

Источник света оказался ничем иным, как светостержнем, который Хан Соло с криками «А ну отойди! Ни шагу больше, иначе вломлю!» использовал в качестве дубинки против странных фигур со смутно-гуманоидными очертаниями тел.

Ар-два предположил, что капитан Соло либо сильно взволнован, либо выражается на каком-то запутанном человеческом коде, который Си-3ПО назвал бы метафорой, поскольку было совершенно очевидно – датчикам Ар-два, во всяком случае – что гуманоидные фигуры не имели ни каких-либо ног, ни тем более ступней, так что независимо от приказов или угроз эти существа не могли сделать «ни шагу». Также Ар-два было ясно, что эти существа не классифицировались как живые организмы, по крайней мере если верить основным критериям, заложенным в его программы.

Да и гуманоидами этих странных созданий следовало считать лишь формально – просто потому, что они находились в вертикальном положении, имели размытые подобия головы в верхней части тела и пару (а то и больше) конечностей. Существа будто вырастали из каменного пола пещеры, больше похожие на ожившие сталагмиты, чем на настоящие жизнеформы, однако передвигались они вполне осознанно и излучали вполне различимые сигнатуры электромагнитного поля, выявленные Ар-два во время спуска. Быстрое сканирование файлов на предмет распознавания этих, судя по всему, минеральных жизнеформ оказалось тщетным... если не считать примечания, временно вынесенного в буферную память – всё-таки у астромеханика не имелось личного помощника, готового подсказать, куда дальше направить это примечание.

То была голографическая запись, где Эона Кантор отвечала своему спутнику, спрашивавшему, что им делать, если «тот, кто заявится, вдруг окажется вовсе не джедаем?»

«Значит, корабль заберём, а их самих – отдадим на растерзание плавильщикам».

Ар-два счёл обнаруженную взаимосвязь подходящей и, как следствие, создал новый файл, помеченный ключевыми словами «МИНДОР», «МИНЕРАЛЬНАЯ ЖИЗНЕФОРМА (ПОДВИЖНАЯ)» и «ПЛАВИЛЬЩИКИ».

Весь процесс от крика Хана Соло и до появления нового файла занял всего 0,674 стандартной секунды, что оставило Ар-два достаточно времени для проведения оперативной диагностики всех систем, в то время как его товарищ по несчастью Чубакка всё ещё вскакивал на ноги и переводил дыхание, чтобы издать боевой клич вуки.

Вслед за воинственным возгласом последовала безудержная атака на плавильщиков – бесспорно, тех самых плавильщиков, о которых упоминалось в записи и которые сейчас столпились вокруг Хана с Леей. Когда кулак вуки из плоти и кости встретился с каменным подобием головы плавильщика, раздался отрывистый вой боли пополам с изумлением. Затем произошёл энергетический разряд, сверкавший синим, и в том, что касалось длины волны и напряжения, Ар-два отметил схожесть с настроенным на максимум оглушающим разрядом бластера. Чуи вновь завыл и, пошатнувшись, стал пятиться спиной, пока не наткнулся на другого

плавильщика, чей собственный разряд прервал страдальческие крики вуки и заставил уже потерявшего сознание Чубакку согнуться вдвое как деактивированный манипулятор.

Ар-два продолжал с отстранённым интересом наблюдать за происходящим, в частности, за тем, как Хан Соло кричит «Чуи!» и бросается в толпу плавильщиков, чьей ответной реакцией стала очередная порция разрядов, которые почти мгновенно вынудили Хана опуститься на землю, где он принялся корчиться в судорогах рядом со вторым пилотом. Падение Хана Соло, по всей видимости, вызвало человеческую эмоциональную реакцию у принцессы Леи, которая с криком прыгнула в сторону противника... и за 0,384 секунды, пока она находилась в воздухе, Ар-два привёл в действие множество узкоспециализированных подпроцессоров, изначально установленных в качестве эксклюзивной доработки королевскими инженерами Набу, а затем со всем размахом переоборудованных и запрограммированных с учётом специфического набора возможностей, и эту работу, в свою очередь, выполнил весьма одарённый изобретатель-самоучка, обладатель репутации величайшего инженера, когда-либо представленного в галактике — Энакин Скайуокер.

Нижние секции катковых опор астромеханика развернулись, выпустив на волю маленькие ракетные двигатели, запустив Ар-два прямо в гущу плавильщиков. С громким треском ожило поле, оберегавшее от нежелательного контакта, и, судя по необычно высокому потреблению внутреннего источника энергии, защита заработала втрое эффективнее, что, правда, превышало все допустимые теоретические пределы ввиду возможных летальных эффектов. Ар-два также не мог не отметить, что когда ближайший плавильщик потянулся к астромеханику каменной псевдорукой, защитное поле немедленно *разжижило* электрокристаллическую структуру этого существа... а заодно — ещё четверых, находившихся рядом.

С яростным «тууупиру уиии!» — наиболее близким эквивалентом боевого клича вуки — Р2-Д2 швырнул себя в гущу плавильщиков, заставив превратиться в шлак всех, кто очутился на его пути. Пока в источнике питания будет оставаться хотя бы одна единица энергии, он не допустит, чтобы принцессе Лее причинили вред.

Однако в такой решительности нашёлся один крупный недостаток, заключавшийся в том, что расход энергии опередил постоянный уровень её притока, так что ситуация с последней единицей энергии в запасе могла стать, как бы выразился Си-3ПО, не просто метафорой. А ведь стены и пол продолжали выгибаться, формируя глыбы с гуманоидными очертаниями, которые вот-вот станут плавильщиками.

На короткий миг длиной в наносекунду Р2-Д2 охватил всплеск напряжения: многократное повторение одной и той же реплики, вызванной конкретным ядром памяти: он почти наяву услышал, как Си-3ПО восклицает «Мы обречены!»

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ник, задыхаясь, устремился вслед за Люком по извилистой пещере. Почему всякий раз, когда ему встречался джедай, открывалось, что у этого парня — никкель-орехи вместо мозгов? Только что Скайуокер пребывал в состоянии коричневой звезды-карлика, и вот он уже словно щёлкнул выключателем и рванул прочь, уподобившись сверхновой. Теперь Ник едва поспевал за ним.

– Полегче, а? Ты как будто хочешь, чтобы я просто отстал и подождал тебя прямо тут. Между нами говоря, мне не помешало бы чутков вздремнуть.

– Нет времени. – Скайуокер не сбавил ходу. – Ты сказал, что Чёрной дыре необходим кто-то, способный использовать Силу. Моя сестра-близнец так же могущественна, как и я, но у неё нет схожей подготовки. Стоит ему только схватить её...

Он всё-таки резко остановился и, когда повернулся к Нику, тот почувствовал, как его собственная выдержка неожиданно даёт сбой, сменяясь страхом где-то в глубине живота: настолько холодная ярость сверкала в глазах Скайуокера.

– Я не позволю этому случиться, – сурово заявил Люк. – Вот и всё. Не позволю. Чего бы мне это не стоило.

– Э-э-э... – начал было Ник.

Но Люк уже повернулся обратно и двинулся дальше.

– Проклятье, малыш. Минуты две назад дела шли довольно плохо, хотя я с трудом выдавливал из тебя слова. Теперь всё идёт наперекосяк, а ты прыгаешь со скоростью света, не удосуживаясь даже сесть на корабль!

– Да уж, забавно, как это работает, – выдал Люк. – Думаю, что смогу справиться с тем фактом, что всё в этом мире идёт наперекосяк. Я привык. Я могу с этим смириться. А вот когда всё идёт наперекосяк вот тут... – Он постучал костяшками пальцев по голове, будто спрашивал разрешения войти. – ...вот тут-то и начинаются проблемы.

– Кристаллы.

– Не знаю. Всё, что мне известно – это то, что они порождают во мне желание умереть. Нет. Не умереть. Просто... остановиться.

– Знаешь, что порождает во мне желание остановиться? – спросил Ник. – Бег. Особенно бег в десятикилограммовом плаще до пят.

– Хочешь здесь остаться? Вперёд. Уверен, Чёрная дыра будет рад надеть на тебя ещё одну Корону.

– Ты со всеми так любезен, или это я настолько особенный? – Ник вздохнул и продолжил идти. Его роль Кукловода была весьма короткой и смутной, но не настолько, чтобы он не понял, в каком направлении они сейчас двигаются. – Э-э-э, Скайуокер? Это не выход.

Люк даже не замедлился.

– Потому что нам не нужно выходить. Я пришёл сюда, чтобы положить всему этому конец, и даже после того, как открылась истина, ничего не изменилось. Теперь, когда она открылась, я тем более никуда не уйду, пока всё не закончится.

– Каким образом закончится?

– Каким бы то ни было.

– Похоже, ты всё-таки настоящий Скайуокер, как ни крути, – с лёгкой хрипотцой в голосе заключил Ник, догоняя спутника. – Это как раз из разряда тех штучек, которые выкинул бы Энакин. Правда, я и не подозревал, что у него есть дети.

– Он сам не подозревал, – мрачно заметил Люк. – Ты знал моего отца?

– Скорее, был знаком с ним. Пересекались пару раз. Однажды он выслушивал мой отчёт после задания. Так ты взаправду его сын, да?

– Неужели в это так трудно поверить?

Пожать плечами, поверх которых накинута тяжёлая мантия, да ещё и на бегу – непростое занятие, но Ник справился.

– Он был выше.

– Мне сказали, что я пошёл в маму, – сухим тоном признался Люк, и на секунду Ник решил было, что тот собирается улыбнуться. Но только на секунду. – Ты познакомился с моим отцом во времена Войн клонов?

– Малыш, каждый хоть немного да был знаком с ним во времена Войн клонов. Он же был величайшим героем в галактике. Когда он погиб, вместе с ним как будто умерла целая вселенная. – От этого воспоминания у Ника скрутило живот. – Та кровавая мясорубка стала концом Республики.

Люк вновь застыл как вкопанный. Он выглядел так, будто ему вонзили нож прямо в сердце.

– «Когда он... погиб»?

Ник с благодарностью остановился и, согнувшись в пояснице, положил руки на колени, чтобы попытаться отдышаться.

– Насколько я слышал, когда Пятьсот первый легион Дарта Вейдера ворвался в Храм и учинил резню всех падаванов, Энакин был последним джедаем, который оставался на ногах.

– Что?

– Вот так и погиб твой отец: защищая детей в Храме. Не просто лучший джедай из всех, а ещё и последний джедай. Тебе никто не рассказывал эту историю?

Люк закрыл глаза, не в силах выдержать нестерпимую боль.

– Это... не та версия, которую я слышал.

– Ну, знаешь, меня там, конечно, не было, но...

– И это я – последний джедай. Меня обучал Бен Кеноби.

У Ника отвисла челюсть.

– Ты имеешь в виду самого Оби-Вана? А я-то думал, что это очередная чушь, которую втирают голотриллеры. Кеноби жив?

– Нет, – мягко ответил Люк. – Так кто ты такой?

– Я-то? – переспросил Ник. – Да никто. Особо ничем не прославился. Ну, был офицером ВАР – в смысле, Великой армии Республики, – но с новым руководством у меня сразу не задалось, улавливаешь?

– Офицер? – Люк поднял брови. – Уже нечто «особое». Альянс мог найти тебе применение. И Новая Республика всё ещё может. Чем ты занимался последние двадцать пять лет?

– Главным образом скрывался от Вейдера. То самое руководство, с которым я не ладил¹.

– Теперь можешь перестать скрываться. Вейдер погиб.

– Что, прямо как в том шоу? Обнадёживает.

– Можно и так сказать. Император тоже умер в тот день.

Ник демонстративно постучал по голове и поморщился.

– Я не особенно следил за новостями. Это ты пришил его?

– Что? Нет. Нет, никого из них я не убивал.

– Немного не то, что показывают в «Люке Скайуокере и мести джедаев», да?

– Нет, – сказал Люк ещё мягче. – Совсем не то. Но их больше нет. Это – правда. – Он поднял голову, как будто слушал нечто такое, чего не слышал Ник. Мгновение спустя по пещере прокатилась серия ударных волн. – Когда всё закончится, нам следует присесть и о многом, очень многом поговорить.

Ник едва отдышался.

– Готов начать прямо сейчас.

¹ История знакомства Ника Росту с владыкой-ситхом Дартом Вейдером описана в романе Майкла Ривза «Ночи Корусанта: Сумерки джедаев» (2008 год, на русский язык переведён), чьё действие происходит через три месяца после «Мести ситхов».

– Когда всё закончится, – повторил Люк. – А пока мы продолжаем бежать.

– Я боялся, что ты скажешь именно это, – выдал Ник уже в спину удалявшемуся джедаю. Он тяжело вздохнул, поднял полы мантии и отправился следом. Теперь до него доносились раскаты взрывов, сотрясавших всю гору. – Куда мы так торопимся?

– Покажу на месте.

Они миновали ещё один поворот, за которым туннель заканчивался узким выступом. Затем им открылось усыпанное звёздами ночное небо, испещрённое тут и там «крестокрылами», что заходили в атаку на бреющем полёте. Под выступом оказалась длинная тропа, спускавшаяся во внутреннюю чашу древней и оттого огромной кальдеры, которая была усеяна воронками от взрывов и освещалась горевшими останками разбитых истребителей обеих сторон. Дальний край кальдеры обрушился, но света всё ещё хватало для передвижения по местности. Далеко внизу вдоль вулканического склона Ник разглядел вращавшиеся турболазерные башни, которые выплёвывали в небеса пучки распадавшейся энергии.

– Э-э-э, – сказал он, отступая от края, – я, наверное, всё же подожду здесь.

– Наверное, нет.

– Я уже упоминал, что чуть-чуть боюсь высоты?

– Мне очень жаль, – со всей серьёзностью произнёс Люк, – но мы пойдём вместе. У меня есть ощущение, что ты мне будешь нужен.

– Послушай, но ведь ты гонишься за сестрой, так? Кто погонится за Кроналом? Кому-то придётся покончить с ним.

– И ты добровольно готов сыграть роль убийцы?

Ник склонил голову.

– Кристаллы в моей голове... я вроде как могу ощутить его. Могу найти его. Могу прикончить его.

– Я тебе верю. Но нет. Решение окончательно.

– Это может стать единственным способом спасти твою сестру. Не говоря уже о тебе самом.

Люк только вздохнул.

– А что произойдёт, если он доберётся до неё ещё до того, как ты доберёшься до него? Что произойдёт, если рядом с ней не окажется кого-то вроде тебя, способного прервать «сеанс терапии», как это получилось со мной?

– Тогда нам придётся просто... – Ник запнулся, увидев выражение лица Люка. – Э-э-э, ладно, я вижу, у тебя с этим проблемы. Полагаю, мне надо как можно скорее делать ноги.

– Полагаю, тебе надо делать то, что велят.

– Эй, экстренные новости, генерал Скайуокер, – я не один из твоих солдат.

– Эй, экстренные новости, Кукловод-Рождённый-Тенями, – легонько улыбнулся Люк одними губами, пока в глазах оставалась гнетущая тьма. – Ты – военнопленный.

– Ой, да перестань, ты же несерьёзно...

– Ты утверждал, будто знаком с джедаями, – сказал Люк. – Хотя бы раз удавалось переспорить одного из них?

Ник вздохнул.

– Куда идти?

– Туда, – Люк указал на кальдеру, – прямо туда.

Ник прищурился. Безликое каменное ущелье, усыпанное обломками.

– Эка невидаль! Ну и зачем нам прямо туда?

– Именно там, – уверенно и со спокойствием в голосе принялся отвечать Скайуокер, – вот-вот потерпит крушение «Тысячелетний сокол».

– Что? «Тысячелетний сокол»? Тот самый, из «Хана Соло в логове космических слизней»?

– Более-менее.

– Ты не шутишь? Я-то считал... знаешь, я думал, что Хан Соло вроде как вымышленный персонаж. А все эти сказки – просто... ну, сказки.

Люк закрыл глаза и протянул руку перед собой. Его голос приобрёл глухой тон, будто стал доноситься откуда-то издалека.

– Сказки и есть. Но сам Хан – настоящий, а что касается «Сокола», просто посмотри вверх.

Ник послушно задрал голову. До него донёлся нарастающий вой чего-то массивного и не совсем обтекаемого, летевшего очень-очень быстро, и вот через полсекунды прямо над ним очутился источник рёва: приплюснутая тарелка с передними грузовыми жвалами – отличительными признаками кореллианского лёгкого фрахтовика. Однако перемещалась посуда совсем не как фрахтовик, а скорее как деформированная монета, подброшенная рукой размером с гору, на склоне которой они находились. Переворачиваясь в воздухе, пылая пламенем и лишённый управления, «Тысячелетний сокол» готовился рухнуть на дно катера, чтобы окончательно добить себя.

– О, – только и сказал Ник. – О... я бы с радостью повидался с пилотом – люблю такие шоу.

– Шшш. – Люк нахмурил лоб, сосредоточенно сдвинув брови, а пальцы на вытянутой руке раздвинулись. Дыхание джедая стало совсем глубоким. – Не лучший мой трюк.

Пальцы задвигались так, словно он переключал невидимые кнопки, и на дискообразном корпусе фрахтовика – с тыльной стороны жвал и чуть повыше кормы – ожили маневровые двигатели, замедляя галопировавший корабль. Ник услышал внезапный визг перегруженных репульсоров, после чего запущенные маневровые двигатели повернулись так, чтобы занести судно под углом в сорок пять градусов прямо в землю, которая, скорее всего, была чем-то вроде заполненной золой ямы, поскольку «Сокол» на полной скорости врезался передними жвалами... но лишь зарылся кабиной в почву, где и завяз.

И застыл на месте. Корабль не свалился набок. Не взорвался. В общем, не совершил ничего такого, чего разумное существо ожидало от корабля, только что потерпевшего полномасштабное крушение.

Ник уставился на джедая, разинув рот. Через несколько секунд он понял, что задержал дыхание.

– Ты... В смысле, что я сейчас увидел? – он с трудом ловил воздух. – Ты только что *поймал* этот корабль?

Люк открыл глаза.

– Не совсем.

– Вот **это** ты называешь «не лучшим своим трюком»? – Ник покачал головой, часто моргая. – А какой тогда «лучший»?

– Надеюсь, тебе никогда не доведётся увидеть, – ответил Люк. – Вперёд.

Лея осознала грозившую им ужасную опасность ещё до того, как под ногами провалился пол. Неожиданное появление Чубакки в пещере, куда привело падение, подарило ей проблеск надежды – но лишь проблеск, поскольку вуки тут же сбили с ног этими существами из камня, и он теперь дёргался на земле, источая дым из опалённой шерсти. Затем один из непрошенных гостей схватил Хана за лодыжку и поразил его каким-то электрическим разрядом, от которого у Соло встали дыбом волосы, пропустив через себя искры, а затем и он рухнул наземь. Любая другая женщина на месте Леи могла пасть духом, например, когда каменные существа повернулись в её сторону и одновременно двинулись к ней, или когда она бросилась к Хану, а одно из существ перелетело через светостержень, отчего тот погас и пещера погрузилась в непроглядную тьму... но Лея была не из тех, кто падал духом и опускал руки. Сама нагрянувшая беда каким-то образом приводила Лею в состояние спокойствия и сосредоточенности. И – решительности.

Даже во тьме ей казалось, будто шестое чувство подсказывает, где находится Хан, а где – отсутствуют существа из камня. Рука нащупала голенище сапога Хана, и тогда Лея вцепилась в обувь, чтобы оттащить её обладателя назад. Её усилия были вознаграждены оглушительным «тууупиру уиии!», когда Ар-два взмыл в воздух, так плотно окутанный искрами от перегруженного защитного поля, что он осветил пещеру словно зарницей.

Разглядев существ из камня, *таявших* от контакта с дроидом, Лея почувствовала воодушевление.

– Ар-два! Карманный мне!

Купол астромеханика крутанулся и обнажил потайной отсек, откуда вылетел предмет, запущенный подпружиненным механизмом, что меньше года назад был сконструирован специально для передачи на расстоянии светового меча Люку Скайуокеру. Однако теперь в воздух отправился не световой меч, а карманный бластер ЭЛГ-5С производства «СороСууб».

Компактный бластерный пистолет пролетел считанные метры, и в нечётком свете Лея потеряла оружие из виду, однако девушка всё равно протянула руку и почему-то даже не удивилась, когда бластер аккуратно лёг в ладонь. Ствол пистолета описал стремительную дугу, после чего Лея принялась жать на спуск так быстро, насколько позволяла моторика пальцев. С каждым попаданием по существам из камня оглушающие разряды провоцировали ещё больше выбросов энергии: противник наглядным образом ослабевал и растекался вязкой кашей. Стены вокруг *заплыли*, охваченные синим потрескивавшим пламенем.

– Ар-два! Хватай Чуи и не отставай от меня!

Дроид утвердительно чирикнул и, отключив защитное поле, вытянул манипуляторы, чтобы сгрести за патронташ ещё не пришедшего в сознание вуки. Лея прикрыла их, оттеснив существ из камня шквалом оглушающих разрядов. Сервоприводы Ар-два протестующе заскулили, когда он протащил Чубакку мимо Леи.

– И посмотри, получится ли его привести в чувство!

Не прекращая стрелять, она свободной рукой потормошила Хана. Когда это не сработало, Лея отвесила возлюбленному пару оплеух, но это вызвало лишь лёгкий стон. В конце концов она схватила Хана за ушную раковину и ущипнула изо всех сил, вонзив ноготь так глубоко, что он резко выпрямился с широко раскрытыми возмущёнными глазами.

– Ой-ай-ой, ладно, я просыпаюсь, оставь ухо в покое, а? – Хан вскочил на ноги, а затем, пошатываясь и хватая за голову, едва вновь не потерял равновесие. – Ого. Что меня вырубил?

Лея всё ещё огрызалась бластерным огнём, продолжая отступать.

– А сам как думаешь? Во что я, по-твоему, стреляю?

– Хороший вопрос. – Хан заморгал, пытаясь сфокусировать взгляд, направленный сквозь вспышки, мерцавшие оглушающие разряды и энергетический хаос. – А что там за штуки?

– Недружелюбно настроенные, – отрезала Лея, сражая одну из «штук».

– Ага, конечно, смейся над поплывшим парнем. – Он ощупал бедро в поисках оружия, но руке встретилась только пустая кобура. – Хм, ты случайно не видела мой где-то завалявшийся бластер, нет?

– Я бы помогла отыскать его, но сейчас я немного... – Серией точных разрядов она обстреляла нескольких существ из камня, превратив в шлак троих или четверых. – ...занята, ладно? Продолжай сдавать назад.

– А они не сзади?

– Ещё нет.

Хан прищурился.

– Откуда ты знаешь?

– Хочешь пойти посмотреть? Знаю, и всё тут.

– Ладно-ладно, я понял. – Хан помахал Ар-два. – Эй, Коротышка! Не помешает чуть-чуть света, а?

Голопроектор Р2-Д2 повернулся и жизнерадостно вспыхнул, излучая широкий конус ослепительно-белого сияния. Хан взгляделся в наступавшие ряды существ из камня, которые просто продолжали скользить вперёд и вырастали вновь из того расплавленного месива, что образовывалось от выстрелов Леи.

– И никаких подсказок от Силы? – Увиденное не внушало оптимизма: Хан попытался скрыть отчаяние в голосе. – Зацепок? Хоть чего-нибудь?

– Просто отойди в сторонку и позволь мне вновь спасти твою жизнь, хорошо?

Однако стоило новой оглушающей очереди разжигать две мишени до уровня лужицы, там, посреди новой расплавленной мешанины Хан Соло заметил такой знакомый, милый сердцу силуэт.

– Ну это же в корне всё меняет!

Он метнулся в сторону находки и выудил ДЛ-44 из жижи, хорошенько встряхнув, чтобы очистить ствол прежде, чем вещество вновь успело затвердеть. Первым же выстрелом он завершил начатое, прогрев излучатель настолько, что остатки не то камня, не то грязи мгновенно испарились, и оружие заработало на полную.

– Я тут разберусь! – заверил он Лею, разрядив бластер в стену, чтобы рикошетом вывести из строя сразу трёх существ за раз. – Посмотри, может ли Чуи встать на ноги – силовые батареи не вечны!

Когда Лея подчинилась и повернулась в сторону вуки, тот уже принял сидячее положение и, явно ошеломлённый, пытался подняться, ворча нечто такое на шириивуке, чего Лея ещё не знала.

– Что он говорит? Это тот самый «Чёрный код»? Что означает «Чёрный код»?

– Он означает «Бросай всё и беги сломя голову», – пояснил Хан.

Девушка оглянулась на скопление существ из камня, которые продолжали неумолимо двигаться к ним, сколько бы Хан не пытался противопоставить огневую мощь способностям врага.

– Он всегда был мозгом операции, – заметила принцесса.

– Я тоже об этом подумал. – Хану пришлось отскочить назад и пригнуться к Лее, так как ближайшие стены по обе стороны начали оплывать, формируя подозрительно знакомые очертания. – Иди! Чуи, возьми дроида! Я прямо за вами!

Чубакка сгрёб Ар-два массивными волосатыми лапищами, отчего пошатнулся, однако с каждым шагом его походка становилась твёрже. Ар-два направил голопроектор вверх, к своду пещеры, стремясь выдать максимум освещения. Лея бросилась за ними, постоянно оглядываясь назад – не отстал ли Хан? – но тот бежал со всех ног и стрелял наугад через плечо.

Существа из камня начали преследовать их единой каменной волной, разбухшей от массы. Они бежали.

Хан поравнялся с Леей, пыхтя от напряжения.

– А есть идея... куда мы мчимся?

– Конечно. – Дыхание Леи тоже стало тяжёлым. – Как можно дальше от них.

– Я имею в виду... ты ощущаешь то... что может быть впереди?

– Ты слишком много просишь... гораздо больше, чем твоё же собственное «одно дело – смотреть, как с ними справляется Люк». – Она попыталась выдать реплику резким ядовитым тоном, но навалившаяся одышка слишком явно указывала на усталость. – Мой род деятельности... дипломатия и гибкое мышление. Просто двигайся дальше. Вон... за ним....

Она махнулся в сторону Чубакки, бежавшего по туннелю впереди.

– Я не знаю, что там впереди, – призналась девушка, – не выход... это знаю наверняка.

– Сила... так сказала?

– Угу. Туннель... – дуло бластера указало на пол, – уходит под откос.

– Ох... нехорошо придётся...

– Смотри, – выдохнула Лея, – я могу... замедлить их. Не останавливайся... я догоню.

– Не... пойдёт, – заявил Хан между хрипами. – Ты ищешь... повод для передышки. Если уж кому её и делать... то мне.

Чуть скосив голову, она одарила его нежной улыбкой.

– На счёт «три»?

– Уверена? – Он ответил кривоватой усмешкой. – Как насчёт... одного?

– Хороший план.

Прямо впереди туннель сворачивал в пещеру, внутрь которой уже юркнули Чуи и Ар-два. Оценить размеры подземелья не предоставлялось возможным, однако Лея знала, что единственной причиной, толкнувшей их зайти так далеко, являлась неспособность противостоять существам из камня в узком туннеле, в то время как на открытой местности у них не оставалось шансов. Как только они достигли необъятной пещеры, Лея набрала в грудь столько воздуха, насколько позволяли её измученные лёгкие.

– «Один»!

Они резко остановились плечом к плечу и тут же развернулись на сто восемьдесят градусов, чтобы обрушить на преследователей ураган оглушающих разрядов. Передние ряды принялись оседать и таять.

А те, кто находился позади, замедлились до полной остановки.

– Эй... эй, как вам такое? – Хан согнулся в пояснице и положил руки на согнутые колени, тяжело дыша. – Может... с них хватит. Как думаешь?

– Сомневаюсь.

– Может, им так же надоело гнаться за нами... как нам – драпать куда глаза глядят...

Чубакка прорычал нечто непонятное. Ар-два вторил ему электронным щебетом. Ни тот, ни другой не изъявили особенной радости. Лея обернулась к ним, и последние остатки её воздуха

ушли на то, чтобы выдать приглушённую версию одного из фирменных кореллианских ругательств Хана.

– Или, может быть, – сказала она, – они остановились потому, что мы «драпали» именно туда, куда они и хотели.

Пещера была переполнена телами.

Мёртвыми телами.

Десятки, может, сотни мертвецов наполовину утонули в каменной почве, как будто она стала жидкой и через какое-то время затвердела вокруг погрузившихся внутрь пленников. Некоторые вошли по грудь, другие – по пояс, а часть бедолаг были вдавлены в стену, оставив свободными только лицо или затылок. Отдельные пленники человеческой расы носили подобие доспехов штурмовиков, только выполненные из чёрного материала, такого же, как и камень вокруг. А кое-кто из тех, кто *посвежее* – люди или мон-каламари, что выглядели попросту спящими – были облачены в лёгкие комбинезоны Новой Республики.

– К твоему сведению. – В голосе Хана проступила лёгкая дрожь. – Именно вот поэтому я и не хотел брать тебя с собой.

* * *

Бесконечная лавина СИД-истребителей окружила «Память Альдераана» и другие крупные корабли Новой Республики, сбившихся корпус к корпусу в пределах радиационной тени Миндора. Операторы систем управления ракетами отчаянно отслеживали курс одного истребителя за другим, чтобы наводить по ним ракеты, а канониры выпускали в вакуум турболазерные залпы, однако проворные истребители было почти невозможно поразить. Единственными СИДами, кому удавалось подобраться достаточно близко к «Памяти» (и нарываться на противоистребительную завесу из касетных снарядов), были те, кто проносился на полной скорости словно молния, пытаясь стать физическим препятствием.

И погибая в самоубийственной атаке.

На досветовой скорости даже лёгкий СИД-истребитель генерировал колоссальное количество кинетической энергии, и поэтому при лобовом столкновении с крупным кораблём щиты последних не успевали рассеять энергию достаточно быстро. Двух «счастливчиков»-смертников хватило бы, чтобы противоударный щит ненадолго отказал, и если сразу после этого третий СИД успеет вовремя скользнуть в образовавшуюся брешь, удар может уничтожить целые палубы.

«Память Альдераана» получила все три удара подряд, качнувшись гигантской тушей, будто вздрогнув. Из трёх огромных пробоин вырвались облака газа и кристаллизировавшегося пара. Как и все линейные крейсера, «Память Альдераана» была спроектирована таким образом, чтобы выдерживать умопомрачительный объём повреждений и ещё оставаться в строю после них, но когда Лэндо получил предварительный отчёт о нанесённом ущербе и о потерях, даже его легендарный неиссякаемый оптимизм дал приличную трещину. Более тысячи членов экипажа были ранены или пропали без вести, треть турболазеров вышла из строя, а один главный двигатель перегрелся и готовился либо прекратить работу, либо расплавиться в ближайшие три-четыре минуты.

Лэндо опёрся на коммуникационную консоль мостика.

– Где, ситх раздери, наш истребительный эскорт? – прорычал он. – Кто-то должен остановить этих выскочек!

Но ответ ему и так был известен: истребители оперативной группы всецело посвятили себя происходившему на поверхности, массированным огнём поддерживая атаку на орудийные установки класса «земля-орбита». У генерала не хватало воздушных сил, чтобы должным образом прикрыть десантников, не говоря уже о защите флотилии.

– Генерал Калриссиан! Генерал, кто-нибудь может помочь мне? – затараторил Си-ЗПО, которого сбил с ног финальный аккорд имперских пилотов, отчего дроид как-то умудрился застрять под пультом охраны. – О, какая у меня теперь будет ужасная вмятина!

Лэндо махнул рукой и приказал: «Кто-нибудь, извлеките дроида!», потому что в противном случае эта проклятая штука продолжала бы валяться на полу и жаловаться, пока кто-нибудь не сломал бы или не оторвал бы его позолоченную голову.

Генерал повернулся к старшему помощнику – глассферранцу, чьи три ничего не выражающих глаза смотрели ровно на столько же голоэкранов с различными тактическими данными.

– Пусть флот скучкуется, Картиль, – повелел Лэндо. – Нам нужно сблизить корабли. Подведите их вплотную и закройте бреши в оборонительном периметре.

– Мы и так почти целуем друг друга в щиты, – возразил Картиль. – И – простите, генерал, но такой тесный контакт прибавит нам проблем, когда вражеские ПВО начнут поливать горизонт.

– Не напоминай. – Он повернулся к офицеру связи. – Есть что-нибудь от Шисы?

– Как раз устанавливаю контакт, сэр. Выведу на громкую связь.

Резкое шипение бластерного огня было единственным, что оставалось отчётливо слышимым по каналу связи, в то время как остальные звуки поглотила статика. Лэндо перегнулся через борт консолей и попытался улыбнуться.

– Шиса! На связи Калриссиан. Мне нужны хорошие новости, Фенн! Мы всего в восьми минутах от следующего залпа гравитационной пушки, а у меня тут торчит прорва кораблей с голыми брюхами!

Си-ЗПО поднялся на ноги и двинулся к Лэндо.

– Генерал Калриссиан...

– Позже. Фенн, ты слышишь?

Эфир разразился ещё большим треском – бластерными разрядами и громким хлопком, которая могла быть детонацией протонной гранаты.

– Делаем успехи, – отозвался, наконец, Мандалор, – но вынуждены зачищать каждое помещение. Эти типы в чёрной броне плотно здесь окопались и, кажется, слухом не слыхивали о бегстве.

– А о смерти они слышали?

– О да, для смерти у них есть все задатки. Вот только всякий раз они вместе с собой пытаются забрать побольше и наших ребят!

– Продолжай, Фенн. Посмотрю, смогу ли помочь отсюда.

– С радостью приму что бы то ни было.

– Генерал Калриссиан, пожалуйста! – Си-ЗПО завис у плеча Лэндо, и его голос звучал ещё более взволнованно, чем обычно. – Вас заинтересует...

– Я же сказал – позже. – Лэндо сделал жест офицеру связи. – Откройте спецканал для Проныры-один, капитана Антиллеса.

Офицер кивнул.

– Готовность: десять секунд, сэр.

Лэндо повернулся к Трипио.

– Ладно. Десять секунд. Что меня интересует?

– Что ж, это действительно может показаться интересным, хотя я и не могу знать наверняка, – дроид звучал так, будто защищался. – Но независимо от этого, оно, несомненно, важно. На мой взгляд, так и есть.

– На твой взгляд?

– Генерал? – позвал офицер. – Капитан Антиллес на связи.

– Пожалуйста, генерал Калриссиан, мой взгляд по данному вопросу – самый верный!

– Ты упустил свой шанс. – Лэндо вновь повернулся к коммуникатору. – Ведж. Меняем планы. Уведи Проныр от турбо-башен. У мэндо проблема посерьёзнее: грави-пушка. Если её бронеконструкция откроется, я хочу, чтобы туда внутрь залетело больше снарядов, чем вылетело, понимаешь?

– Принято, но у меня уже вышли из строя три «птички». Есть эскадрилья-другая, которую не жалко?

– Не шути так, Ведж. Просто доберись своим ходом. От тебя зависит множество жизней.

– Нам не привыкать к этому, сэр.

– Вот почему я не доверил бы работу кому-нибудь ещё. Чистого неба, Ведж.

– Увидимся на той стороне. Проныра-лидер, отключаюсь.

– Но... но генерал Калриссиан... – вновь дал о себе знать дроид.

– Не сейчас, Трипио! – Лэндо стиснул зубы. Он так и знал, что ситуация заставит пойти на такой шаг. – Картиль, предупреди флот. Заходим в атмосферу.

Старший помощник одновременно моргнул всеми тремя глазами.

– Сэр?

– Вы слышали. К поверхности. Каждому. Это единственный выход. Провисим на орбите ещё десять минут – и ПВО разорвёт нас на куски.

– То есть, приземляться? А куда именно, сэр?

– Позаботимся об этом, когда окажемся вне их пределов досягаемости, верно?

– Верно, сэр.

– Генерал, генерал, пожалуйста!

– Побеспокоишь меня ещё раз, Трипио, и – клянусь – ударю тебя так сильно, что ты проведёшь остаток дней в качестве погрузчика.

– Но генерал, я думал, что вы хотите найти капитана Соло!

– Что? – Лэндо повернулся и удостоил дроида пристальным взглядом. – Ты что-нибудь узнал о Хане?

– Возможно. Исходя из вашего прошедшего краткого диалога...

– Да, странно вышло, правда? Мы едва дозваниваемся до своих кораблей в такой атмосфере, но при этом смогли уловить сигнал комлинка Хана, который заверял, будто он в какой-то там пещере...

– Да, генерал. Да, в точности так. Во время вашего диалога я обнаружил слабую аномалию в волне несущей частоты. Я бы сказал, нечто вроде фонового шума.

– Что ещё за фоновый шум?

– Весьма похожий на регрессивный орто-диалект, характерный для сурмо-клаританской манеры изъясняться при помощи электронных сигналов. Также заметны признаки «чёрного карлика» – примитивной версии имперского языка – и признаки неймодианской торговой криптограммы – восхитительной, к слову, особенно, в структурной лексике...

– Трипио.

– Ах, да. Конечно. Суть заключается в следующем: нечто ещё говорило на коммуникационной волне. Или, скорее, сигнал коммуникатора уловил чью-то речь.

– Ещё один сигнал?

– О, нет-нет-нет, ничего продвинутого. Это простой язык, обладатели которого тоже изъясняются электронными сигналами. Тип прямой энергетической модуляции, используемой множеством особых форм жизни, количество видов которой, насколько сегодня насчитывает наука, превышает...

– Забудь. Вернёмся к речевому электрозвучанию – ты его понимаешь?

Дроид гордо выпрямился.

– Я свободно владею более чем шестью миллионами форм...

– Мне не нужен список. Что говорят на этом языке?

– Ну... я перевёл в меру своих возможностей, насколько вы понимаете – всё-таки диалект совершенно варварский – но они говорили, что собираются взять в плен двоих людей и доставить в потайную камеру... в склеп, если я правильно понял.

Лэндо покачал головой.

– Что за склеп? И кто кого собирается взять в плен?

– Уверен, что не получится точно назвать похитителей, так как речевое электрозвучание присущ любому представителю разнообразных энергетических форм жизни.

– Тогда почему ты зря тратишь моё время?

– О, ну, потому что этих двух пленников, по-видимому, сопровождал вуки.

– Вуки?

– Совпадение, действительно, кажется маловероятным. А ещё они упоминают дроида... хм, произвожу анализ... в половину человеческого роста, круглого как пенёк, с вращающимся куполом... Ар-два! О, генерал Калриссиан, мы должны что-то предпринять! Они схватили Ар-два!

– Хорошо, хорошо, помедленнее.

Если Р2-Д2 угодил в засаду кого бы то ни было, Люк тоже мог попасть в плен к ним – или, по крайней мере, они могли знать, что с ним случилось. В любом случае, сказал себе Лэндо, на душе стало заметно легче, поскольку появился хотя бы теоретически обоснованный аргумент о необходимости военного вмешательства в спасательную операцию – то, что он, правда, и так почти собирался провести.

– Как вообще прошёл сигнал?

– В том-то и дело, генерал. Я подозреваю, что собственная частота этой энергетической формы жизни ограничена определённой разновидностью электромагнитно-проводимой горной породы – назовём её естественной средой для этих жизнеформ, – и хотя камень вполне может препятствовать прохождению обычной передачи, его проводящие свойства должны позволить ему, фактически, усиливать модуляцию и резонировать с правильно настроенным...

– Понял я. Сможешь воспроизвести настроенную модуляцию речевого электрозвучания?

– Ну, при всей своей скромности, возможно, Ар-два больше подошёл бы...

Лэндо сжал челюсти, борясь с непреодолимым желанием отсечь Си-3ПО голову.

– Сможешь или нет?

– Я свободно говорю на...

– Говори не со мной. – Лэндо указал на коммуникационную панель. – Говори с кораблём.

Люк карабкался сквозь густые залежи золы; Ник следовал за ним. Солнце погрузилось за горизонт, и единственное освещение создавали всё ещё горевшие обломки, разбросанные по дну кратера, да вспышки наверху, которые исходили от бушевавшего сражения. Под ногами, словно мягкий песок, мягко проваливались шлак и пепел, затрудняя и замедляя движение. Кратер также усеяли большие наслоения застывшей лавы и каменистых продуктов извержения, по большей части матово-чёрного цвета, из-за чего их было весьма трудно увидеть – даже Люк наткнулся на глыбу средних размеров, болезненно ударив голень. Он снизил было скорость, передвигаясь более осторожно, но отказался от этой идеи, когда очередной взрыв наверху принёс в ущелье ионную панель, которая со свистом разлетелась множеством осколков в паре десятков метров от Люка.

Они бежали что есть сил. Ник про себя отметил, что у Скайуокера по крайней мере была Сила, при помощи которой тот, зацепившись ногой за камень, не шмякнулся оземь, а изловчился перевернуться в воздухе. У самого Ника не было и такой возможности, однако ему каким-то чудом удалось добежать до маломальского убежища, то есть к наклонённому корпусу «Сокола», хотя Ник и хромал, обе его руки кровоточили, а лоб украсила приличная царапина.

Вскоре остов «Сокола» закрыл собой звёзды. Маневровые двигатели вспыхнули, произвольно распыляя реактивные струи, будто корабль пытался вытащить себя из каменного плена, и вой репульсоров перешёл от просто раздражающего к такому невыносимому визгу, что у Люка заболели зубы.

Ник нахмурился, разглядывая тёмный силуэт фрахтовика.

– Ну и что, просто постучим?

– Нет комлинка. – Люк прижал ладонь к уху. – Нам нужно как-то привлечь их внимание.

– А где тут шлюз?

– Там, выше. – Он неопределённо махнул рукой куда-то наверх. Дверь входного трапа располагалась на брюхе корабля, которое зависло высоко над ними, вне пределов досягаемости. – Быть может, нам удастся как-то подняться.

– Без проблем. Я вырос в джунглях. Могу забраться куда угодно.

– Не сейчас. Что-то не так.

– Что-то, кроме самой посадки? Тебе бы ставить трюки для сорвиголов из голошоу Соло...

Люк нахмурился.

– Я чувствую... страх и гнев. И агрессию. Опасность. Хан мой лучший друг, так почему его корабль должен излучать враждебность?

– Понятия не имею. – Ник огляделся и заметил выше какое-то движение в темноте. – А это не потому ли, что на нас наводится счетверённая турель?

Люка охватило всепоглощающее «беги или умрёшь», пришедшее от Великой Силы. Спустя мгновение его нога взлетела в воздух и отправила Ника ещё дальше под корпус «Сокола», в то время как сам Люк, оттолкнувшись, совершил кувырок. Ночную тишину разорвало «чум-чум-чум-чум» скорострельной пушки, прожигая воздух длинными ярко-жёлтыми полосами, которые залили светом ущелье как полуденное татуинское солнце, разнося во все стороны горячие брызги расплавленной породы.

Четыре ствола лазерной турели последовали за Люком, оставляя вокруг раскалиённые докрасна воронки, словно рядом топтался невидимый бог огня. Люк приземлился и вновь отпрыгнул в другом направлении, и когда турель двинулась туда же, он уже был таков, ринувшись за валун размером с юную банту. Люк прижался к камню спиной, ощущая, как с другой стороны бьют лазерные разряды, и, судя по интенсивности очередей, поднимавшемуся дыму и плотности сыпавшегося сверху дождя обломков, Люк был почти уверен, что стрелок, кем бы он ни был, решил, что проще его убить, разнеся камень на куски.

Он перекатился к другому краю и рискнул взглянуть. Похоже, Ник не шутил относительно своих скалолазных способностей, поскольку карабкался по «Соколу» как по склону быстрее, чем голодный майнок.

– Ник! Убирайся оттуда!

Ник достиг подвесного каркаса счетверённой турели. Когда он завис прямо поперёк транспаристального иллюминатора, пальба прекратилась. Люк, наблюдавший за происходящим, услышал, как находившийся внутри стрелок кричит «Убери-ка свою тушу с моей турели» или что-то в этом роде.

– Ещё чего, – ответил Ник. – Он не может достать меня здесь! Брось-ка световой меч, и я вырублю этого русакка с одного удара!

– Нет, Ник! Прыгай! «Сокол» оборудован...

Раздалась вспышка, и корпус корабля покрылся паутиной бело-голубого электричества. Разряд сбросил Ника с турели вниз, где он приземлился на спину со смачным звуком.

– ...проектором противопехотного поля, – запоздало закончил Люк.

Бортовой стрелок вновь открыл огонь. Люк протянул руку и призвал Силу, в результате чего Ника отнесло в сторону. Хватит с него одного ранения на всю оставшуюся ночь, решил Люк. Он сделал глубокий вдох и погрузил свой разум в Силу.

В раскинувшейся матрице пространства «Сокол» занял почти всё восприятие, ровно как и три десятка находившихся внутри отчаянных недоброжелателей, которых Люк теперь ощущал вполне отчётливо. *Исключив* их из своего сознания, он сосредоточился на самом корабле. Вот... теперь он почувствовал контурную цепь, которую искал... а вместе с ней – и эхо руки Леи! Она хваталась за гашетку турели всего несколько часов назад. Или даже меньше...

Однако он отвлёкся, причём, это отвлекало даже сильнее, чем вздрагивавший от выстрелов валун, противоположная сторона которого медленно, но верно разъедалась непрерывными очередями. Простейшего осознания недавнего присутствия Леи оказалось достаточно, чтобы разум наводнили всевозможные страхи и надежды, затуманившие восприятие до тех пор, пока он не смог изгнать их из себя, рассеять мглу в сознании и вновь сосредоточиться. Ещё несколько глубоких вдохов привели разум в рабочее состояние, после чего Люк ментально потянулся к контурной цепи, на которой сжал воображаемый кулак. Лёгкий толчок в Силе – и цепь разомкнулась.

Счетверённая турель смолкла: больше ни одно из орудий не изрыгало огонь. Пушка автоматически повернулась стволами вперёд, глядя строго между передних жвал фрахтовика.

Люк почувствовал замешательство стрелка и растущую панику. Он отвёл минимум пять секунд на то, чтобы стрелок окончательно понял причину произошедшего: ведущие держатели турели вернулись в исходное положение, заблокировавшись таким образом, чтобы вести огонь строго вперёд.

Пять секунд – больше, чем ему требовалось.

Люк вскочил на ноги и поднял руку. Высоко в наклонённом подбрюшьи корабля распахнулся шлюз, обнажив вытянутый прямоугольник света, который озарил затемнённую

обшивку. Ещё прыжок с помощью Силы – и вот он уже перемахнул через дымящийся валун в сторону Ника.

– Я в порядке, – с трудом прохрипел Ник, когда Люк очутился рядом. – Просто нужна минутка... отдышаться. А может, неделя. Или две.

Люк собрал в кулак часть «кукловодской» мантии Ника, собрал Силу вокруг них обоих и прыгнул ввысь, прямо к открытому входному трапу (хотя из-за наклонного положения, в котором застрял корабль, он был похож на лыжный трамплин) и скользнул внутрь главного грузового отсека «Сокола».

Здесь его встретило множество мужчин и женщин в любопытных доспехах – как будто отлитых из лавы, и все они были вооружены бластерными винтовками.

Повисла тишина. В следующее мгновение раздался одновременный треск прикладов, прижимаемых к защищённым бронёй плечам. Ещё миг спустя пространство огласил смертоносный гул светового меча, чей вырвавшийся на волю зелёный клинок был направлен на стражников.

– Не стреляйте, – мягко произнёс Люк. – Сегодня я уже убил слишком многих.

– Оружие опустить! – выкрикнула сурового вида рыжеволосая женщина, вокруг левого глаза которой красовался опухший синяк. Она стояла, зацепив большой палец левой руки за пояс с кобурой, в то время как правая рука свободно болталась неподалёку от этой самой кобуры, откуда торчал удобная рукоять бластерного пистолета. – Это же джедай! Он здесь, чтобы помочь!

– Да, – подтвердил Люк. – Я – джедай. И надеюсь, что смогу помочь.

Поскольку это могло считаться правдой лишь с некоторой точки зрения, боль в зубах только стала сильнее. Но, с другой стороны, за сегодня уже случился второй раз, когда кто-то решил не связываться с ним, увидев в нём возможность воплотить свои надежды.

– Где Хан? – спросил Люк.

– Который Хан? – Правая рука рыжеволосой поднялась, но в ней ничего не было. – Послушай, ты нам нужен... вернее, нам нужна твоя помощь. У Отродья в плену мой...

– Нет его в плену, – пропыхтел Ник из-за спины Люка.

– Ник? – Её дыхание перехватило, а глаза сверкнули, и Люк мог только удивляться произошедшей метаморфозе, поскольку в мгновение ока вся суровость женщины куда-то исчезла. Глядя на Ника, она выглядела будто татуинская девушка, которая впервые шла в клуб Анкорхеда на «Танец семнадцати звёзд». Она миновала Люка, словно не замечая его, и бросилась на шею спутнику джедая.

– Ник! Не могу в это поверить!

– Привет, малышка. Скучала по мне?

– Скучала ли я? – «Малышка» решительно повернула лицо Ника к себе и вlepила ему в губы такой страстный поцелуй, что поднял бы и мёртвого.

Люк деликатно покашлял.

– Насколько я понял, вы двое знаете друг друга?

– Ник... – Глаза тяжело задышавшей женщины всё ещё сияли, а щёки блестели от слёз. – С тобой всё в порядке? Как ты сбежал? Ты стал водиться с джедаями?

– В порядке? – переспросил Ник. Он провёл рукой по бритому черепу, стирая запёкшуюся кровь, и поморщился. – Более-менее. Стал водиться... ну, дела джедая привели к тому, что мы оба вроде спасли друг друга. А что касается самого спасения... м-м-м... ты ведь заметила, что корабль, на борту которого мы торчим, застрял носом в земле посреди свирепого решающего сражения?

– Неважно, – сказала она, нежно поглаживая Ника по лицу. – Мы нашли тебя – вот что важнее всего.

Ник поднял руку и осторожно прикоснулся к синяку под глазом.

– Так и не научилась уклоняться, а?

– Видел бы ты друг... э-э-э, другого парня. – Она ухмыльнулась. – Теперь нам остаётся только найти укрытие, пока не утихнет битва, и тогда раз и навсегда стряхнём местную пыль с ботинок.

– М-м-м, – напомнил о себе Люк. – Нет.

Женщина уставилась на него.

– Что?

– Мы возвращаемся за Ханом.

– Ещё раз: которым Ханом?

– Не надо. – Люк кивнул на внутреннее убранство корабля, охватывая взором подпалины от бластерных разрядов, которые подпортили и переборки, и пол, и потолок грузового отсека. – Хочешь сказать, что вот это всё – из-за маленькой неисправности в оружии?

Ник тоже повернулся к Люку.

– Она не пират, – заверил он.

– А как её ещё называть?

– Эй, между прочим, – принялась оправдываться женщина, – эта посудина была заброшена, когда мы на неё наткнулись...

– Попытайся вспомнить, кому ты сейчас лжёшь. – Люк вздохнул. – Мне известно, что вы их не убили. Вот почему я сам ещё никому здесь не причинил вреда. Но у меня выдался очень и очень тяжёлый день, так что моё терпение на исходе.

– Слушай, да будет тебе, Скайуокер, давай полегче, – вновь вступил Ник. – Уверен, найдётся совершенно безобидное объяснение.

– И я буду рад его услышать. Сразу, как только вернём на борт Хана, Чуи и Лею.

– Скайуокер? – вмешался один из других людей в лавовых доспехах. – Имеешь какое-то отношение к тому парню из «Мести джедая»?

– Нет, – ответил Люк с несколько большим нажимом, чем требовалось. – Никакого отношения.

Он вернулся к рыжеволосой.

– Где вы их оставили?

Она открыла было рот, но едва успела выдать хоть слово, как Люк поднял руку.

– Подумай, прежде чем отвечать, – предупредил он. – Второй раз спрашивать не буду.

Губы женщины сомкнулись. Она посмотрела на Ника, затем вновь перевела взгляд на Люка.

– Хорошо, ладно, – медленно произнесла она. – Послушай, как насчёт того, чтобы заключить сделку?

– Само собой, – сказал Люк, – и звучит сделка вот так: расскажи всё, что я хочу знать, и делай в точности, как я говорю. Взамен я постараюсь забыть, что вы украли корабль моего лучшего друга, бросив умирать его вместе с моей сестрой.

– С твоей сестрой? Твоя сестра – часом не принцесса Мисс Губки Бантиком?

– Моя сестра – принцесса, – спокойно пояснил Люк. – Принцесса Лея Органа с Альдераана. И если ты сказала ей в лицо про «губки бантиком», я догадываюсь, кто именно поставил тебе фингал.

Ник протёр глаза.

- Эона... – начал он, – ты ведь не похитила в самом деле этот корабль, верно?
- Ну а как бы ты себя повёл, окажись я вместо тебя на крючке у этого прохиндея?
- Возможно, гораздо хуже. Но этот спор тебе не выиграть, и вообще препираться некогда.

Плохиши знают, что мы здесь, и уже погнались за нами.

- Ты уверен? – спросил Люк.

Ник взглянул на него исподлобья и легонько постучал пальцем по тонкому шраму, тянувшемуся от виска до виска.

- Ну и что? – осведомилась Эона. – Мы в безопасности, пока сидим здесь и не будем высовываться. Кто станет тратить время на подрыв и без того разбившегося корабля?

- Подожди секунд пять, и можешь спросить *их*.

Стоило Нику закончить фразу, как первым же взрывом «Соколу» разнесло входной трап, а трюм заполнили поджигающие всё на своём пути огненные брызги.

* * *

Глубоко в пещерном мраке, за пределами пятна света от прожектора Ар-два, в окружении груды мёртвых, наполовину захороненных тел, Хан обнимал Лею.

- Лея, мне просто... мне жаль, что всё пошло кувырком. Остаётся только желать, что у нас не было чуточку больше времени. У нас двоих.

Она улыбнулась и дотронулась до его лица.

- Я знаю.

- Как так выходит, что нам удаётся поцеловаться, только когда нас вот-вот укокошат?

– Обычное везение, полагаю. – Она легонько поцеловала его, но даже это почти незаметное прикосновение вызвало прилив одновременно и сладкой истомы, и горечи обо всех других поцелуях, которые им – он был в этом уверен – больше никогда не разделить.

- Арууурх! Хирууиивр.

- Что? – Хан отстранился от Леи. – Ты уверен?

Чубакка сидел на коленях рядом с молодым мон-каламари, до подмышек утонувший в породе.

- Хирууиивр!

Лея нахмурилась.

- Что он говорит?

Хан уже ринулся к напарнику. Он вытянул руку и прижал кончики пальцев чуть ниже левой глазницы, пытаясь нащупать синусовый пульс. Его усилия были вознаграждены нитевидным, нечётким, но вполне стабильным трёхтактным ритмом, характерным для обморочного состояния.

- Он прав!

- Насчёт чего?

– Один из них ещё жив, – удивлённым тоном произнёс Хан. – Наверняка могут быть и другие. В полной «отключке», но пока дышат.

- А что за опознавательные лычки? – Лея присоединилась к Хану, обступив мон-каламари.

– Ар-два, направь сюда свет.

Когда астромеханик выполнил просьбу, глаза Леи расширились, и она указала на пластину знаков различия на боевом мундире мон-каламари.

– Хан, разве это не «Правосудие»? Корабль, на котором был Люк?

Хан уже осматривал остальных. По мере углубления в пещеру ему всё больше сопутствовала неудача, так как чем дальше скользил взгляд, тем меньше узники выглядели здоровыми. Помимо солдат Новой Республики, обнаружилось несколько ребят в лавовых доспехах, как у встреченных недавно миндорцев, но большинство здешних невольников являлись штурмовиками, и почти все уже были мертвы.

– Как будто эти твари засунули их сюда и просто... забыли о них.

Чубакка что-то прорычал. Хан кивнул в ответ.

– Да, и не мой любимый способ.

Ар-два издал предупреждающий свист, который заставил Хана вскочить на ноги.

– Звучит как плохая новость.

– Хуже некуда, – отозвалась Лея, доставая карманный бластер. В слабом свете, лившемся чуть дальше по туннелю, они могла видеть существ из камня, толпившихся волна за волной. – Время сражаться.

Хан повернулся, вставая наизготовку с бластером.

– Не думаю, что удастся отсюда выбраться.

– Доверься Силе, Хан.

– Это ты доверься Силе, – возразил он, – а я доверюсь своему бластеру.

Лея нахмурилась, проверяя индикатор оружейного аккумулятора.

– У Силы никогда не кончаются заряды.

– Тогда как же так вышло, что из неё не стреляют?

– А как же «не говори мне о шансах»?

– Это когда ещё имеются хотя бы мизерные шансы на успех. А когда падаешь с утёса, каковы шансы, что ты не разобьёшься в лепёшку?

– Зависит от того, – сказала Лея, – как близко ты к «Соколу»?

– Очень смешно.

Затрещал комлинк Хана. Кореллианец схватил переговорное устройство и крикнул в него:

– Да, слушаю! Слушаю! У нас тут небольшие проблемы. Как приняли? Как приняли?

Но вместо ответа комлинк только разразился серией статических помех.

Хан встряхнул его ещё раз, затем скривился как от резкой боли и сунул устройство в карман.

– Я почти купился на секунду. Идём. Если сможем удержать проход, то хотя бы замедлим их.

Но когда они двинулись к туннелю, из которого пришли, стены вновь начали плавиться, извергая наружу существ из камня.

* * *

В глубоком мраке своей камеры жизнеобеспечения Кронал перестал следовать *тёмному провидению* и почувствовал растущее удовлетворение. Любой, кто не был знаком с его

настоящими возможностями, мог бы удивиться наличию у Скайуокера сестры, которая никто не обучалась в качестве джедая, но ещё больше этот гипотетический аналитик изумился бы тому факту, что сестра Скайуокера сама явилась именно туда, куда и нужно было Кроналу, и именно тогда, когда Кронал больше всего нуждался в ней. Кронал видел в этом лишь средство достижения цели, из которого он извлечёт максимум пользы. Предоставленная самой себе, галактика и всё её содержимое – от звёзд до мельчайших бактерий – служили Великой Тьме.

Так происходило всегда, пока какой-нибудь назойливый, сующий повсюду свой нос выскочка не принимался мутить воду при помощи Силы, нарушая естественный порядок вещей.

Вот где крылась настоящая проблема джедаев: «Великая» Сила. Вся их концепция о Силе строилась на изъятиях. Джедаи всегда разглагольствовали о жизни, свете и правосудии так, словно эти пустые, бессмысленные слова что-то значили. Кронал счёл бы этих дурачков по-настоящему забавными, если бы не их необъяснимая способность время от времени, фактически, чинить препятствия на незыблемом пути Великой Тьмы.

Палпатин неплохо справился, проредив стадо адептов Силы, да и сам Скайуокер почти закончил работу, когда обманом вынудил Вейдера и Императора убить друг друга (ведь, в конце концов, ситхи тоже могли причинять неудобства, если начинали мыслить категориями джедаев). Вот только мальчишка-Скайуокер доставил хлопот ещё больше, чем принёс пользы.

Проблемы, однако, находились на стадии разрешения, как и всегда, когда истинный последователь Великой Тьмы продолжал придерживаться её пути. Он более не нуждался в Скайуокере-джедае, поскольку его сестра лучше подошла бы для его планов – не столько ввиду потенциала Силы, так удачно пока неосвоенного, сколько благодаря огромному политическому могуществу. Героиня Эндора? Единственная выжившая из последней королевской семьи Альдерана?

Оставалось последнее препятствие: отобрать девчонку-Скайуокера из лап диких плавильщиков и запустить процесс *помрачения* её рассудка, что решительно осложнялось отсутствием под рукой *кукол*, которые почти в полном составе валялись бездыханными телами в сортировочном центре. Но даже такая трудность могла быть преодолена, так как она сама по себе являлась ещё одним примером того, как Тьма предвосхищала и удовлетворяла все нужды самого усердного своего служителя.

У Кронала всё ещё оставался в закромах прототип, экспериментальный подопытный, который использовался для усовершенствования *помрачения*. Подопытный имел больше различий со Скайуокером, чем сходств: хотя его связь с Силой поражала воображение, она имела от природы более тёмную окраску, нежели у мальчишки, не говоря уже о том, что объект исследований Кронала никогда не проходил джедайскую подготовку. Он вообще не проходил никакого обучения, и, вероятно, именно поэтому активно экспериментировавший Кронал не смог предвидеть, насколько серьёзной помехой окажется скайуокеровская выучка. Однако подопытный отличался огромными размерами и могучей физической силой: казалось, даже сами артерии перегоняли неисчерпаемую врождённую свирепость, которую Кронал находил слегка опьяняющей. А сотканный из плавлеита дубликат нервной системы, пронизавший всё тело здоровяка, подарил тому фундаментальную мощь Великой Тьмы, что соперничала с собственной мощью Кронала.

Однако у подопытного имелся ряд ограничений. Во-первых, он был вдвое старше Скайуокера. Во-вторых, в отличие от героя Альянса повстанцев и – теперь – Новой Республики, он был беглецом, на которого начали охоту ещё раньше, чем родился мальчишка, и награда за его голову всё ещё сохранялась. В-третьих, его специфический внешний вид оставлял желать лучшего: рост два метра с лишним, телосложение как у ранкора, вдобавок с хищно-острыми

зубами, словно у саблекошки. Также, ввиду какой-то структурной аномалии мозга, которую Кронал не смог исправить, этот человек полностью лишился способности воспроизводить нормальную речь.

Всё вышеперечисленное отдаляло прототип от наиболее подходящего физического носителя для Кронала, позволившего бы ему просуществовать следующие несколько десятилетий, и вот поэтому Кронал не предпринял последних шагов по окончательному перемещению сознания внутрь этой оболочки... что лишь сделало подопытного идеальным для текущей ситуации. Именно сейчас Кроналу как никогда требовалось такое тело, в котором он мог бы на расстоянии пускать в ход свои силы без риска для себя.

В конце концов, когда требуется сделать нелёгкую работу самым надлежащим образом...

И Кронал закрыл глаза, позволив Закатной короне скользнуть к безволосой голове. Когда он вновь открыл глаза, они принадлежали ему и не ему одновременно.

Это были глаза Кара Вэстора.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Люк катался по палубе. Его лётный комбинезон был огнеупорным, но эта защита не остановила расплавленную щёбёнку и раскалённые частицы обшивки «Сокола», которые влетели в трюм при взрыве и прожгли одежду насквозь. Попытка сбить огонь в безумном катании по полу, возможно, и не принесла бы результата, не вступи в дело автоматические огнетушители «Сокола», что принялись разбрызгивать переохлаждённую пену по всему грузовому отсеку. Люк почувствовал облегчение, пусть и покрылся вызывающей отвращение дрянью, и поднялся на четвереньки.

Ник, Эона и большая часть остальных тоже катались по всему трюму, но некоторые попросту стояли и орали, охваченные пламенем. Люк потянулся к ним сквозь Силу и отправил всех на спину одним мощным толчком, в котором, возможно, не имелось необходимости, так как не перестававшие утихать взрывы так сильно сотрясали корабль, что никто в любом случае не смог бы долго удержаться на ногах. Просто Люк не собирался оставлять ситуацию на волю случая.

От оттолкнулся от стены и проехал по струившейся пене к Нику с Эоной.

– Обеспечьте безопасность своих людей, приготовьтесь ко взлёту, и пусть они закроют двери трапа! – приказа он, перекрикивая звуки творившегося хаоса. – В заднем отсеке вы найдёте три или четыре заделочных секции. Ещё вопросы?

– Есть: кто назначил тебя главным? – огрызнулась Эона.

– Ты и назначила, дорогая, – сказал Ник, – в тот самый момент, когда высадила ситх знает где его сестру и лучшего друга. Так что смиришься и делай что велят.

Её взгляд вспыхнул, словно перегруженный бластер.

– Тебя ждёт столько неприятностей...

– Можешь меня отшлёпать, если выживем.

– Отшлёпаю, не сомневайся.

– Иди в кабину, – сказал ей Люк. – Заведи столько двигателей, сколько сможешь, и по моему приказу запусти их на полную мощность.

– На полную? Да мы только загоним себя ещё глубже в землю!

– Когда-нибудь, малышка, – вновь вмешался Ник, – мы с тобой обсудим, почему не стоит спорить с джедаем. У него появился план. – Он повернулся к Люку. – Скажи, что у тебя появился план.

– Какой-никакой, – отозвался джедай. Он поднял себя с небольшой помощью Силы и, умудряясь удерживаться на мыльно-скользкой пожарной пене, пустился рысью к корме.

– Не самый обнадёживающий твой ответ. А куда ты рванул?

– К четверённой турели, – не замедляясь, ответил Люк.

– Скайуокер, пусти-ка меня за вторую, – попросил Ник.

Люк остановился и оглянулся.

– А сможешь стрелять?

– Я с тысячи метров могу подрезать крылышки пертриллианским ночным осам, и при этом они даже не проснутся.

– Не похоже на ответ.

– Эй, у тех ребят были все шансы врезать мне как следует, но у них не вышло.

– Верно подмечено. Тогда вперёд.

Когда они добрались до коридора с лестницами, обе турели оказались опустевшими.

– Похоже, отсюда уже слиняли.

Люк стал спускаться к брюшной турели, указав головой на кучу шлака, некогда бывшей транспаристалью.

– Ты осуждаешь их?

Ник, который уже достиг башенной лазерной пушки и пристёгивался ремнём, только пожал плечами.

– Не самая плохая идея, приходившая им сегодня в голову.

Люк тоже пристегнулся. Одним щелчком Силы он повторно активировал контурную цепь, при помощи которой ранее замкнул брюшную турель.

– Милые у тебя друзья, как я ни посмотрю.

– Она – неплохой человек, – настойчиво заявил Ник, проворачивая рукоять управления взад-вперёд и проверяя реакцию сервоприводов турели. – Просто на всякие мелочи у неё не хватает терпения.

– На сущие пустяки вроде законов, справедливости и жизней других? – Засветившийся тактический экран вывел иконки противника. – Вот они!

Ник потянул на себя гашетку и ещё до того, как четыре орудия вытянулись, оживил турель и запустил поток пушечных разрядов по дугообразной линии, выцеливая с десятков СИД-истребителей, устремившихся вниз вдоль внутреннего склона кальдеры. Ведущий СИД налетел прямо на лазерную бурю, отчего его кабина потеряла лобовой иллюминатор, а сама машина на полной скорости врезалась прямо в месиво из золы и щебня, где и взорвалась. Тем не менее, Ник успел заметить, как остальные выстрелы отскочили от бронированных солнечно-аккумуляторных панелей.

– Придётся непросто, – заметил Ник сквозь сжатые зубы. – Хотя уже минус один.

Внутри своего турельного отсека Люк удерживал гашетку.

– Это не истребители подожгли кратер. Берегись бомбардировщиков.

– Принято.

На них вновь налетели СИДы, и корабль сотрясли разряды вражеских залпов. Ник поймал одного прямо в «глазное яблоко», потом ещё одного. Он издал ликующий вопль.

– Минус три! А скольких ты свалил, Скайуокер?

– Ни одного, – сурово произнёс Люк.

– Так я что, стреляю лучше тебя? – Ник полил достаточно лазерного огня на панель четвёртого СИДа, и тот, потеряв управление, врезался в своего ведомого. – Вот те раз, джедаи уже не те, что были раньше.

– Ник, потише.

– Эй, я не злорадствую, ну разве что самую малость...

– Знаю. Мне нужно сконцентрироваться.

– На чём? – Ник повернулся так, чтобы из своей башни посмотреть вниз, вдоль лестницы, и именно тогда он осознал, почему Скайуокер ещё не сбил ни одного корабля. Он вообще не стрелял по ним. А ещё до Ника дошло, почему ни ракеты, ни бомбы, ни вражеские пушки ещё не разнесли «Сокол» на мелкие кусочки.

Потому что Люк Скайуокер на самом деле вёл огонь, но не по кораблям противника, а по его ракетам, бомбам и залпам многочисленных пушек.

– Ой-ой, – только и отреагировал Ник. Он вернулся к стрельбе. Однако при этом не мог перестать разглядывать языки пламени, то и дело взметавшиеся к небу из покрытой шлаком почвы; также он не мог не заметить, что хотя разряды Скайуокера перехватывали в небе снаряды противника, почти все ушедшие в землю промахи противника приводили к появлению «горячих источников» из расплавленной породы, которая, скорее всего, могла в любую секунду прожечь обшивку корабля. Как только Ника пронзила эта мысль, на тактическом экране появились отметки шести приближавшихся СИД-бомбардировщиков. Когда Ник указал на это Скайуокеру, единственным ответом молодого джедая стала просьба активировать внутренний канал связи с кабиной.

– Эй... – он обратился к Нику. – Ещё раз: как её зовут?

– Эона.

– Эона, это Люк. Надеюсь, двигатели уже разогреты.

– До полной мощности ещё ждать и ждать...

– Хватит того, что есть. Жми вовсю. Для дополнительного ускорения поверни маневровые под нужным углом.

– Скайуокер? – влез Ник. – Ты только что велел ей окончательно похоронить этот корабль в озере магмы.

– Да. Верни турель в исходное положение и открывай огонь по моему сигналу.

– А ты вообще в курсе, что исходное положение «вперёд» в нашем случае – это «вниз»? – в его голосе прозвучало отчаяние. – И знаешь ли ты, что «вниз» – это полная противоположность слову «вверх», то есть туда, откуда берутся плохиши?

– Ник, – сказал Люк, – ты вновь споришь с джедаем.

Ответом Ника, полностью переключившегося на панель управления турелью, стала досада, выраженная в виде рыка, где единственными различимыми словами были «никкель-орехи» и «джедай-рускакк».

Люк, в свою очередь, больше не смотрел на свой тактический экран. Он даже не выглянул за пределы турели. Ему не нужно было смотреть наружу. Всем вниманием сейчас завладело то, что творилось *внутри*.

Внутри его головы. Внутри Великой Силы.

Он почувствовал, как верхняя счетверённая турель «Сокола» заняла выбранную позицию, как СИД-бомбардировщики вот-вот перемахнут край кальдеры, как они сбрасывают неуправляемые протонные бомбы в механической последовательности... Он чувствовал траекторию каждого падающего снаряда, их точки попадания, радиусы их взрывных волн, на пути

которых окажется «Сокол» и которые раздавят фрагтовик подобно тому, как удар стопы расплющивает брошенную упаковку от сухого пайка.

И тогда Люк сказал:

– Ник. Сейчас.

Счетверённая лазерная пушка разразилась вихрем лазерных разрядов, которые попадали по огненному озеру между передними жвалами корабля. В зоне поражения вспыхнуло марево перегретой плазмы, что выстреливала над корпусом «Сокола» фонтанами охваченной пламенем породы. В тот же момент верхние маневровые двигатели сработали в тандеме с кормовыми досветовыми, формируя мощную вращательную силу, которая принялась буквально втаскивать корабль внутрь почвы, ведь орудия лазерной турели продолжали испарять и разжижать землю вокруг корабельных жвал.

– Думаешь, это поможет? – прокричал Ник.

– Ш-ш-ш. Это тоже не потянет на мой лучший трюк.

Люк ни на чём особенно не сосредотачивался, пока не почувствовал каждую деталь. Болтовня Ника, его собственная усталость, битва снаружи и нависшая над Леей угроза текли сквозь него как вода, не оставлявшая следов. Он позволил разуму проясниться, уподобившись хрустальному колокольчику, который зазвенел бы на одной, зато самой что ни есть чистой ноте.

Эта нота представляла собой крошечное сплетённое желание направить поток Силы высоко в атмосферу, чтобы легонько, почти что нежно подтолкнуть летевшие протонные бомбы в нужном направлении. Слабый толчок изменил траектории снарядов всего лишь на градус-другой, отправив каждый по небольшой дуге, поэтому вместо того, чтобы приземлиться единым точным кольцом в сотню метров в диаметре строго вокруг «Сокола», протонные бомбы раскинулись не менее точным кольцом диаметром в четыреста метров, и, как следствие, их перекрывшие друг друга взрывы не разорвали корабль, а принялись давить на него всей кинетической мощностью, как если попытаться смять дольку рек-дыни между пальцев. И подобно этому воображаемому фрукту, «Сокол» с силой проскользнул сквозь пальцы.

Или точнее сказать, провалился сквозь землю.

Казалось бы, корабль нажил ещё больше неприятностей, но подрыв протонных бомб только истончил и без того расплавленное дно ущелья, которое на самом деле оказалось хрупким верхним слоем кратера, скрывавшим под собой огромную полость вулканического происхождения. Ударные волны снарядов в сочетании с пушечными залпами «Сокола» и бурильных работ, проделанных кораблём при помощи жвал, разрушили естественную преграду, поэтому фрагтовик пробил почву и рухнул во внутреннюю часть кратера с изрезанным рельефом, где «Сокол» принялся падать сквозь валуны, зазубренные каменные осколки и воспламенившийся вулканический пепел, одновременно отскакивая от склонов с обеих сторон.

Ник, взвизгнувший что-то вроде «Тпруууууииии!» замолчал на полуслове, когда у него перехватило дыхание. Люк же в это время выбирался из турельного отсека.

– Эона! – крикнул он. – Запусти автоматическое маневрирование и включи репульсоры!

– Да неужели? – съязвила женщина.

Люк выбрался в коридор, когда «Сокол» стал выравниваться. Репульсоры, наконец, ожили и завывали. С сильным лязгом и пронзительным скрежетом многострадальной обшивки корабль врезался в груды булыжников, сваленную на дне жёлоба, где, наконец, смог нормально сесть, хотя и сотрясаемый дождём сыпавшихся сверху камней, обломков и шлака.

Ник поморгал, глядя на кучу булыжников, которая теперь покоилась на башенной турели.

– Ладно, это было неподражаемо. Знаешь, промедлила она на полсекунды с репульсорами, и вам пришлось бы лопаткой соскребать отсюда мои останки. – Он наклонился вперёд, чтобы

попытаться разглядеть крошечный круг света – огней от полыхавшего кратера и разряжаемых бластеров – дыру, образованную их стараниями и через которую они свалились сюда. – Ты нарочно сделал это?

– Вроде того. Я знал, что нам придётся уйти под землю, просто не представлял, как это устроить. Хорошо, что плохиши нам помогли, а?

– Напомни потом послать им благодарственную открыточку.

Люк извлёк комлинк и направился вперёд.

– Эона, отключи досветовые и запусти репульсоры на максимум. Я уже в пути.

– В каком именно? – спросил Ник. – Кому-то придётся управлять этой бадьёй.

– Верно. И, судя по навыкам пилотирования твоей подружки, она точно не самый оптимальный выбор.

– И ты уверен, что справишься лучше?

– Есть только один человек, который сможет управлять этим кораблём лучше меня.

– Тогда нам стоит взять его на борт.

– Именно так я и планирую поступить. Удерживай верхнюю турель и следи за тактическими экранами.

– Что? Зачем?

– СИД-истребители, – подсказал Люк.

Ник вытянул шею. Сквозь небольшое отверстие далеко-далеко наверху уже просочился целый поток неприятелей.

– О-о-о, замечательно. И что помешает им разнести нас на атомы, пока ты поднимаешь эту развалюху и будешь таскать туда-сюда?

Люк ухмыльнулся спутнику, но его ухмылка выглядела не столько признаком веселья, сколько демонстрацией хищных клыков.

– Ты и помешаешь, – сказал он и побежал к кабине.

* * *

Хан и Лея прижались спиной к спине, окружённые сжимавшимся кольцом существ из камня, по которым оба вели беглый огонь, стремительно смещая сектора стрельбы парализующими разрядами, но каждый такой выстрел дарил им лишь несколько секунд передышки, да и зарядов оставалось что саблекот наплакал. Чубакка вновь лежал без сознания, наполовину поглощённый расплавленной массой, а Р2-Д2 валялся на боку с погасшим оком-фоторецептором и перегоревшими конденсаторами, от которых поднимался дым. Единственными источниками света теперь являлся неумолимо подступавшие враги, что сияли голубоватыми молниями.

– Какой глупый способ умереть! – проревел Хан, превратив в шлак за один выстрел ещё двоих. – Мы не знаем, что это за твари, не знаем, зачем они здесь, даже не знаем, отчего впали в безумие!

– Они не безумны, – задыхаясь, заметила Лея, не переставая стрелять. – Я чувствую это. Они даже не хотят навредить нам. Не в своём понимании. Просто хотят похоронить нас в камне и заняться своими делами.

– Выходит... мы умрём просто потому что появились в не в том месте и не в то время?

– Хан... – девушка спустила курок, но в этот раз дуло не разразилось оглушающей вспышкой. – Хан, у меня пусто.

– Ладно, ладно, – сказал Хан сквозь зубы. От разгорячённой рукояти уже покалывало ладонь, и у него имелась только горстка зарядов, что с учётом даже при настроенной вполовину мощности оставляло мало вариантов. Он обнял Лею за плечи и за пару разрядов проредил существ из камня таким образом, чтобы в сжимавшемся кольце образовалась брешь.

– Держись. Может быть, сумеем проверить карманы уже имеющихся гостей. Может, у кого-то где-то сохранился заряженный бластер, и тогда мы...

– Кто-то идёт, – прервала его Лея. – Хан, вон там кто-то есть! Идёт за нами!

– Часом не Люк? Пожалуйста, скажи, что это Люк. – Про себя Хан поклялся, что если Лея ответит «да», он больше никогда-никогда не выдаст ни одной шуточки про Великую Силу, про джедаев, про световые мечи или вообще про что-либо связанное с этой епархией. До конца своей жизни не выдаст. Или даже дольше, если потребуется.

Неожиданно существа из камня у входа в пещеру расплавились будто сами по себе и разлились жидкоплавким месивом.

– Это не Люк. – Голос Леи звучал приглушённым.

Ряды таявших друг за другом существ из камня складывались как карточный домик: зигзагообразные электрические росчерки стали сходиться на нет. Когда растёкся последний, воцарилась тишина, а пещера погрузилась в непроглядный мрак. Стало так темно, хоть глаз коли.

Так темно, будто само понятие «свет» вдруг утратило привычное определение, а любой огонёк или проблеск мог бы показаться лишь сном.

И в этой всепоглощающей ночи раздалось рычание.

– Что это было? – спросил Хан. На слух это было словно порывание кореллианской песчаной пантеры, которая запугивала случайно забредшего в её логово незваного гостя.

– Оно говорит, – тихо ответила Лея. – «Ваше убежище – сама Тьма. Примите её объятья и усните, усталые путники».

– Ну и что это должно означать? И с каких пор ты говоришь на... кстати, что за немой язык?

– Не знаю. Просто как-то понимаю его.

Раздалось новое рычание, и на сей раз его источник явно пришёл в движение. Хан наставил ДЛ-44 туда, откуда пришёл звук.

– Что он говорит сейчас?

Её руки обвились вокруг груди Хана.

– Он говорит, что чувствует твой страх.

– Правда? Ну так пусть почувствует вот это.

Бластер Хана разразился ещё одним выстрелом. В мгновение ока стрелок увидел источник рыка. *Его*. Будучи крупнее любой песчаной пантеры, тёмная фигура неслась вдоль стены. Хан стрелял вновь и вновь, но разряды попадали только в камень, поскольку этот мужик – эта тварь, да без разницы – двигалась слишком стремительно, размыто даже для острого зрения Хана. Он стиснул челюсти и, недолго думая, дважды легонько нажал на спуск – затем снова, и ещё дважды без всякого перерыва, слыша в ответ лишь серию сухих щелчков. Сквозь сжатые зубы вырвалось невнятное ругательство.

Рычание противника перелилось в басистый сухой смешок, для перевода которой вовсе не требовались способности Леи.

– Думаешь, это забавно? Ну-ка зажги свет, и я покажу тебе что-то забавное!

– Хан, не раздражай его! – прошептала Лея.

– А почему нет? Думаешь, ситуация может стать ещё хуже?

– Да, – сказала она. – Мне кажется, он здесь ради меня. Если будешь держать рот на замке, тебе могут сохранить жизнь.

Последовал очередной полурык-полусмешок, который не нуждался в пояснении, и слева от Хана возникло слабое свечение холодного зеленоватого оттенка. Он не смог точно определить, что за «ночник» включился посреди тёмной пещеры, пока рассеянный свет не стал усиливаться, медленно, но верно озаряя всё внутреннее пространство аморфным пятном, и посреди этого пятна обнаружилась тень в виде мужчины, раскинувшего руки в обе стороны. Он и был «ночником», бессистемно источавшим из рук сверкавшие лучи подобно тому, как кристаллики льда формируют морозные узоры на стеклянном окне. Свечение не только сделало видимым окрестности, но и очертило огромную, могучую фигуру, припавшую к земле будто катарн¹, готовившийся к прыжку. Приглядевшись, Хан понял, что источником света выступал какой-то люминесцентный лишайник, который словно произрастал из ладоней здоровяка, и чем больше становилось этого лишайника, тем быстрее он расползался, продолжая устилать стены и пол пещеры, пока в одном последнем рывке не покрыл весь пол, все стены и не усеял потолок.

Во рту Хана стало сухо, как в песчаной пустыне, и пришлось откашляться.

– Это... это он сделал?

– Кажется, да, – осипшим голосом прошептала Лея.

Мужчина встал, закрыв собой проход. Хан попытался прочистить горло и перехватил бластер поудобнее. Этот мужик оказался самым настоящим великаном.

Он практически не уступал Чубакке в росте, только ещё и был вдвое шире. Его грудь и плечи были обнажены, а на ногах виднелись штаны космолётчика, плотно натянутые на бёдра размером с талию Хана. Кожа его отличалась тёмным цветом, как у тиммоса, безволосый череп сиял, словно отполированная лампа, а улыбке зазубренных и острейших зубов позавидовали бы и сами барабелы².

Темнокожий здоровяк широко развёл руками в приветственном жесте. Теперь он не просто рычал, а скорее издавал какой-то жужжащий звук, как если бы исторгал из себя рой крылатых насекомых.

– Он сказал «Вот тебе свет. Ну и что дальше? Пристрелишь меня из пустого бластера?»

– Ты имеешь в виду этот пустой бластер? – спросил Хан и, вскинув оружие, спустил курок.

Оглушающий разряд воткнулся в грудь здоровяку, и он, покачнувшись, остался на ногах, так что Хану пришлось угостить наглеца добавкой. И ещё одной, потому что третий заряд был последним, и более достойного ему применения Хан всё равно бы не нашёл.

– Полагаю, ты никогда не слышал про контрабандистский «щёлк-трюк», а? – Хан улыбнулся. – Конечно, звук был именно такой, словно я пытался выстрелить из опустевшего бластера, не так ли?

Улыбка сползла с лица Хана, когда он понял, что здоровяк улыбается в ответ.

Парализующие разряды, похоже, ни капли не подействовали, хотя лужа расплавленного месива, в которую по щиколотку опустился мужчина, ярко свидетельствовали об исправности оружия.

¹ Катарны – неразумные и свирепые хищники с планеты Кашиик, которые играли огромное значение в культуре вуки.

² Барабелы – разумные рептилии с планеты Бараб I, чьи зубы достигали длины в пять сантиметров, а прочная чешуя выдерживала парализующие разряды бластера. Хан Соло как-то разгневал одну барабелку, обыграв её в карты, и лишь своевременная помощь Чубакки уберегла контрабандиста. Именно это обстоятельство и повлияло на решение Хана окончательно сделать вуки своим напарником. Эти события описаны в начале книги «Хан Соло и гамбит хаттов».

Прежде, чем Хан осмыслил увиденное, здоровяк прыгнул через всю пещеру, схватив Хана за горло огромной ручищей и без труда оторвал его от земли. Хан ударил темнокожего по лицу рукоятью бесполезного теперь бластера с такой силой, что раскроил щеку до кости, но здоровяк, похоже, этого не заметил, обхватив другой ручищей подбородок Хана и принявшись с рыком размахивать им туда-сюда, словно тряпичную куклу.

Затрещали суставы, и как будто что-то хрустнуло в шейных позвонках, но вместо крика из горла Хана вырвалось только сипение. Он успел всерьёз задаться вопросом, не стоило ли прислушаться к Лее с её идеями не раздражать незнакомца, и тут вдруг Лея сама напомнила о себе, выкрикнув нечто такое, что сквозь заложивший уши рёв звучало как «Стой! Если он погибнет – умру и я!» – и тогда неистовый вопль стих, тогда как онемевшим конечностям Хана вернулся кровоток.

– Отпусти его, – потребовала Лея, которая стояла с незаряженным карманным бластером в руке, и дуло оружия было приставлено к подбородку девушки. Палец Леи ходил ходуном на спусковом крючке. – Я не шучу.

Ручища верзилы расцепились, и полузадушенный Хан рухнул на землю. Здоровяк вновь развёл руки в стороны.

– А теперь отойди от него. Медленно.

Мужчина сделал шаг назад, но лишь один.

– Продолжай отходить.

Здоровяк упал на одно колено и медленно опустил правую руку к земле. В момент, когда ладонь коснулась люминесцентного лишайника, вся пещера вновь погрузилась во мрак.

Хан кожей ощутил, как мимо пронеслась молния; он попытался вслепую пнуть незнакомца, но промахнулся. Всё, что ему оставалось, это прохрипеть «Лея, берегись!»

– Хан... – Всё, что девушка надеялась сказать, прервали задыхающиеся возгласы и бульканье, которые сменились приглушёнными звуками борьбы. Хан вскочил на ноги и, не обращая внимания на темноту, бросился на источник шума. Он нарвался на подсечку, обрушившую его в полужидкую массу.

«Вляпался в самые неприятности», – мелькнула мысль. Хану удалось подняться на четвереньки... и в этот момент пол вновь затвердел, и окаменевшая масса крепко схватила ступни, икры, колени и руки до середины предплечий.

– Отпусти! – закричал Хан. – Отпусти меня, выродок! Не трогай её. Не смей трогать её! Лея!

Ответом стало лишь эхо, улетучившееся во тьме. Хан изловчился опереться на колени, тяжело дыша от подпитываемых отчаянием усилий. Он попытался высвободить руки. Пытался вновь и вновь, пока не захрустели локтевые сгибы, а ладони не свело судорогой. Хан уже не мог пошевелить и пальцем. Оставалось разве что шевелить пальцами ног, обутых в ботинки, но ноги были погребены и закреплены даже надёжнее, чем руки.

Он ничего не мог сделать. Вообще ничего. Лея оказалась в лапах незнакомца. Кто был этот гигант? Хан не мог придумать объяснения, как ни старался. На ум не приходило ни одного вразумительного ответа.

И его, так ничего не понявшего, вероятно, ждёт смерть. Доверься Силе, говорила Лея. Что ж, если Сила располагала какими-то намерениями по оказанию ему помощи, лучше момента не придумаешь.

– Ну что? – вслух произнёс Хан, обращаясь к Великой Силе. – Ты здесь? Может, подкинешь немножко удачи для лучшего друга последнего из твоих джедаев?

Из кармашка на жилете раздался писк статики, за которым последовал голос.

– Хан? Хан, ты слышишь? Хан, ответь! Это Люк!

Это можно было бы считать поистине грандиозной удачей, практически откровенным чудом и чем-то таким, что заставило бы Хана раз и навсегда поверить в Силу... если бы не тот факт, что обе его руки прочно сковал пещерный камень, напрочь лишив его возможности вынуть комлинк и ответить на вызов.

Хан решил, что если Великая Сила действительно существует и работает именно так, как постоянно талдычат Люк с Леей, то у неё вдобавок наблюдается весьма и весьма премерзкое чувство юмора.

* * *

«Сокол» нёсся по лабиринту пещер с немыслимой скоростью, которую Ник ощущал ещё острее благодаря постоянно мелькавшим мимо скалам, чьи зазубренные выступы угрожали отсечь ему голову, если не всю турель, и это не считая постоянного грохота, треска и визга металла, задевавшего каменную поверхность. А вот не обращать внимание на другую опасность Ник не мог, поскольку ей являлась группа преследовавших «Сокол» лёгких и манёвренных СИД-истребителей. Только изгибы и Т-образные повороты подземелий уберегали фрахтовик от массированного огня имперцев, в то время как на редких прямых участках Ник отвечал залпами из башенной турели. Каждый СИД, который подступал почти вплотную (где манёвренность уже не играла роли), получал лазерный разряд прямо в кабину, похожую на гигантское глазное яблоко, отчего падал подбитым или взрывался на месте.

Высказывание Ника относительно крылышек пертриллианских ос содержало изрядную долю бравады, но бравады вовсе не пустой.

Ник продолжал пальбу, стараясь не думать о размытых скалах, проносившихся мимо так близко, что если бы он открыл иллюминатор, то мог бы дотронуться до них... рискуя оторвать руку напрочь.

– Надеюсь, ты знаешь, куда гонишь! – обратился он к Скайуокеру по интеркому.

– Пока иду наощупь. – Тот казался почти жизнерадостным. – А как там дела в тылу?

Ник хмуро оглядел мелькавшие изгибы, повороты и боковые отверстия, которые так стремительно растворялись в крошечной темноте позади.

– Мы в довольно неплохом положении, если они не придумают, как стрелять сквозь стены!

Сразу после этого из темноты высветилось две одинаковых энергетических сфер голубовато-белого цвета, что, увеличивавшись в размерах, устремились «Соколу» – и к Нику.

– Поторопился с выводами.

Он потянул на себя гашетку и попытался направить орудия на эти шары, которые приближались столь же неумолимо, сколь чётко повторяли манёвры «Сокола», невзирая на все перегрузки.

– Торпеды на подходе. Похоже, нас догнали те бомбардировщики.

– Так возьми торпеды на прицел.

– Сейчас вырвусь вперёд по сбитым снарядам, – проворчал Ник сквозь зубы, когда его очередь лазерных разрядов пересекла траекторию ближней торпеды. Однако другая как ни в чём

не бывало пролетела сквозь волну пламени и продолжала сближение с кормой «Сокола». Ник выругался, проклиная медлительность турели. – Я бы их быстрее камнями сбил!

Наконец, ему удалось выровнять все четыре ствола и перехватить вторую торпеду всего в паре десятков метров от досветовых двигателей «Сокола».

– Чуть было не догнала! А ты сможешь оттуда управлять второй турелью?

– Прямо сейчас у неё другая задача, – ответил Скайуокер, и брюшная лазерная пушка разразилась чередой залпов, которые пронеслись сквозь темноту, обгоняя фрахтовик, и пробили узкое отверстие в скале впереди.

«Сокол» вошёл в брешь со скоростью арбалетного болта, выпущенного на полной мощности, и вырвался наружу. От громкого душераздирающего звука и от удара Ник подпрыгнул на месте, чуть не ударившись головой об транспаристаль.

– Туговато зашли, – заметил Люк. – Кажется, что-то отвалилось.

– Похоже на сенсорную тарелку, – сказал Ник, наблюдая, как вышеозначенная деталь корабля пролетает мимо и исчезает во мраке.

– Просто здорово. Хан до сих пор достаёт Лэндо за то, что тот потерял такую тарелку где-то посреди второй «Звезды Смерти». Мне он точно спуска не даст.

– И не задаст, если не выберемся отсюда! – воскликнул Ник, когда в поле зрения появились ещё четыре голубых светила, двигавшихся так быстро, что за время, пока булавочные уколы превратились в сиявшие шары, Ник успел только пробормотать: – Четыре? Ну и как я должен снять все четыре?

Он навёл орудийные стволы на пещерный свод и вдавил гашетку, устроив позади корабля хаос в виде облаков дыма с пылью, что не стали помехой для нагонявших торпед, а также – массой обрушившихся камней. Которые, в свою очередь, образовали препятствие.

Первая торпеда скользнула по падавшей глыбе и, потеряв управление, отправилась в потолок пещеры. Взрыв привёл к новому обвалу, который в ту же секунду зацепил оставшиеся три снаряда, после чего Ник наблюдал, как удалявшийся от преследователей «Сокол», образно говоря, сжигает за собой все мосты: всё эффектное действие окончательного обваливания туннеля освещалось внешними прожекторами корабля.

– Пожелаем бомбардировщикам удачи в поисках другого маршрута, – пробормотал Ник, ощущая расплывавшееся в душе умиротворение. Он был доволен собой вплоть до того момента, как осознал, что всё ещё видит перед собой обвал. – Эй, а почему мы зависли?

– Посмотри вперёд.

Ник повернул турель и сказал:

– Ой-ой.

Они достигли тупика: туннель закончился. Перед «Соколом» возвышалась глухая каменная стена. А единственный выход позади теперь был запечатан надёжнее, чем хртгингианское хранилище огненных самоцветов.

– Эм... – протянул Ник. – Только не включай заднюю тягу.

Люк мрачно, с примесью разочарования осматривал скалу изнутри кабины. До последнего его не покидала уверенность, что они идут правильным путём. Конечно, эта уверенность была продиктована волей Силы, и всё же он не ожидал подобной развязки.

– Не понимаю. – Люк покачал головой. Он повернулся к креслу второго пилота, где сидела пристёгнутая ремнём Эона. – Это неправильно. Так не должно было произойти.

– Не трать время на беспокойство о произошедшем. Беспокойся о настоящем.

Хотя Эона неожиданно заговорила как Йода, Люк решил этого не комментировать.

Она выглядела измученной, и, судя по голосу, находилась на грани срыва.

– Беспокойся о том, как бы вытащить нас отсюда.

Люк сочувственно посмотрел на неё.

– Клаустрофобия?

– Самую малость, – с неохотой кивнула женщина, – но и этого хватит сполна.

– Как и мне. В особенности за сегодняшний день. Не волнуйся. Если заблудился, первое, что необходимо сделать – где-нибудь привстать и спросить дорогу. – Он активировал коммуникатор и ввёл код комлинка Леи. – Лея? Лея, пожалуйста, отзовись. Это Люк.

Ответа не последовало. Даже в виде статики.

– Лея, приём.

– Можешь не пытаться, – сказала Эона. Она махнула рукой куда-то через лобовой иллюминатор, в сторону скалы. – Видишь те мерцающие белые переливы в чёрном камне? Похоже, всю пещеру пронизала жила плавлеита – это такой минерал, который...

– Я знаю, что это такое. – Люк сжал кулаки, ощущая тёмную пульсацию нервной системы, где, в свою очередь, росли прожилки тончайших кристалликов, отзываясь эхом по всему телу. – А при чём тут коммуникации?

– Плавлеит как-то блокирует частоты в эфире, – пояснила Эона. – Понадобится комплекс связи целого крупного корабля, чтобы появился хотя бы шанс прорваться сквозь помехи.

– Только и всего? – Люк обнаружил, что на его лице проступило подобие ухмылки, вроде той, которой славился Хан. Он принялся жать на переключатели и клавиши. – Тогда подожди минутку.

– Уверяю тебя, что это не поможет.

– Этот корабль был личным транспортом генерала-командующего Альянса свободных планет¹. – Он завершил манипуляции с приборной панелью, и посреди задней переборки открылся потайной отсек, где обнаружилось громадное устройство связи самого передового уровня. – Тот генерал ушёл в отставку, но Хан не из тех, кто так легко расстаётся с подобными игрушками, понимаешь? Сигнал от такого устройства пробьётся до самого края галактики. Для питания будет использоваться энергия из самого ядра реактора, но мы всё равно пока никуда не движемся.

Он взглянул на устройство связи.

– Лея? Ты здесь?

Ответа по-прежнему не приходило. Люк нахмурился и переключился на код Хана.

– Хан? Хан, ты слышишь? Хан, ответь! Это Люк!

Эфир разразился шипением помех.

– Генерал Скайуокер! Мы слышали, вы попали в небольшую переделку.

Люк вновь нахмурился.

– Лэндо? Что ты делаешь в этой системе?

– Задаю себе этот же вопрос раз так шестьдесят в час. Где ты находишься?

– Точно не уверен. Где-то под землёй. Я пытаюсь найти Лею – мог чувствовать её в Силе поблизости, но больше не получается.

– Мы потеряли контакт с Ханом и Леей всего несколько минут назад. Хан упоминал, что находится в какой-то пещере. Вот почему мы отслеживаем частоту его комлинка. Слушай, в переделку попал не только ты один. Мы можем потерять всю оперативную группу.

– Мы потеряем гораздо больше, – пробормотал Люк.

– Прости? Не расслышал. Сможешь повторить?

¹ Альянс свободных планет – государственное формирование, которым, согласно классическим комиксам «Marvel», стала вооружённая группировка Альянса повстанцев после битвы при Эндоре. Позднее реформировано в Новую Республику.

– Нет. Не бери в голову.

– Люк, я делаю всё от меня зависящее, но, учитывая сложившуюся ситуацию, нам очень нужен ты. Как скоро сможешь принять командование обратно?

– Я... не могу. Слишком долго объяснять. Ты у руля этой битвы, Лэндо. В любом случае, ты справляешься с должностью генерала лучше, чем когда-либо получится у меня.

– Сегодня я бы поспорил. Держи меня в курсе, и вообще только свистни – руководство вновь вернётся к тебе. Так, здесь есть кое-кто, кто очень хочет с тобой поговорить.

– О, хозяин Люк! О, слава создателю, что с вами всё в порядке!

– В порядке – громко сказано, – возразил Люк. – Но мне приятно слышать твой голос, Трипио.

– О, хозяин Люк, я так обеспокоен! Принцесса и капитан Соло в ужасной опасности – и вы тоже!

– Знаю, – сказал Люк, – но откуда знаешь ты?

– Я провёл анализ информационного взаимодействия между нападшими, хотя, вынужден отметить, у них совершенно варварская манера выражаться. Но, поскольку я свободно изъясняюсь на...

– Ты уже говорил. Какие напавшие? Где они сейчас?

– Пожалуйста, поторопитесь, хозяин Люк... Ар-два уже, возможно, уничтожен!

– Трипио, скажи мне, где они!

– На самом деле, совсем рядом – около пятнадцати метров по планетарной оси от вашего текущего местоположения.

– Они прямо над нами?

– О да. Но напавшие определили ваше текущее местоположение... а теперь обсуждают, стоит ли... э-э-э... их фраза переводится как «тюремное заключение» или «изоляция», хотя они также обсуждают, как лучше поступить – атаковать вас или преследовать какого-то Полуизбранного.

Люк больше не слушал, с сомнением уставившись на гладкий чёрный свод над кабиной.

– Пятнадцать метров... чересчур большая глыба, чтобы пробить её даже световым мечом.

– Это не простая глыба, – сказала Эона, – это плавлеит.

– Я не знаю, как нам это поможет.

– Тогда твоим друзьям повезло, что я сижу рядом, потому что как раз я – знаю. Надеюсь, когда найдём их, ты расскажешь, как всё было, потому что у меня такое чувство, что один мой вид приведёт их в бешенство.

Эона потянулась к системе управления защитного противопехотного поля и активировала проектор корпуса.

– Теперь бери выше, – сказала она. – Без резких движений.

– А, вот оно что, – протянул Люк, когда обшивка «Сокола» затрещала от паутины разрядов. – Я бы и сам догадался. Со временем.

– Разумеется, – сочувственно произнесла Эона. – Просто у тебя выдался тяжёлый денёк.

– Я бы назвал его иначе.

Корабль уверенно коснулся плавлеитного потолка. Камень мгновенно утратил плотность, затем – густоту, пока, наконец, не принялся стекать жидкостью по бронированному корпусу фрахтовика, формируя небольшой пруд на дне пещеры.

– Сколько времени пройдет, пока он затвердеет?

– Не могу точно сказать. А что?

– У СИД-истребителей нет такой парализующей системы, а лазерные пушки нельзя настроить на оглушение.

Она задумчиво кивнула.

– Значит, не придётся сильно беспокоиться о незваных гостях. Сколько нам ещё так «всплывать»?

Люк потянулся к Великой Силе.

– Мы... уже почти... на месте...

Скользя через жидкую пучину словно акварисский демонокальмар, охотившийся на скачущего гнурупа, «Сокол» достиг поверхности. Расплавленная масса принялась ручьями литься вниз, стекая с корпуса, на котором теперь находился грязный человек, яростно цеплявшийся за единственную часть корабля, куда не доставало несколько тысяч вольт парализующих разрядов: окно кабины.

– Люк... – Хотя через иллюминатор было тяжело что-либо услышать, по губам Хана читались отчётливые слова. – Он забрал её, Люк. Она пропала.

* * *

Кронал замер под сводчатым проходом, ведущим в тронную пещеру. Сам трон – чёрный и зловещий на фоне кровавого сияния лавы – всё ещё парил в воздухе благодаря конструкции из плавленита. Оглядывая пещеру глазами Кара Вэстора, Кронал почувствовал укол сожаления: его великолепная, настолько реалистично поставленная голодрама так и не найдёт свою широкую аудиторию, которую, несомненно, заслуживала.

Но таковыми были превратности жизни и жертвы, которые, как известно, требовало искусство. Вместо того чтобы оплакивать забракованный шедевр, Кронал решил полностью сосредоточиться на по-настоящему важной задаче – обеспечении сохранности нового и здорового тела. Не говоря уже о зачистке всех, кто мог знать или догадываться о том, что эта молодая и прекрасная девушка на самом деле являлась старым уродцем.

Он снял находившуюся без сознания девушку с плеча подконтрольной ему сейчас физической оболочки и осторожно положил новую жертву на землю.

Кронал не мог не воспользоваться моментом и принялся рассматривать девушку, которая оставалась преисполненной красоты и изящества даже в таком положении и в таком состоянии. Он вспоминал, как наблюдал за ней все годы службы, проведённые в Имперской разведке, как тщательно следил за её антиимперской деятельностью, впоследствии переросшей до стадии открытого разрыва с Империей и предполагаемой измены во времена Альдераанского происшествия.

«Юная сенатор Органа, – размышлял Кронал. – Принцесса Лея Скайуокер, все эти годы скрывавшаяся у всех на виду. Кто бы мог подумать?»

Почти во всех отношениях она являлась даже более подходящим кандидатом, нежели её братец. В конце концов, она не была джедаем, да и никто не станет ожидать от обладательницы хрупкого тела, что она будет скитаться по галактике и рисковать жизнью ради незнакомых существ. Нет, после имперской ловушки, унёсшей жизнь её брата, непутёвого любовника, а также

многих друзей и союзников, сенатор Органа «получит» психологическую травму и неохотно откажется от дальнейших приключений, чтобы окончательно посвятить себя политике. Идеально.

Он закрыл глаза и позволил разуму частично *выскользнуть* обратно к дряхлому телу, покоившемуся в камере жизнеобеспечения. Изнутри того черепа он мог управлять уникальным материалом, из которого была сформирована пещера, и вновь подавить волю существ, использовавших плавление как физическое воплощение.

Выступ вытянулся узким мостиком, переноса Кара Вэстора и девчонку-Скайуокер до тронного постамента, после чего вновь «распался». Вскоре принялся колыхаться, расширяться и изгибаться сам камень, на котором возвышался трон, чтобы потерявшая сознание девушка и неподвижный мужчина увязли в расплавившейся структуре и были погребены внутри цельной глыбы, зависшей над озером магмы.

Кронал решил, что таких мер предосторожности хватит для предотвращения нежелательного вторжения.

Теперь оставалось только позаботиться о том, чтобы новое тело не сгорело в уже начавшемся звёздном пожаре. Трясущаяся рука нащупала в темноте голосовой модулятор камеры, преобразовывавший почти предсмертные хрипы Кронала в певучий бас Кукловода, рождённого тенями. Затем Кронал активировал заранее защищённый канал связи.

– Да, милорд? – раздалось из динамиков. – Уже пора?

– Пора, – просто ответил Кронал. – Приступайте.

Затем он вновь сомкнул веки и *вернулся* в тело Вэстора. Поскольку в каменной гробнице ждал только мрак, он не стал смотреть украденными глазами. Ему вовсе не нужны были глаза.

Он «настроил» чужой мозг на нужную управляющую волну и легонько *подтолкнул*. Могила откликнулась на зов, после чего ультратонкие кристаллические иголки принялись пронизывать девчонку-Скайуокер, чтобы вместе с кристаллами она наполнилась волей самого Кронала.

*Спи. Это конец всему существу. Не осталось ничего, кроме сладкого забвения.
Вечного забвения.*

* * *

Стоило только расплавленной поверхности вновь затвердеть, как Люк посадил «Сокол» посреди пещеры, не опасаясь, что её дно не выдержит веса фрахтовика. Опустив грузовой лифт в машинном отсеке, Люк встал с кресла.

– Идём со мной.

Эона посмотрела сквозь транспаристальное окно кабины.

– Я... не могу. Не могу пойти туда.

– Нет, можешь.

– Нет... нет, я не шучу, джедай. Ты не знаешь, что это за место.

– Так просвети меня.

– Перед тобой склеп плавильщиков. – Женщина провела по губам тыльной стороной ладони. – А плавильщики... не знаю, кто они. Ты слышал своего друга по коммуникатору. «Напавшие», о которых велась речь – скорее всего, плавильщики и есть. Они просто... вылезают

из стен. Или из-под самой земли. Тут повсюду плавлеит. А стоит им прикоснуться к кому-либо – и эффект будет сродни оглушающему разряду. Затем тебя переносят в склеп и запикивают внутри камня.

Она испуганно посмотрела на Люка.

– И оставляют тебя прямо там.

Люк кивнул в сторону погребённых у стен и пола.

– Результат мне виден.

– Я кочевала по этой планете несколько недель, пытаюсь вернуть Ника. Вот почему я спуталась с миндорцами. Им позарез требовался лидер. А мне нужны были бойцы со стволами. Но эти плавильщики... – Эона покачала головой. – Они неоднократно напоминали о себе, нападая безо всякого предупреждения. Иногда нам удавалось сдерживать их достаточно долго, чтобы уйти всем составом... иногда приходилось бросать того, кто прикрывал отход. Нескольких мы потом находили. Пара-тройка ещё оставалась жива. Но прежними им было уже не стать. Только не после вынужденного пребывания во мраке.

– Могу представить.

– Можешь представить, каково это – быть запертым вот *так*? Один-одинёшенек во тьме? Во тьме, что чернее самой ночи? Чернее вакуума?

– Да, – сказал Люк. – Я – могу представить.

– Вот на этой почве у меня и развилась лёгкая клаустрофобия, понимаешь? В пещере темнее, чем снаружи или чем где-либо.

Люк бы поспорил, но он только поддакнул:

– Как скажешь.

– Итак, теперь ты понимаешь, почему мне нельзя выходить в склеп плавильщиков.

– Я понимаю, почему ты не хочешь выходить. Но ты всё равно пойдёшь.

– Что, собираешься заставить меня?

Люк склонил голову.

– Это единственный способ не дать Хану убить тебя на месте, который приходит мне на ум.

Рука женщины скользнула к кобуре на поясе.

– Меня не так-то просто убить.

– Ты не понимаешь, – мягко продолжал Люк. – Хан – мой лучший друг. Если кому-то из вас двоих и суждено умереть, выбор падёт на тебя.

– Э-э-э...

– Я желаю, чтобы ты уяснила это как можно тщательнее. У тебя в голове не должно остаться никаких сомнений. Совершенно никаких.

– Никаких, – сдалась Эона. – Я тебя слышала. Я пойду.

– Тогда вперёд.

Они пошли по главному коридору к корме фрахтовика, минуя грузовые отсеки, которые всё ещё были заполнены бойцами Эоны. Добравшись до машинного отделения, Люк жестом велел спутнице подождать неподалёку, а сам вошёл внутрь. В опущенном на землю грузовом лифте уже находился дрожащий от нетерпения Хан; его руки и ноги были покрыты комками затвердевшего плавлеита.

– Люк! – воскликнул он. – Скорее, мы должны двигаться! Должны отправиться за ней. Поднимай меня!

Люк вздохнул.

– Так ты не видел, кто ещё сидел со мной в кабине.

– А с тобой кто-то сидел? Как ты отобрал «Сокол» у тех пиратов? Пожалуйста, скажи, что пришел их всех. Особенно эту мерзкую рыжую кры...

– Не то, чтобы пришел. – Люк поманил Эону. – Она здесь с извинениями.

Лицо женщины потемнело от негодования.

– С извинениями? – выпалила она. – Ты ничего не говорил об...

– Вот сейчас говорю.

Хан даже подскочил на месте, когда увидел Эону. Переполненный готовностью убивать, он машинально принялся нащупывать бластер.

– Ты! Ты украла мой корабль!

Она пригнулась и укрылась за крышкой грузолюка.

– Взяла во временное пользование, разве нет?

– Хан. Убери бластер. – Быть может, несколько месяцев генеральской службы окупили себя, поскольку властный тон охладил Хана. – Я серьезно.

– А, да ладно, – недовольно бросил Хан, пожав плечами. Он крутанул бластер на пальце. – Всё равно там пусто.

Люк кивнул.

– Эона? – позвал он.

Она нехотя вернулась в помещение.

– М-м, привет, Соло. Прости. Правда.

– «Прости»? – вспыхнул Хан, чьё лицо пошло красными пятнами. – «Прости»?!

– Эй, да что тебе ещё нужно? Он сказал извиниться. Вот я и извиняюсь.

– Эона, – тихо проговорил Люк. – Скажи, зачем ты это сделала.

– Что-что? Какое это имеет отношение к делу?

– Такое, что это может помочь прояснить картину. С его точки зрения.

Она вздохнула.

– Мне позарез требовался твой корабль, Соло. Мой... э-э-э... в общем, есть один парень, и мы вроде как вместе...

Глаза Хана сузились, а губы сжались.

– Ты влюблена в этого парня по уши, и он попал в беду.

– Вообще-то он уже в твоей башенной турели.

Хан отмахнулся.

– Но ты же влюблена в него.

– Я решила, что разбойное нападение станет моим единственным шансом вернуть его живым. – Эона отвернулась. – Я даже не стала бы пытаться без корабля, но у меня не оставалось времени играть по правилам, ясно?

– Могла бы просто попросить, – проворчал Хан.

– И если бы ты упёрся рогом, сказав «нет», драка всё равно бы состоялась, только всё преимущество было бы у тебя. Что, с учётом всего услышанного о тебе, было бы не лучшей идеей.

Румянец Хана стал только гуще.

– Допустим...

– Проще потом извиниться, чем что-то кланчить, верно? Разве ты сам поступаешь не так, когда в опасности та, которую ты любишь? На ум сразу приходит пара историй...

– Хорошо, хорошо, – сказал он. – Замнём.

– Я не прошу вас двоих добиться взаимных симпатий, – заговорил Люк. – Но вам придётся хотя бы потерпеть друг друга. Любым возникшим между вами разногласиям придётся подождать, пока мы не закончим начатое. Понятно?

– Вот это да! – вместо ответа воскликнул Хан. – И кто назначил тебя главным?

– Я спросила его о том же, – фыркнула Эона.

– Позвольте перефразировать. – Люк был сама терпеливость. – Каждая секунда, потраченная мной впустую в тревоге за то, что вы оба перестреляете друг друга, это ещё одна секунда, отдалявшая нас от возможности спасти Лею — и от необходимости покинуть всем составом эту планету и эту систему прежде, чем это место сгорит.

Он спрыгнул на платформу грузового лифта.

– Эона, собери своих миндорцев и начинай помогать выжившим. Хан, ты позаботься о Чуи. Убедись, что он никого не убьёт по пробуждении, хорошо?

– Да, он у нас по утрам бывает не в настроении, – сказал Хан. – А ты чем собираешься заняться?

– Я-то?

Люк пристально посмотрел на свою левую, живую руку. Он сжал ладонь в кулак и вновь распрямил, ощущая ту незнакомую энергию, которая просачивалась через кристаллическую паутину – тень, отброшенную нервной системой. На миг джедай закрыл глаза и глубоко вдохнул, формируя с Великой Силой глубокую, почти интимную связь, после чего коснулся паутины внутри себя и подчинил своей воле. Когда Люк открыл глаза, из его руки выросла копна тонких – меньше человеческого волоса – блестящих чёрных нитей.

Хан вздрогнул и скривился.

– Что это?

Люк сошёл с грузовой платформы и, опустившись на колени, прижал ладонь к земле.

– Вот так, – сказал он, – я собираюсь поговорить с плавильщиками.

* * *

Установить контакт с плавильщиками оказалось не таким уж сложным делом. Люк просто положил левую руку к стене, отливавшей чёрным. Пучок кристаллических волосинок, проросших сквозь ладонь, мгновенно слился со структурой камня.

И там обнаружились они. Он ощущал их.

Ощущение было незнакомым, смутно напоминавшим обыкновенное зрение. Он чувствовал этих существ внутри камня подобному тому, как один человек мог разглядывать другого на расстоянии.

Привлечь их внимание тоже было нетрудно. Они узнали о его присутствии в тот же момент, как и он «увидел» их, и тогда они осознали, что за ними наблюдают. Люк ощутил вспышку их любопытства, перемешанного с недоумением, и почувствовал, как существа обмениваются друг с другом молниеносными энергетическими импульсами, словно обсуждая что-то на языке, которого он не понимал.

Вот тут-то и наступил этап посложнее: поговорить с этими существами.

Они посылали ему неуверенные сигналы, что могли быть расценены как осторожность и приветствие, после чего Люк ощутил, как внутренняя паутина отозвалась на сигналы, но не ответом. Ощущения больше походили на эхо или скорее гармонический обертон, будто тёмное зеркало его нервной системы искажалось, вступая в резонанс с входящими импульсами. То есть для того, чтобы контактировать со странными существами, ему предстояло полностью погрузить свой разум внутрь кристаллической сети, что означало вернуться к той засевшей глубоко в нём пустоте, поглощавшей даже воспоминания о свете. Ему придётся связать себя с ними во тьме.

В Великой Тьме.

Чтобы достичь резонанса с плавильщиками, Люку придётся не просто посмотреть в бездны самой преисподней, но и нырнуть туда с головой. Утонуть в пустоте. Позволить неуловимому мраку прикоснуться к лицу, просочиться в уши, через глаза и вниз по пищеводу, чтобы мрак утянул его на дно, где свой бессмысленный конец находит всё сущее, и заточил его там на веки вечные.

Однако... в основе всего этого находились плавильщики. Каким-то образом всё крутилось вокруг них. Плавлеит служил им одновременно и физическим телом, и средой обитания, а кроме того, этот минерал был ключевым компонентом Закатной короны. Кристаллы обеспечивали контроль за каждой *куклой* и образовывали «смертоносный выключатель». Плавлеит — основополагающая структура всей базы Чёрной дыры. Как и сотканного из теней дубликата нервной системы, через который Чёрная дыра заразил Люка первозданным отчаянием.

То, при помощи чего он выкрал тело Леи.

Там, где они пребывали, было темно. Великая Тьма повсюду.

И тогда он испугался.

Испугался Тьмы, которая имела все шансы быть единственной истиной. Единственной не подвергавшейся никакому сомнению. Он испугался того, что все остальные лишь притворялись, пытаясь отвлечься от грядущего вечного забвения посредством самообмана, иллюзий и отводом глаз на нечто такое, что они считали важным, в упор не замечая очевидного. В то время как Люк провёл бесконечные миллиарды лет во Тьме и не понаслышке знал её ужасающую силу.

Всё умирает, нащёптывал неизменный голос изнутри скованного страхом сердца. *Со временем сгорают даже звёзды.*

Но если сейчас его нервы не выдержат, он оставит Лею на попечение этой Тьмы. В одиночестве. Навсегда. Великая Тьма поглотит её, будто той никогда не существовало. Какие у неё шансы спастись? Она даже не была джедаем. Как ей найти свет в конце туннеля?

Вот чем и должны заниматься джедаи, не так ли? — подумалось Люку. *— Вот ради чего мы существуем. Мы — те, кто приносит свет.*

Поэтому он собрался с духом и сфокусировал свой разум, чтобы установить связь при помощи Силы, одновременно соблюдая главное правило: если ты собираешься погрузиться в абсолютное ничто, где отрицается само существование света, лучше прихватить с собой немного своего собственного.

Он позволил сознанию коснуться горизонта событий, очерчивавшего радиус действия этой метафизической чёрной дыры, после чего окончательно соскользнул в сотканную из теней бездну, где падал во тьму вечность.

Ник продолжал морщиться, сбрасывая с себя тяжёлую мантию Кукловода и пытаясь запихнуть нывшее тело в запасной лётный комбинезон. Каждое заметное проявление боли вызывал у стоявшей рядом Эоны сочувствие.

– Эй, а тебя не ранили?

– А?

– Выглядишь так, словно сильно пострадал. Может, дать бакты?

– Это уж как получится, – ответил Ник. – А бакта сможет излечить от болезни под названием «Я слишком стар для всей этой дряни»?

– Бу-бу-бу. – Женщина обняла его. – Ты ведь совсем ещё ребёнок.

– Ага. Ребёнок, которого несколько дней подряд избивала шайка пьяных гаморреанцев.

Он чуть качнула головой в ту сторону, где на коленях стоял Скайуокер, чья левая рука наполовину вросла в камень.

– Когда ты собираешься ему рассказать? – приглушённым голосом спросила Эона.

– Рассказать что?

– Про Кара. Ты же слышал, как Соло говорил о человеке, который забрал принцессу Губки Бантиком. То был Кар. Должен быть, по крайней мере.

Ник нахмурился.

– То был не Кар. Это был Чёрная дыра.

– Дёргавший Кара за ниточки.

Ник отвёл взгляд.

– Ага.

– Я бы не стала напускать на него даже джедая.

– Как и я, – согласился Ник. – Будь у меня такой выбор.

– Ну так что?

– То, что я пытаюсь расставить приоритеты, – стал объяснять Ник. – Сказать правду может в итоге выйти боком. Скайуокер... он совсем не похож на своего отца. Слишком мягкосердечный, понимаешь? Если я сообщу ему, что Кар – очередная жертва Чёрной дыры, он примется сдерживать себя. И тогда в схватке с Каром его мягкосердечность сыграет с ним злую шутку и попросту убьёт.

– Повторюсь: ну и что? Он – наш общий любимчик?

Ник посмотрел ей прямо в глаза.

– Он уже дважды или трижды спасал нам обоим жизнь, а ведь знает нас меньше трёх часов. Ты правда считаешь, что галактике станет лучше без него?

Эона легонько покачала головой, затем кивнула в знак согласия.

– Ладно, хорошо. Он парень что надо. Но Кар – твоя семья. Почти что семья, которую ты оставил.

– Типа того. Но Кар... ну, ты его знаешь. Вот он – точно не парень что надо, не из числа хороших.

– Так и ты тоже.

Ник кивнул.

– А если для меня это шанс забрать отсюда детей Энакина Скайуокера живыми? Хотя бы одного из них? Это точно перевешивает жизнь Кара. Заодно и мою.

– А по мне не перевешивает. И сдаётся мне, наш джедайчик-красавец решит так же.

– Вот почему я не оставляю ему выбора.

– О, ну конечно, ты оказываешь ему грандиозную услугу: вынуждаешь убить невинного человека.

– Кар? Невинный? Ты шутишь, да?

– Если бы Скайуокер собирался прикончить Кара на Харуун-Кэле, Кесселе или Нар-Шаддаа, я бы ещё могла понять. Но непосредственно здесь Кар – не мерзавец. Он – жертва.

– Для меня это не имеет значения.

– Как скажешь. – Эона состроила гримасу недоверия. – Но бьюсь об заклад, это будет иметь значение для Скайуокера.

* * *

Здесь, посреди Великой Тьмы, его органы чувств были бесполезны.

Не осталось ни взгляда, ни слуха, ни прикосновения, ни осязания собственного тела. В его распоряжении было только изначальное осознание себя частью какого-то неопределённого энергетического поля – или даже как источник этого поля. Единственным доступным ему способом восприятия, помимо самого факта своего существования, являлась возможность продуцировать конкретные модуляции внутри этого энергетического поля: непостижимые сигналы, недостижимые текстуры, незримые краски. Непоправимая чужеродность. Захолоделые, древние жизни, которые никогда не познали ни биения сердца, ни прикосновения рук, ни привкуса воздуха. Невозможно далёкие, недоступные, рождённые угаснувшими звёздами.

Звёзды, — мелькнула мысль. Вот оно: звёзды. — Так вот откуда они берутся. Вот где мы налаживаем контакт. Потому что я сам не так уж от них отличаюсь.

Всё во вселенной рождается из умирающих звёзд. Каждый элемент формируется в плавильной печи звёздного ядра. Каждый существующий атом когда-то был частью давно исчезнувшей звезды, которая, в свою очередь, образовалась из других, померкших до неё – непрерывной плеядой предков, родословной космического масштаба, что восходила к первичному и единственному огненному шару, породившему мироздание.

Именно гибель звёзд вдыхает жизнь во вселенную.

Концепция звёзд, на которых можно было завязать собственное воображение, позволила ему в определённом роде видоизменить сложившуюся обстановку. Вместо аморфного поля едва уловимой энергии он представил себя частью звёздного скопления – необъятного, но потускневшего – где чужеродные колебания воссияли далёкими небесными светилами.

Хотя с функциональной точки зрения все звёзды были одинаковы – зависшая в космосе термоядерная печь – каждое светило также имело сугубо индивидуальные черты. Одно могло отличаться большими размерами, другое – жарче гореть. Одно приближалось к концу жизненного цикла, медленно коллапсируя до полного самоуничтожения или резко расширяясь мгновенной детонацией, в то время как другое только начинало образовываться в «звёздной колыбели», собираясь по крупинкам из пыли и газов древних сверхновых. Приправленная творческой фантазией картина преображалась на глазах, и теперь Люк мог отделять спектральные характеристики одних звёзд от других так, словно различал человеческие лица: усталые, сморщенные от старости и далёкие друг от друга, сгоравшие в бесконечной Тьме.

Но и он тоже сиял звездой, и излучаемый им свет был Великой Силой.

Каждая далёкая звезда, на которой он фокусировал своё внимание, в то же мгновение становилась ярче независимо от того, насколько тусклой она являлась, поскольку её свет подпитывался его собственным. Привлечённые инородной энергией, они начали сближение, только распаясь по мере того, как их захватывало гравитационное притяжение звезды-Люка, и пылали всё сильнее, испуская вспышки необычных, экзотических частиц, похожих на приливы восторженного смеха. Полыхавшие светила выстроились орбитой вокруг него, формируя новоиспечённую, сложноструктурированную систему, бесконечно кружившуюся во Тьме в жизнерадостном танце.

«Вот мы и собрались здесь, посреди Великой Тьмы, — подумал Люк. — И вовсе здесь не пуста. Нисколько тут не бессмысленно. Только не для нас. Здесь – прекрасно».

И с каждым, кого он касался Силой, завязывалась пульсировавшая ниточка чистого света, в котором некогда тусклые звёзды купались, преисполненные благодарности. Они слишком долго были заключены в ловушке этой леденящей Тьмы, где единственным источником света являлись они сами вместе с сородичами – медленно, но верно угасавшие, сгоравшие друг за другом в финальном слабом мерцании, которое свидетельствовало об окончании их существования...

Теперь Люк обнаружил, что понимает их.

Было вовсе не так, будто они взяли и что-то рассказали о себе – вербальная коммуникация была им недоступна. Люку не требовались разговоры. Теперь, присоединившись к ним, при помощи Силы он стал центром их системы. Он понимал их натуру так, как если бы она принадлежала ему самому, поскольку в пролившемся свете Силы Люк осознал себя частью их жизни, а они – частью его жизни.

Ему открылась основополагающая деталь их существования: некая коллективная сущность, включавшая в себя множество индивидуумов, обширное сплетение разумов, каждый из узелков которой принадлежал чьему-то отдельному сознанию. Они возникли (зародились природным путём? были кем-то созданы? видоизменены? развились благодаря эволюции?) на каменистой, безвоздушной планете, известной Люку как Таспан II, которая приходилась Миндору сестрой-близнецом, но которая в среде самих аборигенов не имела доступного названия. Осознав себя как живые существа, они обитали здесь неисчислимые тысячелетия, наслаждаясь неотфильтрованными лучами таспанского солнца и не опасаясь ничего, кроме изменений в родном очаге – внутри плавлеита, что мог быть подвергнут излучению периодически возникавших звёздных пятен или звёздных бурь.

У них не имелось никакого представления о причине, спровоцировавшей Большой размол, поскольку их совершенно не интересовал имперский испытательный полигон на Таспане II. В те ушедшие дни они даже не знали, что такое «люди», не говоря уже о том, что никогда не сталкивались с другими, не-кристаллическими формами жизни. Сам по себе Большой размол не стал для них такой уж катастрофой, напротив, разрушение планеты распылило её кору огромным облаком, тем самым расширив естественную среду выживших аборигенов в десятки раз и дав возможность остаткам поверхности только интенсивнее поглощать энергию солнца. Для плавильщиков Большой размол ознаменовался чрезмерно коротким Золотым веком, во время которого их сохранённая коллективным разумом культура распустилась по всей системе пышным букетом, пока сами плавильщики праздновали своё восшествие в рай.

Для отдельно взятых плавильщиков Золотой райский век закончился так же внезапно, как и начался, так как их куски уничтоженной родины вышли на орбиту Миндора. Захваченные гравитацией планеты, они падали на поверхность с каждым метеоритным дождём и вскоре обнаружили, что их новый дом больше походил на тюрьму. Темницу. Космический лагерь

смерти. Многие плавильщики безвозвратно почили, поскольку их астероиды сгорели в миндорской атмосфере, а для выживших поглощающие свойства испарённого в воздухе плавленита обернулись проклятием: здесь, на покрытом атмосферой Миндоре, они уже не могли купаться в живительном свете таспанского солнца. Пройдя сквозь чистилище, они теперь медленно умирали в аду от энергетического удушья.

Тонули в омуте Великой Тьмы.

С каждым метеоритным дождём смертоносный мрак Миндора пополнялся новыми узниками, и каждый сгоравший метеор усиливал тень, что убивала плавильщиков.

Эта тень также отрезала их от остального сообщества плавильщиков, обитавших среди астероидов в системе. У миндорских «переселенцев» попросту не было возможности направить сигнал сквозь атмосферу, далеко за пределы планеты. Всё, что им оставалось, это ждать, цепляясь за жизнь любыми способами, и пытаться как-то подбадривать новых жертв, которые ежедневно и беспрестанно попадали в их тюрьму.

Ободрение и какая-никакая поддержка стали той пищей, что плавильщики принялись искать и в людях. Человеческая нервная система производила крошечную струйку энергии, работавшей на волне коллективного разума плавильщиков, которая привлекала их так же, как огонь светостержня притягивал пещерных мотыльков.

«Пещерные мотыльки», подумал Люк. Вот что случилось с ним самим в той пещере... нечто, вернее, некто в самой структуре плавленита выщезивал из него свет капля за каплей...

Когда органические жизнеформы – ничтожные, подрагивавшие огоньки свечей, зажжённых в вечной непроглядной тьме Миндора – принялись стрелять в плавильщиков оглушающими разрядами, микрокристаллическая структура плавленита стала меняться случайным, но всегда неприятным образом. Тогда плавильщики ответили тем, что начали изолировать чужаков в целях самообороны. В их атаках не было злого умысла, они даже не понимали, что своими действиями убивают пленников, так как сама концепция органической смерти им оставалась неведомой. Самооборона плавильщиков не приравнивалась ни к убийству, ни к войне, ни даже к насилию, потому что они действительно не понимали определений ничего из вышеперечисленного. Свою кампанию против чужаков-людей они расценивали как обыкновенную борьбу с вредителями.

По мере того, как эта информация просачивалась в его сознание, до Люка, наконец, доходило, что звёздное скопление, центром которого он являлся, потихоньку возвращается во Тьме, будто движется по внешней орбите вокруг гораздо более массивного источника гравитации – чего-то такого чудовищно огромного и мрачного, накрывшего своей незримой тенью всё скопление плавильщиков. Влияние объекта на них было велико: один за другим звёзды отделялись от скопления, уносились спиралями по прерывистым орбитам к неотвратимой пустоте, пока друг за другом не возгорались последней кратковременной вспышкой, исчезая навсегда в невидимом горизонте событий.

В горизонте событий Великой Тьмы, что поглощала последние лучи света во вселенной...

«О, — мелькнула мысль. — Понятно. Чёрная дыра».

Теперь стало ясно истинное значение старого псевдонима, который выбрал себе бывший глава Имперской разведки. Здесь, посреди воображаемого пространства, Люку открылось, как Чёрная дыра, судя по всему, держал под контролем плавильщиков, каким-то образом заманивая их, отрезая друг от друга, так что все источники животворящего света сменились одним-единственным – тем, при помощи которого он подкармливал своих рабов...

Даже раздумья об этом, казалось, усилили гравитационный градиент воображаемой чёрной дыры. Люк обнаружил, что дрейфует всё ближе и ближе к горизонту событий – условному

радиусу чёрной дыры, —набирая скорость с каждым пройденным витком спиральной орбиты, теряя по мере продвижения всё больше и больше звёзд, некоторые из которых исчезали в ненасытной пасти самой неизвестности, пока другие вырывались на более высокие орбиты, и в итоге Люк остался совершенно один посреди пространства, где между ним и центром чёрной дыры не горело ни единой звёздочки...

Кроме одной.

Одна звезда, не похожая на кого из остальных встреченных, двигалась по более низкой орбите — бело-голубой сверхгигант, плававший намного ярче, чем позволяло воображение. Этот не подпитывался светом, излучаемым Люком при помощи Силы, но сиял своим собственным — практически там же ярким и мощным. Подхваченная приливной силой бело-голубая звезда падала сжимавшимся круговоротом в гравитационный колодец чёрной дыры, и, пока она падала, безжалостная космическая пустота отнимала у неё энергию и массу, а кровоточащее сердце гиганта испускало фонтаны звёздного вещества, которые тут же пожирались горизонтом событий, приближая уготованный конец для звезды, что вот-вот настигнет её во мраке Великой Тьмы.

И Люк понял, что этой звездой была Лея.

Он потянулся было к ней, но ему оказалось нечем и не за что её поймать. Успевшая сформироваться сумасшедшая идея схватить обречённую звезду, чтобы затем вырвать её из радиуса притяжения чёрной дыры, вернула Люка к реальности: всё увиденное здесь являлось лишь видением, образным представлением, и если он попытается гиперболизировать картину мира, та может лопнуть и разорваться на кусочки. Поэтому вместо первоначального плана он решил привнести собственный свет, сфокусировав луч Силы на звезде, воплощавшую собой его сестру.

Лея, продолжай двигаться, — попытался отправить Люк. — Не поддавайся Тьме. Я иду за тобой. Жди меня.

Он не почувствовал отклика — лишь непреодолимую печаль, сокрушительное отчаяние и осознание бессмысленного небытия, которое ожидает всю вселенную, и Люк даже не мог точно сказать, от кого именно исходила эта подавленность: от неё или от него самого. Он попробовал протянуть к Лее луч света, укрепить этот луч так, чтобы он превратился в поток живительной мощи, которая могла бы спасти сестру подобно тому, как сам Люк спасся благодаря найденной крошечной осветлённой трещинке на воображаемом камешке... но почему-то её звезда никак не желала разгораться. Сменился разве что цвет, но не яркость.

Он ещё слишком хорошо помнил ту ужасающую пустоту, ту бесконечную нехватку жизни, зиждившуюся в таких глубинах, где было темнее любого мрака. Если бы только он нашёл способ продемонстрировать Лее, что весь свет, в котором она когда-либо нуждалась, исходил от неё самой... но то была лишь метафора, фигура речи. Так?

То, что Бен и Йода называли Тёмной стороной, взаправду не имело тёмной окраски. Здесь вообще не следовало мыслить категориями видимого спектра. «Тёмная сторона» — не более чем термин, удобный оборот. Сокращение с выразительно-визуальным оттенком, иллюстрировавшее широкий спектр отрицательных качеств. Фигура речи. Они могли бы использовать термин «Злая сторона», или «Разрушительная сторона», или «Порабощающая галактику сторона». Однако они предпочли другой термин. Тёмная сторона. Но ведь они никогда не сталкивались с *такой* тьмой. Или сталкивались?

Быть может, им доводилось побывать здесь, посреди небытия, или, по крайней мере, мельком увидеть. Быть может, им однажды открылась истина Великой Тьмы. Быть может, поэтому они никогда не произносили вслух такой термин, как «Светлая сторона». Потому что её не существовало в природе. *«Но ведь, — подумалось Люку, разглядывавшему звёздное пламя*

своей сестры, — *только лишь потому, что так называемой «Светлой стороны» попросту нет, не означает, что не существует самого света».*

Ведь, продолжая держаться Великой Силы, он смог осуществить задуманное: пролить свет в крошечной темноте. Теперь он видел, как сияние Силы не просто окутало его. Сияние исходило от него самого. Он и был маяком, горевшим посреди тьмы.

Открытие возымело смысл. Тот же самый свет исходил от Леи, и, стоило ему осознать это, посреди чёрного ничто далеко-далеко проступили и другие огоньки, словно проткнув полотно мрака бесчисленными булавочными уколами. Некоторые огоньки он узнал: Хана и Лэндо... Веджа и Тайко, Хобби и Уэса вместе с остальными Пронырами... Ника и Эону Кантор, лейтенанта Тубрими и капитана Тиросска и многих, многих других военных – членов экипажа кораблей и десантников – и даже в тусклых, почти неуловимых огонёчках, распылённых одним облаком, угадывалось эхо присутствия штурмовиков. Все они сияли звёздами. И каждая звезда, каждая жизнь была прекрасна. Вот только Лея не видела этой красоты. Она даже не могла больше смотреть по сторонам. Её звезда гнила в чёрной дыре, чья сила тяжести не позволяла отвернуться. И Люк не мог привлечь внимание сестры, как ни старался.

И теперь чёрная дыра уловила его присутствие. Бездна, в которую он вглядывался, повернулась к нему ликом. Он ощутил её пустоту, которую не могла заполнить ни одна сила во вселенной, почувствовал её мрачный голод, который было невозможно утолить. В сознании Люка явление увеличивалось в размерах, будто открывалась огромная пасть, намеревавшаяся проглотить целую вселенную и перехватывавшая каждую частицу света, каждый ручеек надежды и каждый поток любви, которые Люк пытался направить посредством Силы. Чем дольше он вглядывался, тем дольше растрачивал все доступные резервы, и оттого он уже ничем не мог помочь сестре.

Как только пасть сомкнёт челюсти на Лее, та навсегда исчезнет в утробе Великой Тьмы.

«Ну хорошо, — подумал он. — Похоже, придётся действовать по старинке».

Он открыл глаза. Рядом присел Хан, чьё лицо потемнело от испуга.

– Эй, приятель... ты в порядке?

– Нет, – ответил Люк.

Губы Хана сжались в одну вытянутую линию.

– А Лея?

– Она жива.

– И?

Люк позволил тени, сжавшей сердце в тисках, проступить в своём взгляде. Это было всем ответом, который требовался Хану.

– Ладно, – мрачно кивнул тот. – Так что теперь?

Люк поднялся на ноги.

– Ник, – позвал он.

Ник, сидевший возле одного из посадочных шасси, вздрогнул, явно чувствуя вину.

– Э-э-э, слушаю?

– Кто такой Кар и почему мне не следует чего-то о нём знать?

У Ника отвисла челюсть.

– Ты... как ты... в смысле, чего?..

Выражение лица Люка не изменилось. Он ждал.

– О. – Ник поднял сжатые вместе ладони к шраму на лбу. Затем вздохнул. – Я понял. Что именно ты хочешь узнать?

– Всё, что сможешь рассказать за пять минут или меньше, – сказал Люк. – Потому что это всё время, которое у нас есть для победы в этом сражении.

* * *

Штурмовику, которому Кронал отдал приказ, потребовалась секунда на его выполнение, а именно – на инициализацию передачи, которая, в свою очередь, содержала в себе серию заранее заложенных инструкций, предназначенных для штатных расчётов гравитационных станций, погребённых глубоко под поверхностью Миндора. Никто, кроме прикомандированных к ним солдат, фактически, не имел представления даже о существовании этих гравитационных станций. Выстроенные широким кольцом вокруг главной базы, они порядком отличались от астероидных грави-установок, причём отличались как технически, так и функционально. Основная разница состояла в том, что рассеянные по звёздной системе проекторы генерировали гравитационные колодцы, в то время как погребённые в недрах планеты станции генерировали феномен, больше похожий на гравитационный срез – вроде того, что уничтожил «Правосудие», и задействованная в обоих случаях технология являлась передовой разработкой имперского исследовательского комплекса на Таспане II, которая и была уничтожена во время последнего испытания, окрещённого Большим разломом.

Если выражаться точнее, генерируемый этими станциями феномен и породил Большой разлом.

Эти установки заработали вновь. Невидимые волны пронесли к поверхности, пересекаясь друг с другом строго под вулканокуполом главной базы Кронала, и в точках соприкосновения образовывалась линия гравитационного градиента, подобного маленьким чёрным дырам, что мгновенно поглотили ближайшую материю – в данном случае, миндорскую почву – и произвели титанический выброс крайне жёсткого излучения, что превратил ближайший участок планетарной коры в перегретую плазму. В результате высвобожденное излучение только скачкообразно усилилось, рассекая поверхность планеты гигантскими лезвиями и образуя тем самым окружность, по центру которой находилась база.

Канониров, засевших внутри турболазерных сооружений наземной обороны, явление убило на месте, поскольку исторгаемые из-под земли вспышки излучения выходили не вертикально вверх, а под определённым углом к склонам вулкана, испарив защитников базы за доли секунды. Нападавшим десантникам и пехотинцам повезло чуть больше: окопавшись на вершине по периметру ионной зенитной батареи, они получили секунду-другую в своё распоряжение, чтобы рассмотреть окружившее их вдруг ослепительно-белое марево прежде, чем оно расплавало их доспехи и сожгло каждого оставшегося без защиты солдата до горстки чёрных угольков. Сам же вулкан, будучи смещённым, заполнился магмой, которая принялась извергаться из разломов вокруг горы потоками бурлящей лавы, поглощая всё, что уцелело после первоначального выброса.

Фенн Шиса и его мандалорские наёмники, которые в этот момент решительно занимали помещение за помещением возле гравитационной пушки, ощутили только внезапную потерю связи и грохочущую вибрацию, похожую на разразившееся вдалеке землетрясение. Затем тела мандалорцев на порядок отяжелели, будто каждый из мужчин разом набрал килограмм или два.

Для пилотов Разбойной эскадрильи, которые вели непрерывные бои над базой противника, произошедшее предстало громадным шаром невероятно яркого пламени, окружившим весь вулканокупол и быстро сошедшим на нет, когда ионизирующее излучение воспламенило атмосферу, сформировав огненный смерч. После того, как новоявленная буря принялась затягивать внутрь себя пыль, песок и камни, Проныр оглушила заголосившая в их кабинах сирена радиационной опасности. Одновременно пилоты истребителей обнаружили следующее: излучение, похоже, поджарило им позиционные датчики, которые хотя и настаивали на том, что машины кружат высоко над поверхностью, всё же безбожно ввали, вступая в противоречие с увиденным самими пилотами, чьи глаза наблюдали стремительное падение вниз, к вулкану.

Уэсу Дженсону первому пришла на ум догадка, которой он, надрывая глотку, поделился в эфире с остальными.

– Подождите, до меня дошло! Это не мы падаем, это база приближается к нам!

Так уж сложилось, что наиболее полное понимание ситуации, а также сделанные из неё краткие выводы, принадлежали Лэндо Калриссиану. С мостика «Памяти Альдераана», спрятавшегося вместе со всей оперативной группой за горизонтом посреди моря ударных кратеров, генерал Новой Республики пристально наблюдал за вспышкой излучения и грибовидными клубами выбросов... а затем увидел, как из облаков вырывается весь вулканокупол, стремительно набравший ход, готовясь выбраться за пределы планеты.

Инстинктивно Лэндо осознал, что происходит. Вулкан представлял собой гигантскую глыбу, сплошь выполненную из блокировавшего излучение минерала, и таким образом база противника оставалась полностью непроницаемой даже для самых мощных солнечных вспышек. Всё, что следовало сделать обитателям базы, это улететь как можно дальше, миновав край гравитационного колодца, и тогда сам вулканокупол мог использоваться в качестве радиационного щита, способного укрыть любой межзвёздный корабль меньшего размера, который, в свою очередь, был в состоянии унести через гиперпространство кого угодно и куда угодно.

Пользуясь своим отточенным жизнью мастерством, позволявшим мгновенно оценивать расклад и доступные комбинации, Лэндо частью разума подумал, что на самом деле это была довольно-таки блестящая задумка. Он загнал мысль поглубже, чтобы как-нибудь в будущем рассмотреть её, ведь в галактике существовали системы, излучение звёзд которых являлось губительным для стандартных кораблей. Но цельный, способный перемещаться щит, прикрывавший на входе и выходе? Да, здесь открывались определённые перспективы. Затем другая часть разума – та, что игнорировала развернувшиеся перед ним возможности и вынуждала сосредоточиться на непосредственной угрозе для жизни и здоровья, – напомнила, что ни одна перспектива никогда не станет реальностью, если его корабль будет уничтожен вместе со всей Оперативной группой быстрого реагирования, вероятность чего только нарастала, поскольку ионно-турболазерная батарея и безумно опасная гравитационная пушка занимали вершину вулканокупола. А это означало, что как только база достигнет орбиты, ей стоит лишь развернуться обратно к планете и навести орудие на Миндор. В любую точку его поверхности. Например, к ударным кратерам, где в настоящий момент прятались корабли оперативной группы – и «Память Альдераана» с генералом Калриссианом на борту. И это укрытие они не могли покинуть, потому что на дневной стороне планеты их тут же выжгут дотла солнечные вспышки таспанского светила.

Свой краткий и ёмкий анализ сложившейся ситуации Лэндо изложил всего в трёх словах.

– У нас проблема, – подытожил он.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Наблюдая за летающим вулканом, который медленно вращался, поднимаясь к ночному небу Миндора, Лэндо почувствовал, как на его лбу выступили бисеринки пота. Лейтенант, отвечавший за тактику, доложил о следующих расчётах: восемьдесят секунд до готовности стрельбы со стороны ближних ионных пушек и ещё двадцать секунд сверху для всей зенитной батареи, включая гравитационную пушку.

– Фенн, – пробормотал Лэндо в персональный комлинк, – скажи, что у тебя есть хорошие новости. Я серьёзно.

Командующий Мандалорскими защитниками в этот момент залёг плашмя за тем, что осталось от разрушенной взрывом стены внутри пехотного бункера гравитационного орудия. Рядом с Шисой находились ещё шестеро командос вместе с тем самым командером, переманённым на сторону Новой Республики. Все они, окутанные дымом и покрывшиеся с головы до пят каменной пылью, изо всех сил пытались выдать себя за несколько сотен кровожадных мандалорцев. Спектакль предназначался двум полным ротам тяжеловооружённых штурмовиков, которые удерживали оба опорных пункта слева и справа от взрывоустойчивых дверей – с виду настолько устойчивых, что наверняка могли выдержать и термоядерную бомбу. Целью Фенна Шисы и его звена являлось отвлечь штурмовиков от настоящих нескольких сотен кровожадных мандалорцев, которые вот-вот прорвутся сквозь стену на фланге опорного пункта. В любую секунду.

Или, может быть, в любую минуту.

Так он надеялся.

– Говорить пока не о чём, Лэндо. – Фенну пришлось перейти на крик, чтобы услышать собственный голос на фоне бластерных разрядов, грохота термальных детонаторов и канонады тяжёлых орудий. Он выставил винтовку куда-то за пределы укрытия и выстрелил вслепую. – Это место бронировано как сокровищница хатта – наши пробивные заряды почти не оставляют следов! Может, у твоих десантников найдётся что-то покруче?

На мостике «Памяти Альдераана» Лэндо потёр переносицу. Судя по увиденному отсюда, вряд ли кто-то из десантников, закрепившихся по периметру ионной батареи, смог выжить, за исключением тех солдат, которые зачищали бункерные сооружения непосредственно изнутри. Генерал издал глубокий вздох.

– Хорошо, приступаем к плану Б.

Он раздал ряд коротких приказов, после которых команда мостика, однако, тупо уставилась на генерала с разинутыми ртами.

– Вы меня слышали, – бросил Лэндо. – За работу!

Офицеры на мостике живо вернулись к своим приборам. Лэндо же повернулся к Си-3ПО.

– Ну а ты чего ждёшь?

– Я? – Дроид прижал руку к механическому корпусу, будто обращались не к нему. – А что я должен сделать?

– Этот крейсер напичкан системами мон-каламари, – стал максимально терпеливо объяснять Лэндо. – А корабли заграждения – кореллианской сборки. Они не говорят на одном языке.

– Ну конечно, нет. – Си-3ПО издал разряд статики, подозрительно похожий на презрительное фырканье. – Мне ещё не встречалась такая кореллианская система, которая могла бы похвастаться какими-либо манерами, а вот «Память Альдераана», несмотря на её несколько грубоватое чувство юмора, – это сгусток исключительной утончённости. Даже элегантности...

– Да пусть так, без разницы, – прервал его Лэндо. – Но для осуществления задуманного у кореллианских кораблей также нет нужной вычислительной мощности. Нам придётся предоставить им доступ к процессорному массиву «Памяти Альдераана».

– О боже! Для этого потребуются услуги...

– самого способного и искусного протокольного дроида на свете, – закончил Лэндо с ободряющей улыбкой. – Принимайся за дело.

Си-3ПО даже ахнул от волнения.

– Генерал! Я? Я вынужден признаться, это так мило! Я в самом деле весьма польщён...

– Наслаждайся моментом за работой. – Лэндо отвернулся и вновь активировал комлинк. – Фенн, мне нужно, чтобы ты отступил.

Последовало молчание на секунду-другую, а затем раздалось мрачное:

– Насколько далеко?

– Убирайся оттуда в полном составе. Когда гравитационная пушка приготовится открыть огонь, мы нанесём ответный удар. Всем, что есть.

– Ты видел, в какой панцирь они заключили это место? Вам потребуются часы, чтобы снять защиту!

– Да, если будем бить целенаправленно.

После очередной паузы генералу пришёл ответ:

– Принято. Лэндо, не жди нас.

– Фенн...

– Мы никогда не пойдём на такое. Делай то, что должен. Спасай флот.

– Ты не понимаешь, что именно вскоре случится...

– Мы – мандалорцы. Мы живём ради этого. И умираем только так.

– Прекрати! Ненавижу эту чушь!

Лэндо прикусил нижнюю губу и, постояв так мгновение, сделал глубокий вдох, пытаясь набраться твёрдости.

– Офицер ТО, – обратился он к лейтенанту, ответственному за тактическую составляющую, – «Копьеносец», «Старина» и «Невоспетый» уже на позиции?

– Да, согласно докладам.

– Когда «двойные семёрки» накроют цель, огонь по готовности.

* * *

В кабине «крестокрыла» Веджа Антиллеса раздался сигнал тревоги: он очутился в зоне поражения дружественного огня. Быстрая проверка сканированием ближнего радиуса выявила три переоборудованных кореллианских фрахтовика, которые заходили с ночной стороны Миндора на летающую крепость врага. Неподальёку четвёрка уцелевших КК-7700/Е выстроилась в подобие необычной ломаной линии. Веджу оставалось только догадываться, что именно задумали

крейсера, но у него не оставалось времени на раздумья, поскольку троица фрахтовиков уже поворачивалась бортами. Одновременно они переходили в замедленную управляемую бочку: старый флотский трюк, обеспечивавший максимальный и непрерывный заградительный огонь, поскольку скорострельность главных орудий ограничивалась способностью рассеивать жар и перезарядкой конденсаторов, и, пока одни пушки остывали, в дело благодаря вращательному манёвру сразу же вступали другие.

Когда Ведж увёл «крестокрыл» по дуге в сторону от летающего вулкана, он активировал коммуникатор и вывел общую частоту.

– Всем истребителям Республики: выйти из боя и отступить! Становится слишком жарко! Повторяю: мы меж двух огней!

Истребители брызнули врассыпную, словно тараканокрысы, застигнутые врасплох солнечным светом. «Копьеносец», «Старина» и «Невоспетый» синхронно открыли огонь, чередуя залпы в точечной последовательности, обрушив на вражеские установки ПВО непрекращавшийся плазменный ливень. Такая тактика была необходима не столько для нанесения реального ущерба, сколько в качестве весьма жёсткой меры противодействия, которая не давала системам наведения установок как следует прицелиться из-за вынужденного поглощения тепла.

Две из пяти ионно-турболазерных пушек были успешно выведены из строя brave десантниками Новой Республики. Оставшиеся же три приступили к работе, организовав мощную контрбатареиную завесу и ориентируясь по приблизительным векторам республиканских залпов. Подставленные бока трёх фрахтовиков украсились бесшумными взрывами, и вскоре они вели огонь уже сквозь облака собственной испарившейся обшивки. А затем центральная конструкция, защищавшая гравитационную пушку, раскрылась как огромное веко, откуда стал поглядывать бледный зрачок.

– Ну всё, началось! – выкрикнул в эфир капитан Тиросск без особой на то надобности. – Всем держаться за что-нибудь!

Гравитационная пушка выстрелила.

Зоркий наблюдатель, который знал, куда и в какой момент смотреть, наверняка смог бы увидеть пролёт гравитационных бомб. Когда снаряды промчались вниз, сквозь плазменный шторм, образованный синхронизированным турболазерным огнём, радиус действия бомб – своеобразные горизонты событий крошечных размеров – принялись поглощать всевозможные заряженные частицы, что, выпадая из структуры вселенной, испускали непрерывные потоки сильного излучения. Эти потоки, в свою очередь, усиливали и ещё сильнее распыляли плазменные облака вокруг, приводя к появлению бело-голубых полос наподобие лазерных трасс.

Гравитационная пушка разрождалась такими залпами каждые три секунды, распыляя снаряды по узкой спиральной дуге и не делая никаких попыток прицелиться по конкретным кораблям. Этого и не требовалось: лазерный луч, даже задевший корабль по касательной, мог буквально разорвать его на части.

Как, например, произошло с «Невоспетым».

Экипажам мостиков «Копьеносца» и «Старины» оставалось только беспомощно наблюдать, как «Невоспетый» скручивается, выворачивается наизнанку и, наконец, раздирается в клочья. Хотя фрахтовики разделяли сотни километров, двое оставшихся ощутили на себе последствия гравитационных ударов в виде раз за разом прибывавших волн энергии. Кроме того, с распадом «Невоспетого» значительно снизился огонь на подавление, который проводили суда Новой Республики. Как следствие всего этого, вскоре у «Копьеносца» и «Старины» завизжала сирена, предупреждавшая о том, что оба корабля оказались на мушке у противника.

– Приготовиться к увеличению скорострельности на пятьдесят процентов, – приказал Тиросск своим скрежещущим голосом. – Синхронизируйтесь со «Стариной» повторно.

Когда координатор управления огнём возразил, напомнив, что такой ход сожжёт турболазеры, Тиросск только пожал плечами.

– Они и так сгорят, когда корабль взорвётся. Выполнять.

Гравитационные выбросы продолжались, оставляя за собой всё больше вихревых следов. Они устремились к скоплению крупных кораблей, всё ещё беспомощно собранных на ночной стороне Миндора, не имея подходящих щитов, брони или оружия, которые могли бы уберечь их от угрозы.

Угрозы, свести на нет которую могла разве что изобретательность генерала Лэндо Калриссиана.

В строю «двойных семёрок» роль головного судна отводилась «Минутке», находившейся под командованием капитана Ява Патрелла, который отслужил добрых три с половиной десятка лет на кораблях-заградителях. Когда офицер-штурман объявил о скором приближении первой гравитационной волны, Патрелл не колебался ни секунды.

– Всем кораблям, – заговорил он. – Приступайте.

Пока команда мостика решительно занялась выполнением поставленных задач, старший помощник Патрелла наклонился к капитану и тихо, почти шёпотом, спросил:

– Вы правда считаете, что это может сработать?

– Конечно, это сработает! – рявкнул Патрелл: впечатляющая демонстрация самонадеянности, поскольку капитан был абсолютно уверен, что ситха с два им удастся осуществить задуманное. Такое убеждение подкреплялось многолетним опытом службы на кореллианских кораблях-заградителях, во время которой не случалось и намёка на то, что бортовые проекторы гравитационных колодцы могли быть настроены или выверены с ювелирной точностью, необходимой для подобного рода трюков.

Однако, за все тридцать пять лет службы Патреллу также не доводилось пользоваться выдающимися техническими достижениями мон-каламари, не говоря уже о главном процессоре их линейного крейсера.

Стоило первому эшелону гравитационных бомб миновать «Копьеносца» со «Стариной», как заработали проекторы гравитационного колодца, расположенные на «Минутке». Взаимодействие двух мощных источников гравитации привело к тому, что каждый снаряд отклонился от курса на несколько градусов, и сразу же после этого идущий вторым КК-7700\Е подал аналогичный импульс на собственные проекторы, уводя бомбы ещё дальше – настолько, что те пролетели и мимо обоих крупных кораблей оперативной группы, и мимо поверхности планеты. Однако на их пути оказались другие «двойные семёрки», идущие в хвосте колонны. Третьему крейсеру предстояло направить бомбы обратно к планете, вернее – по тангенциальной параболе к последнему кораблю, который, используя архисложные процессоры «Памяти Альдераана», увёл бы убийственные снаряды к нужной цели.

Весь опыт капитана Патрелла настаивал на том, что проекторы кораблей-заградителей ни в коем случае не должны работать внутри естественного гравитационного колодца планеты, поскольку проекторы создавали слишком мощную и чужеродную для планеты силу. Для Миндора это было равносильно тому, как если бы близко к поверхности вдруг появились четыре луны средних размеров.

Первые землетрясения начались всего через несколько секунд после того, как «Минутка» запустила свой цикл, и в результате этого планетарная кора пустилась в *пляс*: целые тектонические пласты принялись подниматься и тут же обрушиваться, скручиваться и

выворачиваться обнажившимся нутром. Землетрясения усугублялись близким прохождением гравитационных бомб, чья изменённая траектория являлась результатом творческого гения генерала Калриссиана, охарактеризовавшего такой манёвр как «Получи-ка своё обратно, шлаковая ты образина, посмотрим, как тебе понравится это».

Приблизительно через восемь с половиной минут первая из гравитационных бомб достигнет зоны вокруг летающего вулкана и примется разрывать его на куски.

К сожалению, заданный темп огня гравитационной пушки и физические явления вблизи гравитационных волн добавили к произведённым расчётам небольшую долю непредсказуемости.

Именно эта непредсказуемость внесла свои коррективы и послужила причиной того, что «Держатель» – вторая «двойная семёрка» в линии – при подходе очередной гравитационной бомбы не отклонил её куда-нибудь подальше от Миндора и оперативной группы, а перенаправил в свой собственный корпус по левому борту. У капитана «Держателя» было достаточно времени, чтобы увидеть показания датчиков и произнести «Ой...» как раз перед ударом гравитационной бомбы.

Точечная масса снаряда пронзила крейсер почти без сопротивления, и эффект разорвавшейся бомбы был сродни гравитационному срезу, который освободил вулканокупол от удерживавшей его земли. Произошло мгновенное извержение высокоэнергетического излучения – достаточно мощного, чтобы образовать в корпусе крупного корабля зияющую брешь, настолько большую, что искусный пилот смог бы влететь в неё на «крестокрыле» и выскочить с другой стороны. Ударная волна разделила корабль напополам и разнесла оба фрагмента в разные стороны.

За мгновение до гибели «Держателя» капитан Патрелл уже вызывал начальство.

– Генерал Калриссиан, – хладнокровно произнёс он, – у нас проблема.

– Сам вижу. – Лэндо наблюдал, как оставлявшая лазероподобный след гравитационная бомба вошла в атмосферу Миндора. Удар произошёл вдали, осветив горизонт планеты термоядерным взрывом. – Я забираю оставшиеся суда оперативной группы обратно на орбиту, это наш единственный шанс выжить. Если не считать того...

Если не считать того, что сверхмощные датчики «Памяти Альдераана» уже уловили гравитационную аномалию, которая осталась на месте улетевшего вулканокупола и теперь обширным кратером распространялась внутрь миндорской коры. Электронный мозг корабля насчитал два стандартных часа до того, как планета попросту перестанет существовать. Миндор ожидала судьба собрата в виде разбухавшего сфероида из новообразованных обломков... и попадание каждой гравитационной бомбы, которых теперь было некому отклонять, только приближало эту участь, сокращая отведённое время.

А с распадом планеты исчезнет и ночь, защищавшая корабли Новой Республики от солнечных вспышек.

Когда оперативная группа покинула атмосферу, Лэндо оставалось только смотреть вниз, следя за покрывшейся вспышками поверхностью. Происходящее казалось каким-то кошмаром. Где-то там, внизу, был Люк. И Хан с Леей. А Лэндо только что помог врагу взорвать планету.

Единственным утешением являлся тот факт, что сам Лэндо вряд ли проживёт слишком долго, чтобы мучиться самобичеванием. Никто из них не проживёт. Он поднял взгляд к летающему вулкану и подумал о направлявшемся туда потоке из десятка гравитационных бомб.

– И ты не проживёшь достаточно долго, чтобы отпраздновать победу, – злорадно выдал Лэндо.

Он отдал ряд новых приказов, после чего уцелевшие корабли оперативной группы построились в формацию для полномасштабной атаки. «Память Альдераана» первой достигла

орбиты, и вскоре флагман окружили четыре линейных крейсера. Две сотни истребителей заняли весь периметр, затем рассредоточились одной линией и принялись стягивать летающий вулкан тугим кольцом, направив на него пушки, одновременно оставаясь вне зоны поражения со стороны орудий крупных кораблей. Три уцелевшие «двойные семёрки» разделили окрестное пространство по секторам, утягивая гравитационные бомбы как можно дальше от оперативной группы.

– Предлагаю сделать так, чтобы они даже не догадались о наших намерениях накормить их же собственным оружием, – объявил Лэндо. Он обернулся к старшему помощнику. – Огонь.

Оперативная группа обрушила на вражескую базу водопад из чистейшего разрушения. Не защищённый дефлекторами или армированной обшивкой, летающий вулкан вспыхнул облаками сверхзаряженной плазмы, которая накрыла базу огромной мерцающей пеленой, поглощавшей турбозарядное пламя и разрывы протонных торпед. Ничего, решил про себя Лэндо, ведь всё, что имело значение прямо сейчас, так это восемь или десять гравитационных бомб, что возвращались туда, откуда появились.

И прежде, чем планета прикажет долго жить, а звёздный шторм – поглотит оперативную группу, генерал Калриссиан возымеет удовольствие наблюдать, как летающий вулкан превращается в пыль от выпущенных им же бомб. Пусть для Лэндо это не станет таким уж утешением, всё же он будет с нетерпением ожидать, пока хотя бы одна бомба не достигнет цели. Нет – все бомбы, до единой.

«Паршивое местечко для смерти, – подумал он. – Хуже не придумаешь места, где Новая Республика потеряет Люка, Хана, Лею и Чуи. И Проныр. И меня заодно. Что ж, по крайней мере, мы забираем вместе с собой и плохишей».

Он поймал себя на том, что с некоторым восторгом размышляет над историями, которым предстоит закончиться здесь, посреди маленькой захолустной системы за шесть прыжков от Хайдианского пути... Лэндо позволил себе обдумать, как именно продюсеры голотриллеров покажут эту историю общественности. Он предчувствовал, что голографисты попытаются сотворить нечто славное и грандиозное и назовут свой шедевр чем-то вроде «Последний из джедаев: Финальная битва», приправят сюжетной линией с обречённой любовью, а ещё там покажут одного типа, который некогда был просто карточным шулером, но в итоге ушёл как герой... пусть на самом деле всё было и не так.

«На самом деле, нас в итоге сделали по полной программе, – пессимистично подвёл итог Лэндо. – Они изначально превосходили нас численностью. Затем втянули нас. И мы окунулись сюда с головой, потому что считали себя непобедимыми. Мы думали, что хорошие ребята всегда побеждают».

Из всех них лишь Люк славился тем, кто никогда не страдал от подобных заблуждений. Хорошо, почти никогда. Хан однажды поведал, как в Люке что-то изменилось после Беспина. Каким-то путём (который никогда не откроется Лэндо или Хану, Лее и Чубакке) Люк осознал, насколько тёмной на самом деле является вселенная.

Лэндо догадался, откуда происходила скромность Люка, подкреплённая смирением. От его же доброты. От его трогательной веры в то, что разумные существа могут измениться к лучшему. Наверное, поэтому он редко улыбался и почти никогда не шутил. Потому что доброта была самой что ни на есть искренней. Она была жизненной артерией, из которой Люк черпал свою силу. Спасательным тросом, за который он цеплялся даже тогда, когда падал в бездну.

«Так же, как и мы все цеплялись за него самого, – мелькнула мысль. – Он был символом нашей надежды. Пока Люк Скайуокер оставался жив, мы все надеялись на лучшее».

Вот что сегодня теряла Новая Республика.

Надежду.

Учитывая происходившее внизу, Люк, по всей видимости, уже был мёртв. А уж если он каким-то чудом и выжил, то что он, Лэндо, мог с этим поделать? Имелись ли какие-то веские основания возложить надежду всей галактики на плечи одного её обитателя?

Хотя вопрос был риторическим и не требовал ответа, Лэндо, тем не менее, получил свой ответ, поскольку офицер-связист объявил хриплым и взволнованным голосом:

– Генерал Калриссиан, я улавливаю сигнал... на курсе перехвата корабль...

Идентификационная сигнатура подтверждена – это «Тысячелетний сокол»!

Лэндо почувствовал, как вселенная сдвинулась на пару градусов правее.

– Что?

«Разве такое возможно?»

– Они включили цикловую передачу. На всех диапазонах.

– Включи динамик.

– ...Скайуокер. Всем республиканским кораблям: выходите из боя и отводите войска. Всем имперским силам: полковник КП-1000 повышается в звании до маршала. Маршалу КП-1000: отныне вы командуете всеми имперскими войсками в системе Таспан. Прикажите отключить подпространственные помехи и незамедлительно приступить к безоговорочной капитуляции. Когда таковая будет завершена, вы окажете помощь в эвакуации гражданских. Повторяю: это Люк Скайуокер. Всем республиканским кораблям...

– Выруби.

Долгое-предолгое мгновение Лэндо только стоял как вкопанный и глядел в одну точку. Ему не приснилось? Неужели Люк взаправду верил, будто можно вот так просто взять и приказывать имперцам сдаться?

Это противоречило здравому смыслу. Ситх раздери, это было не вписывавшееся ни в какие ворота безумие.

– Сэр? – позвал связист. – СИД-истребители отступают.

– Что? – переспросил Лэндо.

Офицер посмотрел на другую консоль.

– Подождите, пришло сообщение, что гравитационная пушка смолкла. – Связист захлопал глазами. – А подпространственная связь – заработала.

– Что?

Навигатор, в свою очередь, мог только покачать головой.

– Гравитационные тени сходят на нет – станции в системе отключаются, сэр! Окно для гиперпрыжка откроется через двенадцать минут.

И Лэндо, к своему немалому изумлению, обнаружил, что ноги сами понесли его вперёд, руки принялись жестикулировать, а с губ стали невольно слетать приказы, задававшие места сбора вместе с координатами для прыжка и предписывавшие проводить поисково-спасательные операции, хотя большую часть мыслительной энергии разум тратил на один-единственный вопрос: «Что?!»

* * *

Фенн Шиса прижался спиной к переборке и нахмурился, глядя на мигавший красным индикатор заряда своей бластерной винтовки. Десять одиночных выстрелов. Одна граната. Может, этого хватит, чтобы продержаться до ответного удара Лэндо, что превратит их всех в пар.

Он обменялся мрачными взглядами с командером наёмников, который находился точно в такой же позе по другую сторону взорванного люка. Коммандер оставался рядом, следуя славнейшей мандалорской традиции: прикрывай отступление своих бойцов и, если понадобится, умри за них. Фенн Шиса, в свою очередь, остался вовсе не потому, что командовал солдатами. И не потому, что командовал Мандалорскими защитниками и даже не из-за титула «лорд Мандалор». Он стоял там, где стоял, потому что был Фенном Шисой.

Он уже избавился от своего шлема – случайный рикошет вывел из строя внутришлемный дисплей, отчего автоматический регулятор яркости затемнил визор до невозможности – и сразу после этого подцепил шальной разряд, вознаградивший его ожогом возле виска и опалёнными волосами. В сгустившемся дыме то и дело мерцали алые вспышки; смердело запахом поджаренного мяса и озоном.

Бластерный огонь, лившийся сквозь дверной проём, приостановился лишь на миг – достаточный, чтобы к ногам атакующих прилетела парочка термальных детонаторов. При первом соприкосновении снаряда с полом Фенн впорхнул внутрь и сразу двинулся правее, запустив на ходу противотанковую гранату. Когда бластерные разряды в тумане сместились в его сторону, командер наёмников проскользнул в бункер и ушёл влево. На всё ушли считанные мгновения: уже через долю секунды после манёвра позади раздался взрыв, прорвавшимся струёй пламени вслед за мандалорцами.

Фенн успел разглядеть, откуда по нему вёлся огонь. Он побежал по крутой дуге, не переставая стрелять в ответ и не целясь, но вынуждая противника держать головы опущенными, а, когда заряды бластерной винтовки опустели, Шиса превратил себя в тугую пружину, которая распрямилась прямо на позиции врагов одновременно с командером, ринувшимся слева. Фенн бросился в рукопашную атаку отчасти потому, что в его нарукавниках скрывались клинки (да и мёртвые бы не возражали, если бы он прихватил по пути их оружие), однако прежде всего он был Фенном Шисой, и если сегодня ему суждено умереть, он свалится замертво, успев перед этим вцепиться в горло убийце.

Однако прежде, чем Фенн добрался до чьего-либо горла, с другой позиции дым пронзила порция новых бластерных разрядов. Фенн стиснул зубы и продолжил бежать, поскольку мог выдержать пару попаданий и сбить нескольких врагов прежде, чем потерять сознание навсегда... но разряды не поразили бегущего мандалорца, казалось, будто они вообще не были направлены в его сторону. Разряды пронеслись слишком высоко, над шлемами штурмовиков, на которых бросился Фенн, а сопровождался огонь властными криками о капитуляции. Но Фенн уже был готов умереть, поэтому он проигнорировал крики, зацепил пальцами левой руки под шлем ближайшего стрелка, замахнулся кулаком правой, чтобы воткнуть потайное лезвие в кадык... и остановился.

Штурмовик не сопротивлялся. Он вообще не прикладывал никаких усилий для того, чтобы освободиться или избежать гибели. Он просто замер, разведя в стороны пустые руки и ждал, когда Фенн прирежет его как откормленного грундилля.

Фенн моргнул, будучи не в силах поверить в увиденное. Ещё меньше он был способен поверить в то, что случилось потом, когда позади, в бункерном люке показался штурмовик в чёрных доспехах. Фенн напрягся, стряхивая оцепенение, но штурмовик поднял бронированную перчатку – тоже пустую – ладонью вперёд.

– Ни дину нер гаан наакус, джорку ни ну копаани кир'амад нер вод, – проговорил штурмовик.

Фенн Шиса мог только уставиться на него скептическим взглядом.

Вошедший странным образом расставлял ударения – что неудивительно, учитывая его чётко выраженный корусантский акцент – но смысл сказанного был предельно понятен, а сам мандо'а – безупречен.

Уважь мою просьбу о перемирии, потому что я не хотел бы по собственной воле пролить кровь брата.

– Да ну?

– Лорд Мандалор, Император Скайуокер передаёт привет, – перешёл на общегалактический штурмовик. Он носил эмблему полковника. – Ситуация изменилась.

Фенн даже разинул рот от удивления.

– Император... Скайуокер?

«Ситуация изменилась» – слишком слабо сказано.

– Мы укрепили бункеры орудий класса «земля-орбита», – продолжал тем временем полковник. – Генерал Калриссиан просит вас помочь эвакуировать гражданских. Несколько тысяч мирных жителей, которых Император Скайуокер приказал защищать.

В конечном итоге Фенну Шисе оставалось разве что похлопать глазами и задуматься, а не пропустил ли он в горячке боя ещё пару разрядов в голову. Тем не менее, он вместе с командером наёмников последовал за имперским полковником обратно к взрывоустойчивым дверям, минуя комнату за комнатой и задыхаясь от вони, которую источали обломки, обугленные тела и пропитавшийся озоном воздух. Полковник набил короткий код на дверной панели, и огромные плиты дюрастали принялись расползаться в стороны.

В пункте управления гравитационной пушкой их ждали несколько десятков штурмовиков, которые, сложив руки по швам, выстроились настолько ровными рядами, как будто на пороге появилась инспекция с проверкой. Их винтовки были сложены с выверенной по миллиметру аккуратностью, дальше обнаружилось штатное оружие ближнего боя, размещённое в виде идеального квадрата. Наконец, за оружием возвышалась пирамида из чёрных шлемов, навевавшая у Фенна приятные воспоминания о гряде отрубленных голов, которую как-то устроили джалтирские племена на Тоскховвле VI.

– Не могу... это невероятно, – выдал, наконец, он. – Мы не смогли даже подступить вплотную, попытались прорваться через стены и потерпели фиаско...

– Потому что у вас не было кодов разблокировки главных дверей, – заметил полковник.

– И что, они просто сдались?

– По моему приказу. – Судя по голосу, полковник ничуть не смущался, будто нечто подобное происходило каждый день. – Я – старший офицер. Ни один штурмовик не помышляет о неповиновении.

– А если бы помышляли?

– Это могло бы вызвать некоторые затруднения, поскольку Император Скайуокер лично проинструктировал меня и моих подчинённых, обязав свести к минимуму любое кровопролитие. Я благодарен за то, что не мне пришлось принимать решение.

– Полковник...

– Маршал, – поправил мандалорца штурмовик со скрытыми нотками гордости. – Сам Император удостоил меня повышением звания в боевой обстановке.

– Император Скайуокер, – медленно проговорил Фенн, пытаясь придать диалогу хоть какой-то смысл.

– Избранный наследник Палпатина Великого, – чопорно подхватил новоиспечённый маршал. – Разве ты не смотрел «Люка Скайуокера и месть джедая»?

– Э-э-э...

– Разумеется, там всё преувеличенно.

– Ну разумеется.

– Но основано на реальных событиях.

– Э... ага.

– И весьма впечатляет, – не унимался маршал. – Просто шедевр. Этот фильм изменил мою жизнь.

Услышанное всё ещё не укладывалось в голове Фенна.

– Когда взрослый мужик, – заговорил он, – уверяет, что какая-то голодрама изменила его жизнь, обычно он как минимум утрирует.

– Я не утрирую.

– Начинаю верить.

– А теперь, если ты не против, созови своих подчинённых и следуй за мной. – С этими словами маршал развернулся и зашагал к выходу из бункера. – Хотя войска генерала Калриссиана делают всё возможное, чтобы задержать или предотвратить разрушение этого объекта, оно может начаться минут через шесть.

Едва он закончил это говорить, как пол будто провалился на полметра, а затем вспучился и сбил с ног всех обитателей базы. Одновременно пол и стены разразились душераздирающим рёвом, который обрушился на них словно невидимый молоток и вышиб дыхание. Отголоски грохота ещё сотрясали бункер, пока от толстого слоя брони не начали откалываться куски вместе с обломками пермакрита, падавшего прямо на головы...

Когда рёв стих до скрежещущего рокота, Фенн с трудом принял сидячее положение, выкашливая пермакритовую пыль.

– Кажется, ты не учёл погрешность, когда говорил о шести минутах, верно?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Первой же из десятка гравитационных бомб летающий вулкан получил прямое попадание: от горы отделилось семь или восемь сотен метров, которые превратились в астероиды, пронёсшиеся на огромной скорости сквозь расширявшееся плазменное облако. Целых два ряда маневровых гравидвигателей, что перемещали базу в нужную сторону, были попросту уничтожены, а оставшиеся два ряда были дестабилизированы ввиду повреждения центрального координирующего узла. Эти оставшиеся гравидвигатели принялись раскачиваться в случайных направлениях, поскольку их автоматические компенсаторы тщетно пытались найти ту конфигурацию, которая продолжала бы вести объект по запрограммированной траектории.

В результате возникшие перегрузки принялись разрывать базу на части.

Процесс самоуничтожения существенно ускорился с появлением оставшихся гравитационных бомб. Три «двойных семёрки» Новой Республики устремились к летающему вулкану под крутым углом, выжимая максимум из проекторов гравитационного колодца, при помощи которых надеялись – напрасно, конечно же – увести снаряды достаточно далеко от горы,

однако бомбы возвращались к вулкану намного быстрее, чем вылетали из него, поскольку скорости им прибавили гравитация планеты и предыдущие манёвры кораблей-заградителей.

Это означало, что три тысячи четыреста двадцать шесть не участвовавших в битве лиц – граждан Новой Республики, злостно похищенных и насильно отправленных в рабство, а теперь испуганно теснившихся посреди того, что когда-то было сортировочным центром – осталось жить примерно четыре минуты. Их ожидал холодный вакуум, от которого пока оберегала герметичная оболочка, возведённая вокруг сортировочного центра. Кроме того, все доступные шаттлы не только не уместили бы и десятой части несчастных, но и в настоящее время находились снаружи, закреплённые на вершине вулкана. Добраться до них означало преодолеть сотни метров того же безжалостного вакуума, а защитных костюмов в распоряжении эвакуируемых не имелось.

Хан смотрел сквозь транспаристаль кабины, и его лицо было таким же мрачным, как и чернота самого космоса, раскинувшегося снаружи.

– У них нет ни единого шанса.

– У них есть как раз один, – настаивал Ник, занявший кресло второго пилота. – Тот же шанс, что и у тебя. На их стороне Скайуокер.

– Думаешь, этого достаточно?

– Для тебя этого оказалось достаточно, – заметил Ник. – У Скайуокера есть план. – Он повернулся к Люку и понизил голос. – У тебя же есть план, верно?

– По правде говоря, – отозвался Люк, – есть.

Перед тем, как принять командование оперативной группой, Люк ознакомился с данными на каждый корабль своего подразделения. Поэтому он знал, что три кореллианских фрегата в составе группы были переоборудованы из тяжёлых фрахтовых судов. Однако, согласно данным, часть изначальной конструкции не подвергалась изменениям и была сохранена в исходной конфигурации, чтобы избежать возмутительно дорогой переоснастки.

Одним из таких элементов являлся конвейерный откидной мост, предназначенный для транспортировки грузов к другому кораблю или, наоборот, с другого корабля в условиях вакуума. В общем и целом, мост представлял собой пролётное строение, служившее каркасом движущейся ленте шириной около шести метров и длиной в сто метров, которая окружалась силовым щитом в виде туннеля для поддержания атмосферы. Также лента была оборудована несколькими генераторами искусственной гравитации, гарантировавшими не только сохранность груза, но и то, что любая транспортировка пройдёт по наклонной, то есть «сверху вниз».

«Копьеносец» и «Старина» были экипированы такими конвейерными мостами, кроме того, эти два фрахтовика-фрегата располагались ближе всех к летающей базе. Фактически, «Копьеносцу» оставалось только вычислить максимально точную траекторию и развернуть мост к склону вулкана – и на всё уйдёт не более двух минут.

По координатам, предоставленным Люком, компьютер «Копьеносца» обнаружил широкую плоскую равнину, выполненную из твёрдой породы. Капитану Тиросску по понятным причинам не хотелось рисковать своей командой, подводя корабль настолько близко к летающей горе, что в данный момент разваливалась на куски, – и всё ради развёртывания конвейерной конструкции, использование которой ещё оставалось под вопросом.

– Ну закреплю я мост, накачаю атмосферой, и что дальше? – прорычал Тиросск в эфир. – Скала каким-то волшебным образом откроется и выпустит пленников?

Когда Люк ответил «Да», капитан Тиросск, питавший слабость к голотриллерам вроде «Люк Скайуокер и драконы Татуина», которые изредка пересматривал, обнаружил вопреки кричавшим обратное инстинктам, что всё так и будет.

Хан Соло не разделял этой веры. У него вообще не осталось никакой веры. Сгорбившись над приборами «Сокола», всматриваясь в склон летающей базы, он управлял кораблём, стиснув штурвал так сильно, что побелели костяшки, и сжав зубы так плотно, как будто собирался заставить корабль полететь ещё быстрее одной только силой воли. Он обернулся и посмотрел на Люка, присевшего за креслом второго пилота.

– Что, обзавёлся новыми друзьями, этими плавильщиками? Как ты представляешь себе справиться с камнем, если до него лететь ещё минуты две, а там вроде как потребуются твоя счастливая рука?

Вместо ответа Люк обратился к астромеханику.

– Ар-два, мне нужно усилить сигнал.

Маленький дроид, приютившийся за креслом Хана, протянул Люку манипулятор, словно доверчивый ребёнок, и в этот же момент на куполе астромеханика открылся порт связи, чтобы вытянуть наружу параболическую антенну. Люк взялся за механическую конечность, и Хану открылось неприятное зрелище: из ладони Люка сам собой вырос пучок глянцеви́тых чёрных кристаллов, просачиваясь внутрь инфоразъёма.

Хан поморщился.

– Без обид, Люк, но меня от этого просто в дрожь бросает.

– А представь, каково мне.

– И не подумая.

Люк выдал намёк на улыбку.

– А теперь мне нужна секунда-другая, чтобы сконцентрироваться.

«Копьеносец» занял выбранную позицию и откинул конвейерный мост, будто решил попробовать скалу на язык. Через мгновение после того, как вокруг ленты замерцал голубоватый силовой туннель, на склоне образовалась трещина, после чего камень принялся *таять*, уменьшаясь в размерах и расплываясь ущельем как ледник в разгар лета. Из образовавшейся дыры заструился свет, идеально гармонируя с сиянием туннеля. Конвейерный мост полз всё дальше и дальше, пока не достиг ожидавших внутри гражданских, штурмовиков и мандалорцев.

Первыми вышли двое мандалорских наёмников. Они вскочили на движущуюся ленту, и закрепились на ней, умело переворачивая тела по гравитационному смещению в девяносто градусов. Для них в условиях искусственной гравитации мост стал ровной горизонтальной поверхностью, и теперь казалось, будто «Копьеносец» безмятежно плыл рядом с вулканом, а не парил над ним. Наёмники быстро зашагали в направлении, противоположном движущейся ленте, чтобы оставаться здесь и помогать с продвижением.

Вдоль конвейерного моста расположилась пара десятков мандалорских командос, в то время как остальные организовывали очередь из гражданских. Штурмовики заботливо помогали всякому, кто был неспособен идти сам из-за возраста, травм или болезней. Мандалорцы на мосту напоминали всем:

– Не останавливайтесь. Не бегите. Упали и не можете встать – отползите в сторонку, чтобы кто-нибудь вам помог.

Вот в таком ключе и шла эвакуация из сортировочного центра, пока сама стремительно опустошавшаяся пещера неумолимо раскачивалась и тряслась из-за разрушения базы.

Никто из них не знал, что охватившие пещеру конвульсии ощущались значительно меньше, нежели в других помещениях базы. Также никто не ведал, что атмосферная целостность сортировочного центра обеспечивалась большим контингентом плавильщиков, которые не только оберегали пещеру, но и воздействовали на плавление, чтобы удерживать плотность стен с потолком, заодно минимизируя вибрацию в полу. Однако все увидели, как часть свода пещеры

неподалёку вспучивается, разжижается и опускается вниз огромными каплями маслянистой слизи.

Самая большая капля превратилась в жидкость, пролившуюся на пол пещеры, а следом за ней показался лёгкий кореллианский фрахтовик.

В момент, когда шасси коснулись поверхности, на месте, откуда с «Сокола» откидывался посадочный трап, открылся шлюз. С другой стороны опустился грузовой лифт, и через оба выхода хлынуло два потока: миндорцы, ведомые человеком по имени Трипп, и военные Новой Республики, которыми командовал Тубрими, лейтенант расы мон-каламари.

В считанные секунды трюмы «Сокола» опустели.

В кабине корабля Люк положил руку на плечо Хана.

– Продолжим? Я полагаюсь на тебя.

– Мне это не нравится, – буркнул Хан.

– Знаю. Но так надо. – Люк активировал коммуникатор. – Маршал, вы с подчинёнными должны немедленно зайти на борт. У вас осталась минута.

Ответ пришёл сразу же.

– Как прикажете, милорд Император!

Хан скривился.

– Когда-нибудь ты прояснишь мне, что за чушь собачья этот твой «император Скайуокер», да?

– Нет, – ответил Люк. – Нет, думаю, что не смогу прояснить.

* * *

У Кронала, который пребывал в абсолютной темноте Теневого кокона, оставалась лишь одна проблема.

Теневым коконом в момент его формирования он окрестил небольшую импровизированную сферу из плавлеита, сокрытую внутри тронной пещеры. Кокон парил на том месте, где когда-то располагался трон, будучи удерживаемым теми же репульсорами. Исчезли и огнепад, на фоне которой выделялся трон, и лавовое озеро, источавшее жар – все жизненные соки летающего вулкана вылились через образовавшиеся на дне трещины. Теновой кокон легонько покачивался в воздухе в такт с ударными волнами, сотрясавшими базу.

Проблема Кронала крылась вовсе не в непрекращавшихся разрушениях. Напротив, как раз разрушения он приветствовал. Если бы республиканские силы не додумались перенаправить гравитационные бомбы обратно к источнику, Кроналу пришлось бы самолично взорвать базу.

Битву при Миндоре должен был пережить только один.

Его также не беспокоил тот факт, что вся подготовка, связанная с изучением Люка Скайуокера, пошла насмарку, и что отныне придётся выдавать себя за его сестру. Одним из полезных уроков, которые Кронал извлёк из работы с Палпатином, являлась бесценная гибкость планирования. Став Леей окончательно, он попросту симитирует амнезию – следствие черепно-мозговой травмы – и будет объяснять этим любые неловкие моменты при встрече со старыми друзьями принцессы. Затем он втайне наймёт какого-нибудь сценариста, который придумает высосанный из пальца сюжет для голотриллера. Однажды Кронал даже выпустит этот

голотриллер. У него уже имелось несколько идей для названия, например, «Принцесса Лея и ловушка теней». Или, может быть, «Принцесса Лея и чёрные дыры Миндора».

Кронала также не волновали детали собственного побега, когда переселение разума будет завершено. Пусть он и был погребён в плавлеитной массе, неподалёку от сортировочного центра его ожидал спрятанный корабль, на котором Кронал покинет обречённый вулкан так же, как и Люк. Хотя внешне судно представляло собой обыкновенный Т-4а «Лямбда», корпус шаттла был оборудован таким слоем дополнительной защиты, что в корабле значительно поубавилось грузоподъёмности и практически не оставалось лишнего места для пассажиров. Кабина представляла собой муляж, а в центре шаттла (что в любом другом имперском челноке называлось бы десантным отсеком) располагалось устройство с дополнительным экранированием от радиации: крошечная капсула, куда, помимо пилота, могло уместиться ещё максимум двое.

Он заранее позаботился о всевозможных приготовлениях. Предвидел все очевидные трудности и оградил себя от неочевидных. От всех, кроме одной.

Проклятая девчонка попросту отказывалась поддаваться.

Инкристаллизация прошла безупречно. Грубая мощь Вэстора позволила Кроналу распространить по всему телу Леи кристаллическую матрицу со скоростью паука, ползущего по переохлаждённой транспаристали. Поскольку в запасе оставалось очень мало времени, а танатизина-2 не имелось вовсе, Кронал продолжал действовать, не используя препараты, что временно замедляли процессы жизнедеятельности. В конце концов, он имел дело всего лишь с девчонкой, которая только в результате генетической случайности возымела сильную, исключительную связь с Великой Тьмой – с тем, что джедаи ввиду невежества называли Великой Силой. Кронал намеревался сокрушить девчонку силой иного характера.

Лею лишили зрения, отрезали от её собственного слуха, отделили от обоняния, вкуса и осязания. Мышечно-суставного чувства Кронал ей также не оставил, и в результате она попросту не ощущала и своего тела. Поскольку отключили и активность определённых нейромедиаторов в её мозгу, она не могла даже вспомнить, что некогда чувствовала себя живой.

Она не сражалась с Кроналом. Ей не оставили способа повернуть нечто подобное. Кронал не позволял ей воскресить в памяти значение слова «борьба».

Вот только она никак не желала *уходить*.

В Лее крылось нечто такое, чего не хватало её брату: какая-то внутренняя искра непреклонности, которая позволяла противиться Тьме. Кронал никак не мог разгадать природу этой искры, разве что предполагал наличие примитивной девичьей эмоциональной привязанности. Как бы то ни было, ему предстояло погасить искру раз и навсегда, а Лее – уснуть вечным сном. Вот тут-то Кронал и столкнулся со сложной задачей: как осуществить задуманное, не убив девчонку наповал. Сознанию требовался полностью функционирующий мозг, чтобы поддерживались функции вегетативной нервной системы, которую оплела паутина плавлеита. Он не стал бы прикладывать столько усилий ради замены своего разлагавшегося тела на мёртвый труп.

Кронал и так потратил слишком много времени. Мальчишка-джедай уже был готов улизнуть в кратчайшие сроки, но он наверняка предварительно прибавит Кроналу очередной головной боли. Скайуокер нёс в себе солидную порцию Тьмы, которая наверняка бы привела в изумление его сестру, если бы она прожила достаточно долго. Не повреди Скайуокер контрольные механизмы «Кукловода», всех этих проблем бы просто не появилось. И в сложившейся ситуации Кроналу оставалось только сконцентрировать Тьму силой воли и проделать брешь в возведённой девчонкой защитной стене, как если бы он был клептианской каменной выдрой, отгрызавшей по кусочку от раковины базальтомоллюска.

Но когда он, наконец, преодолел это целеустремлённое сопротивление, то обнаружил, что её разум не только не ослаб и вовсе не дрожал от страха, но и уподобился жгучей камнеягоде, излучая ярко-белое пламя. Луч света будто пронзил его ножом прямо в глаз и заставил отскочить назад.

Кронал положил этот камень на наковальню Великой Тьмы и ударил по нему сотканному из той же Тьмы молоту... и воображаемый молот раскололся в воображаемой руке. Он обошёл камень, словно голодная гарпия, после чего набросился на него и проглотил, попытавшись измельчить камень в порошок... но тот прожёл себе путь наружу. Тогда Кронал поместил на ладонях целые галактики и резко свёл их вместе в надежде раздавить мерцавшую белым звёздочку, но когда возникший катаклизм растворился в пучине Великой Тьмы, на месте удара вновь воссияла крошечная звезда.

Да что с тобой не так?! – в отчаянии крикнул он звезде. – Что ты вообще такое, и почему ты никак не умираешь?

Я могу ответить.

Голос донёсся сразу отовсюду и одновременно ниоткуда. То был тенор молодого человека со стойким гнусавым акцентом далёкого Внешнего Кольца.

Кронал резко выпрямился посреди крошечной темноты Теневого кокона.

Если бы ты подружился с плавильщиками вместо того, чтобы делать их своими рабами, ты мог бы открыть все их возможности. – Кронал понял, что голос исходил изнутри его головы. – *Что касается моего местоположения, что ж...*

На внутренней поверхности кокона неожиданно вспыхнул свет: бело-голубой разряд молнии, пробежавший по каменной оболочке. Мгновение спустя конструкция рухнула, разбрызгиваясь полужидкой массой вокруг лодыжек Кронала и стекая с репульсорной платформы, которая некогда служила постаментом обсидиановому трону.

В паре десятков метров, у выступа, что торчал над пропастью неподалёку от туннеля, стоял юноша в лёгком комбинезоне Новой Республики. В его руке как бы ненароком вспыхнул световой меч ярко-зелёного цвета.

* * *

Люк попытался дышать медленно и ровно, хотя его сердце норовило выскочить из грудной клетки словно бритвокрыса, которая попала в мышеловку и теперь силилась вырваться из западни. В течение бесконечно растянутого во времени мгновения, наступившего после того, как плавленый кокон осыпался на землю, Люк мог только смотреть и оценивать увиденное. Оценивать размеры увиденного...

Кар Вэстор присел перед обсидиановым тронem словно саблезубый кот перед прыжком. Одна из огромных ладоней покоилась на большом сгустке плавленого, украсившего трон. Его губы разлепились, обнажив длинные, изогнутые и острые как кинжалы клыки. Люк моргнул, потом ещё раз. *«Да его бицепсы будут побольше моей головы...»*

Вокруг Кара Вэстора завихрилась тёмная буря, не похожая ни на одну из тех, которые Люк ощущал после случившегося при гибели Императора: поток тьмы, что мог задуть его собственный свет, будто огонь свечи.

Но страх имел над ним власть, лишь когда ему это позволялось. Люк продолжал выравнивать дыхание, и с каждым выдохом обнаруживал, что весь овладевшим им было ужас, всё напряжение и все опасения уходят прочь, прихватив заодно и скопившийся в горле комок вместе с тревогой, которая охватила его.

А как бы Бен справился бы с этим?

Мысль окончательно успокоила его. Он представил, что Бен стоит рядом, светясь тёплой улыбкой старого мудрого джедая.

– Чёрная дыра, – твёрдо произнёс Люк, и эта прозвучавшая твёрдость в голосе придавала ещё больше уверенности. – У тебя только один шанс сделать всё по-хорошему.

Ответом Люку было тихое рычание, которое каким-то образом раздалось в сознании, одновременно преобразовываясь в слова.

«По-хорошему, — заговорил обладатель рыка, — означает поменяться местами. Отдай мне своё тело, и я отпущу твою сестру».

Люк покачал головой и поднял световой меч.

– Если станешь сражаться, то будешь уничтожен.

Рычание Чёрной дыры приобрело насмешливый оттенок.

«Ты думаешь, что сможешь достать меня, мальчишка?»

– Сегодня я убил слишком многих.

«И как это поможет уничтожить меня?»

– Ты помнишь Ника, не так ли? Своего «Кукловода, рождённого тенями», который на самом деле был марионеткой? А знаешь про его подружку? Её зовут Эона. Так вот, видишь ли, Ник знает о тебе всё.

«Приведи его, чтобы он смотрел, как ты умираешь».

– О, его со мной нет. Мы высадили Ника с Эоной по дороге сюда. Они в твоём нестандартном шаттле.

«Что?»

– Я же сказал: Ник знает о тебе всё. Ты решил, будто я лгу? Он и Эона уже в пути. В пути к твоему настоящему телу.

Вэстор начал двигаться – вкрадчиво и очень тихо.

– Держу пари, если ты закроешь глаза и сконцентрируешься, то почувствуешь, где он сейчас. Ты сможешь, я в тебя верю. Потому что связь имеет обратное свойство, и благодаря ей он тоже чувствует, где ты находишься. Давай, попробуй.

Глаза Вэстора будто остекленели. Люк, достигший теперь спокойствия, безмятежности и точки равновесия в Силе, также мог ощущать Ника при помощи паутины плавлеита: мчавшегося уже далеко отсюда, через космос, где он вёл шаттл мимо астероидов, направляя судно по широкой дуге к одной конкретной глыбе, что осталась со времён Большого размола – к глыбе, которая отличалась от других, несмотря на совершенно обычный внешний вид. Ни один глаз не смог бы выделить этот астероид среди бесчисленного множества других, заполонивших звёздную систему, равно как ни один прибор не смог бы засечь ни малейшей аномалии.

Но Нику не требовались устройства, и ему не нужно было видеть объект, чтобы знать, где точно тот находится.

Каменная глыба, повисшая в космосе, на самом деле была отнюдь не обычным астероидом, а громадным куском плавлеита. Внутри полого ядра разместились скрытые досветовые двигатели вместе с мощным гипердвигателем, но ключевой особенностью замаскированного под астероид межзвёздного транспортника являлась камера жизнеобеспечения, вмещавшая очень старого и очень слабого человека. Именно здесь, в своём идеальном укрытии, старик использовал созданное

при помощи ситхской алхимии устройство, при помощи которого не только контролировал эту систему, но и наводил ужас на всю галактику.

– Теперь понимаешь? – спросил Люк. – Через несколько минут у твоей капсулы появится некто весьма и весьма рассерженный. И он вовсе не разделяет моих сомнений по поводу убийства. Я почти уверен, что он уже пытается сделать выбор: взорвать ли тебя на атомы или забить до смерти кулаками. Так что под «хорошим» исходом я имею в виду следующее. Уходи прочь. Покинь тело Вэстора и возвращайся в своё собственное. Твои гравитационные станции отключены. У тебя ещё есть время совершить прыжок из системы до того, как Ник доберётся до цели. Но этого времени уже в обрез. Так что повторю в последний раз: если станешь со мной сражаться, то будешь уничтожен.

Рычание Вэстора сменилось угрозой в виде раскатов грома.

«Девчонка всё ещё у меня».

Он дотянулся до бесформенной плавлеитной груды на троне, положил на неё руку, после чего камень стал жидким, обнажив то, что покрывала расплавленная масса. Огромная рука Вэстора подняла за шею Лею. Девушка безвольно повисла в воздухе как неживая кукла, и лишь Великая Сила подсказала Люку, что в его сестре всё ещё теплилась жизнь. Вэстор вновь перешёл на рык.

«Её по-прежнему ждёт смерть. Ждёт вас обоих».

Люк вздохнул.

– Хорошо, забудь про «хороший» исход.

В три прыжка он очутился у обрыва и взвился в воздух.

Великая Сила подхватила его и понесла высоко над бездной, которая когда-то содержала в себе озеро расплавленной лавы. Люк распрямился в полёте, превратив себя в брошенное копье, где наконечником был зажжённый световой меч. Вэстор отбросил Лею и, выдав полный презрения возглас, отпрыгнул в сторону, в результате чего брошенное копье вонзилось в тронную платформу.

Люк совершил кувырок, приземлившись рядом с бессознательной Леей, и поднял меч.

– Я предупреждал: не советую недооценивать мою мощь.

«Ты выжил из ума? Тебе не удалось даже близко подойти ко мне, юный дурень!»

– А я целился не в тебя.

Взгляд Вэстора скользнул от Люка к отверстию, которое световой меч проделал в платформе и которое теперь источало струи дыма, перемежавшиеся с искрами – как примерно и должен был выглядеть необратимо повреждённый репульсор.

Глаза Вэстора расширились.

«Что ты СДЕЛАЛ?»

Когда устройство извергло предсмертный чёрный сгусток дыма, репульсор полностью вышел из строя, и тронная платформа рухнула вниз всеми несколькими тоннами твёрдого плавлеита и обсидиана. Но вместо того, чтобы свалиться на каменное дно бывшего лавового озера сотнями метров ниже, платформа жёстко приземлилась на хребет лёгкого кореллианского фрахтовика, который парил там с тех самых пор, как посадил Люка через верхний выход, и ждал, пока тот прыгал на склон ущелья, совершал долгий, медленный подъём к выступу и провёл краткий диалог с настоящим кукловодом.

Удар сбил Вэстора с ног, в то время как поддерживаемый Силой Люк, державший Лею на руках, приземлился мягче некуда, словно набитая перьями подушка.

Вэстор вскочил на ноги, обнажая зубы-кинжалы в диком рычании.

«Я убью всех до единого!»

– Нет, – сказал Люк, – не убьёшь.

Слегка наклонив голову, Вэстор огляделся по сторонам. Именно тогда он заметил полностью укомплектованную роту штурмовиков в чёрных доспехах, которые скучились у края обрыва приблизительно в трёх метрах выше и все, как один, целились в его гигантскую грудь.

– Маршал Клик, – позвал Люк. – Передай Кару Вэстору свои приказы.

Офицер в чёрном решительно шагнул чуть вперёд.

– Кар Вэстор, мне было приказано всеми доступными средствами предотвратить любую вашу попытку причинить вред этому кораблю, женщине или Императору Скайуокеру.

«Императору Скайуокеру», — с ненавистью выплюнул Вэстор.

– Прошу вас оставаться на месте и не предпринимать агрессивных действий, – продолжал маршал. – Император желает свести кровопролитие к минимуму.

Тем временем джедай боком подошёл к входному люку, через который сам недавно выскочил. В открывшемся отверстии появились огромные волосатые руки, и Люк осторожно вручил сестру их обладателю.

– Ворроу? – озабоченно спросил Чубакка, обхватывая девушку так, будто она ничего не весила.

– Нет, – ответил Люк. – Она не в порядке. Отнеси её вниз и скажи Хану, чтобы он приготовился забрать нас отсюда.

Закончив с одним делом, он вновь повернулся к Вэстору.

– Теперь твоя очередь, Чёрная дыра. Возвращайся к своему телу. Ты всё ещё можешь успеть улизнуть в гиперпространство прежде, чем Ник убьёт тебя.

Вэстор присел.

«Теперь я понимаю. Понимаю, почему ты победил меня. Потому что я сбился с пути. Я делал нечто такое, что связано с сотворением. Пытался строить вместо того, чтобы разрушать. Я оставил путь Тьмы, и в результате Тьма лишила меня своего покровительства».

– Мне всё равно, – сказал Люк. – В данный момент имеет значение лишь твоя гибель. Но если ты просто оставишь это тело в покое, мы сможем вернуться домой.

«Я оставляю. Но не сейчас. Вначале ответь мне на вопрос, Скайуокер».

– Если это поможет всё закончить, то конечно, – пожал плечами Люк.

«О да. Всё закончится. И быстрее, чем ты думаешь. Ответь: почему доспехи моих штурмовиков – чёрного цвета?»

Люк нахмурился. Он никогда не задумывался над этим, ограничившись аспектом стиля в качестве объяснения. Специфическая униформа, отличавшая штурмовиков Чёрной дыры от штурмовиков Палпатина¹.

«Даю подсказку: это не просто боевой раскрас».

Люк взглянул наверх и прищурился, разглядывая облачённых в чёрное командос, и одновременно протягиваясь к ним в Силе. Даже с обострённым восприятием он не мог обнаружить в доспехах ничего выдающегося, кроме самого оттенка. Ну, чёрный цвет, и чёрный. Что тут такого? Чёрный, с отливом и слабыми отблесками, своего рода перламутровое, кристально-безупречное покрытие. Это напомнило Люку что-то такое... чего он не мог возродить в памяти до тех пор, пока оно само не дало о себе знать: вначале в виде щекотания, затем – зуда, и, наконец, оно переросло в настоящую боль... но такую боль, которая пронзила не его собственное тело, а такую, как если бы её чувствовал кто-то другой.

¹ Согласно статье «The Emperor's Pawns», директор Имперской разведки Чёрная дыра приказал изготовить особую чёрную броню своим личным штурмовикам, чтобы те соответствовали его прозвищу и его эксцентричности. Кроме того, полимер, из которых делались доспехи, затруднял обнаружение сенсорами.

Вот что служило причиной. Дубликат нервной системы, сотканный из самих теней. Вот от чего исходили странные ощущения – изнутри кристаллической паутины, проросшей в нём...

У Люка перехватило дыхание.

Керамическая структура чёрных доспехов вовсе не была керамической.

Он мог только стоять, часто моргать и раз за разом произносить одно и то же слово: «плавление».

Словно в подтверждение догадке Вэстор рухнул на месте, упав на обшивку «Сокола» как подкошенный.

– Хан? – неуверенно позвал Люк. – Хан, по-моему, нам пора.

– Люк! – зашуршал комлинк. – С Леей что-то не так... у неё припадок или что-то вроде. Люк, что делать?

– Я не знаю, – ответил тот, наблюдая, как Вэстора тоже охватили конвульсии – длинные, перекручивавшие тело как риделлианского кровочервя, который извивался на раскалённом камне. Сверху раздался грохот: это из рук штурмовиков выскользнули бластерные винтовки и попадали к ногам. У самих штурмовиков принялись одновременно подкашиваться колени. Они вертелись и дёргались из стороны в сторону, покачивались на месте и хватались за шлемы скрюченными пальцами, будто пытаясь выколоть себе глаза.

– Хан, – выдал Люк. – Пора. Уходи сейчас.

Он потянулся к Силе и захлопнул люк «Сокола» в тот момент, когда Вэстор вскочил на ноги и тут же очутился возле него, преодолев расстояние одним молниеносным движением. Невероятно сильные руки схватили Люка за плечи, после чего Вэстор оторвал джедая от обшивки корабля, встряхнул его словно куклу и закричал ему прямо в лицо, излучая такую ярость пополам с жадой крови, что в глазах Вэстора не осталось ничего человеческого.

Он сомкнул зубы на горле Люка, впившись ему в глотку.

А на выступе выше штурмовики принялись истошно вопить.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Маршал Клик не смог определить источник воя, как ни старался. Даже несмотря на свою мучительную агонию и настолько сильную боль, что он больше не мог удерживаться на ногах, Клик был совершенно уверен, что никогда прежде не слышал этого исключительного звука, и в данный момент у него не получалось выявить и природу воя. Однако что такое агония, он понимал прекрасно.

Внутренний слой брони пронзил его иглами. Огромными иглами.

Они проткнули каждый сантиметр его тела, начиная с подошв и заканчивая макушкой головы. И, проколов кожу, иглы не остановились. Вместо этого они проникали дальше внутрь плоти, затем казалось, будто они попали в кровеносную систему, где размельчились на мелкие осколки, которые принялись разрывать Клика изнутри. Другие иглы продолжали расти, проходя через нос, глазницы, просверливая кость черепа и прорезая мозг. Среди извилин не появилось мигрени, равно как и боли в целом, однако Клик мог чувствовать нанесённый вред иного рода. Он мог чувствовать, что именно в нём срезывали огромные иглы.

Они отделили от него честь и дисциплину. Они отняли у него преданность императору и гордость за своих подчинённых. Они вскрыли его память и забрали оттуда все мечты, все надежды и страхи. Иглы, проникшие внутрь мозга, разрушили всё, чем он когда-то являлся, но оставили после себя вовсе не абсолютную пустоту...

Каждая клеточка тела, опустевшая от сущности маршала Клика, вскипела дикой безрассудной яростью.

Его последней сознательной мыслью было «Так вот что это за вой. Его издаю я».

Он кричал.

Исход в кромешную темноту сопровождался эхом его собственных воплей. В конце концов, осталась только ярость и жгучее желание кого-нибудь убить.

Кого угодно.

* * *

От кушетки, к которой был пристёгнут Ник, осталось одно название. Это вообще больше походило не на кушетку, а на мягкую выдвижную полку, с трудом угнездившуюся возле одинокого кресла пилота. Ник лежал с закрытыми глазами, обзревая тёмную звезду, заполнившую его сознание.

Хотя и «обозрение» было не совсем точным термином. Ник использовал несколько более глубокое восприятие, нежели обыкновенное зрение, хотя на раскинувшейся в голове картине тёмная звезда занимала небольшой участок – такое тёмное полотно бесконечного космоса, посреди которого чернело пятно ещё более глухого мрака. И Ник не прикасался к этому пятну, хотя уже ощущал исходящий оттуда холод, чувствовал бездонную пропасть, поглощавшую всё тепло вселенной. Ник не мог слышать ушами, но в них стоял невыносимый звон, а на вкус и запах клочок глухого мрака ощущался как сгусток первозданного разложения.

Однако он изо всех сил старался игнорировать ощущения, поскольку они не помогли бы убить этого гнусного мерзавца, этого рускакковского выродка.

Когда Ник закрыл глаза и полностью сосредоточился на звезде, он знал, что источник голода и разложения находится прямо впереди, по текущему курсу шаттла. Ник понял и то, что его цель пришла в движение, ровно как почувствовал излучение, идущее от гиперпрыжка.

– Он ушёл в гиперпространство, – сказала Эона, сидевшая в кресле пилота. – Если только нам не попадётся другого астероида с гипердвигателем.

– Угу, – отозвался Ник. – Не имеет значения.

– Навикомпьютер утверждает, что заданный им вектор не соответствует точке прыжка.

– Он не собирается сваливать куда-то конкретно. Он идёт в глубокий космос.

– Ну и как нам тогда его найти? Просто взять и догадаться?

– Я могу найти его, – заявил Ник. – Может, у него и получится всё время сбегать, но вечно прятаться ему не по силам. Только не от меня. Рассчитай его вектор и сделай прыжок в ту же сторону.

– Насколько далеко?

– Просто за пределы системы.

Он услышал, как она пожала плечами

– Ты здесь главный.

– Если бы ты только знала, как долго я ждал этих слов.

Пальцы Эоны принялись вводить координаты в навигационном компьютере. Затем до Ника донёлся гул гипердвигателя, который доставил шаттл к заданной точке... и этот гул прекратился, когда гипердвигатель перестал работать.

Ник принял сидячее положение так резко, что ударился головой о стенку капсулы.

– Что происходит? Почему мы не...

– Отказ системы, не связанный с поломкой. – Голос Эоны прозвучал напряжённо. Она повернулась в кресле, чтобы взглянуть на возлюбленного через плечо, и от выражения её лица у Ника скрутило желудок. – Мы в гравитационном колодце.

Она проверила датчики шаттла.

– Гравитационная тень повсюду, – тихо и мрачно проговорила женщина. – Они перезапустили гравитационные установки.

– Что? Сколько из них?

Эона опустила голову.

– Все станции до единой.

– Не может быть, – рявкнул Ник. – Проклятье, этого просто не может быть!

– Все те корабли. Все, кто на борту. С обеих сторон. – Она вновь развернулась, глядя на Ника. Её глаза выражали беспокойство. – Никто не уходит. Никто не двигается.

Ник почувствовал пустоту внутри, будто кто-то дотянулся до внутренностей через горло и вырвал ему кишки. Он посмотрел полузакрытыми глазами на экран в несколько метров толщиной, изготовленный по индивидуальному заказу и оттого занявший почти всю капсулу.

– Только мы, – проговорил он. – Больше никто.

Эона кивнула.

– Сдаётся мне, мы единственные, у кого ещё есть шанс выжить.

* * *

Лея всё ещё корчилась, охваченная судорогами, несмотря на все попытки Хана и Чубакки успокоить девушку или хотя бы удержать её.

– Отнеси её в кабину и пристегни к своему креслу, чтобы она не навредила себе, – попросил Хан напарника. – А я иду за Люком.

– Хоурр!

– Он бы вернулся за мной, – мрачно изрёк Хан. – Фактически, он так и сделал недавно.

– Арргруу урр.

– Я со счёта сбился.

Он побежал к лестнице, ведущей к выходу наверх. Когда Хан высунул голову наружу, он увидел, как покорные солдатики Люка корчились у выступа в агонии и выли единым хором.

– Эй, ведроголовые! – окликнул их Хан. – Что с вами такое, парни? И где Л... где ваш император?

Ответом ему стал продолжавшийся вой, поэтому он поднялся повыше и огляделся. Разглядев обломки четырёхствольной башенной турели «Сокола» – расплюснутую огромными

обсидиановыми глыбами массу транспаристали – Хан поморщился. Он сделал в уме пометку: выставить Лэндо счёт за ремонт.

Поднявшись ещё на пару ступенек, Хан увеличил угол обзора настолько, что, наконец, увидел возвышавшийся над остатками турели бритый череп. Ещё шаг – и его глазам предстала фигура безвольного, не сопротивлявшегося Люка, которого намертво сжимала хватка здоровяка, в то время как этот перквианский навозный верблюд грыз шею Люка!

Хан одним прыжком выскочил на корпус корабля, и к тому моменту, как ноги коснулись обшивки, бластер уже находился в руке.

– Эй ты, обезьянья отрыжка! Ну-ка, пожуй вот этого!

Однако выстрелить от бедра не представлялось возможным. На линии огня также находился Люк, да и Хан помнил, что парализующие разряды бесполезны против Вэстора. За долю секунды, которая потребовалась ему, чтобы поднять ДЛ-44 на уровень глаз и выровнять прицел, правая рука здоровяка оторвалась от плеча Люка со странным звуком чего-то рвущегося. Плечо Люка, схваченное этой рукой, чернело и блестело субстанцией, живо напомнившей Хану кристаллическую способную твердеть кашу в склепе плавильщиков. Руку Вэстора покрывала такая же субстанция, и, пока Хан пытался осмыслить увиденное, какая-то невидимая сила вырвала бластер из его ладони и унесла прочь.

«Мне следует приучить себя держаться за эту штуку обеими руками!»

Хан рванул вперёд, поднял зазубренный кусок обсидиана размером с голову и бросился в атаку, занося оружие из чёрного вулканического стекла, будто хотел швырнуть его как снаряд, но вместо этого продолжил бежать с булыжником в руке, чтобы в итоге стремительно спикировать на врага и обрушить огромную обсидианину, но на финишной прямой его лицо обдало жаром бластерного разряда, который пронёсся чуть выше и выбил булыжник из руки.

Хан чуть не врезался лицом в бронепластину обшивки, и всё же сумел в последний момент превратить своё падение в неуклюжий кувырок, в результате чего распластался по корпусу, лёжа на спине, ошеломлённый, задыхающийся и уставившийся в дуло собственного бластерного пистолета. Который находился в руке Люка.

– Разве я не велел тебе уходить? – поинтересовался Люк.

– Ух ты, – пробормотал ошеломлённый Хан. – Неплохой выстрел. Наверное.

Здоровяк Вэстор в этот момент завопил как будто от ужасной боли или от ужаса, а может быть – и от того, и от другого. Свободная гигантская рука ударила Люка в грудь, и насколько мог судить Хан, это был признак того, что Вэстор находится в отчаянии и теперь силится убежать. Мгновение спустя Вэстор отцепился от шеи Люка, продемонстрировав мерзкое зрелище — пасть, полную чёрных лоснящихся щупалец. Рана на шее Люка даже не думала кровоточить, видимо, по причине всё того же блестящего чёрного покрытия, которое периодически вспучивалось рябью и изгибалось, словно живая ткань. Вэстор с трудом ловил воздух, будто утопающий, после чего освободил Люка окончательно, и прежде, чем Хан успел хотя бы смутно догадаться, что именно тут происходит, Вэстор развернулся на месте, совершил несколько беговых шагов для придания ускорения и прыгнул с корабля, унося себя как можно дальше.

Хан понятия не имел, разбился ли Вэстор насмерть или схватился на каменный склон или, быть может, принялся махать руками как птица, чтобы вылететь на орбиту. Он мог только, не сводя глаз со своего юного друга, жалобно пробормотать:

– Люк, какого ситха?

– Ты бы убил его, – отстранённо ответил тот.

– О, да неужели? Вообще-то мы именно этим и занимаемся. Мы убиваем плохих ребят.

– Я – нет, – заявил Люк. – Больше – нет. Только не когда могу им помочь.

Он слегка вздрогнул и посмотрел на Хана в ответ, словно до этого пребывал в мире грёз и очнулся только сейчас. Слегка смущаясь, Люк развернул DL-44 в ладони и протянул рукоятку к Хану.

– Вот. Тебе пригодится.

– Для чего же? – поинтересовался Хан, и тут до него дошло, что наверху, у края обрыва, внезапно стало тихо. Штурмовики перестали кричать.

– Ой-ой.

Он выхватил пистолет прямо из руки Люка и вскочил на ноги, когда бластеры вокруг разразились сплошным плазменным потоком. Световой меч Люка запел жизнью и сорвался едва уловимыми контрвыпадами, которые веером отражали огонь противника к склону. От попаданий каменная скала за клубилась удушливым дымом красно-чёрного оттенка, окутывая пространство настолько плотной пеленой, что внешние прожекторы «Сокола» не могли прорваться сквозь поднявшуюся завесу, испуская лишь жёлто-коричневое сияние.

– Держись рядом. – Голос Люка был напряжённым и сосредоточенным. – Я не привык прикрывать кого-то.

– Мог бы и не говорить.

За спиной Люка Хан втиснулся в укрытие значительно меньшего размера, чем он сам, и едва он взмолил судьбу, чтобы однажды ему довелось познакомиться с несколько более высоким джедаем, как «Сокол» взбрыкнул, словно ему отвесили пинка. Корабль отскочил от склона с такой силой, что Хану пришлось схватить Люка за плечо, чтобы остаться в вертикальном положении.

– Чуи, ситх тебя побери!

– Это не его вина, – напряжённо проговорил Люк, не перестававший рассекать пелену зелёным клинком, отбивая случайные бластерные разряды. – Корабль не двигался. Это само ущелье. Гора рушится.

– О, замечательно! А ещё найдутся хорошие новости?

– Да, – сказал Люк. – Нас берут на абордаж.

Сверху на них обрушились тёмные силуэты штурмовиков, которые прыгали с обрыва на корабль. Хан прорычал что-то нечленораздельное, но ярко демонстрировавшее его чувства от того факта, что коснувшиеся корпуса сапоги имперцев осквернили «Сокол». Он вытянул руку с бластером через плечо Люка и сделал пару двойных разрядов, сразив ровно столько же штурмовиков, ещё находившихся в воздухе. Отдача отбросила обоих назад достаточно далеко, но успешно приземлились десятки других. И ведь там, откуда они сиганули, успела мелькнуть мысль, ещё оставалось намного больше, так что в открытом бою с сотней штурмовиков Хану не удастся победить даже при самых благоприятных обстоятельствах. Которых, само собой, и так не имелось.

– Давай в лаз! – крикнул Хан, сделав ещё пару выстрелов и заставив два тёмных силуэта покинуть корпус корабля, пока Люк боролся с потоком ответного бластерного огня. – Посмотрим, как этим отродьям обезьянощериц понравится космос и жёсткий вакуум!

– Ты первый, – отозвался Люк.

– Ещё одна вещь, которую ты мог бы не говорить.

Неожиданно в дымовой завесе к ним метнулись красные огоньки: маленькие сферы, в которых без труда узнавались термальные детонаторы. Часть брошенных гранат отскочила, но четыре или пять закрепились на корпусе магнитным зажимом.

– Э-э, Люк?

– Я взял.

Левой рукой Люк продолжал размахивать световым мечом, выписывая ослепительные пируэты и беспорядочно распыляя разряды сквозь пелену, в то время как правая рука джедая взметнулась в воздух, в направлении к детонаторам. Неожиданно все они освободились от зажима, подпрыгнули на месте и метнулись куда-то за пределы корабля. Вскоре «Сокол» сотрясли многочисленные взрывы, унёсшие корабль ещё дальше от склона.

– Давай, Хан! Иди сейчас!

Хан в три прыжка очутился возле люка и нырнул внутрь, сильно ударившись животом и судорожно пытаясь удержаться рукой за край. Он кое-как приземлился на палубу и обернулся.

– Я здесь! Люк, давай!

Ещё несколько детонаторов не достигли цели и разорвались где-то в стороне, озарив пространство кровавым пламенем. Никаких признаков того, что Люк спешил следом. Хану пришлось вновь подняться.

– Люк, не будь идиотом!

– Я иду за Вэстором. – Люк двинулся против бластерного потока ближе к краю корпуса. – Иди. Спасай Лею! Не жди меня.

– Без тебя мы не уйдём! Если собираешься преследовать этого огромного чокнутого громовержца, то я иду с тобой! Я тебе нужен!

– Ты нужен Лее. Моя работа – остановить плохих ребят. Твоя – спасти принцессу.

– И с какой это стати я буду подчиняться?

Люк метнул на него взгляд. На одно короткое мгновение его лицо осветила одна из тех старых лучезарных улыбок малыша с фермы, которых Хан не видел со времён Хоты.

– Следи за пальцами.

– Что?

Выходной люк обрушился на Хана с такой силой, что он не удержался и упал вниз. Он тяжело приземлился, потирая ушибленную голову.

– Люк!

Он втащил себя обратно, но управление модулем было намертво заблокировано, а затворы – зафиксированы в исходном положении. Хан зарычал и ударил по ним прикладом бластера, однако затем его пронзила другая мысль: наверху корпус корабля переполнен имперскими штурмовиками старой закалки, которые специализировались на вскрытии судов, и теперь все, кого Люк не мог отвлечь на себя, будут пытаться пробиться внутрь, чтобы затопить палубы «Сокола» всей своей массой и убить Хана с Чуи.

И – Лею.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, малыш, – пробормотал вслух Хан. Реплика получилась сродни прощанию.

Хан сунул бластер в кобуру и рванул в кабину.

– Чуи! – закричал он ещё в коридоре. – Меняем план! Парализующее поле, Чуи! Поджарь-ка их!

– Гроу! Хирру гиорруу?

– Он не придёт.

Хан скользнул в своё кресло. Он сам активировал нужный переключатель, и вскоре перед кабиной раскинулось приятное зрелище двоих штурмовиков в чёрной броне, падавших вниз в ореоле потрескивавших молний. В любой другой день Хан бы остался здесь и сразился бы с ними, но рядом, в кресле Чубакки, корчилась Лея, и с каждым её судорожным движением, с каждым стоном сердце Хана само скручивалось в тугую узел.

– Люк делает свою работу. Мы должны сделать свою.

Он накренил корабль, направляя его передними жвалами прямо к дну ущелья, и запустил повреждённые двигатели, выжимая всю возможную энергию. Корабль устремился к скале. Хан навёл единственную оставшуюся турель на каменное дно и сжал спусковой крючок. Очередь лазерных разрядов врезалась в скалу, но не пробила её.

– Пристегнись, – проговорил Хан сквозь зубы. Он крепче сжал штурвал. – Сейчас налетим.

* * *

Систему Таспан охватил смертоносный ураган.

Никто из воинов Новой Республики не мог разглядеть полной картины, но и увиденного им было достаточно для того, чтобы впасть в ужас.

Лэндо Калриссиан, не покидавший мостик «Памяти Альдераана», наблюдал через плечо навигатора за показаниями датчиков, согласно которым гравитационные колодцы разрастались и занимали окружающее пространство словно турранианский грибок – на мёртвом теле.

– Нет-нет-нет, этого не может быть! – вырвалось у генерала Калриссиана.

Ведж Антиллес и другие пилоты Разбойной эскадрильи чувствовали, как в жилах стынет кровь, когда посреди астероидных полей показались тысячи СИД-перехватчиков, которые на максимальной тяге хлынули к республиканским кораблям. Каждого, кто выскользнул из естественных укрытий на солнце, окутало сияние свирепого излучения, и каждый истребитель превратился в машину смерти, несущую в себе разрушение, даже когда пилотов поджаривало заживо. Они шли без каких-либо манёвров, не заботясь о тактике и даже не единым строем. Когда истребители и крупные корабли Новой Республики проредили рой противника уничтожающей энергией, идущие впереди СИДы безмолвно исчезли, вспыхнув огненными шарами, но двигавшиеся позади продолжали наступать и, пролетая сквозь обломки своих товарищей, принялись бросаться в самоубийственных атаках к республиканским кораблям, которые зависли на орбите над ночной стороной Миндора.

Крейсер «Минутка» оказался на пути у первой волны. Оборонительные орудия разразились заградительным огнём, отстреливая десятки прибывавших СИДов, но их было слишком много, и одному удалось проскочить, чтобы в итоге врезаться в крупный корабль и повредить за раз две турели. Капитан Патрелл приказал экипажу срочно менять позицию, не прекращая огня, но следом за первым попаданием крейсер сотряс второй удар. Этот пилот-самоубийца влетел несколькими метрами в сторону от предыдущего, и следом за ними врезались ещё двое.

Корпус «двойной семёрки» пошёл трещинами и, наконец, взорвался, в то время как торнадо из тысяч СИД-перехватчиков отправился дальше в поисках новой жертвы.

Они миновали то, что осталось от «Минутки», и свернули к ближайшему кораблю, но к тому моменту Ведж, его Проныры и все уцелевшие истребители Новой Республики бросились на защиту флота, превращая самоубийц в яркие метеоры, которые осветили пространство сотнями не прекращавшихся взрывов. Имперцы даже не удосужились дать отпор. Тогда Ведж, не прибегая к тактическим расчётам навикомпьютера, сделал далеко не утешительный вывод – единственный, который только мог прийти на ум.

Ни одному кораблю Новой Республики не суждено пережить этот шторм.

В переполненном трюме «Копьеносца» штурмовики издавали такие вопли, от которых у Фенна Шисы вставали дыбом волосы. Он не имел ни малейшего представления, что здесь творится, однако, будучи лидером искуснейших воинов в галактике, слишком хорошо понимал фундаментальные правила боя, одно из которых звучало примерно так: если не знаешь, что происходит, можешь смело рассчитывать на самое худшее.

Пока штурмовики падали, охваченные судорогами, Фенн прыгнул на грузовой контейнер и заорал своим солдатам на мандо'а:

– Заберите у них оружие! Живо!

Своим криком он добился лишь того, что последовавшая затем резня достигла гораздо, гораздо меньшего масштаба, и всё же пролилось довольно много крови.

Мандалорские наёмники, оправдывая репутацию дисциплинированных воинов, незамедлительно бросились исполнять приказ и грамотно рассыпались по своим секторам, чтобы в случае чего открыть стрельбу по штурмовикам, не задев друг друга. К сожалению, никакая подготовка или дисциплина не помогла бы небольшому отряду солдат усмирить нескольких тысяч запаниковавших гражданских. Правда, некоторые из этих гражданских сами обладали каким-никаким военным опытом и оттого понимали: самое полезное, что они могут сделать в данной ситуации, это отскочить в сторону. Эти разумные индивидуумы нырнули вниз, прижавшись к палубе, однако оставалось ещё больше тысячи тех, которые застыли на месте, зашлись в истерике или пытались бежать.

Они и погибли первыми.

Припадки штурмовиков прекратились так же внезапно, как и начались. Имперские спецназовцы, которых не удалось вовремя разоружить, вскинули винтовки и открыли огонь по толпе. Мандалорские командос ответили тем же, и уже через секунду трюм переполнился маревом бесчисленных бластерных разрядов и запахом горелой плоти. Разоружённые же штурмовики вспомнили о виброкастетах, которые мгновенно пустили в ход, рассекая ближайших ни в чём не повинных гражданских словно номарианские грозовые акулы, ведомые неистовым безумием. Штурмовики с кастетами резали, вскрывали, рубили и кромсали своих жертв, в то время как их товарищи стреляли по наёмникам из винтовок и наугад метали гранаты в гущу эвакуируемых.

– Бластеры долой! – взревел Фенн, справедливо рассудив, что хотя обезумевшие штурмовики стремительно падали замертво, дальнобойное оружие сейчас не поможет мандалорцам, численность которых сокращалась столь же стремительно, как и среди гражданских. – Бластеры долой и обнажить лезвия!

И, поскольку Фенн Шиса принадлежал к той породе полевых командиров, которые вдохновляли подчинённых личным примером, он спрыгнул с грузового контейнера на спину ближайшему штурмовику в чёрных доспехах и, откинув наручный клинок, ударил лезвием в шею противника. Ещё до того, как тот осознал свою смерть, Фенн перекатился, вскочил на ноги и вонзил клинок в почку второго. Дождавшись, когда тот повернётся лицом, командир Мандалорских защитников добил неприятелей колющим ударом под челюсть. Он позволил мертвецу свалиться бесформенной грудой и огляделся в поисках следующей цели. Тех была просто уйма; он и не ожидал, что в обозримом будущем вдруг возникнет дефицит врагов – в будущем, что, по мнению опытного вояки Фенна, растянется длиной в целую жизнь.

Тем временем главная база в виде летающего вулкана подходила к своему логическому концу. Один из повреждённых гравидвигателей уже оторвался, завращавшись куда-то в сторону и унося с собой около квадратного километра камня. Оставшиеся два двигателя, лишившись наклона вектора тяги, издали синхронный выброс репульсорной энергии, которая разорвала

летающую базу напололам. Выбравшиеся на поверхность республиканские десантники обнаружили, что их покорные пленники перестали быть покорными. Не заботясь ни о своей собственной жизни, ни о чьей-либо ещё, заключённые навалились толпой на десантников. Штурмовики, шедшие впереди, принимали на себя огонь, но следовавшие за ними собратья карабкались по груде трупов и умирающих.

По всей системе Таспан не нашлось бы ни огонька надежды, кроме разве что одного.

Глубоко в недрах развалившейся базы, находясь в самом сердце камеры избрания сортировочного центра, Кар Вэстор не знал, куда ему бежать.

* * *

Посреди высеченного внутри камня зала, заполненного мертвецами, Кар присел, прислонившись голой спиной к холодной как лёд стене. Повсюду валялись тела в длинных тяжёлых одеяниях, в нос била вонь от разложения, помещение освещалось голубоватыми молниями, которые то и дело потрескивали на потолке. Сердце Вэстора колотилось как сумасшедшее, дыхание издавало хрипы. Сквозь стиснутые зубы непроизвольно вырвалось рычание, а пальцы заскребли по камню, словно он мог каким-то образом прорваться сквозь него. И всё это – из страха перед невысоким светловолосым человечком.

Последний стоял по другую сторону от кучи бездыханных тел, выглядя совершенно безобидным и спокойным, с дружелюбным выражением лица, с безоружными руками, широко раскинутыми в стороны.

Кар не знал, где именно находится и как он сюда попал. Он не помнил этого каменного лабиринта, населённого лишь мертвецами. Кар только знал, что никогда прежде не испытывал такого первобытного ужаса.

Ни будучи ребёнком, потерявшимся в страшных джунглях своей родины. Ни на скамье подсудимых Галактического суда на Корусанте. Ни даже на Кесселе, где властвовал бесконечно смертельный мрак. Кар Вэстор очнулся как ото сна посреди битвы, ослепший от ярости, окружённый вооружёнными людьми на корпусе космического корабля. Он вспомнил, как первым делом схватил светловолосого человечка стальной, несокрушимой хваткой, вспомнил, как впился зубами-кинжалами в его глотку, стремясь придушить укусом словно лозная кошка – акк-волка.

А затем он вспомнил, что сделал невысокий человечек.

Те же самые руки, которые сейчас царапали камень за спиной, опутали чёрные кристаллические щупальца. Они же набились в рот, жёсткие и острые как иглы, вследствие чего резали нёбо и прокалывали дёсны. А ещё Кар ощущал эти щупальца внутри себя, словно они распространились по всему телу подобно инфекции: каменная болезнь, поразившая живую плоть...

Кар Вэстор перешёл на животный язык, издавая бессловесные звуки.

«Что ты такое?»

Светловолосый человечек шагнул к нему.

– Я тебе не враг, Кар.

«Назад!»

– Не могу. От меня зависит слишком много жизней.

«Я убью тебя! — Кар собрался с духом. — Я оторву голову от твоего тела! Сожру твои кишки!»

— Бояться — совершенно нормально, Кар. Само место пугает. Здесь с тобой сотворили нечто такое, чего не заслуживает никто.

«Здесь так... мертвым-мертво». Что-то надломилось внутри Кара, и ярость вместе с ужасом куда-то улетучились. Он упал на колени. Ничего, кроме камня и трупов. Всё мертво. Мертво внутри. Мертво снаружи. Мертво навсегда.

— Не всё, — возразил светловолосый. Хотя для того, чтобы подойти к Кару, ему пришлось аккуратно перешагивать через трупы, его полное сочувствия и сострадания лицо никуда не исчезло. — Ведь ты ещё жив, Кар. И я жив.

«Это ничего не значит. — Глаза Кара жгли слёзы, будто он окунул голову в песок. — Мы ничего не стоим».

— Мы — единственные, кто здесь чего-нибудь да стоит. — Светловолосый протянул руку. — Поверь мне или убей, Кар. В конце концов, результат будет одинаков. Я не причиню тебе вреда.

«Что ты такое? — Рычание Кара стало жалобным. — Чего тебе от меня надо?»

— Я — джедай, — сказал невысокий человечек. — Меня зовут Люк Скайуокер. И мне надо, чтобы ты взял меня за руку.

* * *

Глубоко в гиперпространстве Кронал дотянулся до Сумеречной короны. Его камера жизнеобеспечения покоилась внутри астероида, сделанного из чистого плавлеита. С усовершенствованным устройством-наголовником Кронал мог усилить свой контроль над уникальной субстанцией и, сосредоточившись, — убрать в сторонку каменный слой прямо над обзорными окнами, чтобы затем наслаждаться бесконечной пустотой гиперпространства.

Он любил взирать на это зрелище, вглядываясь в абсолютное ничто за пределами вселенной. Где-то там, вне всего сущего, само понятие «пространство» теряло всякий смысл. Простые смертные иногда сходили с ума от излишне долгого созерцания такой неизменной картины, на полотне которой они, поддаваясь восторгу, пытались постигнуть сокровенные тайны. Кронала же увиденное всегда успокаивало: живописный проблеск забвения, мимолётное видение всеобщего конца.

Для него гиперпространственный пейзаж был подобен Великой Тьме.

Сейчас успокоение требовалось как никогда, с учётом всего испытанного и разочаровывающего за последние дни. Как так получилось, что в какую бы сторону он не направился, на его пути всегда вставал вездесущий Скайуокер?

И всё же у Скайюокера имелись слабые места, которые для Кронала обернулись настоящим даром судьбы. Ему несказанно повезло, что у Скайюокера не хватало характера просто убить Кронала.

Даже посреди бездорожья, где Кронал лелеял надежду воплотить свой план в жизнь и оттого заблудился, ему всё же удалось нанести зарождавшейся второй Республике сокрушительный удар, от которого она никогда не оправится. И это уже не говоря о передовой

гравитационной технологии, работавшей благодаря уникальным свойствам плавлеита. Кроме того, в распоряжении Кронала находилась Сумеречная корона.

Да, он упустил свой шанс обрести молодое, сильное и могучее тело, которое вмещало бы его разум, у него осталась первоначальная физическая оболочка со всеми нетронутыми способностями. Через несколько дней – достаточно долго, чтобы дать экипажам республиканских кораблей, запертых в системе Таспан, покинуть этот бранный мир – Кронал сможет вернуться, собрать плавлеит из астероидов и начать всё с чистого листа.

Однако он не повторит своей ошибки. Впредь он никогда не станет стремиться к созиданию вместо того, чтобы поддерживать разрушения. Отныне и до *скончания* веков единственными его творениями будут машины, продуцирующие смерть.

Больше Кронал никогда не свернёт с пути Великой Тьмы.

Под его началом галактику охватит не очередная Империя, а господство самой Смерти. Кронал примется править вселенной нескончаемых страданий, единственным концом для которых, как и прежде, останется забвение – бессмысленное, как и сама жизнь.

Именно Кронал напишет заключительный акт галактической саги.

Предаваясь этой мечте, чтобы утешать себя в вынужденном, хотя и временном изгнании, он опустил Сумеречную корону на голову и погрузился во мрак, чтобы достигнуть Великой Тьмы и завладеть разумом внутри кристалла.

Но там, где его обычно ждала Тьма, он обнаружил лишь свет.

Белый, яркий, ослепительный свет, словно в голове вдруг вспыхнула молодая звезда. Её лучи опалили сознание, заставив даже забыть, что такое темнота. Кронал судорожно отпрянул как червяк, который забрёл на раскалённый камень. Увиденное казалось большим, чем просто свет, то был Великий Свет.

То была сила, изгонявшая Тьму прочь.

Немыслимо. Разве абсолютное ничто способно подвергаться воздействию пламени? Разве бесконечный мрак вообще возможно разогнать?

Тебе виднее.

Голос, которым заговорил Свет, вовсе не был голосом как таковым. Не было произнесено ни слова, и способ общения не подразумевал звук вообще. Великий Свет говорил так, что его было понятно на интуитивном уровне.

Это ты пригласил меня сюда.

Скайуокер? Великий Свет воплощал сам Скайуокер?

В момент, когда на ум пришло это имя, Кронал увидел и самого обладателя имени: охваченную сиянием фигуру, которая являлась сосредоточением полнейшей бескомпромиссности, фигуру, которая стояла на коленях посреди камеры избрания в тёмном сердце бывшей базы Кукловода, фигуру, чьи руки были торжественно вложены в массивные ладони Кара Вэстора. Люк Скайуокер переплёл сотканную из теней паутину с точно такой же сетью, проросшую поверх нервной системы Кара Вэстора, и каким-то образом использовал сложившиеся узы между Вэстором и Кроналом для того, чтобы *коснуться* самого Владыки теней.

Во Тьме Кронал увидел, как Скайуокер улыбается.

Спасибо, что присоединился ко мне. Я немного волновался, что ты обойдёшься без своей глупой короны.

Это было просто невозможно. Скорее всего, ему предстала какая-то галлюцинация, выродившийся плод *тёмного провидения*. Ведь Кронал сейчас находился в гиперпространстве! А оно не могло и никак не должно было взаимодействовать с реальным пространством...

Когда я был с Беном Кеноби в гиперпространстве, он почувствовал гибель Альдераана. Ни одной преграде не под силу сдержать Силу Великую.

«Сила», «Великая Сила», эти жалкие джедаи не переставали болтать о Силе! Неужели никто из них никогда не осознавал, насколько же наивно и нелепо они выглядели? Если бы хоть одному джедаю довелось хотя бы краешком глаза узреть истинное могущество Великой Тьмы, одного мига хватило бы, чтобы его крошечный разум угас как огонь свечи, потухшей в урагане...

Мой крошечный разум? Угас? Должно быть, я пропустил эту часть.

До Кронала донесся проблеск сдержанного веселья, и он ощутил себя добрым дядюшкой, которому отныне надоело терпеть детские забавы. Ярость поднялась в нём будто расплавленная лава, готовая извергнуться из вулканического кратера. Мальчишка-простак предался самообману, всерьёз поверив в то, что его ничтожный огонёк способен залить мрак безграничной Тьмы? Так пусть же сияет одиноким светильником посреди вечной ночи.

Кронал полностью открыл себя Великой Тьме, распахнув все врата своего разума, расширив сферу своих возможностей до самого предела, и раскинулся горизонтом событий, зияющим огромной чёрной дырой, что была способна поглотить целую вселенную. Чёрная дыра окружила светлое пятно, которое представлял собой Скайуокер, и как ни в чём не бывало, одним махом вобрала в себя источник света.

Здесь, на этом поле сражения, где разумы открывались Великой Тьме, за пределами любого пространства – включая гиперпространство, – такие вещи, как возраст, здоровье или физическая сила не имели значения. Значение имела лишь чистая воля. Скайуокер и его так называемая Великая Сила никогда бы не сравнились с мастерством Кронала, достигнутым на пути Великой Тьмы.

Здесь, в этом пласте реальности Кронал был в своём истинном обличье Чёрной дыры. Самое его существование поглощало свет так, что изнутри не вырывалось ни лучика.

Не вырывалось? Ты про меня? Забыл, что убегаешь-то именно ты?

Неожиданно Кронал почувствовал необъяснимый и неприятный жар.

Вначале он отбросил столь нежеланное ощущение. Всё-таки Кронал слишком долго служил Тьме, чтобы его отвлекала какая-то там неисправность в системе жизнеобеспечения. Но постепенно он осознал, что его *пространственная* форма, его физическое тело, а точнее – кожа, совсем не кажется горячей. Напротив, его сковал холод. И сырость.

Словно он, пребывая в камере жизнеобеспечения, покрылся холодным потом.

Кронал вновь воззвал ко Тьме, где обернулся Чёрной дырой с большой буквы. Он исследовал бездну метафизического мрака, которым стал, и нашёл её безупречной. Идеальной. Последнее и решающее слово, заявленное самой Великой Тьмой.

Этот мальчишка, этот инфантильный джедай решил, будто его скудного света хватит, чтобы противостоять такой мощи? Чёрная дыра-Кронал поглощала каждый просвет, и Скайуокер испарился навсегда. Его ребяческая уловка, выполненная при помощи Силы, ни в малейшей степени не повредила Владыке теней.

Потому что я и не пытаюсь что-то с тобой сотворить. Я пытаюсь повернуть нечто через тебя.

Что?

Как Скайуокер ещё мог говорить?

Медленно подползавший страх принялся потихоньку вытеснять самодовольство, которым лучился Кронал. Что, если Скайуокер сказал правду? Что если мальчишку оказалось так легко одолеть лишь потому, что тот сам позволил? Ведь Скайуокер уже прибегнул к ничтожному дару Силы, чтобы установить контакт с Кроналом через Вэстора... Что если свет, принесённый

ждедем, не удалось уничтожить даже затягиванием одного в чёрную дыру, воплощаемую Кроналом?

Что если частицы света попросту просеялись сквозь чёрную дыру?

Вот почему вы, приверженцы Тёмной стороны, всегда обо что-то спотыкаетесь. Что у нас противоположно чёрной дыре?

Кронал и раньше слышал эту космологическую теорию, согласно которой материя, падавшая в чёрную дыру, переходила через червоточину в иную вселенную... равно как и вещество, засасываемое чёрными дырами других вселенных, могло появляться посреди их со Скайуокером вселенной, куда оно вырывалось потоком необузданной и трансцендентной энергии.

Антиподом чёрной дыры являлась так называемая белая дыра или, правильнее сказать, белый фонтан.

«Меня обвели вокруг пальца», подумал Кронал.

Ситхская алхимия, позволившая сконструировать Сумеречную корону, наделила устройство способностью контролировать вещество плавлеит во всех его формах. Попытавшись утопить Скайуокера в омуте Великой Тьмы, Кронал открыл ему доступ к Короне. Чтобы тот сам контролировал плевлеит через Корону.

Завладев Сумеречной короной, Скайуокер получил возможность пролить свет на каждый заполненный тьмой кристалл.

Что означало и каждого штурмовика. Каждую гравитационную установку. Каждый миллиметр сотканной из теней паутины кристаллических нервов в теле Скайуокера, Вэстора и... и Кронала!

Издав вопль, Кронал вернулся в собственное тело, где ему требовалась лишь секунда, чтобы скинуть Корону с головы.

Или потребовалась бы, заставь он свои конечности пошевелиться...

В мерцающем сиянии экранов капсулы жизнеобеспечения Кроналу оставалось разве что замереть и с ужасом наблюдать, как по коже начинает течь чёрная маслянистая жидкость. Субстанция выходила из каждой поры – ушей, носа, рта и глаз. Чёрная масса стекала даже изнутри Сумеречной короны.

И стоило последней капле выйти из тела Кронала, как тот обнаружил, что не может даже вздохнуть.

У него и не оставалось времени больше, чем на один лишний вздох, поскольку расплавленная масса вновь затвердела, полностью заключив Кронала внутри каменного саркофага. Затем астероид, вмещавший капсулу, стал плавиться, распадаться на части, и те осколки, которые оказывались за пределами зоны действия гипердвигателя, исчезали в неизвестном направлении. Очень скоро исчез и сам гипердвигатель, так как был закреплён на камне, а не на капсуле.

Сама же камера Кронала, покинувшая защитное поле гипердвигателя, попросту растворилась.

Теперь в распоряжении Кронала появилось достаточно времени, чтобы осознать происходящее. У него появилось достаточно времени, чтобы почувствовать, как его тело теряет физическую целостность. У него появилась просто уйма времени, чтобы чувствовать, как его атомы утрачивают связь с реальностью и исчезают в бесконечной пустоте гиперпространства.

Под жвалами «Сокола» Хан присел на краешек полиплёночного спасательного одеяла и, обняв колени, принялся ожидать восхода солнца. Лея лежала на одеяле рядом и больше не билась в конвульсиях, а дышала ровно и свободно. Девушка выглядела так, будто впала в спячку.

И Хан решил, что не должен её будить.

Единственным словом, которая Лея смогла произнести, было «свет». Она продолжала просить света и тогда, когда все лампы, светильники и прочие источники света на борту «Сокола» уже были настроены на максимум. Как знать, наверное, Лея имела в виду свет какого-то иного рода.

В любом случае, когда Хан получил от Лэндо неутешительные известия, он подумал, что лучше в такой ситуации дать Лее то, чего она просит. Всё равно их ждёт всеобщая гибель. Из этой западни не выбраться. Выбор свёлся до простейшего: или умереть от уничтожения Миндора, или зажариться заживо на солнечных вспышках Таспана.

Поэтому Хан приземлился на поверхности Миндора, поставив «Сокол» прямо на покрывшемся трещинами поле сражения, расстелил одеяло и устроил Лею как можно удобнее. Чубакка по соображениям приличия остался в кабине, наблюдая за людьми через транспаристаль. Вуки понимал, что в такие моменты уединение ценимо как никогда.

Хан оставался рядом с Леей, пока её припадок не сошёл на нет. Оставался рядом, когда девушка покрылась чёрными сгустками плавлеита, который стекал с неё на одеяло. Оставался рядом в то время, как землетрясение только усиливалось, а смертоносное солнце готовилось взойти над горизонтом.

Он останется с ней и тогда, когда планета, наконец, взорвётся.

Какая горькая ирония судьбы. Лея так сильно страдала от того, что ей пришлось наблюдать за гибелью родного мира. А теперь она сама погибнет такой же жестокой смертью, как и её семья, как весь её народ.

«Вот почему, – мелькнула мысль, – её лучше не будить».

Но как всегда некстати у Силы вновь проявилось это премерзкое чувство юмора. Зашевелилась Лея, и её веки принялись подрагивать.

– Хан?.. – первым делом позвала девушка.

– Я здесь, Лея. – Он ощущал, как ещё немного – и сердце разорвётся. – Я тут, рядом.

Её ладонь нащупала его руку.

– Так темно...

– Верно, – согласился Хан. – Хотя солнце вот-вот встанет.

– Нет... не здесь. А там, где я побывала. – Она глубоко вдохнула и медленно-медленно выдохнула. – Было так темно, Хан. Такая густая и долгая темень, что я даже не могла вспомнить себя. Я ничего не могла вспомнить.

Её глаза открылись, и их взгляды пересеклись.

– Кроме тебя.

Хан сглотнул комок, вставший поперёк горла, и легонько сжал её ладонь. Он не мог издать ни звука.

– Как будто... как будто ты был со мной, – продолжала тем временем Лея. – Ты был всем, что у меня оставалось... и больше мне ничего и не требовалось.

– Теперь-то я точно с тобой. – Голос Хана был хриплым, нетвёрдым. – Мы вместе. И всегда будем вместе.

– Хан... – Лея резко села и провела рукой по глазам. – У тебя найдётся что-нибудь поесть?

– Что? – переспросил Хан.

– Я голодна. Есть какая-нибудь еда?

Хан озадаченно покачал головой. Он кивнул на мертвых штурмовиков, усеявших поле.

– Кроме имперских пайков ничего нет. А они, скорее всего, просрочены.

– Мне всё равно.

– Ты серьёзно?

Принцесса пожала плечами и одарила его улыбкой, от которой даже здесь, даже сейчас, за считанные минуты до гибели, сердце Хана забилось быстрее, а дыхание перехватило.

– Давай устроим пикник, – предложила Лея. – Устроим пикник и понаблюдаем за рассветом. В последний раз.

– Ага, – только и мог отреагировать Хан. – Звучит неплохо.

Он раздобыл несколько пайков с убитых имперцев и они сели перед зарёй, молча уплетая пищу плечом к плечу, а горизонт тем временем охватил пламя, будто загорелась сама планета.

– Что ж, одно можно сказать точно. – Хан выдавил намёк на свою знаменитую кривоватую ухмылку. – Такое блюдо мы наверняка не забудем, пока ещё остаёмся в живых, а?

Лея улыбнулась, хотя в её глазах заблестели слёзы.

– Всегда такой шутник. Даже сейчас. Даже здесь.

Хан кивнул.

– Ну, знаешь, на пороге смерти мы только и делали, что предавались романтическим настроениям. Просто обстоятельства ничуть не менялись.

Земля под ними ощутимо содрогнулась, затем – снова и снова, и тогда Лея сказала:

– Я думаю, нам следует уважать традицию.

– Правда?

– Поцелуй меня, Хан. В последний раз. – Девушка поднесла ладонь к его щеке. Её прикосновение было тёплым, сухим и преисполненным любви. – За все поцелуи, которые мы больше никогда не разделим.

Хан заключил её в объятия и приблизил своё лицо к лицу Леи... как вдруг раздался громкий радостный рёв вуки, всё ещё сидевшего в кабине. Хан поднял голову и открыл глаза.

– Что? Чуи, ты уверен?

Чубакка красноречиво ударил по транспаристали и замахал обеими мохнатыми конечностями, отчаянно призывая вернуться в «Сокол». Хан, не теряя ни секунды, вскочил на ноги и поднял Лею на руках, будто та ничего не весила.

– Хан, – ахнула принцесса, – что случилось? Что он сказал?

– Ты вроде бы говорила о поцелуях, которые нам не суждено разделить? – Глаза Хана горели, пока ноги мчали его с Леей к грузовому лифту «Сокола». – Он сказал, что если мы поторопимся, то в конце концов разделим их все до единого!

* * *

Раз за разом Люк чувствовал, как внутри его вселенной меркли звёзды.

Будучи связанным через Кара с Кроналом, через Кронала – с Сумеречной короной, и через алхимическую начинку Короны – с разумом каждого плавильщика в галактике, спрятавшегося в каждом куске плавлеита, Люк Скайуокер озарял их светом Великой Силы. Лучи этого света притягивал их так же, как лунный свет привлекал призрачных мотыльков, и тогда плавильщики обнаружили, что неиссякаемый источник живительного тепла может заполнить их до предела. Им больше не придётся подпитываться чужим светом, в этом и вовсе никогда не имелось необходимости. Отныне и навсегда плавильщики будут сиять своим собственным светом.

И вскоре они, заточённые Тьмой, проявились отовсюду.

Люк ощущал их массовый исход.

Ощущал, как они покидают гравитационные станции. Как покидают Сумеречную корону, тело Кронала, Леи, Кара и – его собственное тело.

И он чувствовал имперских штурмовиков, тысячами распространившихся по системе. Люк чувствовал каждого, кто носил чёрные доспехи Кронала. Ему открылись дикая, неконтролируемая ярость, чудовищная кровожадность, неистовое боевое безумие, вызванное проросшими внутри их голов кристаллами. Он чувствовал ущерб, который был нанесён живым существам грубой и жестокой мощью инородного материала.

Он чувствовал, что в его силах повернуть вспять этот процесс.

Люк не отвёл восприятия. Он не отказывался от того, что узрел. Он считал себя в долгу перед этими несчастными. Пусть они могли быть врагами, и всё же в первую очередь они были живыми существами.

Никто из них не желал себе такой участи. Никто не вызывался на это добровольно. Никто даже не ведал о судьбе, которая их в итоге ждёт. Тот, кто сотворил с ними такое, начисто игнорировал гуманность и не имел ни малейшей капли сострадания. Люк не мог допустить, чтобы и наступившая развязка проходила в таком же ключе.

Поэтому он оставался с ними до тех пор, пока в них оставался плавлеит. Оставался, пока выходил из их тел сочившейся полужидкой массой. Оставался, когда окончательное высвобождение плавлеита не приводили к активации «смертоносного выключателя».

Люк оставался с ними до последнего, пока все штурмовики по всей системе одним махом не попадали на месте, охваченные предсмертной агонией.

Чтобы в итоге скончаться.

Люк чувствовал каждую смерть.

Это было всё, что он ещё мог для них сделать.

* * *

Когда Люк, наконец, вывел свой разум из измерения Великой Тьмы, то оказался посреди совершенно обыкновенного мрака. Казематы, которые когда-то выполняли функцию сортировочного центра, перестали освещаться мерцанием энергетических разрядов.

В этом мраке он всё ещё стоял на коленях, и из этого мрака до него донеслось долгое медленное рычание, воспроизводимое при помощи Силы в словах.

«Джедай Люк Скайуокер. Ты справился?»

В структуре Силы Люк почувствовал, как уменьшаются искусственные гравитационные тени, чтобы, исчезнув окончательно, дать возможность уцелевшим кораблям Новой Республики совершить прыжок за пределы системы. Он почувствовал финальный распад летающей базы и разрушение Миндора, который был добит излучением солнечных вспышек Таспана.

Всё закончилось. Теперь всё закончилось.

Больше никаких теней.

– Да, – ответил Люк. – Да, справился.

«Мы умрём здесь?»

– Я не знаю. Наверное.

«Как долго нам осталось?»

– Это мне тоже неизвестно. – Люк вздохнул. – Я запечатал камеру, когда вошёл, так что у нас ещё будет воздух. Немного. Но я не знаю, какой толщины теперь камень вокруг нас, ведь гора раскололась. Я не знаю, какую дозу радиации он сможет блокировать. Нас может поджарить уже сейчас.

«И никто не явится за нами».

– Корабли не смогут защитить их. Только не от такого излучения.

«Значит, наши жизни закончатся здесь».

– Наверное.

«Мне не нравится это место. Я не помню, как попал сюда, но знаю, что это произошло не по моей воле».

– И не по моей.

«Плохое место для смерти».

– Да.

«Будь моя воля, я бы не умер рядом с джедаем».

– Мне очень жаль, – сказал Люк, который говорил совершенно серьёзно.

«Я знал джедаев. Много-много лет назад. Это знание не принесло мне радости. Я считал, что больше не узнаю других джедаев, и радовался этой своей вере. Но теперь я рад тому, что ошибался».

«Я счастлив познакомиться с тобой, джедай Люк Скайуокер. Ты лучше, чем когда-то были они».

– Это... – Люк, хлопая глазами и не веря услышанному, покачал головой в темноте. – Спасибо, конечно, но мои знания и умения настолько ничтожны...

«Но у тебя есть вера. И я повторяю: ты лучше, чем джедаи прежних дней».

Люку оставалось только нахмуриться и покачать головой.

– И что заставляет тебя говорить такое?

«Потому что в отличие от рыцарей прошлого, джедай Люк Скайуокер...»

«Ты не боишься тьмы».

* * *

R2-D2 цеплялся за поверхность карликового астероида, медленно, но верно двигавшегося по спирали к звёздной сфере Таспан.

Астероид имел полусферическую форму, его диаметр был примерно вдвое меньше, чем у «Тысячелетнего сокола», и он еле-еле вращался вокруг своей оси, хотя именно такая скорость подходила маленькому астромеханику, который тащил себя по неосвещённой стороне астероида, хватаясь за камень конечностями-манипуляторами. Таким образом, Р2-Д2 придерживал астероид между собой и губительным излучением солнечных вспышек, что могли сжечь его схемы меньше чем за секунду.

Кроме того, Ар-два провёл расчёт, согласно которым он мог поддерживать работоспособность ещё целых семь стандартных часов двадцать минут, после чего его астероид войдёт в гущу других астероидов, и отражённое от них жестокое излучение дойдёт до тёмной стороны убежища Ар-два, чтобы с вероятностью 89,756 процентов астеромеханика настиг неожиданный катастрофический сбой системы.

Необратимая дезактивация.

Если он по какой-то случайности переживёт прохождение астероида, тогда (как гласили 83,973 процента вероятности) Ар-два просуществует дополнительные два стандартных часа двадцать минут.

Его огорчала не сама перспектива отключения. Он очутился в космосе по собственному желанию, предварительно потратив несколько секунд на вычисление вероятности выживания и затем перезагрузив систему мусоросброса «Сокола», чтобы вылететь в вакуум за секунду до того, как корабль покинул уничтожавшуюся базу-вулкан. Шанс *выжить* был настолько крошечным, что Ар-два будто бросал вызов самому определению термина «вероятность». С тем же успехом гипотетический квантовый фазовый переход мог бы превратить его в лофкварианского альбатроса.

Однако сама принцесса Лея неоднократно предписывала Р2-Д2 – весьма твёрдо и недвусмысленно – заботиться о Люке Скайуокере. Так что соображения личной работоспособности никоим образом не превалировали перед поставленной ему задачи.

Ар-два не думал о себе. И всё же хотя бы раз в минуту или около того маленький астромеханик тратил миллисекунду-другую на то, чтобы заглянуть в личное хранилище данных, где содержалось весьма и весьма внушительное количество записей приключений с единственным дроидом, которого Ар-два за всё долгое время существования мог без преувеличения назвать другом: Си-3ПО. Он не ожидал, что будет скучать по Трипию, он не ожидал, что будет вообще скучать по кому-либо, не говоря уже о самом факте тоски. Однако Ар-два действительно испытывал своеобразное ощущение в подпрограммах социального взаимодействия всякий раз, когда просматривал эти конкретные записи. Это открытие имело как положительный, так и отрицательный оттенок, и, к великому недоумению Ар-два, не измерялось количественно-цифровым методом.

После долгих вычислений он предположил следующее: скорее всего, он испытывает сожаление от того, что больше никогда не увидит своего друга, и одновременно – утешение, поскольку приятель-дроид останется в полной безопасности, по крайней мере, в ближайшем будущем.

По какой-то причине это помогло Ар-два сосредоточиться на текущей задаче.

Когда «Тысячелетний сокол» улетел к Миндору без Люка, Ар-два точно знал, что ему нужно сделать, и приступил к выполнению плана. Выпущенный в космос системой мусоросброса, он настроил весь массив датчиков, чтобы зарегистрировать персональную химическую сигнатуру Люка – а именно, запах – и отслеживать его продвижение по недрам вулканической базы вплоть до того момента, когда след Люка оборвался у каменной стены. Не имея инструкций или

программ, которые предложили бы полезные альтернативные варианты действий, Ар-два перешёл к ожиданию.

Он ждал, пока гравитационные станции-установки в системе не прекратили работу, а флот не провёл эвакуацию в гиперпространство. Он ждал, пока разваливалась вулканическая база и взрывалась планета. Он ждал и потом.

Ар-два был полностью – на все сто процентов – уверен, что Люк находится за противоположной стороной этой каменной стены, которая теперь стала частью поверхности карликового астероида-укрытия.

Люк находился внутри этих скалистых чертогов, и, хотя его собственные шансы на выживание были немногим выше, чем у Ар-два (то есть нулевыми, если выражаться языком математики), астромеханик продолжал карабкаться по неосвещённой стороне астероида, сохраняя работоспособность до тех пор, пока ещё находился в строю, потому что оставался ещё крошечный, почти неизмеримый шанс, что Р2-Д2 ещё мог чем-то помочь.

Его внимание привлекло странное движение посреди звёздного покрова. Один конкретный астероид, один яркий сгусток излучения, отражённого от Таспана, перемещался так, будто скорее пересекал плоскость эклиптики системы, чем двигался вдоль неё, как и полагалось. Более того, этот астероид перемещался по курсу, противоположному общему направлению вращения поля других астероидов. Наконец, светлая точка двигалась не с постоянной скоростью, которую следовало ожидать от космического тела, подверженного исключительно законам орбитальной механики. Напротив, астероид периодически то ускорялся, то замедлялся.

У этого феномена имелось только одно правдоподобное объяснение.

Когда Ар-два активировал функцию увеличения кратности своего оптического датчика, его догадка подтвердилась: объект действительно оказался кораблём.

Если говорить конкретнее, увиденное соответствовало характеристикам шаттла Т-4а «Лямбда».

Р2-Д2 открыл порт связи на куполе и выдвинул параболическую антенну. Рассчитав задержку с учётом скорости света, дроид направил прибор туда, где в назначенный момент ожидалось появление шаттла, после чего со всеми доступными ему энергоресурсами начал передавать код аварийного радиомаяка. Установив контакт с мозгом шаттла, Ар-два смог разъяснить ситуацию в подробностях, и в результате ему оставалось только верить, что корабль передаст пилоту все необходимые факты.

Вектор шаттла с отрядной быстротой сменился курсом на перехват астероида. Корабль замедлился у освещённой стороны астероида, вытянул стыковочный рукав, чтобы, схватив астероида, притянуть его к себе как можно ближе и поместить в зону защитного поля гипердвигателя. Затем шаттл перешёл на скорость света, прыгнув в гиперпространство.

Пока длился прыжок, Р2-Д2 провёл собственные вычисления, и они были безупречными.

Помыслы злого, пусть и гениального человека оказались сорваны. Люк выживет, принцесса Лея и Хан Соло смогли сбежать, а сам Р2-Д2 в меру возможностей проведённой на всякий случай самодиагностики сделал вывод, что не произошло никакого квантового фазового перехода и он не превратился в локсварианского альбатроса.

Шансы подобного исхода буквально не поддавались прогнозам.

Ар-два решил, что вселенная – удивительное место.

ДЕБРИФИНГ

Джептан провёл пальцем под воротником униформы и поморщился, обнаружив пот. В самом деле, в покоях Скайуокера было неприятно жарко. Однако Джептан продолжал расхаживать туда-сюда по гостиной, несмотря на тот неоспоримый факт, что именно такие движения вынудили его вспотеть ещё сильнее. Он мерил комнату шагами по той причине, что сидеть оказалось просто невыносимо.

Как так получилось, что его охватила такая нервная дрожь? Чтобы в таком возрасте видавшего виды и повидавшего всякое солидного мужчину одолело чувство сродни авторскому тщеславию?

Джептан был совершенно ошеломлён доселе незнакомым чувством, которое побуждало его жаждать положительной реакции Скайуокера на написанную им историю. Он отчаянно желал, чтобы тому понравилась эта эпопея.

Выражение лица Скайуокера, когда молодой джедай вернулся в гостиную, недвусмысленно намекало на то, что, как и во многих других вещах, Джептана ждало разочарование.

Скайуокер был так раздражён, что практически швырнул в него голопланшет.

– Что это за... ересь?

– Э-э-э... – Джептан опустился на кушетку, медленно вздыхая. – Выходит, вам такое не по вкусу.

– Не по вкусу? Не по вкусу? – Скайуокер даже покраснел, а на его лбу выступили вены, ярко демонстрируя усилия, которые джедай прикладывал для того, чтобы контролировать рвавшийся наружу осязаемый гнев. – Это просто ужас какой-то. Это самое худшее, что я когда-либо читал!

– Ах вот так. – Джептан наклонился и неторопливым, полным грусти движением забрал голопланшет. – Ну что ж. Мне жаль, что вы не проявили к этому интереса. Тогда я, знаете ли, ухожу.

– Никуда вы не уйдёте. – Хотя Скайуокер не отличался ростом, он, казалось, возвышался над Джептаном. – Я нанял вас для расследования. Нанял, чтобы вы написали отчёт. Обвинительное заключение, необходимое для вердикта. А вместо этого вы принесли мне это? Да здесь как будто написан сценарий для фильма вроде тех проклятых голотриллеров!

– Ну... да, – подтвердил Джептан. – И на то есть причины.

Скайуокер замер на месте.

– Что?

– Я, знаете ли... – Джептан кашлянул. – Я уже продал права на голофильм.

Скайуокер опустился на стул. Гневная краска сошла сего щёк.

– Ушам своим не верю.

Первоначальное разочарование Джептана уже исчезло, но он не чувствовал никакого стыда, пришедшего на смену – такие вещи, как стыд, ему ампутировала сама природа.

– Разве мы не достигли взаимопонимания? Как вы думаете, зачем я вообще откликнулся на вашу просьбу?

– За деньги, – не задумываясь, ответил, как сплюнул, Скайуокер. – Но плачу я вам не за это.

– Делайте, как считаете нужным. А компания по производству голотриллеров заплатила мне в десятки раз больше вас, и это только отчисления за права. В конечном итоге меня ждут ещё

и бонусы. Продюсерам так понравился текст, что они заказали следующие две части «Приключений Люка Скайуокера».

– Следующие две?.. Пожалуйста, скажите, что пошутили.

– Мне, как известно, не чуждо чувство юмора, – сказал Джептан, – но оно почти пропадает, когда речь заходит о бизнесе, и не проявляется совсем, когда на кону большие деньги.

– Вы всё спланировали, – упрекнул его Скайуокер. – Вы с самого начала хотели всё устроить именно так.

– О да. Да, конечно.

Гнев Скайуокера улетучился. Теперь он выглядел усталым. Очень усталым и намного старше своих лет.

– Вы вообще потрудились провести расследование?

– Безусловно, – ответил Джептан. – Правдоподобность важна как никогда. Я готов поручиться за каждое слово.

– Правдоподобность? Я не побеждал Кара Вэстора в открытом поединке – я даже толком не сражался с ним. Если не считать одного укуса, он был напуган и сбит с толку, а затем попросту убежал. Я не отрубал ему рук световым мечом, и я даже не знаю, что такое «виброщит».

– Я позволил себе некоторую отсебятину, – признался Джептан. – Назовём это художественными вольностями.

– Это... это просто... – Скайуокер беспомощно покачал головой, и на мгновение Джептан испугался, что его собеседник вот-вот заплачет. – Вы сделали из меня какого-то героя.

Последнее слово было произнесено с отвращением.

– А вы и есть герой, генерал. По крайней мере, именно здесь вы можете мне поверить на слово. За всю свою жизнь я видел ровно четверых настоящих героев, и один из них – вы.

– Не зовите меня генералом.

– Прошу прощения?

– Я подал в отставку. Я больше не солдат. Теперь уже точно.

– О. Тогда что же вы собой представляете?

Скайуокер прикрыл глаза.

– Все жертвы произошедшего... это я убил их. Убил их всех.

– У вас не было выбора.

– Выбор есть всегда.

– Ну, раз так, – продолжал Джептан, – вы сделали верный выбор. Вот о чём наша история. Вы не понимаете? Теперь вы больше, чем просто человек. Вы – символ всего хорошего, что ещё можно отыскать в галактике. Разве вы не понимаете, какую пользу в этой ужасной гражданской войне принесёт ваш образ? Вы даёте другим надежду. Своим примером вы вдохновляете их, демонстрируете пример, которому они будут следовать. Просто существуя на этом свете, вы пробуждаете в других желание быть лучше, чем они есть на самом деле.

– Но это – не про меня. Это – про какого-то придуманного парня, которому присвоили моё имя. Герой фильмов. Сказочный принц.

– Вам виднее.

Скайуокер закрыл лицо руками и долгое время сидел молча, неподвижно. Наконец он проговорил:

– Ты ничего не написал о моём прощании с Ником.

– Нет. Слишком скучно. История должна закончиться красивыми, изящными штрихами. Мне понравился твой маленький дроид-астромеханик. Думаю, что финальным штрихом станет он.

– Знаете, в том шаттле, после того, как я попросил Ника подыскать следователя, и он рассказал мне о вас как раз, а потом улетел вместе с Эоной... Ник напомнил, что я так и не раскрыл свой «лучший трюк». Знаете, что я ему сказал? Я сказал, что он уже увидел всё своими глазами.

Скайуокер оторвал от лица ладони, и его глаза потемнели. Словно ему причинили боль. Словно на него охотились призрачные тени.

– Мой лучший трюк – совершить один маленький жест, даже просто сделать выбор – и убить этим тысячи. Тысячи.

Джептан кивнул, с трудом понимая. На это ушло лишь мгновение, после чего он сказал:

– Один из упомянутых мной героев иногда любил говаривать «Джедаи не солдаты. Мы – хранители мира».

– Хранители мира, – повторил Скайуокер. – Да. Да, мне это нравится. Думаю, это будет правильным. Мы – свет во тьме.

– Художественная метафора.

– Я не удивлён, что вам она нравится, именно вы поведали про «хранителей». Но мне кажется... мне кажется, что здесь кроется не просто метафора. По-моему, это – чистая правда.

– И моя задача, – подхватил Джептан, – сделать так, чтобы этот свет озарил всю галактику. Сдаётся мне, вы сменили гнев на милость.

– И мне сдаётся. – Люк сделал глубокий вдох, словно собираясь с силами. – Может, вы и правы. Но сколько вреда принесут ваши труды?

– Ну... – Джептан заёрзал на кушетке. У него возникло неприятное чувство, которое свидетельствовало о том, что он собирался сделать ненавистную вещь: сказать правду.

Казалось, нечто в самом Скайуокере вызывало это чувство.

– Пусть ваши продюсеры рассказывают свои истории, – дал добро Скайуокер. – Пусть делают голотриллеры и сопутствующую продукцию. Пусть будет так, ничего страшного. Ни одна из историй, которые рассказывают обо мне, не смогут изменить того, кем я являюсь на самом деле.

– Да, – тяжело вздохнул Джептан. – Но они могут изменить мнение других о вас. И это, мой юный друг, может причинить значительный ущерб. Только посмотри, что наделал «Люк Скайуокер и месть джедая».

Люк задумчиво кивнул.

– Полагаю... полагаю, если про меня и дальше собираются рассказывать истории, я должен убедиться, что эти истории хотя бы соответствуют истине.

– На мои истории ты... вы, во всяком случае, не пожалуетесь. Главное – не доверяйте прессе.

– За это не беспокойтесь, – заверил Джептана Люк. – Читать я всё равно не люблю, да и голотриллеры меня всегда утомляли. Но есть пара изменений, которые вам придётся сделать.

– Я? Моим продюсерам нравится как есть.

– И если я лично навещу их, чтобы обсудить их позицию, им тоже придётся её пересмотреть. Как знать, может быть, они вообще передумают что-то там снимать.

– Да бросьте. После всех уже вложенных ими денег?

– Я могу быть, – мягко проговорил Люк, – невероятно настойчивым.

– Полагаю, можете, – вздохнул, сдаваясь, Джептан. – Очень хорошо. Какого рода изменения нужно внести?

– Вы сделали так, будто гибель штурмовиков выглядела чуть ли не как несчастный случай. Как будто мне было неизвестно, что это произойдёт. Но на самом деле мне было ведомо. Я знал, что делаю. Ваша история должна рассказать об этом.

– Хорошо...

– Дуэль, со световым мечом против виброшита? Этому тоже не бывать. Это просто глупость какая-то. Кроме того, кому захочется смотреть, как я кромсаю очередного злодея световым мечом? Вам не кажется, что эта банальщина уже приелась?

– Допустим, – сказал Джептан, – здесь мы подбавим немножко правды.

– А ещё эта Эона Кантор. Она не мой любовный интерес, она – девушка Ника, и на этом всё. В любом случае, она – не мой тип женщин. Слишком уж несносна. Да и вообще, мне не по нраву рыженькие.

– Приму к сведению. Кстати, а что случилось с Ником и Эоной? И Каром?

Люк пожал плечами.

– Ник считает, что Чёрная дыра ещё жив.

– Правда?

– Это он так сказал. Они с Каром решили, что у них ещё остались общие счёты, которые нужно свести. И если Чёрная дыра взаправду жив, Ник, Кар и Эона повиснут на его хвосте, вынуждая его постоянно оглядываться через плечо, чтобы у него оставалось мало времени сеять зло. А теперь вернёмся к вашему сценарию. Вы использовали здесь некоторые упрощения... не то, чтобы я был литературным критиком, но...

Джептан вздохнул и неохотно потянулся за голопадом. Он предвидел впереди долгий и нудный процесс.

«Переделывать что-либо, – решил он, – это просто хуже некуда».

Послесловие переводчика

Описанные ниже события, равно как и «Тени Миндора», относятся к художественным произведениям прежнего канона, известного как Расширенная Вселенная (ныне Легенды). Внимание незнакомым с РВ: лёгкие спойлеры.

Подав в отставку, Люк Скайуокер твёрдо вознамерится возродить Орден джедаев. Через шесть лет после Миндора ему удастся добиться своей цели, собрав в храме на Явине-4 первых учеников Нового Ордена (книжная трилогия «Академия джедаев»), чтобы затем, пройдя через очередные испытания тьмы, воспитать следующее поколение защитников мира (игры серии «Jedi Knight», книжная серия «Новый Орден джедаев»). Также Люку Скайуокеру предстоит пересмотреть в лучшую сторону своё отношение к такому типу женщин, как «рыженькие» (книжная дилогия «Рука Трауна», серия комиксов «Союз»).

Новые приключения ждут и Хана с Леей. В отличие от Люка, Соло вернётся к должности генерала, с ходу принявшись выслеживать других имперских военачальников (романы серии «X-wing» от Аарона Олстона). Лея, в свою очередь, обретёт должность министра иностранных дел. Этим двоим ещё предстоит испытать на прочность свои отношения, неизбежно связанные с будущим Новой Республики (роман «Выбор принцессы Леи»).

Чубакка продолжит оставаться верным напарником Хана и вторым пилотом «Сокола», в то время как Лэндо Калриссиан навсегда оставит военную службу. Приобретённый на Миндоре опыт позволит бизнесмену Калриссиану уже спустя четыре года развернуть горнодобывающий комплекс на другой

вулканической планете, заодно наладив производство особых кораблей, поглощающих губительное излучение солнца (книжная «Трилогия Трауна»).

Разбойную эскадрилью также ждут изменения. Через пять месяцев после миндорской мясорубки весь старый состав эскадрильи будет расформирован, хотя героические образы самих Проныр, как и в случае с Люком Скайуокером, будут эксплуатироваться Новой Республикой в целях пропаганды. Хобби и Дженсон станут лётными инструкторами. Тайко Селчу попадёт в имперский плен, из которого благополучно выберется, хотя это будет стоить ему доверия со стороны правительства. Самому Веджу Антиллему придётся целый год посещать дипломатические мероприятия, но в итоге Проныра-лидер получит приказ возродить Разбойную эскадрилью с новым составом, который сыграет решающую роль в освобождении Корусанта (романы Майкла Стэкпола серии «X-wing»).

Мандалор Фенн Шиса переживёт резню. Полтора десятка последующих лет он продолжит возглавлять Мандалорских защитников, пока его место не займёт достойный, по мнению Шисы, преемник – знаменитый Боба Фетт, который всё же выбрался из сарлакка (роман «Наследие Силы: Откровение»).

Что касается Кронала, он также выживет после битвы при Миндоре и попытается освоить другое тёмное искусство, позволявшее преобразовывать и контролировать механические части киборгов. Скрываясь под видом военачальника Перека, Кронал заведёт себе кибернетическое тело и задумает уничтожить как Осколок Империи, так и Новую Республику. Его планы вновь сорвёт Люк Скайуокер, который окончательно умиротворит Кронала-Перека (короткий комикс «Collapsing New Empires»).

Новая Республика же, одержав пиррову победу на Миндоре, как уже говорилось, заполучит свой Корусант. Однако война с Осколком Империи продлится ещё без малого пятнадцать лет. С трудом одолев блестящего имперского адмирала Трауна (книжная «Трилогия Трауна»), Новая Республика столкнётся с куда более могучей угрозой – возрождённым Императором Палпатином, который успешно применит собственную версию переселения разума, упомянутую в романе, и заявит о себе спустя пять лет спустя после битвы при Миндоре. Как и предсказывал Кронал, Люку Скайуокеру придётся преклонить колени перед Императором ради спасения всех, кого он защищал, чтобы пройти испытание Тёмной стороной (серия комиксов «Тёмная Империя»)

Судьбы Ника, Эоны и Кара Вэстора неизвестны.